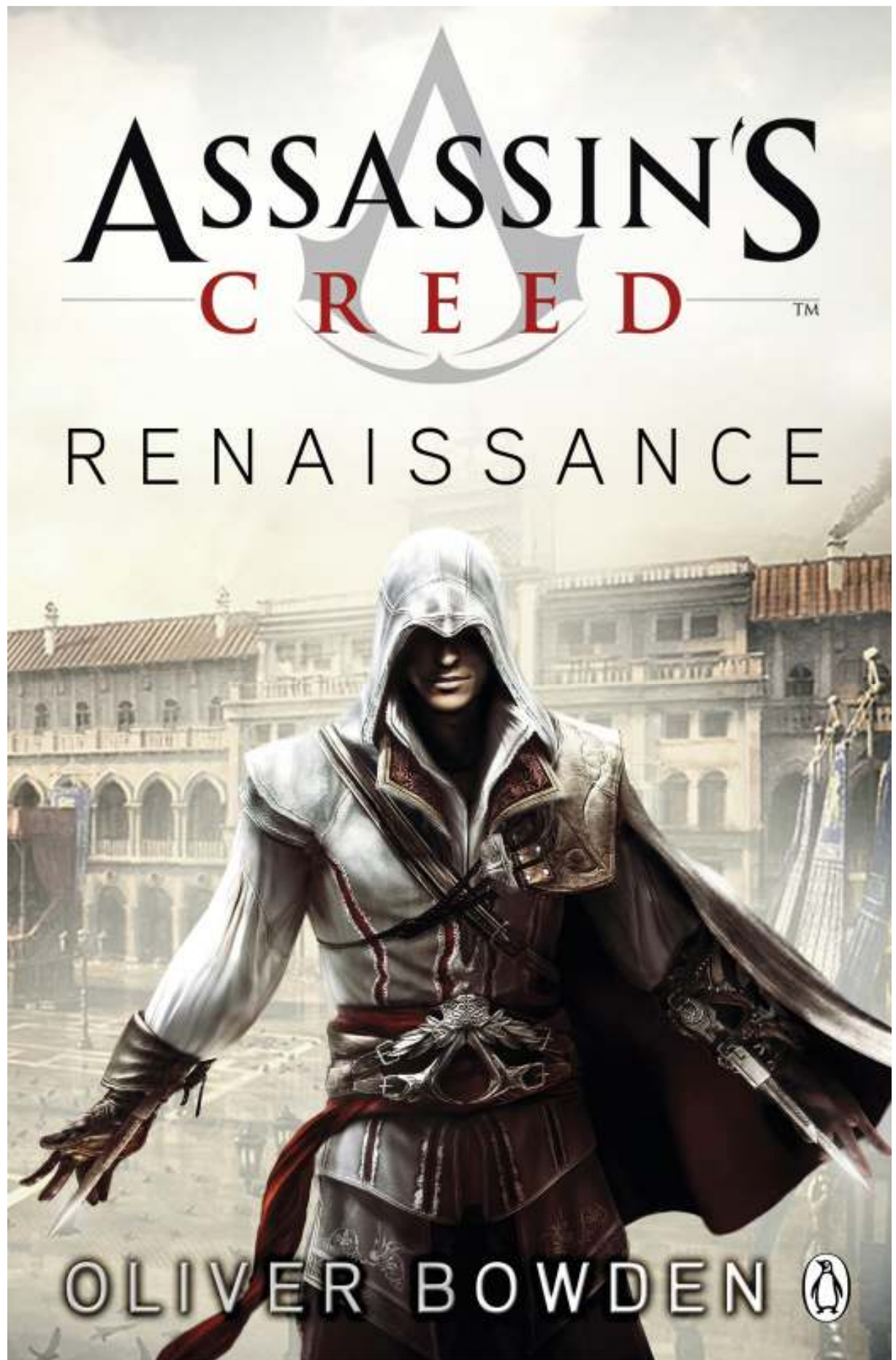

Assassin's Creed

Renaissance
OLIVER BOWDEN

PENGUIN BOOKS

Published by the Penguin Group
Penguin Books Ltd, 80 Strand, London WC2R 0RL, England
Penguin Group (USA) Inc., 375 Hudson Street, New York, New York 10014, USA
Penguin Group (Canada), 90 Eglinton Avenue East, Suite 700, Toronto, Ontario, Canada
MP4 2Y3
(a division of Pearson Penguin Canada Inc.)
Penguin Ireland, 25 St Stephen's Green, Dublin 2, Ireland (a division of Penguin Books Ltd)
Penguin Group (Australia), 250 Camberwell Road, Camberwell, Victoria 3124, Australia
(a division of Pearson Australia Group Pty Ltd)
Penguin Books India Pvt Ltd, 11 Community Centre, Panchsheel Park, New Delhi - 110 017,
India
Penguin Group (NZ), 67 Apollo Drive, Rosedale, North Shore 0632, New Zealand
(a division of Pearson New Zealand Ltd)
Penguin Books (South Africa) (Pty) Ltd, 24 Sturdee Avenue, Rosebank,
Johannesburg 2196, South Africa
AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU
Penguin Books Ltd, Registered Offices: 80 Strand, London WC2R 0RL, England
www.penguin.com
First published 2009

Copyright © Ubisoft Entertainment.
All Rights Reserved. Assassin's Creed, Ubisoft, Ubi.com and the Ubisoft logo are trademarks of
Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

'Sonnet of Lorenzo' translated by De' Lucci, Lorna, 1967 (1922). An Anthology of Italian Poems,
New York, Biblio and Tannen.

Every effort has been made to contact copyright holders. The publishers will be glad
to correct any errors or omissions in future editions.

Except in the United States of America, this book is sold subject
to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent,
re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's
prior consent in any form of binding or cover other than that in
which it is published and without a similar condition including this
condition being imposed on the subsequent purchaser

ISBN: 978-0-14-193753-3

Италия эпохи Ренессанса

КАРТА 1

КАРТА 2

*Пока я думал, что учусь жить,
я учился умирать.
Леонардо да Винчи*

-1-

Факелы мерцали и колебались высоко на башнях Палаццо Веккьо и Барджелло, и только несколько фонарей освещало площадь перед кафедральным собором. Также были освещены пристани по всей длине вала реки Арно, в которых, как и в любом городе, где большая часть горожан с наступлением ночи предпочитала ложиться спать в помещении, сквозь темноту проглядывались фигуры нескольких моряков и портовых грузчиков. Некоторые из моряков все еще крутились возле своих кораблей и лодок, подготавливали снасти и аккуратно складывали скрученные веревки на темные, шершавые доски, а грузчики торопливо отволакивали или перевозили груз для хранения на ближайшие склады.

Огни также мерцали у трактиров и публичных домов, но на улицах почти не было людей. Прошло уже семь лет с тех пор, как 20-летний Лоренцо Медичи был избран правителем города, принеся с собой хоть какое-то ощущение порядка и мира в серьезное соперничество между семьями лидирующих международных банкиров и купцов, которые и сделали Флоренцию одним из богатейших городов мира. Злоба эта никогда не переставала кипеть в городе, время от времени достигая точки кипения, и, как каждая группировка боролась за контроль, так и некоторые из них заключали альянсы, а некоторые оставались постоянными и непримиримыми врагами.

Во Флоренции, в год Господа нашего 1476, как раз стоял весенний, пропахший нежным жасминовым запахом вечер, когда вы бы смогли почти не замечать зловония из Арно, особенно если ветер дул с правой стороны. Впрочем, выходить на улицу после захода солнца было бы не самым разумным решением.

Луна восходила в темно-синем небе, правя над множеством сопровождающих ее звезд. Свет падал на площадь перед Понте Веккьо, на множество лавок, темных и молчаливых в такой час, вплотную прилегающих к северному валу реки. Свет также лился на фигуру, одетую в черное, застывшую на крыше Церкви Санто Стефано аль Понте. Юноша, семнадцати лет, высокий и горделивый. Осматривая лежащие внизу окрестности острым взглядом, он приложил ладонь к губам и свистнул, негромко, но резко. Отзываясь на призыв, сперва один, затем трое, потом дюжина, а после и двадцать человек, таких же молодых, как он сам, вышли на площадь из темноты улиц и арок. Большинство из них было закутано в черные одежды, некоторые в кроваво-красных, зеленых или голубых капюшонах или головных уборах, все с мечами и кинжалами на поясах. Банда опасных выглядящих юнцов развернулась веером, дерзкая и самоуверенная в своих действиях. Юноша посмотрел вниз на напряженные лица, бледные в лунном сиянии, пристально смотрящие на него. Он вскинул над головой кулак в дерзком приветствии. - Мы на одной стороне! - воскликнул он, и они тоже вскинули кулаки с зажатым в них оружием и, потрясая им, одобрительно поддержали: «На одной!» Юноша быстро спустился, подобно коту, вниз по незаконченному фасаду с крыши на портик церкви, спрыгнул, взметнув за спиной плащ, и припал к земле, прямо в центре собравшейся группы. Они обступили его, ожидая.

- Тише, друзья мои! - призвал он, подняв руку и останавливая их, потом мрачно улыбнулся. - Вам известно, зачем я позвал вас, своих преданных союзников, сюда в такой час? Чтобы просить вас о помощи. Слишком долго я молчал, пока наш общий враг, - вам известно, о ком я, о Вьери Пацци, - безнаказанно распространял по городу клевету о моей семье, смешивал имя Аудиторе с грязью и не оставлял жалких попыток унижить моих близких. Обычно я не опускаюсь до того, чтобы марать руки о шелудивого пса, но... Он не договорил, потому что большой, каленый камень прилетел со стороны моста и упал возле его ног.

- Прекрати нести чушь, глупец, - раздался голос.

Юноша и группа вокруг него, как один, обернулись на голос. Парень уже знал, кому он принадлежит. Другая группа под предводительством молодого человека пересекала мост с южной стороны. На их предводителе поверх темного бархатного костюма был роскошный красный плащ, удерживаемый пряжкой в виде герба - золотые дельфины и кресты на синем фоне, - ладонь его лежала на эфесе меча. Он считался красавцем, но впечатление портили поджатые губы и слабый подбородок, также он был полноват, что, впрочем, не сказывалось на силе его рук и ног.

- Добрый вечер, Вьери. - Невозмутимо ответил юноша. - Мы как раз разговаривали о тебе. - Он поклонился с преувеличенной учтивостью, хотя и выглядел удивленным. - Но ты должен простить меня, я не ожидал увидеть здесь тебя. Обычно Пацци действуют чужими руками.

Вьери двинулся вперед и остановился вместе со своими людьми на расстоянии в несколько ярдов до противников.

- Эцио Аудиторе! Ты избалованный щенок! Да твоя семейка прячется за спины охраны при первых же признаках неприятностей. Трус! - Он схватился за рукоять меча. - Боишься сам взяться за дело?

- Что тебе сказать, толстяк Вьери. В последнее время твоей сестре Виоле нравилось, как я за нее брался, - Эцио широко улыбнулся врагу, с удовольствием слыша за спиной одобрительный смех своих союзников.

Но он понимал, что зашел слишком далеко. Вьери покраснел от ярости. - Тебе это не под силу, ублюдок. Посмотрим, дерешься ли ты так же хорошо, как треплешься.

Он развернулся к стоящим у него за спиной людям и, подняв меч над головой, крикнул: - Бей ублюдков!

Еще один камень просвистел в воздухе, но на этот раз он был брошен прицельно. Он вскользь ударил Эцио по лбу, опарапав кожу до крови. Эцио мгновенно отшатнулся, когда град камней полетел в них, брошенный руками сторонников Вьери. Его собственным людям едва хватило времени, чтобы собраться вместе, пока банда Пацци не налетела на них. Борьба началась так стремительно, что уже не оставалось времени вытащить мечи и кинжалы, и две банды сцепились в рукопашную.

Бой был тяжелым и беспощадным - жестокие удары и пинки сопровождался характерным хрустом ломающихся костей. Эцио, которому кровь из рассеченного лба мешала нормально видеть, разглядел, как двое из его лучших людей оступились, упали, и были растоптаны убийцами Пацци. Вьери рассмеялся, совсем рядом с Эцио, и снова замахнулся, целясь последнему в голову, его рука сжимала тяжелый камень. Эцио упал на корточки, и удар прошел мимо, но расслабляться было рано - сторонникам Аудиторе приходилось хуже всего. Прежде чем Эцио сумел подняться, он успел вытащить кинжал и кинул, целясь в бедро крепко сложенного головореза Пацци, который оказался рядом с ним с обнаженными мечом и кинжалом в руках. Кинжал Эцио прорезал ткань и вошел в ногу, мужчина закричал от мучительной боли и отступил, бросив оружие и схватившись обеими руками за кровоточащую рану.

Эцио огляделся и увидел, что Пацци, окруженный союзниками, отеснил людей Эцио к одной из стен церкви. Чувствуя, что силы к нему возвращаются, Эцио побежал к своим. Увернувшись от скифского меча другого бандита, Эцио ударил его в покрытую щетиной челюсть и с удовлетворением заметил, как вылетели зубы, а нападающий упал на колени, оглушенный ударом. Он призвал своих людей поздравить его с этой победой, но, по правде говоря, мысли Эцио были сосредоточены на том, как отступить, сохранив при этом достоинство. И вдруг он услышал хорошо знакомый веселый и звучный голос, перекрывший шум битвы, окликнувший его из-за спин банды Пацци.

- Эй, братишка, какого черта ты тут творишь?

Сердце Эцио забило от радости, и он перевел дыхание.

- Федерико! Что ты здесь делаешь? Я думал, ты, как обычно, кутишь где-нибудь.

- Ерунда! Я знал, что ты что-то задумал, и решил посмотреть, сможет ли мой братишка постоять за себя. Но, как вижу, тебе еще понадобится урок или два! Федерико Аудиторе, на несколько лет старше Эцио, был старшим сыном Аудиторе. Это был крупный человек с большими аппетитами во всем - в еде, в любви и в драке. Он набросился и столкнул лбами двух Пацци, ударил в челюсть третьего, и, раздавая удары направо и налево, встал спиной к спине с братом. Федерико казался островком спокойствия среди царящего вокруг насилия. Собравшиеся вокруг члены его группы удвоили их успех. Наемники Пацци терпели поражение. Несколько работников верфи собрались в стороне, на безопасном расстоянии наблюдая за дракой. В неверном свете Пацци принял их за сторонников Аудиторе. Именно это, а также зубы, выбитые стремительными ударами рычащего в пылу драки Федерико, заставили Пацци запаниковать.

Яростный голос Вьери Пацци взмыл над толпой.

- Отступаем! - крикнул он своим людям, его голос дрожал от напряжения и злости. Он столкнулся взглядом с Эцио и невнятно прорычал что-то угрожающее, прежде чем скрыться в темноте, на другой стороне моста Веккьо. Пацци увел за собой тех из своих людей, кто еще мог идти, их преследовали разгоряченные победой сторонники Эцио. Эцио кинулся следом, но тяжелая рука брата удержала его.

- Минутку, - произнес он.

- О чем ты говоришь? Мы должны их догнать!

- Успокойся. - Федерико нахмурился, осторожно прикасаясь к ране на лбу Эцио.

- Это просто царапина.

- Как бы не так, - решил брат с серьезным выражением на лице. - Лучше пойдем к доктору.

Эцио сплюнул.

- Я не собираюсь тратить время на докторов. Кроме того... - Он помедлил. - У меня нет денег.

- Ха! Спустил все на вино и женщин? - Федерико усмехнулся и дружески похлопал младшего брата по плечу.

- Не спустил, а потратил с пользой. К тому же посмотри, какой пример ты подаешь мне, - усмехнулся Эцио, но тут же запнулся. Он внезапно осознал, в какой опасности был недавно. - Не волнуйся, рана почти не болит. Уверен, ты не одолжишь мне пару флоринов?

Федерико похлопал по кошельку. Внутри ничего не звякнуло.

- Увы. Я сейчас малость на мели.

Скромность брата заставила Эцио рассмеяться.

- А на что спустил их ты? На милостыню и отпущение грехов? Федерико рассмеялся.

- Хорошо. Я понял, о чем ты.

Он оглянулся. Только трое или четверо из их людей было серьезно ранено и осталось на поле боя, и сейчас они со стоном поднимались, но лица у них были радостными. Схватка была жестокой, но обошлось без переломов. На другой стороне валялась добрая полдюжина сторонников Пацци, не представляющих интереса, и один или двое довольно хорошо одетых.

- Думаю, наши поверженные враги не откажутся поделиться с нами нажитым, - подсказал Федерико. - Тем более нам эти деньги нужнее, чем им. Спорим, ты не сможешь обобрать их, пока они не очнулись.

- Посмотрим, - отозвался Эцио, и с воодушевлением принялся за дело. Прошло всего несколько минут, и он обзавелся достаточным количеством золотых монет, найденных в кошельках обоих врагов. Эцио победно посмотрел на брата и демонстративно звякнул монетами.

- Достаточно, - скомандовал Федерико. - Оставь им мелочь, чтоб смогли добраться до дома. В конце концов, мы не воры, это военная добыча. И мне по-прежнему не нравится твоя рана. Давай поспешим...

Эцио кивнул и впервые за долгое время оглядел поле боя, где Аудиторе одержали победу. Потеряв терпение, Федерико опустил руку на плечо младшего брата. - Пошли, - сказал он и двинулся вперед с такой скоростью, что только когда изнуренный дракой Эцио опомнился, бросился вдогонку и свернул не на ту улочку, Федерико остановился, вернулся обратно и отыскал брата.

- Извини, Эцио, но мы должны добраться до лекаря как можно скорее. И, хотя идти было не далеко, Эцио вымотался за минуту. В конце концов, они вошли в сумрачную комнату, уставленную непонятными инструментами и фиалами из латуни и стекла, длинными дубовыми столами и подвешенными под самым потолком пучками сухих трав, где их семейный доктор принимал больных. Эцио к тому времени едва держался на ногах.

Доктор Череса не был в восторге оттого, что его подняли среди ночи, но его недовольство быстро сменилось беспокойством. Он как можно скорее зажег свечу и осмотрел рану Эцио вблизи.

- Хмм, - серьезно изрек он, - В этот раз вам удалось превзойти себя, юноша. Неужели люди не могут придумать ничего лучшего, кроме как избивать друг друга?

- Это был вопрос чести, уважаемый доктор, - перебил Федерико.

- Ясно, - невозмутимо отозвался доктор.

- Ничего, пустяки, - слабо поддержал Эцио, хотя был на грани обморока.

Федерико, как обычно скрывая озабоченность за шутками, добавил:

- Сделайте все, что можете, друг мой. Симпатичная мордашка - все, что у него есть.

- Да пошел ты! - Эцио отмахнулся от пальца брата.

Доктор, не обращая на них внимания, вымыл руки, осторожно ощупал рану и смочил кусок ткани жидкостью из одной из множества бутылочек. Он так быстро приложил ткань к ране, что от резкой боли Эцио едва не подскочил на стуле, лицо его исказилось в страдальческой гримасе. Потом, убедившись, что рана чиста, доктор взял иглу со вдетой в нее нитью.

- А теперь, - предупредил доктор, - будет действительно больно. Когда швы были наложены, а рана забинтована, Эцио стал выглядеть как турок в тюбране, и доктор одобряюще улыбнулся.

- Это обойдется вам в три флорина. Я зайду к вам домой через несколько дней и сниму швы. Это будет стоить еще три флорина. Возможно, у тебя будет болеть голова, но это пройдет. И, хоть это и не в твоей натуре, постарайся хорошенько отдохнуть. И не беспокойся, рана выглядит хуже, чем есть на самом деле, и в этом есть плюс: шрам почти не будет замечен, так что в будущем женщинам не придется разочаровываться, глядя на тебя.

Когда они шли по улице, Федерико приобнял младшего брата за плечи, потом вытащил флягу и сунул Эцио.

- Не волнуйся, - быстро произнес он, заметив выражение на лице Эцио. - Это лучшая граппа нашего отца. Для человека в твоём состоянии это лучшее, что можно придумать. Они выпили, чувствуя как огненная жидкость согревает их.

- Почти ночь, - заметил Федерико.

- Действительно. Хотел бы я, чтобы они все были такими же веселыми, как... - Эцио не договорил, увидев широкую улыбку брата. - О чем это я? - И, рассмеявшись, поправил сам себя. - Они и так уже веселые.

- Даже слишком. Думаю, нам не повредит немного еды и выпивки, прежде чем мы отправимся домой, - сказал Федерико. - Конечно, уже поздно, но я знаю одну таверну неподалеку, которая не закрывается почти до рассвета и...

- И к тому же трактирщик - твой хороший друг.

- И как ты догадался?

Через час или два, после супа из свинины и бифштекса, запитого бутылкой Брунелло, Эцио почувствовал себя окончательно выздоровевшим. Он был молод, поэтому потраченные силы быстро возвращались к нему. И не последнюю роль в этом сыграла радость от победы над бандой Пацци.

- Пора домой, братишка, - напомнил Федерико. - Отец наверняка уже думает, где это мы задержались, к тому же он надеялся, что завтра ты поможешь ему в банке. К счастью для меня, я не разбираюсь в цифрах, и, я уверен, он ждет не дождется, когда я займусь политикой.

- Политика или цирк - выбор у тебя не велик.

- А что, есть разница?

Эцио знал, что Федерико не слишком переживает из-за того, что отец возлагает надежды на продолжение семейного дела не на него, старшего брата, а на Эцио. Федерико умер бы от скуки, если бы посвятил свою жизнь банковскому делу. Проблема была в том, что Эцио чувствовал примерно то же самое. Но день, когда он получит черный бархатный костюм и золотую цепь флорентийского банкира, был еще очень далек, и поэтому он беззаботно наслаждался днями свободы, хорошо понимая, что этих дней у него оставалось все меньше и меньше.

- Нам лучше поспешить, - сказал Федерико, - если не хотим, получить от отца строгий выговор.

- Отец просто волнуется.

- Нет, он знает, что мы в состоянии позаботиться о себе. - Федерико изучающе посмотрел на Эцио. - Но лучше действительно поспешить. - Он прервался. - Не хочешь рискнуть оставшимися деньгами? Может наперегонки?

- Куда?

- Посмотрим... - Федерико оглядел город, освещенный луной, и указал на башни неподалеку.

- До крыши церкви Санта Тринита. Это довольно близко от дома... Если, конечно, у тебя хватит сил. Только есть одно условие.

- Какое?

- Мы побежим не по улицам, а по крышам.

Эцио сделал глубокий вдох.

- Хорошо, договорились.

- Отлично, копуша. Вперед!

Больше ничего не добавив, Федерико сорвался с места и легко, словно ящерица, забрался по ближайшей заштукатуренной стене на крышу. Задержавшись на мгновение, он осмотрел ненадежную красную черепицу, усмехнулся и рванул дальше. К тому времени, когда Эцио забрался на крышу, брат опередил его на двадцать ярдов. Сердце Эцио быстро билось, в полной адреналина гонке боль была забыта. Потом он увидел Федерико, прыгающего куда-то в смолисто-черную пустоту, свет от фонарей снизу не достигал крыши серого палаццо, освещая лишь один из уровней башни, куда и прыгнул Федерико. Он немного пробежал и остановился, ожидая брата. Эцио на мгновение ощутил страх, когда прямо перед ним возникла пропасть между лавками торговцев тканями, но он знал, что скорее умрет, чем продемонстрирует брату свою неуверенность. Собравшись с духом, он совершил невероятный прыжок, практически взлетев в воздух. Тяжелые гранитные камни, освещенные лунным сиянием, остались далеко внизу. На долю секунды он удивился, что ему удалось всё верно рассчитать, когда серая стена палаццо буквально выросла перед ним. Но затем и она осталась внизу, а Эцио приземлился на соседнюю крышу, едва не поскользнувшись, но все-таки устояв на ногах. Он мысленно возликовал и попытался восстановить дыхание.

- Похоже, малышу еще учиться и учиться, - язвительно поддел Федерико, прежде чем снова бросился вперед, словно стремительная тень среди множества труб под ключьями

облаков. Эцио кинулся вдогонку, полностью растворившись в дикой гонке. Другие бездны пронеслись под ним, некоторые из них были всего лишь переулками, другие - широкими улицами. Федерико нигде не было видно. Внезапно перед ним появилась базилика Санта Тринита, возвышающаяся над покатой черепичной крышей церкви. Но стоило ему приблизиться, как Эцио вспомнил, что церковь находилась в центре площади, и расстояние между ее крышей и крышами находящихся вокруг зданий слишком велико для прыжка. Было два выхода - не колебаться и прыгнуть или сбросить скорость. Единственную надежду давало то, что крыша церкви находилась ниже, чем та, с которой он собирался прыгнуть. Если он не сумеет разогнаться из всех сил и, в полном смысле этого слова, броситься в воздух, сила притяжения сделает свое дело. Пару секунд ему придется лететь подобно птице. Эцио упорно гнал от себя любые мысли о возможном падении.

Край крыши стремительно приблизился, а за ним - пустота. Он кинулся в нее, слыша, как свистит в ушах ветер, на глазах выступили слезы. Церковная крыша казалась недостижимой, он просто не сможет долететь до нее, и никогда больше не засмеется, не кинется в драку, не обнимет женщину. Дыхание перехватило. Эцио закрыл глаза и... с размаху ударился о крышу, с трудом ощупал себя, но руки и ноги были целы. Он сделал это! Едва не промахнулся на пару дюймов, но перепрыгнул на крышу церкви! Но где же Федерико? Он влез повыше и оглянулся назад, откуда прибежал совсем недавно. Вскоре он разглядел брата, летевшего по воздуху, как только что сам Эцио. Федерико тяжело приземлился, но под его весом одна или две черепицы соскользнули; он потерял равновесие. Черепица заскользила вниз, к краю крыши, и несколькими секундами позже вдребезги разбилась о булыжную мостовую. Но Федерико удержался и теперь стоял, выпрямившись, с широкой гордой улыбкой на лице.

- Не такой уж ты и копуша, - проговорил он, хлопнув Эцио по плечу. - Ты пронесся мимо меня, словно молния!

- Я не знал, смогу ли я... - коротко отозвался Эцио, пытаясь восстановить дыхание.

- Ну, уж на башню я залезу быстрее тебя! - парировал Федерико, отталкивая Эцио в сторону и забираясь на невысокую базилику, которую отцы города думали снести, чтобы поставить вместо нее что-нибудь более современное. В этот раз Федерико оказался первым и даже подал брату руку, помогая взобраться наверх. Эцио к тому времени уже начал подумывать, что кровать - не самое плохое место в мире. Они одновременно выдохнули и замерли, восстанавливая дыхание, осматривая с высоты свой город, спокойный и молчаливый в бледных лучах рассвета.

- Наша жизнь прекрасна, - сказал Федерико с несвойственной ему серьезностью.

- Великолепна, - согласился Эцио. - Вот бы она никогда не менялась...

Оба умолкли, не желая разрушать значимость момента. Через какое-то время Федерико спокойно добавил:

- И никогда не меняла бы нас, братишка. Ладно, нам и вправду пора домой. Вон крыша нашего дома. Мы не спали всю ночь. Пошли. Он подошел к краю крыши, намереваясь спуститься вниз, но остановился, заметив, что Эцио не двигается.

- Что еще?

- Подожди...

- На что ты смотришь? - поинтересовался Федерико, возвращаясь к нему.

Он проследил за взглядом Эцио, а потом увидел, как тот ухмыляется.

- Ты хитрец! Ты же не думаешь отправиться туда в такой час? Дай бедной девочке поспать!

- Думаю, Кристина уже проснулась.

Эцио познакомился с Кристиной Кальфуччи совсем недавно, но уже сейчас они казались созданными друг для друга, не смотря на то, что их родители считали, что они еще слишком молоды для серьезных отношений. Эцио был с ними не согласен, но Кристине

только исполнилось семнадцать, и ее родители надеялись, что Эцио сумеет держать себя в руках. По крайней мере до того момента, как они начнут смотреть на него более благосклонно. И, конечно, это лишь заставляло Эцио проявлять еще большую несдержанность.

Федерико и он, не спеша, прогуливались по центральной торговой площади. Безделушки на именины их сестры уже были куплены, и теперь они с удовольствием наблюдали, как симпатичные девушки со своими компаньонками перебежали от одного прилавка к другому, рассматривая лежащие на них кружево, ленты и рулоны шелка. Одна из девушек, прекрасней и привлекательней которой Эцио еще не встречал, отстала от своих компаньонов. Эцио никогда не забудет тот день, день, когда он впервые увидел ее.

- Смотри! – задохнулся от восторга он. – Как же она прекрасна!
- Ну, – отозвался отличающийся практичностью брат. – Почему бы тебе тогда не подойти и не поздороваться с ней?

- Что? – Эцио был шокирован предложением брата. – И после того, как я поздороваюсь, – что дальше?

- Попробуй разговорить ее. Что ты купил, что купила она. Не суть важно. Видишь ли, братишка, большинство мужчин так боятся прекрасных девушек, что любой, кто наберется храбрости начать разговор, тут же получит преимущество. Что? Ты можешь думать, что они не хотят внимания со стороны мужчин? Как раз наоборот. В любом случае, ты прилично выглядишь, и ты Аудиторе. Так что иди и действуй, а я отвлеку компаньонку. Тем более что она довольно симпатична. Эцио вспомнил, как, оставшись один на один с Кристиной, застыл на месте, растеряв все слова, и упивался красотой ее темных глаз, длинных шелковистых каштановых волос, изящного носа.

Она пристально посмотрела на него.

- Что такое? – поинтересовалась она.

- О чем вы? – ляпнул он.

- Почему вы стоите тут?

- Э, ну... Потому что я хотел кое о чем спросить вас.

- И что бы это могло быть?

- Позвольте узнать ваше имя?

Девушка закатила глаза. Проклятье, подумал Эцио, она слышала это уже тысячи раз.

- Вы не первый, кто интересуется, – ответила она и ушла.

Эцио просто ошеломлен, и лишь спустя мгновение бросился вдогонку.

- Подожди! – Крикнул он, догоняя ее. За эти несколько ярдов он выдохся сильнее, чем если бы пробежал милью.

- Я не успел подготовиться. Я, правда, хотел быть очаровательным. И вежливым. И остроумным. Дай мне второй шанс!

Она оглянулась, не замедляя шага, и едва заметно улыбнулась ему. Эцио был в отчаянии, но Федерико, внимательно за ним наблюдавший, посоветовал:

- Не сдавайся! Я видел, как она тебе улыбнулась. Она запомнила тебя. С бешено колотящимся сердцем Эцио последовал за девушкой, осторожно, стараясь, чтобы она не заметила. Три или четыре раза он нырял за рыночные прилавки, а когда она покинула площадь, прятался за дверями. Но он неотрывно следовал за ней до самых дверей ее семейного особняка, где ей преградил путь хорошо знакомый Эцио человек. Эцио остановился.

Кристина гневно смерила взглядом преградившего путь.

- Я уже говорила вам, Вьери. Вы меня не интересуете. Позвольте пройти!

Эцио спрятался, задержав дыхание. Ну конечно! Вьери Пацци!

- Зато вы меня интересуете, синьорина. Даже очень, – ответил Вьери.

- Тогда встаньте в очередь.

Она попыталась обойти его, но он преградил ей дорогу.

- Не думаю, что мне это подходит, любовь моя. Я уже устал ждать, когда ты сама решишься раздвинуть передо мной ноги.

Он грубо схватил её за руку, притягивая к себе, а второй рукой обнял ее за талию, но Кристина попыталась вырваться.

- Ты что, не понял, что тебе сказала девушка? – внезапно спросил Эцио, приблизившись и не сводя глаз с Вьери.

- Щенок Аудиторе. Вишый пес! Какого черта тебя сюда принесло? Иди к дьяволу.

- И тебе доброго утра, Вьери. Извиняюсь за вторжение, но я просто не мог пройти мимо, видя, как ты портишь день этой девушки.

- Да неужели. Прошу прощения, дорогая моя, но я вынужден оставить вас, чтобы преподать урок этому выскочке.

С этими словами Вьери отпустил Кристину и попытался ударить Эцио справа, но тот с легкостью увернулся, отступил в сторону, из-за чего Вьери оступился и пролетел вперед, растянувшись в пыли.

- Ну что, дружище, хватит с тебя? – с издевкой поинтересовался Эцио.

Но Вьери уже вскочил на ноги и кинулся на него в ярости, махая кулаками. Один из его ударов достиг цели, попав в челюсть, но следующий Эцио отбил и нанес два своих удара, один из которых попал в солнечное сплетение, а второй, как только Вьери согнулся, в челюсть. Задыхнувшись, Вьери отступил и выхватил кинжал. Кристина, увидев это, невольно вскрикнула. Вьери бросился вперед, целясь кинжалом в спину соперника. Но Эцио, предупрежденный криком девушки, в самый последний момент увернулся и схватил Вьери за запястье, заставляя выронить оружие. Кинжал упал на землю. Двое молодых людей замерли лицом к лицу, с трудом переводя дыхание.

- Это все, на что ты способен? – проговорил Эцио сквозь зубы.

- Заткнись или, клянусь Богом, я убью тебя!

- Знаешь, - рассмеялся Эцио, - я вовсе не удивился, увидев, как ты пристаешь к прекрасной девушке, которая даже подумать не могла, что на самом деле ты полное дерьмо... Твой папаша тоже по любому поводу применяет силу.

- Глупец! Это твоему отцу следовало бы поучиться смирению.

- Больше тебе не оклеветать нас, Пацци. Без зубов тебе это сложно будет сделать.

Губы Вьери были разбиты, и он утер кровь рукавом.

- Ты еще заплатишь за это. Ты и вся твоя семейка. Я не забуду этого, Аудиторе! Он сплюнул под ноги Эцио, подобрал кинжал, развернулся и стремительно ушел. Эцио проследил за ним взглядом.

Он вспомнил все это, стоя на крыше церкви и высматривая дом Кристины.

Он вспомнил свой восторг, когда повернулся к Кристине и увидел с какой теплотой она смотрит на него, благодаря за помощь.

- Надеюсь, вы в порядке, синьорина? – спросил он.

- Благодаря вам. – Она запнулась, голос ее все еще дрожал от страха. – Вы хотели узнать мое имя? Кристина. Кристина Кальфуччи.

Эцио поклонился.

- Счастлив познакомиться с вами, синьорина Кристина. Эцио Аудиторе.

- Вы знаете этого человека?

- Вьери? Наши дороги все время пересекаются, но у наших семей нет ни одной причины, чтобы хотя бы уважать друг друга.

- Хотела бы я больше никогда не встречаться с ним.

- Я сделаю все, что в моих силах, чтобы так и было.

- Эцио, я вам очень признательна, и поэтому решила дать вам второй шанс. Раз уж с первым не получилось.

Девушка нежно рассмеялась и поцеловала Эцио в щеку, прежде чем скрыться в особняке. Толпа, собравшаяся вокруг, наградила Эцио аплодисментами. Он поклонился, улыбнувшись, и отправился прочь. Эцио понимал, что сегодня он не только нашел нового друга, но и приобрел непримиримого врага.

- Дай Кристине поспать, - повторил Федерико, отрывая Эцио от воспоминаний.
- Она успеет выспаться... позже, - отозвался он. – Я должен повидаться с ней.
- Ну, если должен... Я прикрою тебя перед отцом, но будь осторожен. Люди Вьери могут быть поблизости.

Федерико подбежал к краю крыши и прыгнул вниз, в повозку с сеном, оставленную на улице, которая вела к дому.

Эцио проводил его взглядом, и лишь потом решил последовать примеру брата. Повозка с сеном была очень далеко внизу, но он вспомнил уроки брата, успокоился, восстановил дыхание и сконцентрировался. А потом прыгнул, впервые в жизни, с огромной высоты. На краткий миг он решил, что ошибся с расчетом, но быстро взял себя в руки и рухнул в сено. Это был настоящий прыжок веры!

Немного выдохшийся, но воодушевленный успехом, Эцио бросился бежать по улице. Солнце только вставало из-за восточных холмов, но на улицах уже стали появляться люди. Эцио почти добрался до дома Кристины, когда услышал позади шаги и постарался спрятаться, скрывшись в тени паперти и задержав дыхание. Это был ни кто иной, как Вьери, в сопровождении двух охранников появившийся из-за угла.

- Лучше прекратить поиски, сеньор, - сказал начальник охраны. – Они уже далеко отсюда.
- Я уверен, они где-то здесь, - огрызнулся Вьери. – Я практически чую их запах!

Он вместе со своими людьми обошел всю церковную площадь, но ничего не заметил. Солнечный свет рассеивал тени. Эцио осторожно прокрался к стогу сена и спрятался в нем. Вьери подошел очень близко, но вскоре, приказав своим людям яростным жестом двигаться дальше, ушел. Эцио подождал немного, вылез из стога и с облегчением выдохнул. Затем отряхнулся и побежал самой короткой дорогой к Кристине, надеясь, что никто из ее домочадцев еще не проснулся.

В поместье было тихо, хотя Эцио полагал, что слуги уже разводят на кухне огонь. Он знал, где находятся окна спальни Кристины, и кинул камешек в закрытые ставни. Грохот показался оглушительным, Эцио замер, сердце ушло в пятки. Ставни открылись, и девушка вышла на балкон. Ночная рубашка очерчивала восхитительные контуры ее тела, и он смотрел на нее, утопая в желании.

- Кто там? – тихо спросила она.

Он вышел из тени, чтобы она смогла его увидеть.

- Я!

Кристина вздохнула.

- Эцио! Я могла бы догадаться.

- Могу я подняться, голубка?

Она повела плечиком, прежде чем ответить шепотом.

- Хорошо! Но только на минутку.

- Больше не потребуется.

Она рассмеялась.

- Неужели?

Эцио смутился.

- Нет, извини, я вовсе не то имел в виду. Сейчас увидишь...

Оглянувшись и убедившись, что улица пуста, он оперся ногой о большое металлическое кольцо, вбитое в стену дома (к нему привязывали лошадей), а руками нащупал углубления в каменной кладке. В мгновение ока он взобрался на парапет, и обнял девушку.

- Эцио, - выдохнула она, когда они поцеловались. – Ты только посмотри на себя. Чем ты опять занимался?

- Ерунда. Это просто царапина. – Он замолчал, улыбаясь. – Ну, так я могу войти? – осторожно поинтересовался он.

- Куда?

Он представлял собой воплощенную невинность.

- В твою спальню.

- Ну, если ты уверен, что минуты тебе хватит...

Их руки сплелись, и они вошли через двойные двери в освещенную теплыми огнями комнату Кристины.

Час спустя их разбудили солнечные лучи, бившие в окна, грохот проезжающих повозок и голоса людей, доносившиеся с улицы, и – что хуже всего – голос отца Кристины, распахнувшего дверь в спальню дочери.

- Кристина! Пора вставать, дочка! Твой учитель скоро придет... Что за черт? Ах ты, сукин сын!

Эцио быстро, но крепко поцеловал Кристину.

- Думаю, мне пора, - сказал он, хватая одежду и выбрасывая в окно. Потом быстро спустился по стене вниз, и уже застегивал рубашку, когда Антонио Кальфуччи появился на балконе. Он был в бешенстве.

- Извините, мессер, - отозвался Эцио.

- Я тебе дам «Извините»! – закричал Кальфуччи. – Стража! Стража! Взять этого паршивца! Принесите мне его голову! И оторвите ему яйца!

- Я же извинился, - начал было Эцио, но ворота особняка распахнулись, выпуская стражу Кальфуччи, уже обнажавшую мечи. Более или менее одетый, Эцио бросился бежать по улице, перескакивая через тележки и отталкивая с дороги людей - богатых бизнесменов в щегольской черной одежде, торговцев в коричневом или красном, простых горожан в самотканых туниках и даже, однажды, процессию монахов, с которыми он столкнулся с такой неожиданностью, что чуть не опрокинул статую Девы Марии, которую несли монахи. В конце концов, после бешеной гонки по переулкам и прыжков через стены, он остановился и прислушался. Тишина. Не слышно даже криков и проклятий горожан. Он был уверен, что оторвался от стражников.

Он надеялся только на то, что сеньор Кальфуччи не узнал его. Он был уверен, что Кристина его не выдаст. Кроме того, она могла успокоить отца, который просто обожал ее. И даже если он узнал Эцио, - парень содрогнулся, - он был хорошей партией для его дочери. Отец Эцио управлял самыми влиятельными банковскими домами в городе, и однажды он, Эцио, станет куда влиятельнее Пацци, и - кто знает – может и превзойдет самого Медичи.

Задними дворами он пробрался домой. Первым, кого он встретил, оказался Федерико, который смерил его серьезным взглядом и укоризненно покачал головой.

- Ну, ты и влип, - проговорил он. – И не говори, что я тебя не предупреждал.

Кабинет Джованни Аудиторе находился на первом этаже, и, через два окна, выходящих на широкий балкон, можно было увидеть сад позади палаццо. Комната была отделана темным дубом, чью строгость смягчал богато украшенный штукатуркой потолок. Лицом друг к другу стояли два письменных стола, больший из которых принадлежал Джованни, вдоль стен располагались книжные шкафы, заполненные документами и пергаментными свитками, туго свернутыми и запечатанными красной печатью. Комната будто бы говорила каждому посетителю: здесь вы найдете достаток, респектабельность и надежность. Как руководитель Международного банка Аудиторе, который специализировался на ссудах германским королевствам, в состав которых номинально входила Священная Римская Империя, Джованни Аудиторе хорошо осознавал важность и ответственность положения, которое занимал. Он надеялся, что двое старших сыновей поменяют свое отношение к этой работе и разделят с ним тяжкую ношу, которую он унаследовал от собственного отца, но пока что не видел ни единого признака этого. И, тем не менее, продолжал надеяться.

Он, не вставая из-за стола, сердито оглядел комнату и остановил взгляд на среднем сыне. Эцио стоял у соседнего стола. Секретарь Джованни, предчувствуя, что Эцио ожидает очень неприятный разговор, покинул кабинет, давая отцу и сыну возможность поговорить наедине. Близился полдень. Эцио все утро с ужасом ожидал момента, когда отец вызовет его в кабинет, но, не смотря на это, все-таки успел вздремнуть и привести себя в порядок. Он надеялся, что отец даст ему возможность оправдаться, прежде чем начнет отчитывать.

- Думаешь, я слепой и глухой, сын? - бушевал Джованни. - Или ты думал, что я не узнаю о твоей стычке с Вьери Пацци прошлой ночью? Иногда мне кажется, что ты ничем не лучше его, Эцио. Иметь Пацци во врагах крайне опасно. - Эцио хотел было что-то сказать, но отец предупреждающе поднял руку. - Дай мне закончить! - Он перевел дыхание. - И будто всего этого было недостаточно, ты решил приударить за Кристиной Кальфуччи, дочерью одного из самых успешных торговцев во всей Тоскане. Но ты не успокоился даже на этом и кувыркался с ней в ее собственной кровати! Твое поведение недопустимо! Тебя совсем не заботит репутация семьи! - Он на мгновение умолк, и Эцио с удивлением заметил блеск в его глазах. - Ты хоть представляешь, что это значит? - продолжил Джованни. - Ты осознаешь, кого ты мне напоминаешь?

Эцио покачал головой и удивленно замер, когда отец встал, пересек комнату и положил ладонь ему на плечо, широко улыбаясь.

- Дьяволенок, ты такой же, каким был я в твоем возрасте, - Джованни снова стал серьезным. - Но, надеюсь, ты не думаешь, что если уж ты мне понадобился, я вовсе не стану тебя наказывать? Если ты проигнорируешь мои слова, я отправлю тебя к дяде Марио, чтобы ты поступил на службу в отряд его наемников. Уж они вобьют в твою бестолковую голову хоть немного ума. Но я полагаюсь на тебя, - не смотря на все, ты вовсе не кажешься безмозглым. И я надеюсь, что жестокие времена, наставшие в городе, не затронут нас. Как твоя голова? Вижу, ты уже снял повязку.

- Уже лучше, отец.

- Я так понимаю, ты не планировал сегодня заниматься делами? Или я все же могу на тебя положиться?

- Обещаю, отец, что сделаю все...

- Прибереги свое обещание.

Джованни вернулся за стол, запечатал личной печатью письмо и протянул сыну вместе с еще двумя документами в кожаном переплете.

- Я хочу, чтобы ты без промедления доставил это в банк Лоренцо Медичи.

- Можно узнать, что в этих бумагах такого важного?

- Что в документах - тебя не касается. А в письме указана дата нашей сделки с Миланом, которую необходимо знать Лоренцо. Я устал, все утро подготавливая эти документы... Нести недалеко, но ты никогда не научишься ответственности, если я не буду тебе

доверять. Это слухи о заговоре против герцога Галеаццо - отвратительная часть нашей работы, но Флоренция не может позволить Милану дестабилизировать обстановку.

- Кто в нем замешан?

Джованни внимательно посмотрел на сына.

- Говорят, что главные организаторы - Джованни Лампуньяни, Джероламо Ольджиати и Карло Висконти, но создается впечатление, что к этому приложил руку наш дорогой Франческо Пацци. Но помимо всего, кажется, что весь этот план затрагивает намного больше, нежели просто политику между двумя городами. Гонфалоньеры готовы в любой момент взять Франческо под стражу, но Пацци этого не допустят. - Джованни остановился. - Хватит. Я и так рассказал тебе больше, чем нужно. Уверен, ты быстро доставишь эти документы Лоренцо. Я слышал, что он собирался отправиться в Кареджи, подышать свежим воздухом, и если ты не успеешь, все пойдет коту под хвост.

- Я отправлюсь так быстро, как только возможно.

- Молодец. Поспеш!

Эцио бросился по поручению отца, срезая путь по задворкам и не задумываясь, что Пацци все еще может разыскивать его. И тот внезапно преградил путь Эцио, на тихой улочке, всего в паре минут ходьбы от Банка Медичи. Эцио попытался избежать встречи, но люди Вьери блокировали пути отступления. Он развернулся к Вьери.

- Прости, свинья, - сказал он Пацци, - но у меня нет времени устраивать тебе очередную взбучку.

- Это не я её получу, - перебил Вьери. - Ты в ловушке. Но не волнуйся, я пришлю венки на твои похороны.

Люди Пацци приблизились. Эцио не сомневался, что Вьери знал о том, что в данный момент его отца арестовывают. Эцио затравленно оглянулся. Его окружали высокие стены и ограды домов. Надежно спрятав важные документы под рубашку, Эцио выбрал дом в пределах досягаемости и запрыгнул на стену, цепляясь за острые неровные камни руками и ногами и подтягиваясь на крышу. Там он на мгновение замер, глядя вниз, на полное ярости лицо Вьери.

- У меня нет времени даже чтобы помочиться на тебя, - произнес он и бросился по крыше прочь, и как только убедился, что оторвался от преследователей, ловко спрыгнул на землю.

Пару минут спустя он был уже у дверей банка. Войдя, он столкнулся с Боэтио, одним из самых верных слуг Лоренцо. Похоже, удача все же улыбнулась Эцио. Он кинулся к Боэтио.

- Эцио! Что привело тебя сюда в такой спешке?

- Боэтио, не будем терять время. Отец передал эти документы для Лоренцо.

Боэтио нахмурился и развел руками.

- Увы, Эцио, ты опоздал. Он уже уехал на виллу в Кареджи.

- Тогда позаботься, чтобы это доставили ему как можно скорее.

- Я думаю, он не задержится больше, чем на день или около того. В прошлый раз...

- Меня не интересует прошлый раз. Прошу, Боэтио, это срочно нужно доставить ему. Секретно и как можно быстрее.

Когда Эцио вернулся домой, он поспешил в кабинет отца, игнорируя дружескую подначку Федерико, лежавшего в саду под деревом, и попытки Джулио, секретаря отца, не позволить ему войти в кабинет. Отец, глубоко задумавшись, сидел в компании главного судьи Флоренции, гонфалоньера Уберто Альберти. Ничего удивительного, ведь они были старыми друзьями, и Эцио практически считал Альберти родным дядей. Но, ворвавшись, он заметил выражение крайней серьезности на их лицах.

- Эцио, мальчик мой! - сердечно поприветствовал его Уберто. - Как ты? Смотрю, опять запыхался?

Эцио настойчиво посмотрел на отца.

- Я как раз пытался успокоить твоего отца, - продолжил Уберто. - Как ты знаешь, у нас были небольшие проблемы, но, - он повернулся к Джованни и уже серьезно добавил, - опасность уже миновала.

- Ты отнес документы? - твердо спросил Джованни.

- Да, отец. Но герцог Лоренцо уже покинул город.

Джованни нахмурился.

- Я не ожидал, что он уедет так быстро.

- Я оставил документы Бозтио. - сказал Эцио. - Он обещал доставить все как можно скорее.

- Он все равно может не успеть, - помрачнев, отозвался Джованни.

Уберто похлопал его по спине.

- Какая разница. Подождем пару дней. Франческо в тюрьме. Что может случиться за такое короткое время?

Казалось, Джованни немного успокоился, но было ясно, что совсем недавно эти двое спорили, и присутствие Эцио им только мешает.

- Пойди и найди мать и сестру, - проговорил Джованни. - Ты должен больше времени проводить с остальными членами семьи, а не с Федерико. И постарайся отдохнуть, ты мне еще понадобишься, позднее.

И взмахом отцовской руки Эцио был выставлен за дверь.

Он побродил по дому, приветственно кивнув встретившимся по пути слугам и Джулио, спешащему откуда-то в банковский офис, с пачкой бумаги в руках, и как обычно казавшемуся полностью погруженным в мысли о делах. Эцио прошел мимо брата, все еще валявшегося в саду, но желания присоединиться к нему не возникло. Кроме того, отец попросил его составить компанию матери и сестре. Эцио знал, что лучше выполнить просьбу отца, особенно после недавнего разговора.

Он нашел сестру сидящей в одиночестве в лоджии. В руках она держала позабытую книгу Петрарки. Это многое объясняло. Эцио знал, что сестра влюблена.

- Здравствуй, Клаудия, - сказал он.

- Здравствуй, Эцио. Где ты был?

Эцио развел руками.

- Уходил по поручению отца.

- Ну, насколько я знаю, ты был занят не только этим, - парировала она, но ее улыбка была слабой и натянутой.

- А где мама?

Клаудия вздохнула.

- Она пошла взглянуть на того молодого художника, о котором все говорят. Ну, ты знаешь, одного из тех, кто недавно закончил обучение у Веррокьо.

- Какого еще художника?

- Ты хоть обращаешь внимание на то, что происходит дома? Она заказала ему несколько картин. Она уверена, что со временем они принесут хороший доход.

- Это похоже на маму.

Но Клаудия не поддержала шутку, и только сейчас Эцио в полной мере осознал, насколько сестре грустно. Печаль делала ее куда старше ее реальных шестнадцати лет.

- Что случилось, сестренка? - спросил он, присаживаясь рядом с ней на каменную скамейку.

Она вздохнула и посмотрела на него, грустно улыбнувшись.

- Это Дуччо, - произнесла она, наконец.

- И что с ним?

- Мне кажется, он мне изменяет, - в ее глазах блеснули слезы.

Эцио нахмурился. Дуччо был практически помолвлен с Клаудией, и официальное объявление о помолвке было простой формальностью.

- Кто тебе такое сказал? - спросил он, обнимая сестру за плечи.

- Девочки. - Она вытерла слезы и посмотрела на брата. - Я думала, мы подруги, но они радовались, когда рассказывали мне об этом.

Эцио вскочил.

- Да они не лучше гарпий! Тебе не стоит дружить с ними.

- Я его любила!

Эцио помедлил, прежде чем ответить.

- Ты уверена? Может, ты только думала, что любишь? Что ты чувствуешь сейчас?

Глаза Клаудии увлажнились.

- Я хочу, чтобы он поплатился за это. Он разбил мне сердце!

Эцио взглянул на сестру, заметил грусть в ее глазах. Грусть пополам с ненавистью. Его сердце наполнилось решимостью.

- Я нанесу ему визит.

Дуччо Довидзи дома не оказалось, но его экономка объяснила Эцио, где найти хозяина. Эцио прошел по Понте Веккьо и у южного вала Арно свернул к западу, к церкви Сан Джакомо Сопрано. Возле нее была парочка укромных садов, где влюбленные иногда назначали друг другу встречи.

Эцио, чья кровь практически кипела от слов сестры, нужны были явные доказательства измены Дуччо, нежели простые слова, и он раздумывал, как бы их получить. Довольно скоро он заметил сидящего на скамейке у реки светловолосого молодого человека в вызывающе яркой одежде, который обнимал темноволосую девушку, незнакомую Эцио. Он подошел ближе.

- Дорогой, оно прекрасно! - воскликнула девушка, рассматривая свою руку.

Эцио заметил блеснувшее на пальце кольцо с алмазом.

- Для тебя - только самое лучшее, любимая, - отозвался Дуччо, притягивая ее для поцелуя. Но девушка отпрянула.

- Не так быстро. Ты не можешь просто взять и купить меня. Мы уже давно не виделись, а я слышала, что ты обещал жениться на Клаудии Аудиторе.

Дуччо отмахнулся.

- Все кончено. К тому же отец считает, что мне нужна невеста получше Аудиторе. - Он опустил ладонь ниже по спине. - Например, такая как ты.

- Негодник! Давай прогуляемся.

- У меня есть идея получше, - проговорил он, кладя ладонь между ее ногами.

Эцио услышал достаточно.

- Эй ты, грязная свинья, - крикнул он.

Дуччо удивленно обернулся, выпуская девушку из рук.

- Эцио, друг мой, - поприветствовал он с некоторой дрожью в голосе. - Думаю, ты не знаком с моей... кузиной?

Эцио, взбешенный изменой, подошел и сходу заехал бывшему другу по морде.

- Ты оскорбил мою сестру, разгуливая с этой... этой шлюхой!

- Кого ты назвал шлюхой? - возмутилась девушка, вскочила и отошла в сторону.

- Думаю, что кем бы ты ни была, ты намного лучше этой задницы, - прорычал Эцио, ткнув Дуччо. - Или ты поверила, что он женится на тебе?

- Не смей звать ее шлюхой! - прошипел Дуччо. - По крайней мере, она более покладистая, чем твоя сестричка, трясущаяся за свою честь, словно монахиня. Жаль, я мог бы многому научить ее. Но...

- Ты разбил ей сердце, Дуччо, - холодно перебил его Эцио.

- Я? Да неужели.

- И за это я сломаю тебе руку.

Девушка завизжала и убежала. Эцио схватил скулящего от страха Дуччо и прижал его правую руку к краю каменной скамьи, на которой тот сидел совсем недавно. Коленом он придавил предплечье Дуччо к камню, но тот захныкал.

- Не надо, Эцио! Прошу тебя! Я же единственный сын у отца!

Эцио смерил его презрительным взглядом и отпустил. Дуччо упал на землю и, причитая, откатился, схватившись за поврежденную руку. Его одежда была порвана и испачкана.

- Ты не стоишь моих усилий, - произнес Эцио, - но если не хочешь, чтобы я передумал на счет твоей руки, держись подальше от Клаудии. И от меня.

После инцидента, Эцио отправился домой длинной дорогой и шел вдоль русла реки до тех пор, пока не вышел к полям. Когда он вернулся назад, тени уже удлиннились, зато он сам успокоился. «Я никогда не должен, - сказал он себе, - позволять гневу полностью поглощать меня».

Уже у самого дома он встретил младшего брата, которого не видел со вчерашнего утра. Он тепло поприветствовал мальчика.

- Здравствуй, Петруччо. Что ты здесь делаешь? Или твой учитель тебя уже отпустил? В любом случае, уже поздно, и тебе пора быть в постели.

- Не волнуйся, я уже взрослый. Еще несколько лет и я смогу тебя побить. Братья улыбнулись друг другу. Петруччо прижимал к груди резную коробку из грушевого дерева. Она оказалась открыта, и Эцио заметил внутри белые и рыжие перья.

- Это орлиные перья, - пояснил мальчик и указал на башню ближайшего здания. - Там наверху старое гнездо. Орлята выросли и улетели, а в каменной кладке застряло много перьев. - Петруччо умоляюще посмотрел на брата. - Эцио, пожалуйста, достань мне несколько!

- А зачем они тебе?

- Это секрет, - ответил Петруччо, спрятав глаза.

- А если я достану тебе перья, пойдешь спать? Уже поздно.

- Да.

- Обещаешь?

- Обещаю!

- Хорошо.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Эцио подумал, что уж если он сегодня помог Клаудии, почему бы не помочь и младшему брату. Забраться на башню оказалось сложно - камни были гладкими, и он с трудом находил выемки между ними. Выше было легче - помогла кованая решетка. Чтобы забраться наверх, он потратил полчаса. Собрав около пятнадцати перьев, - все, что он сумел разглядеть в сумерках, - он спустился к брату.

- Одно ты пропустил! - укоризненно сообщил Петруччо.

- А ну в кровать! - рыкнул брат, и мальчика как ветром сдуло.

Эцио надеялся, что мать обрадуется подарку. О секрете Петруччо не сложно было догадаться. Входя в дом, он улыбался сам себе...

На следующий день Эцио проснулся поздно. У отца не было для него никаких безотлагательных поручений, и он вышел в сад, где нашел мать. Она осматривала вишневые деревья, цветы с которых уже начали опадать. Увидев сына, она улыбнулась и подозвала его. В свои сорок, Мария Аудиторе была высокой, величественной женщиной, ее длинные черные волосы были спрятаны под простым белым муслиновым чепцом, края которого были окрашены в черный и золотой цвета - цвета клана.

- Эцио! Доброе утро!

- Здравствуй, мама.

- Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, лучше, - она осторожно прикоснулась к его голове.

- Я в порядке.

- Отец сказал, ты можешь отдыхать столько, сколько потребуется.

- Мне не нужен отдых, мам.

- Надеюсь, отошел после своих приключений? Отец сказал, что я должна позаботиться о тебе. Я знала, что ты уже встал.

- Не понимаю, о чем ты...

- Не играй со мной, Эцио. Мне известно о твоей драке с Вьери.

- Он распространял глупые сплетни о нашей семье. Я же не мог этого так оставить!

- Ему приходится нелегко из-за обвинений, выдвинутых против его отца - она задумалась, и продолжила. - Франческо Пацци способен на многое, но даже я не предполагала, что он может убить герцога.

- Что его ждет?

- Полагаю, будет суд. Твой отец будет главным свидетелем, как только вернется наш герцог Лоренцо.

Эцио заметно расслабился.

- Тебе не о чем волноваться. Я не собираюсь допрашивать тебя. Мне нужно кое-что сделать, и я хотела, чтобы ты пошел со мной. Это не займет много времени, и, надеюсь, покажется тебе интересным...

- Буду рад помочь тебе, мама.

- Пойдем. Это недалеко.

Они вышли из палатки под руку и, не спеша, дошли почти до кафедральной площади, до маленького квартала, где многие художники Флоренции содержали студии и мастерские. Некоторые, вроде Вероккьо или восходящей звезды Алессандро ди Мариано Филиппи, которого так же знали под прозвищем Боттичелли, жили в больших домах, где ассистенты и ученики изучали цвета и смешивали пигменты, другие же жили скромно. Именно в такую дверь и постучалась Мария Аудиторе. Почти сразу дверь распахнулась, и появился хорошо одетый молодой человек, почти щегольской внешности, но довольно хорошо сложенный, с взъерошенными темно-русыми волосами и густой бородкой. Выглядел он на лет шесть-семь старше Эцио.

- Госпожа Аудиторе! Добро пожаловать! Я с нетерпением ждал вас!

- Доброе утро, Леонардо, - последовали два формальных поцелуя.

«Должно быть, - подумал Эцио, - он в хороших отношениях с матерью». Внешне незнакомец производил приятное впечатление.

- Это мой сын, Эцио, - продолжила Мария.

Художник поклонился.

- Леонардо да Винчи. Большая честь, сеньор.

- Маэстро...

- Пока еще нет, - улыбнулся Леонардо. - Но о чем я думаю? Входите! Входите же!

Подождите здесь. Я попрошу ассистента принести вам вина, пока буду ходить за картинами.

Студия оказалась небольшой, но очень загроможденной, что делало ее еще меньше. Столы были забиты скелетами птиц и мелких млекопитающих вперемешку с банками,

наполненными бесцветной жидкостью, в которых находились разные органические объекты, хотя Эцио не рискнул бы предположить, чьи именно. Позади широкого рабочего стола висели необычные конструкции, тщательно выполненные из дерева, и пара мольбертов рядом с незаконченными картинами, тона которых были темнее, чем обычно используют, а эскизы - едва заметны. Эцио и Мария почувствовали себя более комфортно, когда из соседней комнаты появился молодой ассистент с подносом, на котором стояла бутылка вина и маленькие кексы. Он обслужил их, робко улыбаясь, и удалился.

- Леонардо очень талантлив.

- Как скажешь, мама. Я не разбираюсь в искусстве. - Эцио подумал, что его жизнь, заключающаяся в том, чтобы последовать по стопам отца, будет спокойной и размеренной. Но глубоко внутри он оставался все тем же бунтарем и искателем приключений, что могло отрицательно сказаться на поведении флорентийского банкира. В любом случае, как и старший брат, Эцио был человеком действия, а вовсе не художником или ценителем искусства.

- Самовыражение очень важно для понимания жизни. Найди себе занятие, дорогой мой.

- У меня есть, чем заняться, - обиделся Эцио.

- Что-нибудь помимо блуда, - сухо отозвалась мать.

- Мама!

Но Мария только пожала плечами и поджала губы.

- Было бы куда лучше, если бы подружился с кем-то вроде Леонардо. Я думаю, его ждет большое будущее.

- Учитывая, что я здесь вижу, я склонен с тобой не согласиться.

- Не дерзи мне!

Они молчали до тех пор, пока Леонардо не появился из комнаты, неся две коробки. Он положил одну на пол.

- Не сможешь мне? - поинтересовался он у Эцио. - Я бы просил Аньоло, но кто-то должен остаться и приглядеть за лавкой. К тому же я сомневаюсь, что это бедное дитя справится с такой тяжелой работой.

Эцио приподнял коробку и удивился, насколько она тяжела. Он чуть было не уронил ее.

- Осторожней! - предупредил Леонардо. - Картины очень хрупки, а твоя мать уже хорошо мне за них заплатила.

- Пойдем? - спросила Мария. - Я хочу поскорее их повесить. Я уже приглядела пару мест, надеюсь, ты их одобришь, - добавила она Леонардо.

Эцио замешкался - разве начинающий художник достоин такого уважительного отношения?

Когда они шли домой, Леонардо доброжелательно разговаривал с ними, и Эцио заметил, что его неприязнь сменяется симпатией к этому человеку. Но было в нем что-то, что инстинктивно тревожило, настолько, что он отдал бы палец на отсечение. Его невозмутимость? Странная отчужденность от всего окружающего? Возможно, так казалось оттого, что он, подобно другим художникам, витал в облаках. Но Эцио на мгновение ощутил подсознательное уважение к этому человеку.

- Эцио, чем ты занимаешься? - спросил Леонардо.

- Он помогает отцу, - ответила за сына Мария.

- А, значит, станешь банкиром! Что ж, тогда тебе повезло родиться в подходящем городе

- Этот город вполне подходит и для художников, - отозвался Эцио. - И для их богатых покровителей.

- Нас, художников, здесь слишком много, - проворчал Леонардо. - Сложно привлечь внимание. Вот почему я так признателен твоей матери. У нее очень проницательный взгляд!

- А ты художник, верно? - поинтересовался Эцио, вспомнив разнообразие царившее в студии.

- Это сложный вопрос, - задумался Леонардо. - Если честно, сложно выбрать что-то одно.

Живопись - это прекрасно. Я умею и люблю рисовать, но иногда с трудом могу закончить какую-нибудь картину. Мне приходится заставлять себя. А еще мне кажется, что моим работам не хватает... не знаю... цели. Понимаете, о чем я?

- Леонардо, ты должен больше верить в себя, - произнесла Мария.

- Благодарю, но иногда мне хочется заниматься чем-то, что непосредственно относилось бы к жизни. Я бы хотел разобраться, как и что работает в этом мире.

- Значит, ты должен вместить в себя сто разных человек, - сказал Эцио.

- Если бы я мог! Я бы хотел попробовать себя в архитектуре, анатомии, даже в изобретениях. Просто запечатлеть красоту мира не достаточно. Я хочу изменить его! Он говорил с такой страстью, что больше впечатлил Эцио, чем вызвал раздражение - было ясно, что он не хвастается. Если что и вызывало небольшое раздражение, так это то, что идеи били из него ключом.

«Следующее, о чем он нам расскажет, - подумал Эцио, - это как он хочет заняться поэзией и музыкой».

- Не хочешь остановиться и передохнуть, Эцио? - спросил Леонардо. - Ты должно быть устал.

Эцио прикусил язык.

- Нет, спасибо. Тем более мы почти пришли.

Когда они вошли в палаццо, Эцио бережно и аккуратно поставил коробку в главном холле и ощутил, как расслабились уставшие мышцы. Он ощутил такое облегчение, какого вовсе не ожидал от себя.

- Спасибо, Эцио, - поблагодарила мать. - Думаю, дальше мы справимся без тебя, но если ты хочешь помочь нам вешать картины...

- Спасибо за предложение, мама, но, думаю, моя помощь вам не понадобится. Леонардо протянул руку.

- Было приятно познакомиться с тобой, Эцио. Надеюсь, наши пути скоро пересекутся.

- Взаимно.

- Позови кого-нибудь из слуг помочь Леонардо, - попросила мать.

- Нет, - отозвался Леонардо. - Я сам справлюсь. Представьте только, что будет, если они уронят одну из коробок! - Опустившись на колени, он обхватил руками коробку Эцио. - Куда? - спросил он Марию.

- Сюда, - ответила она. - До свидания, Эцио. Увидимся вечером за ужином. Пойдем, Леонардо.

Эцио посмотрел, как они уходят, и подумал, что Леонардо определенно заслуживает уважения.

После обеда, примерно в полдень, примчался Джулио и сообщил, что отец дожидается Эцио в кабинете. Эцио поспешил следом за помощником отца по длинному отделанному дубом коридору, ведущему в заднюю часть поместья.

- Эцио! Входи, мой мальчик, - тон Джованни был серьезным и деловым. Он стоял позади стола, на котором лежали два больших письма, завернутые в пергамент и запечатанные.

- Говорят, что герцог Лоренцо вернется завтра или послезавтра, - сообщил Эцио.

- Уже знаю. Не будем терять времени. Я хочу, чтобы ты доставил эти пакеты моим компаньонам в городе. - Он подтолкнул письма, они прокатились по столу.

- Да, отец.

- Мне так же нужно, чтобы ты принес мне сообщение из голубятни на площади, в конце улицы. И постарайся не влипнуть в неприятности.

- Хорошо.

- Как только закончишь, немедленно возвращайся. Нам нужно еще кое-что обсудить.

- Понял.

- Выполняй. Не теряй времени.

Сперва Эцио решил сбегать за голубиной почтой. Опустились сумерки, и он знал, что на улицах не очень много людей, только на площади еще гуляли флорентийцы. Когда он уже

нашел голубятню, то заметил позади клетки надпись на стене. Эцио был озадачен - он не помнил, была ли раньше здесь эта надпись. Он разглядел аккуратно написанные строчки из книги Экклезиаста: «Во многих знаниях - многие печали». А внизу кто-то неровно приписал: «Где же пророк?»

Но он тут же вспомнил о деле. Эцио вытащил голубя и отвязал от лапки послание, а потом бережно усадил птицу обратно на насест.

Должен ли он прочитать сообщение? Оно было не запечатано. Он быстро развернул послание и не увидел ничего, кроме имени - Франческо Пацци. Эцио пожал плечами. Он подумал, что отец лучше разберется в написанном. Но почему имя отца Вьери и одного из возможных заговорщиков по свержению герцога Милана - подробности знал только Джованни - имеет такое значение? Разве что это в некотором роде подтверждение. Но нужно было поспешить выполнить поручение отца. Спрятав послание в поясную сумку, он отправился по адресу, указанному на первом пакете. Место назначения его удивило - это оказался район красных фонарей. Он частенько бывал здесь с Федерико, до того как встретил Кристину, но никогда не чувствовал себя комфортно в этом месте. Перестраховываясь, Эцио положил ладонь на рукоять кинжала, и двинулся по указанному отцом грязному переулку. Дорога привела его к заурядной таверне, где из выпивки предлагали только дешевый кьянти в глиняных кружках. Никого видно не было, и Эцио раздумывал, что делать дальше, когда из-за спины раздался голос.

- Ты сынок Джованни?

Он обернулся и увидел похожего на вора человека, от которого несло луком. Рядом с ним стояла женщина, которую можно было бы назвать симпатичной, если б она не выглядела такой... потасканной. Если что и производило впечатление, так это ее ясные, умные глаза.

- Нет, болван, - ответила она мужчине. - Случайно этот парень выглядит точно как он!

- У тебя есть кое-что для нас, - мужчина пропустил ее слова мимо ушей. - Давай сюда.

Эцио заколебался. Он перепроверил адрес. Правильно.

- Ну же, парень, - мужчина подошел ближе.

Его дыхание чуть не сбило Эцио с ног. Может, он спит на чесноке или луке? Он протянул письмо мужчине, который вырвал его и незамедлительно спрятал в кожаную сумку.

- Молодец, - похвалил он, улыбаясь.

Эцио удивился, увидев, что улыбка делает его лицо более... благородным. В отличие от его слов.

- Не бойся, парень, мы не заразные - добавил мужчина. - Замолчал, взглянув на женщину, и усмехнулся, - по крайней мере, я.

Женщина рассмеялась и стукнула его по руке. Потом они ушли.

Эцио с облегчением поспешил прочь. Адрес на втором письме привел его на улочку к западу от Баптистерия. Район довольно неплохой, но немногочисленный в это время суток. Под аркой, охватывающей улицу, его уже ждал крепкий мужчина, похожий на солдата. Он был одет в похожую на кожаную одежду, пахло от него чистотой и свежестью, а подбородок был чисто выбрит.

- Сюда, - позвал он.

- У меня пакет от...

- Джованни Аудиторе? - мужчина перешел на шепот.

- Да.

Незнакомец осмотрелся. Далеко, почти в конце улицы, виднелся фонарщик.

- За тобой следили?

- Нет... Зачем кому-то следить за мной?

- Не важно. Давай пакет. Быстро.

Эцио передал послание.

- Становится жарковато, - сообщил человек. - Передай отцу, они уезжают сегодня ночью. Пусть он поступит так же.

Эцио был захвачен врасплох.

- Кто уезжает? О чем вы?

- Я и так сказал слишком много. Иди домой.

Мужчина растворился в тенях.

- погоди! - позвал Эцио. - Что это значит? Вернись!

Но незнакомец уже ушел.

Эцио добежал до конца улицы к фонарщику.

- Который час? - спросил он.

Мужчина посмотрел на небо.

- Примерно через час я приступлю к работе. А начинаю я в двенадцать.

Эцио быстро подсчитал в уме. Примерно два часа назад он ушел из палаццо, и примерно двадцать минут потребуется, чтобы вернуться домой. Он кинулся бежать. Душу терзало страшное предчувствие.

Когда Эцио добрался до поместья Аудиторе, он уже знал - что-то случилось. Свет нигде не горел, а тяжелые двери были настежь открыты. Он ускорил шаг, крича на бегу: «Отец! Федерико!»

Большой зал палаццо был темен и пуст, но даже без света Эцио видел перевернутые столы, опрокинутые стулья, разбитую посуду и стекло. Кто-то сорвал картины Леонардо со стен и порезал их ножом. В темноте слышался плач - женский плач. Его мать! Он двинулся на звук, когда за спиной у него выросла тень и что-то занесла над его головой. Эцио обернулся и перехватил тяжелый серебряный подсвечник, опускающийся на его затылок. Он ударил, и атакующий, всхлипнув, выронил подсвечник. Эцио отбросил подсвечник в сторону, схватил противника и потащил к свету. Вытащив кинжал, он уже собрался убить...

- О! Сэр* Эцио! Это вы! Слава Богу!

Эцио узнал сперва голос, а затем и лицо, экономки, Аннетты, смелой женщины, которая долгие годы жила в семье.

- Что случилось? - спросил он у Аннетты, обхватив ладонями ее щеки и пытаясь успокоить начавшуюся панику.

- Они были здесь - городская стража. Они арестовали вашего отца и Федерико, и даже маленького Петруччо. Они вырвали его прямо из рук вашей матери!

- Где мама? Где Клаудия?

- Мы здесь, - раздался из тени дрогнувший голос.

Клаудия вышла, обнимая мать. Эцио перевернул стул и усадил женщину. В неверном свете Эцио разглядел, что Клаудия ранена, а одежда ее грязная и порванная. Мария не узнала сына. Она сидела на стуле, словно окаменевшая. Ее ладони сжимали небольшой ящик из грушевого дерева, наполненный перьями, который Петруччо подарил ей два дня - нет, целую жизнь! - назад.

- Боже мой, Клаудия! Как ты? - он гневно посмотрел на окровавленную одежду. - Они..?

- Нет, я в порядке. Они ударили меня, потому что думали, я скажу, где ты. Но мама... Эцио, они увели отца, Федерико и Петруччо в Палаццо Веккьо!

- Ваша мать в шоке, - пояснила Аннетта. - Когда она стала сопротивляться, они... - она не договорила. - Ублюдки!

- Здесь небезопасно, - сказал Эцио после недолгого раздумья. - Ты можешь их куда-нибудь увести, Аннетта?

- Да. Да! К моей сестре! Там они будут в безопасности, - выдавила Аннетта, страх и боль звучали в ее голосе.

- Мы должны спешить. Стража вернется, чтобы найти меня. Клаудия, мама, не теряйте

* укороченное «messere» - прим. пер.

времени. Ни о чем не беспокойтесь, идите с Аннеттой. Сейчас же! Клаудия, позаботься о маме.

Эцио вывел их из разгромленного дома, хотя сам был в шоке от случившегося. Потом он немного проводил их, прежде чем передать в заботливые руки Аннетты, которая сумела совладать с эмоциями и успокоиться. Лихорадочные мысли крутились в голове Эцио, мир словно рухнул в одночасье. Он отчаянно пытался осознать произошедшее и решить, что же ему делать теперь, как спасти отца и братьев? Тут же он решил, что, во что бы то ни стало, должен найти способ повидаться с отцом, понять причину нападения, произвола против его семьи. Но Палаццо Веккьо! Можно быть уверенным, они посадили его родных в две крохотных камеры в башне! Может у него и есть шанс, но это место защищено словно замок, а грозные стражники как всегда внимательно патрулируют окрестности. Призвав себя быть спокойным и мыслить ясно, Эцио побежал к площади Синьории, прижимаясь к стенам и оглядываясь. Факелы ярко горели на зубчатых стенах и на вершине башни, освещая эмблему города - огромную красную лилию - и большие часы на цоколе башни. Еще выше, - Эцио прищурился, чтобы лучше видеть, - он разглядел слабый свет, мерцающий из небольшого зарешеченного окошка под самой крышей. У огромных двойных дверей Палаццо стояла стража, еще больше было у бойниц на стене. Впрочем, насколько Эцио мог разглядеть вершину башни, там никого не было, а зубчатая стена вела к нужному ему зарешеченному окну.

Он обошел Палаццо вокруг и отыскал улочку, идущую от площади вдоль северной стороны Палаццо. К счастью, здесь еще прогуливались люди, дыша вечерним воздухом. Эцио показалось, что он внезапно попал в другое измерение, и мир, всего три-четыре часа назад бывший привычным и знакомым, оказался отрезан от него. Он разозлился, подумав, что все эти люди спокойно живут, в то время как его семья оказалась в полном дерьме. Он опять ощутил волнение в душе с почти непреодолимой волной гнева и страха, но тут же мысленно переключился на работу, и на лице его появилась решимость.

Стена, возвышающаяся перед ним, была совершенно отвесной, но, что давало преимущество, темной. Кроме того, камни, из которых был выстроен Палаццо, оказались выбиты, так что, поднимаясь, он без труда сможет найти опору для рук и ног. Единственной проблемой оказались стражники, патрулирующие северную стену башни, но Эцио решил разобраться с ней, когда заберется наверх. По крайней мере, он надеялся, что большинство стражников патрулирует западный фасад башни.

Восстановив дыхание, и мельком оглянувшись, - на темной улочке никого не оказалось, - он прыгнул, крепко вцепившись в стену, нащупал носками сапог из мягкой кожи опору и начал подниматься. Когда Эцио добрался до зубчатой стены, он уже выбился из сил. Руки трясло от напряжения. Прямо перед Эцио, спинами к нему, стояло двое стражников, осматривавших освещенную площадь внизу. Эцио неподвижно замер, пока не убедился, что ни единым звуком не выдал своего присутствия. Едва сдерживаясь, он подкрался к ним, а потом кинулся на стражников, используя свой вес и элемент неожиданности, чтобы свалить их наземь. Сердце у него практически остановилось. Он стащил с них шлемы и сильно стукнул головами. Стражники потеряли сознание раньше, чем поняли, что произошло. Если бы это не сработало, Эцио знал, что без промедления перерезал бы им глотки.

Он снова замер, тяжело дыша. Теперь на башню. Камень на ней был ровно уложен, и подниматься было тяжело. Но еще больше его волновало, как перелезть с северной стороны башни на западную, где и находилось окошко камеры. Он молился, чтобы никто на площади или на стене не вздумал посмотреть вверх. Ему не очень хотелось сорваться вниз из-за арбалетного болта, когда он уже так высоко поднялся. Угол, где соединялись западная и северная стены, оказался практически непроходимым. Эцио на мгновение замер там, ища опору для пальцев, которой, казалось, и вовсе не существовало. Он посмотрел вниз и далеко внизу увидел стражника, который как раз смотрел вверх. Он разглядел бледное лицо и глаза охранника. Эцио прижался к стене. В

черной одежде он был так же ясно виден, как таракан на белой скатерти. Но по непонятной причине, охранник просто скользнул по нему взглядом и оправился дальше. Видел ли он его? Или не поверил своим глазам? Эцио с трудом сглотнул. Он сумел окончательно расслабиться, часто дыша, только спустя минуту. Приложив огромные усилия, Эцио достиг цели, благодаря Богу за узкий выступ, на который он смог опереться, чтобы заглянуть через решетку в окошко. «Господи милостивый», - подумал он, узнав фигуру отца, сидевшего к нему спиной, в узком конусе света.

- Отец! - тихо позвал он.

Джованни обернулся.

- Эцио! Ради бога, как ты...

- Не важно, отец.

Когда Джованни приблизился, Эцио увидел его окровавленные ладони и бледное лицо со следами побоев.

- Господи, отец, что они с тобой сделали?

- Избили, но я в порядке. Меня больше волнует, что с мамой и Клаудией?

- Они в безопасности.

- С Аннеттой?

- Да.

- Хвала Господу.

- Что произошло, отец? Ты знал, что это случится?

- Да, но не думал, что так скоро. Они арестовали Федерико и Петруччо, думаю, они в одной из камер. Если Лоренцо получил послание, все, возможно, изменится. Я принял меры...

- О чем ты говоришь?

- Сейчас не время, - почти крикнул Джованни. - Слушай меня. Вернись домой. В моем кабинете есть потайная дверь. В комнате за ней спрятан сундук. Возьми все, что найдешь там. Понял? Все! Многое покажется тебе странным, но это важно.

- Хорошо, отец.

Эцио слегка перенес тяжесть тела, вцепившись в прутья решетки. Он не осмеливался посмотреть вниз, и не знал, сколько еще сможет простоять, не шевелясь.

- Помимо прочего, ты найдешь там письмо и кое-какие документы. Без промедления отнеси их - сегодня же! - мессеру Альберти...

- Гонфалоньеру?

- Именно! Иди!

- Но, отец... - выдавил Эцио, и, надеясь, что сможет помочь чем-то большим, нежели просто доставкой документов, заикаясь, добавил, - К этому причастны Пацци? Я прочитал послание, доставленное почтовым голубем. Там было сказано...

Джованни предостерегающе зашипел, и Эцио услышал как в дверь камеры вставили ключ.

- Они поведут меня на допрос, - мрачно произнес Джованни. - Уходи, пока тебя не заметили. Господи, какой же ты храбрый, сынок... Тебя ждет достойная судьба. А теперь, - прошу в последний раз, - уходи!

Эцио снова уцепился за выступ и повис на стене, вне поля зрения, пока не услышал, что отец покинул камеру. Больше он ничего не мог различить. Эцио буквально заставил себя слезать по стене. Он знал, что спуски всегда тяжелее подъемов, но за последние сорок восемь часов он набрался опыта и в тех, и в других. Пару раз он едва не сорвался, но сумел удержаться. Так Эцио спустился до стены с бойницами, где все еще валялись два обезвреженных им стражника. Очередной подарок судьбы! Он снова стукнул их головами так сильно, как только смог, чтобы они случайно не очнулись, пока он будет спускаться вниз, и не подняли тревогу. О возможных последствиях он не задумывался. Конечно, не время было думать о всякой ерунде. Эцио забрался на стену и глянул вниз. Время играло существенную роль. Если бы он смог что-нибудь увидеть внизу, что-то, что

могло смягчить падение, он бы решился на прыжок. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил навес над прилавком, стоящим у стены, далеко-далеко внизу. Рискнуть? Если удастся, он выиграет время. Если промахнется, сломанная нога окажется меньшей из его проблем. Он отчаянно пытался поверить в собственные силы.

Эцио глубоко вдохнул и рухнул в темноту.

Навес обрушился под его тяжестью, но его прочности вполне хватило чтобы затормозить падение с огромной высоты. Эцио вскочил. Конечно, он ушиб пару ребер, зато спустился и не поднял тревоги!

Он отряхнулся и побежал туда, где еще несколько часов назад был его дом. Когда он добрался туда, то понял, что зря не спросил отца, как именно открывается потайная дверь. Джулио наверняка известно, но кто знает, где сейчас Джулио? К счастью, в окрестностях дома не оказалось стражников, и он смог беспрепятственно добраться до него. На мгновение Эцио остановился, не в силах переступить порог. Ему показалось, что дом изменился, а его святость осквернена. Эцио собрался с мыслями, зная, что ему необходимо войти внутрь, и шагнул во тьму семейного палатца. Спустя короткое время он стоял в центре кабинета, освещаемого зловещим светом единственной свечи, и осматривался.

Стража перевернула все и конфисковала огромное количество банковских документов, устроив настоящий хаос в кабинете. Шкафы и стулья опрокинуты, как и комоды. Везде, насколько мог видеть Эцио, валялись порванные и измятые листы бумаги. Но кабинет был ему хорошо знаком, а зрение по-прежнему было острым. Стены в кабинете были достаточно толстыми, и за любой могла скрываться потайная комната. Он выбрал стену, в которую был встроен камин и начал поиски оттуда, - стена в том месте была значительно толще из-за дымохода. Крепко держа свечу и внимательно всматриваясь, он одновременно прислушивался к любому звуку снаружи, чтобы не пропустить момента возвращения стражи. В конце концов, ему показалось, что слева от большой каминной полки, он видит слабое очертание двери, встроенной в панельную обшивку. Значит, где-то поблизости должно быть что-то, чтобы ее открыть. Эцио внимательно пригляделся к резным колоссам, которые держали на плечах мраморную каминную полку. Нос одного из них, того, что слева, выглядел так, словно его когда-то сломали, а потом восстановили, но трещина осталась. Он ощупал нос колосса и обнаружил небольшое углубление. Сердце забило, он осторожно нажал на кнопку. Дверь бесшумно распахнулась на петлях, открывая взгляду выложенный камнем коридор, уходящий вправо влево. Он вошел, по пути зацепившись правой ногой о каменную плиту, мгновенно опустившуюся вниз. В коридоре ярко вспыхнули масляные лампы. Наклонный пол едва заметно уводил вниз и упирался в круглую комнату, обставленную больше в сирийском, нежели итальянском стиле. Взгляд Эцио зацепился за картину, висевшую в тайном кабинете отца, на которой был изображен Масиаф - город, в котором некогда располагался древний Орден ассасинов. Но времени думать, имеет или нет значение непонятная обстановка кабинета, не оставалось. Мебели в комнате не было вовсе, только в центре стоял большой кованый сундук, закрытый на два массивных замка. Он оглянулся в поисках ключа, который мог быть где угодно, но ничего не увидел. Эцио уже решил вернуться в кабинет отца и поискать ключи там, когда случайно задел рукой один из замков. Тот открылся. Второй открылся с такой же легкостью. Неужели отец передал ему какую-то силу, о которой он, Эцио, не подозревал? Или замки были настроены на открытие от прикосновения определенного человека. Тайна на тайне, но времени, чтобы разобраться в них, не было.

Он открыл сундук и увидел белый капюшон, несомненно, старый, сшитый из похожего на шерсть материала, который Эцио не узнал. Что-то заставило его надеть, и странная сила прошла сквозь Эцио. Он опустил капюшон на глаза, решив пока не снимать его. В сундуке так же находились кожаные наручи, сломанное лезвие кинжала, у которого вместо рукоятки был странный механизм, с помощью которого оно крепилось к наручу,

меч, лист пергамента, покрытый символами, какие-то письма, и, что выглядело как часть некоего замысла, письма и документы, о которых говорил отец. Те, что надо было отнести Уберто Альберти. Он вытащил все, закрыл сундук и вернулся в кабинет отца. Потом тщательно закрыл потайную дверь. В кабинете он отыскал брошенную Джулио сумку для документов и сложил туда то, что нашел в сундуке, а потом прицепил сумку к поясу. Туда же прицепил меч. Не имея ни времени, ни желания думать, что же это за странные предметы, и почему отец хранил их в потайной комнате, Эцио поспешил к выходу из палаццо.

Выйдя во внутренний двор, он увидел двух городских стражников. Прятаться было поздно. Его заметили.

- Стой! - крикнул один из стражников, и вместе с напарником двинулся к Эцио. Отступать было некуда. Эцио увидел, как они обнажили мечи.

Эцио вытащил из ножен собственный меч, атакующие приблизились. Оружие было ему не знакомо, но он ощутил легкость и уверенность в руке, как если бы пользовался им всю свою жизнь. Он отбил оба удара, последовавших справа и слева. Искры отлетели от трех мечей, но Эцио ощутил, что его новый меч крепкий и острый. Как только один из стражников ударил, чтобы отрубить Эцио руку, тот шагнул вперед, перенес тяжесть тела на другую ногу и пригнулся, уходя от удара. Стражник потерял равновесие, когда промахнулся мечом мимо головы Эцио. Эцио по инерции поднял меч, и он вошел прямо в грудь стражника, пронзив сердце. Выпрямившись, Эцио едва удержался на ногах, но потом уперся левой ногой в труп и выдернул оружие, развернувшись ко второму нападающему. Тот зарычал и кинулся на Эцио, занося тяжелый меч.

- Прощайся с жизнью, предатель!

- Я не предатель, как и никто из моей семьи.

Стражник рубанул по нему мечом, зацепив рукав, выступила кровь. Эцио вздрогнул. Стражник, видя свое преимущество, шагнул вперед, и Эцио позволил ему приблизиться. Потом подставил подножку, и изо всех сил ударил, целясь в шею врага... Голова упала на землю раньше, чем тело.

Мгновение Эцио стоял в оглушающей тишине, тяжело дыша. Он убил впервые в жизни – впервые ли? Он почувствовал, что в другой, прошлой жизни, у него был огромный опыт в смертельных схватках.

Это ощущение испугало его. Этой ночью ему показалось, что он куда старше, чем считал раньше. И это ощущение пробудило внутри него какую-то странную темную силу. Оно казалось чем-то большим, чем просто последствием от пережитого за эти несколько часов. Пригибаясь, Эцио бежал по темным улицам к поместью Альберти, ловя каждый звук и постоянно оглядываясь. В конце концов, на грани истощения, но, мысленно подбадривая себя, он достиг дома гонфалоньера. Эцио задрал голову вверх и увидел в одном из боковых окошек слабый свет. Он забарабанил в дверь рукоятью меча. Когда ответа не последовало, Эцио, нервничая от нетерпения, постучал снова, громче и сильнее. Опять ничего.

И лишь на третий раз окошко в двери немного открылось, и тут же закрылось. Дверь немедленно распахнулась, и настороженный слуга впустил его внутрь. Эцио выпалил, что у него срочное дело, и был проведен в комнату на первом этаже, где за столом, разбирая бумаги, сидел Альберти. Позади него, у угасающего камина сидел в кресле кто-то еще, как показалось Эцио, высокий и крепкий, но точно сказать было нельзя, была видна только часть профиля, да и то неотчетливо.

- Эцио? - Альберти удивленно привстал. - Что ты здесь делаешь в такой час?

- Я. Я не...

Альберти подскочил к нему, положил ладонь на плечо.

- погоди, сынок. Отдышись и соберись с мыслями.

Эцио кивнул. Стоило ему ощутить себя в безопасности, как навалилась усталость. Осознание произошедшего вечером и ночью, с тех пор, как он доставил письма

Джованни, навалилось на него. По медным часам на столе он определил, что уже полночь. Неужели и правда прошло только двенадцать часов с тех пор, как Эцио помогал матери забрать картины из мастерской художника? От злости на самого себя выступили слезы, но Эцио взял себя в руки и произнес:

- Отца и братьев арестовали - я не знаю, по какому праву - мать и сестра сбежали, а дом разграблен. Отец поручил мне доставить это письмо и бумаги вам, - Эцио вытащил из сумки документы.

- Благодарю, - Альберти надел очки и поднес письмо Джованни к свету, источником которого служила свеча, стоящая на столе. В комнате не раздавалось ни звука, кроме тиканья часов и редкого потрескивания искр от затухающего огня. О том, что в комнате есть кто-то еще, Эцио позабыл.

Альберти целиком погрузился в чтение документов. Время от времени он убирал один из документов в карман черного дуплета, другие же осторожно складывал на стол рядом с остальными бумагами.

- Случилось ужасное недоразумение, мой дорогой Эцио, - произнес он. - Это правда, были выдвинуты обвинения - серьезные обвинения, - и суд назначен на завтрашнее утро. Но, кажется, кто-то просто проявил излишнее рвение. Не волнуйся. Я все улажу.

- Как? - Эцио было сложно поверить в услышанное.

- Документы, которые ты принес, доказывают существование заговора против твоего отца и всего города. Я представлю эти бумаги на утреннем слушании, и Джованни и твои братья будут освобождены. Я гарантирую.

Облегчение охватило Эцио. Он схватил ладонь гонфалоньера.

- Как я могу отблагодарить вас?

- Правосудие - моя работа, Эцио. Я говорю это со всей серьезностью и, - на секунду он запнулся, - к тому же, твой отец один из моих лучших друзей. - Альберти улыбнулся. - Но где же мои манеры? Я даже не предложил тебе бокал вина. - Он замолчал. - Тебе есть, где переночевать? У меня еще есть неотложные дела, но слуги накормят тебя и приготовят постель.

Эцио и сам не понял, почему отверг столь щедрое предложение.

Уже было далеко за полночь, когда он покинул поместье гонфалоньера. Снова накинув капюшон, он крался по улицам, пытаясь привести мысли в порядок. Немного погодя, он понял, куда несут его ноги.

С легкостью, какую не ожидал от себя, Эцио забрался на балкон. Возможно, необходимость попасть туда придавала ему сил. Он осторожно постучал в ставни.

- Кристина! Любимая! Проснись! Это я!

Он ждал, тихо, как мышь, и прислушивался. Эцио услышал, как она встала, а потом из-за ставень раздался ее голос.

- Кто там?

- Эцио.

Она осторожно приоткрыла ставни.

- Что? Что случилось?

- Можно я войду? Пожалуйста.

Уже сидя на ее кровати, он рассказал ей всю историю.

- Я знала, что что-то случилось, - сказала она. - Отец выглядел обеспокоенным сегодня вечером. Но старался вести себя так, словно все в порядке...

- Я хочу остаться у тебя на ночь. Не волнуйся, я уйду до рассвета. И мне нужно кое-что оставить у тебя для сохранности. - Он отцепил сумки и положил между ними. - Я могу доверять тебе?

- Конечно, можешь, Эцио!

И в её объятиях он провалился в тревожный сон.

Утро выдалось пасмурным и хмурым, и, хотя небо было затянуто облаками, город казался подавленным из-за удушливой жары. Эцио пришел на площадь Синьории и, к своему удивлению, увидел, что там в ожидании собралась огромная толпа. Помост был уже поставлен, на нем стоял стол, покрытый тяжелой парчовой тканью, украшенной гербом города. Рядом со столом стояли Уберто Альберти и незнакомый Эцио высокий, крепко сложенный мужчина с орлиным носом и внимательным, задумчивым взглядом. Оба были одеты в мантии благородного темно-красного цвета. Но внимание Эцио привлекли вовсе не они, а другие люди на помосте - его отец и братья. В цепях. Позади них находилась высокая конструкция с тяжелой поперечной балкой, с которой свисали три петли.

Эцио пришел на площадь в приподнятом настроении - разве гонфалоньер не сказал ему, что все разрешится сегодня? Теперь его чувства изменились. Это какая-то ошибка, ужасная ошибка. Он пытался пройти вперед, но не смог пробиться через толпу. Эцио ощутил приступ клаустрофобии. Отчаянно пытаясь успокоиться, он остановился, опустил на лицо капюшон и поправил меч, висящий на поясе. Конечно, Альберти не подведет его. Эцио заметил, что высокий мужчина, - испанец, судя по его одежде, лицу и телосложению, - все время настороженно осматривает собравшуюся толпу. Кто он такой? Что-то шевельнулось в памяти Эцио. Может, они где-то встречались прежде?

Гонфалоньер, великолепно выглядящий в своей официальной одежде, простер руки, призывая людей к молчанию, народ мгновенно стих.

- Джованни Аудиторе, - повелительно произнес Альберти, но в его голосе острый слух Эцио уловил нотку страха. - Ты и твои сообщники обвиняетесь в измене. Чем вы можете доказать свою невиновность?

Джованни выглядел удивленно и встревожено.

- Документами, которые были доставлены тебе прошлой ночью.

- Я ничего не знаю ни о каких документах, Аудиторе, - ответил Альберти.

Эцио догадался, что это показательный судебный процесс, но он не понял, почему все выглядит, как предательство со стороны Альберти. Эцио крикнул: «Он лжет!», но его голос утонул в реве толпы. Он постарался пройти ближе, распихивая недовольных горожан, но людей оказалось слишком много. Эцио был зажат среди них. Альберти снова заговорил.

- Доказательства против тебя были собраны и тщательно изучены. Они неоспоримы. В отсутствие каких-либо убедительных доказательств обратного, данной мне властью я вынужден признать тебя и твоих сообщников - Федерико и Петруччо, а так же отсутствующего здесь сына, Эцио, виновными в совершенном преступлении, - он замолчал, ожидая, пока толпа успокоится. - Сим я приговариваю вас к смерти. Повесить. Немедленно.

Толпа снова взвыла. По сигналу Альберти палач подготовил петли, пока двое его помощников вели к виселице маленького Петруччо, едва сдерживающего слезы. Вербку надели ему на шею, и, не обращая внимания на мольбы ребенка, служитель церкви брызнул святой водой на его голову. Потом палач дернул рычаг, и мальчик повис, содрогаясь в воздухе, а после замер без движения. «Нет! - воскликнул Эцио, не веря своим глазам, - Господи, прошу тебя, нет!» Но слова застряли в горле, горе затмило всё.

Следующим был Федерико, кричавший, что он невиновен, как и его семья. Он тщетно пытался освободиться из рук стражников, ведущих его к виселице. Эцио, вне себя от горя, снова отчаянно попытался протолкнуться вперед, и заметил, как по мертвенно-бледной щеке отца скатилась слеза. В ужасе Эцио смотрел, как его старший брат и лучший друг трясется на веревке, покидая мир куда медленнее Петруччо; но, в конце концов, и он затих. Стало так тихо, что было слышно, как скрипит деревянная балка, с которой свисали веревки. Эцио никак не мог поверить - неужели все происходит на самом деле? Толпа зашептала, но сильный голос прорезал тишину.

- Это ты изменник, Уберто, - проговорил Джованни Аудиторе. - Ты, один из моих союзников и лучших друзей, кому я доверял собственную жизнь! Но я был глупцом. Я не догадывался, что ты один из них! - Теперь он почти кричал, и в голосе звучали боль и ярость. - Сегодня ты убиваешь нас, но когда-нибудь мы убьем тебя!

Он склонил голову. Наступила тишина. Мертвая тишина, прерываемая едва слышными молитвами священника, просящего, чтобы Джованни Аудиторе, с достоинством прошедший к виселице, вернул душу в руки Господа.

Эцио был шокирован горем, переполнившим его. Он застыл, словно пораженный молнией. Но когда люк под Джованни открылся, Эцио больше не смог сдерживаться.

- Отец! - закричал он, голос дрогнул.

Глаза испанца внезапно остановились на нем. В его взгляде было что-то сверхъестественное, что-то, что возвышало его над толпой. Словно во сне, Эцио смотрел, как испанец наклоняется к Альберти, что-то шепча.

- Стража! - закричал Альберти, указывая на Эцио. - Там один из них! Взять его!

Прежде чем толпа сообразила и попыталась его задержать, Эцио рванул с места и стал проталкиваться к краю, расталкивая всех, кто стоял на пути. Один из стражников уже поджидал его там. Он схватил Эцио, сдернув капюшон. Действуя инстинктивно, Эцио сумел освободиться и выхватил одной рукой меч, а второй схватил стражника за горло. Реакция Эцио оказалась быстрее, чем ожидал стражник. Прежде чем последний успел вырваться, Эцио стиснул обе руки, на мече и на горле, и так стремительно пронзил стражника мечом, а после извлек оружие, что кишки вывалились из-под мундира стражника на булыжную мостовую. Он кинулся в сторону и развернулся к трибуне, отыскав взглядом Альберти.

- Я убью тебя! - пообещал он, и голос его дрожал от ненависти и гнева.

Другие стражники почти окружили его, и Эцио, положившись на инстинкт самосохранения, бросился от них прочь, по направлению к относительно безопасным узким улочкам, уводившим с площади. К своему ужасу, он увидел, как двое стражников отрезают ему путь.

Они столкнулись лицом к лицу на краю площади. Двое стражников блокировали ему путь к отступлению, остальные окружали сзади. Эцио яростно набросился на них. Но одному из стражников удалось выбить меч из руки Эцио. Испугавшись, что это конец, он попытался убежать от нападавших, но прежде чем сумел найти путь к отступлению, случилось нечто удивительное. С боковой улочки, к которой он пробивался, появился человек, выглядящий как вор. Набросившись сзади на двух стражников со скоростью молнии, он длинным кинжалом ударил их, выводя из битвы. Он двигался так стремительно, что Эцио едва мог различить его движения. Незнакомец поднял меч Эцио и протянул ему. Внезапно, парень узнал человека, еще сильнее воняющего луком и чесноком, чем при первой встрече. Но в тот миг даже дамасская роза не пахла бы для Эцио слаще.

- Уходи, парень, - посоветовал он и скрылся.

Эцио бросился по улице, выбирая кривые улочки и переулки, хорошо знакомые по ночным гонкам с Федерико. Шум и крики позади стихли. Он спустился к реке и нашел убежище в заброшенной хижине сторожа, позади одного из товарных складов, принадлежащих отцу Кристины.

В это мгновение Эцио окончательно перестал быть ребенком, превратившись в мужчину. Груз ответственности - отомстить и исправить эту ужасную ошибку - опустился на его плечи. Без сил свалившись на кучу каких-то мешков, он почувствовал, как его трясет. Его мир только что разбился на части. Его отец. Федерико. И, - Господи, только не он, - малыш Петруччо. Они ушли. Умерли. Были убиты. Обхватив голову руками, Эцио сдался, потерял контроль, позволив горю, страху и ненависти захватить себя. Только спустя несколько часов он смог успокоиться. Его глаза покраснели, и в них горела непоколебимая жажда мести. В этот момент Эцио полностью осознал - его прошлая жизнь

кончена, беззаботный мальчишка Эцио не вернется. И теперь вся его жизнь заключается в одном - мести.

Много позже, прекрасно понимая, что дозор все еще продолжает его поиски, Эцио задними дворами пробрался к поместью Кристины. Ему не хотелось подвергать ее опасности, но Эцио было необходимо забрать сумку со всем содержимым. Он ждал в темном алькове, куда стекали отходы, и не пошевелился, даже когда крысы пробежали по его ноге. Ждал, пока в окне Кристины не зажегся свет, давая понять, что она готовится ко сну.

- Эцио! - воскликнула она, увидев его на своем балконе. - Слава Богу, ты жив!

На ее лице отразилось облегчение, но лишь на короткий миг, сменившись печалью.

- Твой отец и братья... - она не договорила, голова ее поникла.

Эцио обнял ее, и несколько секунд они просто стояли без движения. Внезапно она оттолкнула его.

- Ты с ума сошел? Почему ты всё ещё во Флоренции?

- У меня остались важные дела, - мрачно произнес он. - Но я не задержусь здесь, чтобы не подвергать опасности твою семью. Если они узнают, что ты прячешь меня...

Кристина молчала.

- Дай мне сумку, и я пойду.

Она достала сумку, но прежде чем протянуть ее Эцио, спросила:

- А как же твоя семья?

- Это мой главный долг. Похороню мертвых. Я не видел - их скинули в карьер, как обычных преступников?

- Нет. Но я знаю, куда их увезли.

- Откуда?

- Об этом все говорят. Но здесь их уже нет. Их увезли к Вратам Сан Никколо, вместе с телами нищих. Там уже вырыли яму, и тела закопают утром... Ох, Эцио..!

Он ответил спокойно, но жестко.

- Я должен убедиться, что тела отца и братьев будут преданы земле подобающим образом. Может я и не могу заказать заупокойную мессу, но не допущу пренебрежения к их телам.

- Я пойду с тобой!

- Нет! Ты хоть понимаешь, что будет, если тебя поймут вместе со мной?

Кристина нахмурилась.

- Я должен убедиться, что мать и сестра в безопасности и отомстить за убийство. - Он замолчал. - Потом я уеду. Возможно, навсегда. Вопрос только в одном - уедешь ли ты со мной?

Она отступила, и Эцио увидел в ее глазах противоречивые эмоции. Там была любовь, глубокая и сильная. Но Эцио сейчас выглядел куда старше, чем когда они впервые обнялись. А она все еще оставалась девчонкой. Как он может заставить ее принести такую жертву?

- Я хотела бы, Эцио, ты даже не представляешь, как сильно, но моя семья... Это убьет моих родителей...

Эцио нежно посмотрел на нее. Хоть они и были одного возраста, горький опыт, полученный им, сделал его намного старше ее, отдалив их друг от друга. У него не осталось семьи, на которую можно было опереться. Только обязанности и долг. И это был тяжкий груз.

- Зря я спросил. Кто знает, возможно, когда-нибудь, когда все останется позади...

Он поднял руки и снял с шеи тяжелую серебряную подвеску на отличной золотой цепочке. Протянул девушке. Подвеска оказалась простой, - заглавная «А», первая буква родового имени.

- Я хотел бы, чтобы она осталась у тебя. Возьми, прошу.

Дрожащими руками она приняла подарок и тихонько всхлипнула. Потом отвела взгляд, а когда подняла глаза, чтобы поблагодарить его и извиниться, его уже не было.

На южном вале Арно, возле Ворот Сан Никколо, Эцио отыскал открытое место, куда сложили тела перед погребением. Двое виновато выглядящих стражников-новобранцев, поставленных присматривать за телами, прошли мимо, крепко сжав в руках алебарды. Их униформа привела Эцио в состояние гнева, и первым желанием его было убить стражников. Но потом он решил, что для сегодняшнего дня было уже достаточно смертей, а два этих простых деревенских паренька, которые просто ошиблись в выборе униформы, заслуживают чего-то лучшего. Сердце его замерло, когда он увидел, что тела отца и братьев лежат на краю ямы. С шей у них свисали обрывки веревок. Он заметил, что один из стражников уже клюет носом, а значит, как только они уснут, он сможет отнести тела к реке, куда он уже притащил открытую лодку, которую загрузил хворостом. Было три часа ночи, - первый луч рассвета только показался на востоке, - когда Эцио закончил работу. Он стоял в одиночестве на вале у реки и смотрел, как полыхает лодка, в которой лежали тела его родных. Течение медленно несло ее в открытое море. Эцио смотрел до тех пор, пока свет от пламени не погас вдали.

Он отправился обратно в город, с трудом убеждая себя не поддаваться горю. Нужно было еще слишком много сделать. Но сперва он должен отдохнуть. Он вернулся в хижину сторожа и постарался устроиться там с хоть каким-то подобием удобства. Немного сна не повредит, но даже во сне мысли его были с Кристиной.

Где находится дом сестры Аннетты, он приблизительно знал, хотя никогда там не был и не встречался с Паолой. Но Аннетта была его кормилицей, и он знал, что если кому и может довериться, так это ей. Ему хотелось узнать, известно ли ей о судьбе, постигшей отца и братьев Эцио, и если это так, рассказала ли она об этом его матери и сестре. Он пробирался к дому с огромной осторожностью, используя обходные пути, где было возможно бежал по крышам, избегая оживленных улиц, по которым, как он был уверен, рыскали люди Уберто Альберти. Эцио не мог не думать о предательстве Альберти. Какие интриги привели его отца на виселицу? Что заставило Альберти приговорить к смертной казни одного из лучших друзей?

Эцио знал, что дом Аннетты стоит на улице к северу от кафедрального собора. Но когда он отыскал эту улицу, то растерялся. Дома оказались совершенно одинаковыми, а он не мог мешкать с делом, которое задумал. Он уже собирался уйти, когда заметил Аннетту, идущую с площади Сан Лоренцо.

Низко опустив капюшон, чтобы не было видно лица, Эцио пошел ей на встречу, заставляя себя идти нормальным шагом, и смешался с людьми, спешащими по своим делам. Он коснулся Аннетты и был рад, увидев, что она ни единым звуком не показала, что узнала его. Несколько ярдов он шел за ней следом, стараясь попадать в шаг.

- Аннетта...

Она даже не повернулась.

- Эцио. Вы невредимы...

- Я бы так не сказал. Как мать и сестра?

- В безопасности. Ох, Эцио, ваш бедный отец. И Федерико. И, - она сдавленно всхлипнула, - маленький Петруччо... Я ходила в Сан Лоренцо поставить свечу за них Святому Антонио. Говорят, скоро вернется герцог, и возможно...

- Мама и сестра уже в курсе?

- Мы решили, что лучше им не знать об этом.

Эцио на мгновение задумался.

- Так даже лучше. Я сам расскажу им, когда придет время, - он осекся. - Ты отведешь меня к ним? Я не знаю точно, где живет твоя сестра.

- Я как раз направляюсь туда. Следуйте за мной.

Эцио чуть отстал, не теряя ее из виду.

Здание, в которое вошла Аннетта, имело ужасающий, похожий на крепость, фасад, такой же, как у большинства больших зданий во Флоренции, но, оказавшись внутри, Эцио был поражен. Это было не совсем то, что он ожидал увидеть.

Он оказался в огромном роскошно обставленном зале с высокими потолками. Было темно, а воздух казался душным. На стенах развешены бархатные портьеры в темно-красных и темно-коричневых тонах и роскошные гобелены, недвусмысленно изображавшие сцены наслаждения и сексуального удовольствия. Зал был освещен свечами, и запах ладана витал в воздухе. Мебель главным образом состояла из глубоких кушеток с подушками из дорогой парчи и низких столиков, на которых были расставлены подносы с вином в серебряных графинах, бокалы из венецианского стекла и золотые чаши с засахаренными фруктами. Но еще более удивительными были люди в комнате. Дюжина прекрасных девушек, одетых в шелк и сатин зеленых и желтых цветов, по последней флорентийской моде. Но у их юбок был разрез до середины бедра, а платья имели такой глубокий вырез, что просто не оставляли простора для воображения. По трем стенам комнаты из-под гобеленов и портьер выглядывали двери. Эцио оглянулся, не зная, куда смотреть.

- Ты уверена, что мы пришли, куда надо? - спросил он у Аннетты.

- Конечно, да! Смотри, сестра встречает нас.

Элегантная женщина, примерно лет тридцати, но выглядящая лет на 10 моложе, прекрасная, словно принцесса, только одетая куда лучше, приближалась к ним от центра комнаты. Легкая грусть в ее глазах только увеличивала исходящую от нее сексуальность, и Эцио непроизвольно почувствовал возбуждение. Она протянула ему руку, усыпанную драгоценностями.

- Рада познакомиться с тобой, мессер Аудиторе, - она оценивающе посмотрела на него. - Аннетта хорошего мнения о тебе. Понимаю, почему.

Эцио, не смотря на собственное смущение, проговорил:

- Спасибо на добром слове, госпожа.

- Прошу, зови меня Паола.

Эцио поклонился.

- Спасибо за то, что приютили мою семью, госпо... то есть Паола.

- Это меньшее, что я могла сделать.

- Они здесь? Я могу их увидеть?

- Нет. Это не место для них, как и не для некоторых моих клиентов, занимающих весьма высокое положение в городе.

- А это место... Простите, это то, о чем я думаю?..

Паола рассмеялась.

- Конечно! Но я надеюсь, оно выгодно отличается от борделей в доках. Сейчас еще слишком рано для работы, но нам нравится быть готовыми. Всегда есть редкая возможность получить вызов на дом.

- Где же мама и Клаудия?

- Они в безопасности, Эцио. Но для тебя слишком рискованно встречаться с ними сейчас. Мы не имеем права подвергать их безопасность риску.

Она подвела его к дивану и присела вместе с ним. Тем временем Аннетта скрылась в недрах дома по каким-то своим делам.

- Думаю, будет намного лучше, - продолжила Паола, - если ты вместе с ними покинешь Флоренцию при первой же возможности. Но сперва тебе нужно отдохнуть. Надо набраться сил перед долгой и трудной дорогой, что предстоит тебе. Возможно, тебе понравится...

- Только вы, Паола, - мягко перебил он ее. - Вы правы во всем, но сейчас я не могу остаться.

- Почему? Куда ты собрался?

В течение их разговора, Эцио смог успокоиться, а все его лихорадочные мысли уложились в голове. В конце концов, он даже обнаружил, что отошел от страха и шока, сумел принять решение и поставить перед собой цель, которые, как он знал, были окончательными.

- Убить Уберто Альберти, - произнес он.

Паола взволнованно посмотрела на него.

- Я понимаю, ты жаждешь отомстить, но гонфалоньер опасный противник, а ты совсем не убийца, Эцио...

«Судьба сделала меня им», - подумал он, а вслух сказал, так вежливо, как только мог:

- Не нужно нравоучений.

Мысли его были сосредоточены на миссии. Паола, проигнорировав его слова, закончила:

- ...но я сделаю из тебя убийцу.

Эцио недоверчиво взглянул на нее.

- И вы хотите научить меня убивать?

- Не убивать. Я научу тебя, как остаться в живых, - она встряхнула волосами.

- Не уверен, что мне это пригодится.

Она засмеялась.

- Я знаю, о чем ты думаешь, но позволь мне отточить твоё мастерство. Думай о моем обучении как о дополнительном оружии в твоём арсенале.

Она начала с того, что попросила свободных девушек и доверенных слуг помочь ей. В саду, огражденном высокими стенами, позади дома, она разделила двадцать человек на пять групп, по четыре в каждой. Потом они стали ходить по саду, крест-накрест по направлению друг к другу, разговаривая и смеясь. Некоторые девушки кидали на Эцио откровенные взгляды, улыбались ему. Эцио, который стоял в стороне, вцепившись в свою сумку, не обращал на них внимания.

- А теперь, - сказала ему Паола, - запомни: осторожность - главное в нашей профессии. Мы ходим по улицам открыто. Всегда на виду, но остаемся невидимыми. Тебе необходимо научиться быть похожим на нас, смешиваться с толпой. - Эцио хотел запротестовать, но она сжала его руку. - Я знаю! Аннетта рассказала, что ты неплохо проявил себя, но ты должен научиться большему. Я хочу, чтобы ты выбрал группу и попытался смешаться с ней. Не отходи от них. Помнишь, что случилось во время казни? Эти жестокие слова ужалили Эцио, но задание не показалось ему сложным и предусматривало определенную свободу действий. Впрочем, под ее неотрывным взглядом, он обнаружил, что это куда сложнее, чем он ожидал. Он постоянно на кого-то наталкивался, спотыкался, заставляя девушек и мужчин-слуг из выбранной им группы, отходить от него, оставляя беззащитным. Сад был прекрасным местом, пышным и солнечным, в ветвях декоративных деревьев щебетали птицы, но мысленно Эцио бродил по лабиринту недружелюбных городских улиц, видя в каждом прохожем потенциального врага. Постоянная критика Паолы уже начала раздражать. «Осторожней! - говорила она. - Не иди как слон! Проявляй к девочкам побольше уважения! Двигайся аккуратнее, когда ты рядом с ними! Как ты планируешь слиться с толпой, если расталкиваешь их? Ох, Эцио! Я ожидала от тебя большего!

В конце концов, на третий день, едкие комментарии стали совсем невыносимыми. А на утро четвертого дня, Эцио умело проскользнул прямо под носом у Паолы, не моргнув глазом. В итоге, через 15 минут молчания, Паола воскликнула: «Хорошо, Эцио! Я сдаюсь! Где ты?»

Довольный собой, Эцио вышел из группы девушек, выглядящий точно как один из молодых слуг. Паола улыбнулась и похлопала в ладоши, остальные поддержали аплодисментами.

Но обучение еще не было окончено.

- Теперь, когда ты научился скрываться в толпе, - сказала ему Паола на следующее утро, - я покажу тебе, как использовать твоё новое умение. Я научу тебя воровать.

Эцио попытался отказаться, но Паола объяснила:

- Это необходимый навык для выживания, который может пригодиться тебе в путешествии. Человек без денег - ничто, а ты не всегда можешь быть в состоянии заработать их честным путем. Я уверена, ты никогда не используешь это искусство против

тех, кто находится в таком же положении, как ты, и против союзников. Думай об этом навыке, как о ноже, который ты редко используешь, но точно знаешь, что он у тебя есть. Научиться обчищать карманы было немного сложнее. Он довольно успешно подкрадывался к девушке, но как только его рука притрагивалась к ее поясу, она кричала: «Вор!» и отбегала прочь. Когда ему наконец-то удалось стащить пару монет, он остановился на месте, торжествуя. Но почти сразу ему на плечо легла тяжелая рука. «Ты арестован!», - объявил, ухмыляясь, слуга, который играл роль городского стражника. Но Паола веселья не поддержала.

- Если тебе удалось ограбить кого-то, Эцио, - сказала она, - не стой на месте.

Теперь обучение пошло быстрее. Осознав необходимость полученных умений, Эцио убедился, что они жизненно необходимы ему для успешного завершения миссии. Однажды, когда он успешно «обокрал» десяток девушек за пять минут, без нотаций Паолы, она объявила, что обучение окончено.

- Возвращайтесь к работе, девочки, - приказала она. - Игры закончились.

- Мы не можем остаться? - заворчали девушки, неохотно отходя от Эцио. - Он такой милый, такой невинный...

Но Паола была неумолима.

Когда они остались в саду вдвоем, она подошла к Эцио, который как всегда держал одну руку на своей сумке.

- Теперь, когда ты научился подкрадываться к врагу, - проговорила она, - нужно подобрать тебе подходящее оружие, что-то поизящнее меча.

- Что вы мне посоветуете?

- У тебя уже есть ответ!

Она протянула ему сломанное лезвие и наруч, которые Эцио забрал из сундука отца, и которые, как он полагал, лежат в безопасности в его сумке. Изумленный, он открыл сумку и внимательно все осмотрел. Вещей не было.

- Паола! Но как..?

Паола рассмеялась.

- Как они оказались у меня? Я использовала те же навыки, которым обучила тебя. Но у меня есть еще один небольшой урок. Теперь, научившись обчищать чужие карманы, ты должен быть начеку в отношении тех, кто обладает теми же навыками. Эцио взглянул на сломанный клинок, который она вернула ему вместе с наручем.

- Здесь какой-то механизм, но он не работает...

- Верно, - отозвалась она. - Полагаю, ты знаком с мессером Леонардо?

- Да Винчи? Да, мы встречались раньше. - Он оборвал речь, заставляя себя не поддаваться болезненным воспоминаниям. - Но как художник может мне помочь?

- Он намного больше, чем просто художник. Отнеси ему всё и увидишь.

Эцио, выслушав, признал её правоту и сказал:

- Прежде чем я уйду, позволь задать последний вопрос?

- Конечно.

- Почему вы помогаете мне, чужаку?

Паола грустно улыбнулась. Вместо ответа она задрала рукав платья, демонстрируя бледное тонкое запястье, чью красоту уродовали длинные темные шрамы лежащие крест-накрест. Эцио увидел и понял. Было время, когда её пытали.

- Я знаю, что такое предательство, - ответила Паола.

И Эцио понял, что нашел в ней родственную душу.

Хотя мастерская Леонардо и находилась недалеко от великолепного Дома Удовольствий Паолы, на оживленной задней улочке города, Эцио решил пересечь широкую и оживленную Соборную площадь. Там он особенно успешно применил новоприобретенное умение, смешавшись с толпой. Прошло уже добрых десять дней со дня казни, и было похоже, что Альберти полагал, будто Эцио давно уже покинул Флоренцию. Но у Эцио не было ни шанса подобраться к Уберто Альберти, судя по количеству расставленных по площади стражников. Кроме того, на площади наверняка могли быть одетые в штатское агенты. Эцио низко опустил голову, особенно когда проходил между кафедральным собором и Баптистерием, где было больше всего людей. Он прошел мимо колокольни Джотто, которая возвышалась над городом уже сто пятьдесят лет, и огромной красной массы кафедрального купола Брунеллески, завершеного всего 15 лет назад, не обратив на них никакого внимания. Хотя от вида французских и испанских туристов, рассматривающих здания с неподдельным восторгом и восхищением, в сердце разгорался огонек гордости за город. Но был ли его город на самом деле чем-то большим?

Отгоняя мрачные мысли, Эцио быстро свернул на юг от площади, к мастерской Леонардо. Студия находилась еще в большем хаосе, чем раньше, хотя в этом безумии различалось какое-то подобие системы. К механизмам, которые Эцио рассматривал в прошлый визит, добавилась висящая под самым потолком странная конструкция из дерева, похожая на скелет огромной летучей мыши. На один из мольбертов был прикреплен большой лист пергамента, на котором изображался массивный и невероятно запутанный узел, а в углу было неразборчиво что-то написано рукой Леонардо. Аньоло в компании еще одного ассистента, Инноченто, пытался навести в студии хоть какой-то порядок.

- Он на заднем дворе, - сказал Аньоло Эцио. - Только будь настойчивей, иначе он не обратит на тебя внимания.

Когда Эцио нашел Леонардо, тот был занят необычным делом. В любом месте Флоренции вы можете купить певчих птиц в клетках. Люди держат их на подоконниках для собственного удовольствия, а когда они умирают, просто выбрасывают. Леонардо был окружен дюжиной таких клеток и, как увидел Эцио, выбирал одну из них, открывал маленькую ивовую дверку, переворачивал клетку вверх, и смотрел, как коноплянка (в данный момент) находит выход, выбирается из клетки и улетает на свободу. Леонардо внимательно наблюдал за освобождением и уже собирался заняться следующей клеткой, когда заметил Эцио.

Он обаятельно улыбнулся, тепло посмотрел на гостя, и стремительно обнял Эцио. Затем его лицо помрачнело.

- Эцио, друг мой! Я не ожидал увидеть тебя здесь после того, что тебе пришлось пережить. Но я рад, добро пожаловать! Только подожди еще минутку. Это не займет много времени.

Эцио глядел, как он отпускает, одну за другой, различных птиц - дроздов, снегирей, жаворонков и даже невероятно ценных соловьев, на свободу и внимательно следит за каждой.

- Чем ты занят? - удивленно поинтересовался Эцио.

- Любая жизнь бесценна, - отозвался Леонардо. - Мне невыносимо видеть, как эти прекрасные создания томятся в неволе только за их прекрасные голоса.

- И ты только поэтому решил отпустить их? - не поверил Эцио.

Леонардо усмехнулся, но ответил не вполне откровенно.

- Я не ем мяса. Почему несчастные животные должны умирать только потому, что мы находим их плоть вкусной?

- Тогда для фермеров не было бы работы.

- Пусть выращивают зерно.

- Да ты представь, как это было бы скучно. Тем более, рынок оказался бы довольно скоро переполнен зерном.

- Ох, я и забыл, что ты финансист. И совсем позабыл о манерах. Что привело тебя сюда?
- Я пришел попросить об услуге, Леонардо.
- И чем же я могу тебе помочь?
- Есть кое-что, что я... получил от отца. И я хотел бы, чтобы ты починил это, если сможешь.

Глаза у Леонардо загорелись.

- Конечно! Пойдем. Воспользуемся внутренней комнатой, пока эти мальчишки как обычно наводят в мастерской хаос. Иногда я удивляюсь, зачем вообще их нанял! Эцио рассмеялся. Он уже начал догадываться, зачем, но в этот самый момент понял, что первая, и единственная, любовь Леонардо - работа.
- Сюда.

Небольшая внутренняя комната Леонардо оказалась еще в большем беспорядке, чем студия. Но среди массы книг, эскизов, бумаг, исчерканных неразборчивыми каракулями, художник, как всегда безупречно (и не совместимо с окружающей обстановкой) одетый и надушенный, осторожно переложил одну кучу на другую, освобождая место на большом столе для рисования.

- Извини за беспорядок, - сказал он. - Но наконец-то мы в оазисе! Давай посмотрим, что ты мне принес. Может, сперва желаешь бокал вина?
- Нет, нет.
- Хорошо, - нетерпеливо отозвался Леонардо. - Тогда давай!

Эцио осторожно вытащил клинок, наруч и механизм, которые он предварительно завернул в загадочную пергаментную страницу, что лежала рядом с ними в сундуке. Леонардо, полный самоуверенности, приладил части устройства друг к другу, но неудачно. На мгновение художник даже впал в отчаяние.

- Не знаю, Эцио, - проговорил он. - Механизм старый, очень старый, и очень сложный. А конструкция намного опережает наше время. Фантастика! - Он поднял взгляд. - Я никогда раньше не видел ничего подобного. Но боюсь, я мало что могу сделать без чертежей.

И тут он заметил пергаментный лист, в который уже собрался завернуть части устройства.

- Подожди-ка! - воскликнул он, рассматривая лист.

Леонардо отложил лезвие и наруч в сторону, сосредоточившись на листе и сверяясь с ним, принялся копаться в ряде старинных книг и манускриптов на ближайшей полке. Наконец, найдя пару нужных, он положил их на стол и начал осторожно перелистывать.

- Что ты делаешь? - немного нетерпеливо спросил Эцио.
- Это очень интересно, - ответил Леонардо. - Она выглядит совсем как страница из Кодекса.
- Как что?

- Как страница из одной древней книги. Она не была напечатана, это манускрипт. Невероятно старый. У тебя есть еще страницы?

- Нет.
- Жалко. Люди не должны вырывать страницы из книг, подобных этой. - Леонардо замолчал. - Она принесет куда больше пользы целой...
- Что?

- Ничего. Смотри, содержимое страницы зашифровано. Но если моя теория верна, то, судя по этим рисункам, может быть, что...

Эцио подождал, но Леонардо полностью ушел в себя. Он присел и терпеливо подождал, пока Леонардо внимательно изучал и рассматривал книги и свитки, делая перекрестные ссылки и заметки, для чего пользовался исключительно левой рукой, и писал в зеркальном отражении. Эцио подумал, что он, оказывается, был не единственным, за кем постоянно следили. То немного, что он увидел в студии, не вызывало сомнений - если Церковь пронюхает, чем занимается Леонардо, ему не поздоровится.

Леонардо вновь занялся поисками. Эцио задремал.

- Поразительно! - пробурчал сам себе Леонардо и повторил, повысив голос. - Поразительно! Если мы переставим буквы, а потом выберем каждую третью...

Он погрузился в работу, зарисовывая лезвие, наруч и механизм рядом с ними. Потом извлек из-под стола ящик с инструментами, поставил на стол и спокойно погрузился в работу. Прошел час, затем два. Эцио мирно спал, убаюканный теплом комнаты и тихими ударами и скрипами, производимыми работающим Леонардо. А потом...

- Эцио! Проснись!

- А?

- Смотри!

И Леонардо указал на стол. Лезвие кинжала, полностью восстановленное, крепилось на странный механизм, который в свою очередь был прикреплен к наручу. Все выглядело отполированным, словно было только что создано.

- Матовая полировка, - пояснил Леонардо. - Как на римских доспехах. Что-то, что поглотит блеск от солнца, и не отразит его обратно.

Эцио поднял оружие и повертел в руках. Тонкое, но крепкое лезвие было прекрасно сбалансировано. Эцио никогда не видел подобного. Кинжал с пружинным механизмом, который легко можно спрятать на запястье. Все, что нужно сделать - это согнуть запястье, и выскочит клинок.

- Я думал, что ты мирный человек, - произнес Эцио, вспомнив птиц.

- Мною властвуют идеи, - решительно ответил Леонардо. - Всегда. А теперь... - добавил он, доставая молоток и зубило из ящика с инструментами. - Ты же правша? Отлично.

Положи безымянный палец правой руки на эту колоду.

- Что ты делаешь?

- Прости, но это необходимо. Владелец клинка должен доказать свою преданность оружию.

- Что это значит?

- Он будет работать только в том случае, если отрубить тебе палец.

Эцио моргнул. В его голове пронеслись картины из прошлого: он вспомнил, как Альберти уверял его отца в дружбе, и как потом Альберти убеждал его после ареста отца, вспомнил казнь и свой собственный побег. Он стиснул зубы.

- Давай!

- Может лучше использовать топор? Разрез будет чище, - Леонардо вытащил из-под стола еще один ящик. - А теперь давай палец, сюда.

Эцио окаменел, когда Леонардо занес топор. Он зажмурился и услышал, как лезвие пронеслось вниз, и - бац! - вонзилось в деревянную колоду. Боли не было. Он открыл глаза. Топор воткнулся в колоду. В дюйме от его невредимой руки.

- Ах ты, ублюдок!

Эцио был шокирован и разъярен столь безвкусной шуткой.

Леонардо поднял руки вверх.

- Тише! Это же было весело! Жестоко, согласен, но я просто не смог удержаться. Я хотел убедиться в твоей решимости. Видишь ли, изначально механизм действительно требовал жертву. Это было связано с древней церемонией инициации, как я полагаю. Но я внес пару изменений. Так что можешь оставить палец себе. Смотри, клинок из-за моих изменений выскакивает легко, и я сделал так, чтобы при выходе лезвия эфес поворачивался. Все что тебе нужно - это помнить, что запястье надо изогнуть в момент выхода лезвия. Так твой палец останется при тебе. Но можешь носить перчатки - клинок очень острый.

Эцио был слишком восхищен - и благодарен, - чтобы продолжать злиться.

- Это невероятно, - проговорил он, несколько раз пощелкав лезвием, пока не убедился, что механизм работает превосходно. - Потрясающе!

- Правда, - согласился Леонардо. - Но ты уверен, что у тебя больше нет похожих страниц?

- Прости...

- Ладно. Слушай, если вдруг отыщешь еще, принеси их мне.
- Даю слово. Сколько я тебе должен за...
- Не стоит. Это было очень познавательно. И не...

Их перебил оглушительный стук в входную дверь мастерской. Леонардо поспешил ко входу, так как Аньоло и Инноченто выглядели испуганными. Человек по ту сторону двери заорал:

- Открывайте! Приказ флорентийской стражи!
- Минутку! - Отозвался Леонардо, и добавил Эцио, понизив голос, - Останься здесь.

Потом открыл дверь и остановился, преградив стражнику путь.

- Вы Леонардо да Винчи? - спросил стражник звучным, грозным, официальным тоном.
- Чем я могу вам помочь? - отозвался Леонардо, выходя на улицу и заставляя стражника отступить на шаг.
- Я уполномочен задать вам пару вопросов.

Леонардо исхитрился не дать стражнику войти.

- А что случилось?
- Поступило сообщение о том, что вы общаетесь с врагом города.
- Я? Общаюсь? Нелепо!
- Когда вы в последний раз виделись или разговаривали с Эцио Аудиторе?
- С кем?

- Не притворяйся идиотом. Мы знаем, что ты близко общался с Аудиторе. Продай его матери свою мазню. Может немного освежить твою память?

Стражник ударил Леонардо в живот тупым концом алебарды. С громким криком боли Леонардо согнулся и рухнул на землю, а стражник пнул его.

- Теперь ты согласен сотрудничать? Ненавижу художников. Сборище гомиков.

Это дало Эцио время незаметно выбраться наружу и подкрасться к стражнику со спины. Улица оказалась пуста. Задняя часть потной шеи стражника была не защищена. Эцио поднял руку, приводя механизм в действие, клинок беззвучно выскочил. Одним ловким движением раскрытой правой руки, Эцио вонзил клинок в шею врага. Недавно заточенное лезвие легко и без сопротивления вошло в тело. Стражник умер раньше, чем тело упало на землю. Эцио помог Леонардо подняться.

- Спасибо, - проговорил художник с дрожью в голосе.
- Извини, я не должен был его убивать, но...
- Иногда у нас нет иного выбора. Но я ожидал подобного...
- О чем ты?

- Я был замешен в деле Сальтарелли.

И тут Эцио вспомнил. Джакомо Сальтарелли работал натурщиком. Несколькими неделями ранее его анонимно обвинили в занятиях проституцией, и Леонардо, вместе с еще тремя художниками, попали на скамью подсудимых. Дело было закрыто за недостаточностью доказательств, но от пятна на репутации уже нельзя было избавиться.

- Но здесь не преследуют за гомосексуализм, - сказал он. - Кажется, немцы придумали кличку для таких мужчин. Они называют их «флорентийцами».

- Официально я все еще вне закона, - буркнул Леонардо. - Ты всё ещё можешь отделаться штрафом. С такими людьми у власти, как Альберти...

- А что с телом?

- О, - проговорил Леонардо. - Это же просто удача. Помоги мне втащить его внутрь, пока никто не увидел. Я положу его с остальными.

- Удача? С остальными?

- В подвале достаточно прохладно. Они сохраняются в течение недели. Госпиталь предоставляет мне один-два трупа, а если потребуется, то и больше, для опытов. Все неофициально, конечно. Я вскрываю их и изучаю, это помогает мне в исследованиях. Эцио взглянул на друга с еще большим любопытством.

- В чем?

- Думаю, я говорил тебе, что мне нравится разбираться, как устроены вещи. Они внесли тело внутрь, и два ассистента Леонардо утащили его через дверь вниз по ступенькам.

- Но что если они пришлют кого-нибудь следом, - выяснить, что с ним случилось? Леонардо пожал плечами.

- Я все буду отрицать, - он подмигнул. - У меня есть в городе влиятельные друзья, Эцио. Эцио пришел в замешательство.

- Ну, если ты вполне уверен...

- Только не рассказывай никому о случившемся.

- Не расскажу. Спасибо тебе, Леонардо. За все.

- Не за что. И не забудь, - в его глазах вспыхнул огонек голода, - если найдешь другие страницы из Кодекса, принеси мне. Кто знает, какие новые изобретения могут быть описаны на них...

- Обещаю.

Эцио проделал путь в дом Паолы в приподнятом настроении, хотя не забывал, что необходимо скрываться в толпе, когда шел на север через город. Паола с радостью встретила его.

- Ты задержался дольше, чем я ожидала.

- Леонардо любит поболтать.

- Я надеюсь, это не все, чем он занимался?

- Нет. Взгляни!

Он показал ей клинок на запястье, выдвинув его показным жестом из-под рукава, и мальчишески улыбнулся.

- Впечатляет.

- Да, - Эцио выглядел восхищенным. - Конечно, нужно еще потренироваться. Мне бы хотелось оставить при себе все пальцы.

Паола помрачнела.

- Эцио, похоже, ты все обдумал. Я дала тебе знания, а Леонардо - новый клинок. - Она вздохнула. - Теперь все, что от тебя требуется - сделать дело.

- Да, - тихо согласился Эцио, его настроение испортилось. - Вопрос только в том, как лучше подобраться к мессеру Альберти.

Паола задумалась.

- Герцог Лоренцо возвращается. И он не обрадуется казни, которую провел в его отсутствие Альберти. Но он бессилен оспорить решение гонфалоньера. Однако завтра ночью в монастыре Санта-Кроче пройдет выставка последних работ маэстро Верроккьо. Весь высший свет Флоренции будет там, включая Альберти. - Она внимательно посмотрела на Эцио. - Я думаю, тебе тоже нужно быть там.

Эцио узнал, что помимо остальных скульптур, будет выставлена бронзовая статуя Давида, библейского героя, с которым ассоциировала себя Флоренция, расположенная между двумя Голиафами - Римом на юге и жадными до земель королями Франции на севере. Она была создана по заказу семьи Медичи и должна была быть установлена в Палаццо Веккьо. Маэстро начал работу над ней три или четыре года назад, и ходили слухи, что голова статуи была создана на основе головы одного из молодых учеников Верроккьо, - а точнее с Леонардо да Винчи. В любом случае, это вызвало сильное волнение, и люди уже обсуждали, что именно одеть на это важное мероприятие.

Эцио получил информацию к размышлению.

- Позаботься о моих матери и сестре, пока меня не будет, - попросил он Паолу.

- Как если бы они были моей семьей.

- И если со мной что-то случится...

- Верь, и все будет хорошо.

Эцио пришел к Санта-Кроче уже вечером. До этого он тщательно подготовился к заданию, потренировался с оружием, пока не убедился, что обращается с ним вполне

профессионально. Его мысли крутились вокруг смерти отца и братьев, и жестокий голос Альберти, выносящего приговор, все так же ясно звучал у него в ушах. Когда Эцио достиг места, он заметил две фигуры, которые явно направлялись в его сторону, отделившись от небольшого отряда телохранителей, на чьей униформе изображались пять красных шаров на желтом фоне. Они приближались, споря, и он поспешно скрылся в пределах слышимости. Они остановились перед портиком церкви, и он подкрался ближе, оставаясь вне поля зрения и прислушиваясь. Мужчины разговаривали на повышенных тонах. Одним оказался Уберто Альберти, другим - худой молодой человек лет двадцати пяти с большим носом и решительным лицом, богато одетый в алую шапку и мантию, под которой виднелась серебристо-серая рубашка. Герцог Лоренцо - *Il Magnifico*, как звали его люди, - презируемый Пацци и их союзниками.

- Ты не вправе требовать от меня объяснений, - проговорил Альберти. - Я основывался на полученной информации и неопровержимых доказательствах. И действовал в соответствии с законом и в рамках своих полномочий!

- Нет! Ты перешел все границы, гонфоланьер, и воспользовался моим отсутствием во Флоренции! Я более чем недоволен!

- Тебе ли говорить о границах? Не ты ли, захватил власть над городом, присвоил себе титул герцога без согласия Синьории или кого-либо еще!

- Это неправда!

Альберти саркастически рассмеялся.

- Ну конечно, ты всегда чист! Как похоже на тебя! Ты окружил себя в Кареджи людьми, которых большинство из нас посчитало бы опасными вольнодумцами - Фичино, Мирандола, и это ничтожество - Полициано! Что ж, теперь мы знаем, сколь велико твое влияние! Точнее сказать ничтожно! Это был важный урок для меня и моих союзников.

- Да, твои союзники - Пацци. В этом всё и дело?

Альберти тщательно осмотрел ногти на пальцах, прежде чем ответить.

- Остерегись, Лоренцо. Такие речи путь к ненужному вниманию, - но это прозвучало не слишком уверенно.

- Это тебе следует следить за тем, что говоришь, гонфоланьер. Советую тебе передать это так же своим сообщникам. Так сказать дружеское предупреждение. С этими словами Лоренцо отступил под защиту охраны и удалился в монастырь. Через мгновение Альберти последовал за ним, ворча под нос какие-то ругательства. Эцио слышалось, будто он проклинал сам себя.

Монахи по случаю торжества были одеты в золотую парчу, которая отбрасывала блики от сотен свечей. На кафедре около фонтана играла группа музыкантов, а по другую сторону стояла прекрасная бронзовая статуя в половину человеческого роста. Эцио пробрался внутрь, прячась за колоннами и в тени, и увидел Лоренцо, поздравляющего художника. Эцио так же заметил загадочного человека в глубоком капюшоне, который присутствовал на казни вместе с Альберти.

Альберти остановился на некотором расстоянии, окруженный восхищенными представителями местной аристократии. Из того, что он услышал, Эцио понял, что они поздравляют гонфоланьера с освобождением города от язвы семьи Аудиторе. Он и не подозревал, что у его отца в городе было так много врагов, больше чем друзей, но понял, что они посмели выступить против него, только когда его настоящий союзник, Лоренцо, уехал. Эцио улыбнулся, когда одна из аристократок сказала Альберти, что надеется, что Герцог оценит его прямоту. Было ясно, что Альберти не понравился этот намек. А потом он услышал больше.

- А что с другим сыном? - поинтересовалась аристократка. - Эцио, кажется? Ему удалось сбежать?

Альберти выдавил улыбку.

- Мальчишка не опасен. У него руки слабые, а разум еще слабее. Мы поймем и казним его еще до конца этой недели.

Компания вокруг него рассмеялась.

- И что дальше, Уберто? - спросил какой-то мужчина. - Цепь Синьории?

Альберти развел руками.

- Все в руках божьих. В любом случае, я продолжал бы хранить Флоренцию, верно и усердно.

- Если это твой выбор, знай, ты всегда найдешь у нас поддержку.

- Крайне признателен. Увидим, что принесет будущее.

Альберти скромно улыбнулся.

- А теперь друзья мои давай те оставим в покое политику и насладимся великолепным произведением искусства, щедро подаренным благородному Медичи.

Эцио дождался, пока компания Альберти удалится к статуе Давида. В это время Альберти взял стакан вина и осмотрел сцену, в его глазах смешались уверенность и осторожность. Эцио понял - вот его шанс! Все взгляды были направлены на статую, у которой уже стоял Верроккьо, готовый произнести краткую речь. Эцио скользнул к Альберти.

- За твой комплимент в мою сторону я мог бы перерезать тебе глотку, - прошипел Эцио. - Тогда все бы поняли, что ты солгал.

От его слов глаза Альберти округлились от ужаса.

- Ты?!

- Да, гонфалоньер. Эцио. И я здесь чтобы отомстить за убийство моего отца, твоего друга, и моих невиновных братьев!

Альберти расслышал глухой звон пружины, металлический звук, и увидел клинок, направленный к его горлу.

- Прощай, гонфалоньер, - холодно произнес Эцио.

- Подожди! - воскликнул Альберти. - Будь ты на моем месте, ты поступил так же, чтобы защитить тех, кого любишь! Прости, Эцио, у меня не было выбора...

Эцио приблизился, игнорируя просьбы. Он знал - выбор есть всегда, единственно верный, просто Альберти был слишком глуп, чтобы сделать его.

- Ты думаешь, я не смогу защитить тех, кого люблю? Ты пощадил бы моих мать и сестру, если б добрался до них? Но давай о деле, где документы, которые я передал тебе? Ты должен был где-то их спрятать

- Ты никогда их не получишь! Я всегда ношу их с собой!

Альберти попытался оттолкнуть Эцио, и уже вдохнул, чтобы позвать на помощь стражу, но Эцио шагнул вперед и вонзил клинок ему в шею, перерезав артерию. Булькнув, Альберти упал на колени, инстинктивно схватившись руками за шею в бесплодной попытке остановить кровь, что хлестала на траву. Когда он упал на бок, Эцио склонился над телом и, срезав с пояса сумку, заглянул внутрь. Альберти в своих последних надменных словах все-таки сказал правду. Документы лежали внутри. Вокруг царил молчание. Верроккьо замолчал, и гости стали оглядываться, еще не понимая, что произошло. Эцио стоял и смотрел на них.

- Да! Все что вы видите - правда! Это возмездие! Семья Аудиторе все еще жива! Я жив! Я

- Эцио Аудиторе!

Он вдохнул, и тут закричала женщина:

- Ассасин!

Воцарился хаос. Телохранители Лоренцо окружили его, обнажив мечи. Гости бросились врассыпную, кое-кто попытался убежать, другие - храбро старались схватить Эцио, хотя по-настоящему сделать это никто не осмелился. Эцио заметил фигуру в монашеском балахоне, скрывающуюся в тени. Верроккьо стоял, закрывая собой свою статую. Женщины визжали, мужчины кричали, городская стража ворвалась в монастырь, не понимая, кого преследовать. Эцио воспользовался этим, взобравшись на крышу монастыря по колонне, и оглядел внутренний двор. Врата, ведущие на площадь перед церковью, были распахнуты, и там уже собралась толпа любопытствующих, внимательно ловившая тревожные звуки, доносящиеся изнутри.

- Что случилось? - спросил кто-то у Эцио.

- Правосудие, - отозвался он, прежде чем кинулся бежать на северо-запад города в безопасное поместье Паолы.

По пути он остановился, чтобы проверить содержимое сумки Альберти. Последние слова умирающего были правдивы. Все было здесь. Все, и даже больше. Недоставленное письмо. Возможно, подумал Эцио, я узнаю что-то новое, сломал печать и развернул пергамент.

Но это было личное письмо Альберти к его жене. И лишь прочитав его, Эцио начал понимать, какие силы могли заставить человека переступить через порядочность.

Любимая!

Я доверяю эти мысли бумаге в надежде, что когда-нибудь смогу без страха поведать их тебе. Однажды ты, без сомнения, узнаешь, что я предал Джованни Аудиторе, заклеив его как предателя и приговорив к смерти. Потомки будут думать, что главные роли в этом деле сыграли политика и жадность. Но ты должна понять, что мной управляла не ненависть, а страх.

Когда Медичи отняли у нас все, я испугался. За тебя. За нашего сына. За будущее. На что в этом мире может рассчитывать человек без средств? Кое-кто предложил мне деньги, землю и титул в обмен на мое сотрудничество.

И это заставило меня предать лучшего друга.

Но каким бы отвратительным не был этот поступок, в то время он казался мне необходимым. И даже сейчас, оглядываясь назад, я считаю, что выбора у меня не было

Эцио бережно свернул письмо и спрятал в сумку. Он решил запечатать его и проследить, чтобы оно было доставлено по назначению.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

- Всё кончено, - просто сообщил он Паоле.

Она коротко его обняла и отступила.

- Я знаю. И я рада, что ты цел.

- Думаю, пришло время покинуть Флоренцию.

- Куда ты поедешь?

- У моего дяди Марио поместье близ Монтериджони. Туда мы и отправимся.

- На тебя готовятся открыть большую охоту, Эцио. Они повсюду развесили плакаты с твоим изображением и надписью «Разыскивается». И глашатаи всем рассказывают о тебе.

- Она замолчала, задумавшись. - Я послала своих людей сорвать столько плакатов, сколько они смогут. И подкупить глашатаев, чтобы они болтали о чем-нибудь другом. - И тут другая мысль пришла ей в голову. - И лучше уж я подготовлю для вас троих дорожные бумаги.

Эцио тряхнул головой, думая об Альберти.

- Что ж это за мир, в котором можно так легко манипулировать правдой?

- Альберти считал, что попал в безвыходное положение, ему просто не хватило твердости духа. - Она вздохнула. - Правда продается каждый день. Тебе нужно принять это, Эцио.

Он взял её ладони в свои.

- Спасибо тебе!

- Флоренция станет куда лучше, если Герцог Лоренцо поставит на место гонфалоньера кого-то из своих людей. Но не будем терять время. Твои мать и сестра здесь.

Она отвернулась и хлопнула в ладоши.

- Аннетта!

Аннетта появилась из задней части дома, ведя за собой Марию и Клаудию. Воссоединение семьи было эмоциональным. Эцио заметил, что мать так и не оправилась от потрясения, и все еще сжимала в руках коробку с перьями Петруччо. Она рассеянно обняла Эцио в ответ, Паола взидала на них с грустной улыбкой.

Клаудия вцепилась в другую руку Эцио.

- Эцио! Где ты был? Паола и Аннетта были добры к нам, но не позволяли покидать дом. И мама не произнесла с тех пор ни слова! - Она замолчала, борясь со слезами. - Ну, - произнесла она, наконец, - папа сумеет все уладить. Должно быть, все это было ужасной ошибкой?

Паола посмотрела на Эцио.

- Время пришло, - мягко сказала она. - Рано или поздно они узнают правду.

Клаудия перевела взгляд с Эцио на Паолу и обратно. Мария села рядом с Аннеттой, которая ее обняла. Мария смотрела в пространство, слабо улыбаясь, все так же сжимая ящик из грушевого дерева.

- Что это значит, Эцио? - спросила со страхом в голосе Клаудия.

- Кое-что произошло...

- О чём ты?

Эцио замолчал, не в силах произнести ни слова, но выражение его лица рассказало Клаудии все.

- О Боже, нет...

- Клаудия...

- Скажи, что это неправда!

Эцио опустил голову.

- Нет, нет, нет, нет, нет! - заплакала Клаудия.

- Шшшш, - он попытался успокоить сестру. - Я сделал всё, что мог, малышка.

Клаудия уткнулась в его грудь и расплакалась, судорожно всхлипывая, пока Эцио не обнял её. Он посмотрел через ее плечо на мать, которая ничем не показала, что слышала его слова. Возможно, в какой то мере она уже знала правду. После всего, что перевернуло жизнь Эцио, необходимость видеть сестру и мать, брошенными в пучину отчаяния, почти

сломала его самого. Он стоял, обнимая сестру целую, как показалось, вечность, и ощущал, что тяжесть всего мира легла ему на плечи. Теперь защитить семью и имя Аудиторе - было его долгом. Мальчика Эцио больше нет. Он собрался с мыслями.

- Послушай, - шепнул он Клаудии, как только она немного успокоилась. - Нам необходимо уехать отсюда. В какое-нибудь безопасное место, туда, где ты и мама сможете спокойно жить. И если мы уедем, я попрошу тебя быть сильной. Ради меня, ты должна позаботиться о маме. Понимаешь?

Она замолчала, вытерла лицо, отодвинулась от него и кивнула.

- Да.

- Тогда нам нужно подготовиться. Собери и упакуй все, что понадобится, но я думаю, мы должны уйти пешком - нанимать экипаж будет слишком опасно. Наденем самую простую одежду, чтобы не привлекать внимания. И поторопись!

Клаудия ушла вместе с матерью и Аннеттой.

- Тебе нужно искупаться и переодеться, - посоветовала Паола. - И тебе станет намного лучше.

Два часа спустя дорожные бумаги были готовы, и они смогли отправиться в путь. Эцио в последний раз проверил сохранность содержимого сумки. Возможно, его дядя сможет найти применение документам, которые Эцио забрал у Альберти, и которые были жизненно важны для последнего. Новый кинжал он надежно закрепил на правом запястье, спрятав под одеждой. Он затянул пояс. Клаудия вывела Марию в сад и теперь стояла у двери в стене, через которую они планировали отбыть, с Аннеттой, которая пыталась не расплакаться.

Эцио повернулся к Паоле.

- Прощай. Еще раз спасибо, за всё.

Она обняла его и поцеловала в губы.

- Береги себя, Эцио, и будь начеку. Мне кажется, что тебя ждет долгий путь. Он поклонился, накинул капюшон и пошел к матери и сестре, подхватив сумку, которую они собрали. Они поцеловали на прощанье Аннетту, и, мгновение спустя, оказались на улице, по пути на север. Клаудия вела под руку мать. Всю дорогу они молчали, и Эцио размышлял об огромной ответственности, что легла на его плечи. Он просил, чтобы Господь дал ему сил, но все равно было трудно. Ради Клаудии и их бедной матери, которая полностью погрузилась в себя, он должен оставаться сильным. Они добрались до центра города, когда Клаудия начала разговор. Она была полна вопросов. Эцио с радостью отметил, что ее голос был твердым.

- Как такое могло случиться с нами? - Проговорила она.

- Я не знаю.

- Ты думаешь, мы сможем вернуться назад?

- Я не знаю, Клаудия!

- А что будет с нашим домом?

Он опустил голову. Времени на то, чтобы пускаться в объяснения, не было, но даже если б оно и было, что он мог ответить? Возможно, герцог Лоренцо смог бы уладить это дело, со всеми предосторожностями, но надежда на это была призрачной.

- Они... Их похоронили с честью?

- Да. Я сам всё устроил.

Они перешли Арно по мосту, и Эцио бросил взгляд на реку. В конце концов, они дошли до южных городских врат. Эцио радовался, что им удалось пройти незамеченными так далеко. Но сейчас был самый опасный момент - ворота серьезно охранялись. Благодаря документам на фальшивые имена, которые достала им Паола, они прошли проверку. Стража искала отчаявшегося одинокого молодого человека, а не небогато одетую семью.

Они шли на юг весь день, остановившись, только когда город скрылся из виду, чтобы купить хлеба, сыра и вина на ферме, и отдохнуть с часок в тени дуба на краю кукурузного

поля. Эцио сдерживал свою нетерпеливость. До Монтериджони оставалось 30 миль, и они шли, подстраиваясь под шаг матери. В свои годы она была сильной женщиной, но сильный шок преждевременно состарил ее. Он молился, чтобы они сумели добраться до дяди Марио, где мать смогла бы прийти в себя, хотя он и понимал, что это может занять много времени. Он надеялся, что, если ничего не случится, они доберутся до поместья Марио к полудню завтрашнего дня.

Ночь они провели в пустом амбаре, где, по крайней мере, лежало чистое, свежее сено. Они поужинали остатками обеда, и устроили Марию так удобно, как только смогли. Она не жаловалась, более того, казалась совершенно равнодушной ко всему ее окружающему. Но когда Клаудия, перед тем как лечь спать, попыталась забрать у нее ящик Петруччо, она яростно воспротивилась и оттолкнула дочь, обозвав ее грубиянкой. Брат и сестра были поражены этим.

Но спала Мария мирно, а на утро казалась отдохнувшей. Они умылись в ручье, напились воды вместо завтрака и продолжили путь. День был теплым, солнечным, дул прохладный ветерок. Они прошли довольно далеко, мимо дюжины телег на дороге и фруктовых садов, и не встретили никого, кроме небольшой группы рабочих в полях. Эцио купил фруктов для Клаудии и матери, но сам есть не смог - слишком нервничал.

В полдень он с воодушевлением увидел небольшой окруженный крепостной стеной город, Монтериджони. На расстоянии он казался залитым солнечными лучами. Марио эффективно управлял вверенной ему территорией. Через милю-другую они будут в городе. Маленькая группа ускорила шаг.

- Уже близко, - сообщил Эцио Клаудии, улыбнувшись.

- Слава Богу! - отозвалась она, улыбаясь в ответ.

Они только остановились передохнуть, когда впереди, у поворота дороги, увидели хорошо знакомую фигуру в сопровождении дюжины мужчин в синих с золотым ливреях, преградившую им путь. Один из стражников нес штандарт со знакомой, ненавистной эмблемой - золотые дельфины на синем фоне.

- Эцио! - поприветствовала его фигура. - Доброго дня! И твоей семье, по крайней мере, той части, что осталась в живых. Какой чудесный сюрприз!

Он кивнул своим людям, которые развернулись по дороге веером, приготовив алебарды.

- Вьери!

- Он самый. Моего отца освободили из тюрьмы, и он был более чем рад профинансировать эту маленькую охоту. Я оскорблен. После всего, что случилось, ты покинул Флоренцию, даже не попрощавшись со мной?

Эцио сделал шаг вперед, становясь между матерью и сестрой и Вьери.

- Что тебе надо, Вьери? Мне казалось, ты вполне доволен тем, что Пацци добились, чего хотели.

Вьери скрестил руки.

- Чего я хочу? Трудно решить, с чего начать. Так много всего! Посмотрим. Я хочу огромный дворец, красавицу жену, еще больше денег и... что еще? Ах да! Твою голову!

Он обнажил меч, приказал охране оставаться на местах и сам пошел к Эцио.

- Я удивлен, Вьери. Ты правда решил поймать меня в одиночку? Но конечно, сзади тебя как всегда твои грозные парни.

- Я не думаю, что ты достоин умереть от моего меча, - отозвался Вьери, убирая оружие в ножны. - Думаю, я просто добыю тебя. Извини, если огорчил тебя, мое сокровище, - добавил он, обращаясь к Клаудии, - не волнуйся, это не займет много времени. А потом я буду в твоём распоряжении, и, кто знает, может твоей мамочке тоже понравится! Эцио кинулся вперед и ударил Вьери в челюсть так сильно, что враг пошатнулся, захваченный врасплох. Но, устояв на ногах, Вьери жестом остановил стражу и сам бросился на Эцио с воплем ярости, нанося удар за ударом. Свирепость атаки Вьери была такой, что Эцио мог только блокировать удары, не нанося собственных. Мужчины сцепились, борясь за контроль над ситуацией, изредка отшатываясь назад только затем,

чтобы броситься на соперника с новыми силами. В конечном итоге Эцио смог заставить злость Вьери работать против него - никто не способен драться эффективно, находясь в ярости. Вьери нанес сильный удар справа, Эцио шагнул вперед, и удар пролетел мимо его плеча. Вьери, потеряв равновесие, начал заваливаться вперед. Эцио подставил ему подножку, и враг покотился в пыль. Окровавленный и взбешенный Вьери отполз под защиту своих людей, где поднялся, отряхиваясь исцарапанными руками.

- Мне надоело, - произнес он, и закричал страже: - Добейте его и женщин! Я смогу найти кого получше, чем эта тощая девка и её толстуха-мать!

- Трус! - выкрикнул Эцио, тяжело дыша, и обнажил меч, но стража уже окружила их, приготовив алебарды. Он знал, что еще немного, и они набросятся на него. Кольцо сомкнулось. Эцио ходил по кругу, стараясь, чтобы женщины оставались между ним и атакующими. Вьери неприятно с торжеством рассмеялся.

Внезапно нечто быстрое, почти неосоздаемое, просвистело мимо, и двое стражников слева от Эцио пошатнулись и упали на землю, выронив оружие. Из их спин торчали метательные ножи, погруженные по рукоять и брошенные, несомненно, со смертельной точностью. Кровь расплывалась по их мундирам, словно алые цветы.

Остальные в тревоге обернулись, но, прежде чем кто-то из них успел что-нибудь сделать, свалились с ножами в спинах.

- Что это за колдовство? - завопил Вьери, голос у него дрожал. Потом выхватил меч и принялся оглядываться.

В ответ ему раздался громкий, глубокий смех.

- Это не колдовство, парень, а мастерство!

Голос доносился из ближайшей рощи.

- Покажись!

Из леса показался крупный бородатый мужчина в высоких сапогах и легкой броне. Позади него шло еще несколько человек, просто одетых.

- Как пожелаешь, - саркастически отозвался он.

- Наемники! - воскликнул Вьери, развернулся к своим людям и приказал. - Чего вы ждете? Убейте их! Убейте всех!

Но бородатый подошел, вырвал меч из рук Вьери и переломил его о колено так легко, словно это была сухая ветка.

- Я не думаю, что это хорошая мысль, юный Пацци, хотя вынужден признать, ты достоин семейного имени.

Вьери не ответил, пытаясь заставить своих людей вступить в бой. Не слишком охотно, они окружили чужаков, а Вьери подобрал алебарду одного из убитых стражников и напал на Эцио, выбил у него из рук меч и отпихнул в сторону, чтоб Эцио не смог подхватить оружие.

- Эцио, возьми! - крикнул бородатый и бросил ему другой меч, который, пролетев по воздуху, воткнулся в землю рядом с ногой Эцио. Молниеносно он схватил оружие. Меч оказался тяжелым, держать его пришлось двумя руками, но Эцио был уверен, что сможет перерубить им древко алебарды Вьери. Вьери, видя, что его люди терпят поражение, и как еще двое его людей свалились мертвыми, отозвал людей и, проклиная всех, отступил. Бородатый подошел к Эцио и женщинам, широко улыбаясь.

- Я рад, что решил встретиться с вами, - сообщил он. - И, похоже, я прибыл как раз вовремя!

- Примите мою благодарность, кем бы вы ни были.

Мужчина снова рассмеялся, в его голосе послышалось нечто знакомое.

- Мы встречались? - уточнил Эцио.

- Очень давно. Но я все равно удивлен, что ты не узнал собственного дядю!

- Дядя Марио?

- Он самый!

Он сжал Эцио в медвежьих объятиях и поприветствовал Марию и Клаудию. Горе скользнуло по его лицу, когда он увидел, в каком состоянии пребывает Мария.

- Послушай, дитя,- обратился он к Клаудии, - мы с Эцио отправимся в замок, но я оставлю с тобой своих людей. Они дадут тебе воды и еды. Сейчас я пошлю вперед разведчика, и он вернется с экипажем, который тебя заберет. Ты и так слишком много прошла за сегодняшний день, и, как я вижу, моя бедная невестка, - он замолчал, прежде чем деликатно закончить, - смертельно устала.

- Спасибо, дядя Марио!

- Все потом. Мы скоро увидимся.

Он отвернулся, отдал людям приказы, обнял Эцио и повел его к своему замку, возвышавшемуся над городом.

- Как ты узнал о моем прибытии? - поинтересовался Эцио.

Марио хитро взглянул на племянника.

- Мой друг из Флоренции послал впереди тебя гонца. Но я уже знал, что случилось. У меня нет сил, чтобы выступить против Флоренции, но возвращение Лоренцо дает надежду, что он сможет удержать Пацци в узде. Лучше поведай мне о судьбе моего брата и... племянников.

Эцио замолчал. Воспоминания о смерти родных все еще мучили его.

- Они... Они были казнены по обвинению в измене. - Он помедлил. - Мне удалось избежать этого по чистой случайности.

- Боже мой, - воскликнул Марио, и его лицо исказилось от боли. - Тебе известно, почему это случилось?

- Нет, есть кое-что... Надеюсь, ты разберешься и поможешь мне найти ответы...

И Эцио поведал дяде о спрятанном в семейном палаццо сундуке и о его содержимом, о своей мести Альберти и документах, которые он забрал у него.

- Наиболее важным кажется список имен, - добавил он, и запнулся от переполнившего его горя. - Я до сих пор не верю, что это случилось с нами!

Марио похлопал его по руке.

- Мне кое-что известно о делах твоего отца, - сказал он, и это поразило Эцио, потому что дядя явно не удивился, узнав о спрятанном в тайной комнате сундуке.

- Мы еще поговорим об этом. Но сперва нам надо убедиться, что твои мать и сестра ни в чем не нуждаются. Мой замок не слишком подходящее место для женщин. Солдаты, как я, редко остаются на одном месте. Примерно в миле отсюда есть монастырь, где их обеспечат защитой и всем необходимым. Если ты согласишься, мы отправим их туда. А нам с тобой предстоит сделать еще многое.

Эцио кивнул. Он увидит их уже успокоившимися, и сможет убедить Клаудию, что это лучшая временная мера. Кроме того, он знал, что долго в такой изоляции сестра не выдержит.

Они вошли в городок.

- Я думал, что Монтериджони враждует с Флоренцией, - проговорил Эцио.

- Не столько с Флоренцией, сколько с Пацци, - ответил дядя. - Но ты достаточно взрослый, чтобы не знать о союзах между городами-государствами, будь то крупные или небольшие. Год дружбы сменяется годом вражды, а после наступает год дружбы. И это продолжается вечно, словно безумная игра в шахматы. Но тебе здесь понравится. Здесь живут честные работающие люди, и товары, которые мы производим - надежные и долговечные. Священник - хороший человек, не слишком много пьет, занимается своим делом. Я не часто бываю на службах, но я никогда не был особо преданным сыном Церкви. Лучшее вино здесь - Кьянти. Ты еще попробуешь его из моих собственных винных погребов. Пойдем, еще чуть-чуть и мы будем на месте.

Замок Марио был древней усадьбой Аудиторе, и был построен в 1250-х годах на месте, где изначально находились куда более древние строения. Марио обновил и отстроил здания, придав им нынешний облик, что более подходило богатой вилле, хотя стены по-прежнему были высокими, несколько футов в толщину, и хорошо укрепленными. В саду

находилась тренировочная площадка, где дюжина молодых людей дралась друг с другом, отрабатывая различные техники боя.

- Дом, милый дом, - произнес Марио. - Ты не был здесь с тех пор, как был ребенком. Кое-что изменилось. Что думаешь?

- Выглядит впечатляюще, дядя.

Остаток дня прошел в делах. Марио провел Эцио вокруг замка, помог ему устроиться, убедился, что Мария и Клаудия благополучно размещены в ближайшем монастыре, аббатиса которого была старой и доброй подругой (и ходили слухи, что когда-то давно - любовницей) Марио. На следующее утро дядя вызвал его к себе в кабинет, большой, с высокими потолками. Стены были увешаны картами, доспехами и оружием, а из мебели стоял тяжелый дубовый стол и стулья.

- Тебе надо быстро сходить в город, - сообщил Марио деловым тоном. - Купи себе нормальные доспехи и оружие. Я пошлю с тобой своего человека. Когда закончите, возвращайся, и мы приступим.

- Приступим к чему, дядя?

Марио выглядел удивленным.

- Я думал, ты приехал сюда тренироваться.

- Вовсе нет, дядя. Это было единственное безопасное место, о котором я подумал, когда нам пришлось бежать из Флоренции. Но я планирую увезти сестру и мать еще дальше.

Марио помрачнел.

- А как на счет твоего отца? Ты не думаешь, что он хотел бы, чтобы ты окончил его работу?

- Какую? Он был банкиром. Семейный бизнес пропал, дома Аудиторе больше нет, если только герцог Лоренцо не вырвал его из рук Пацци.

- Не думаю, что... - начал было Марио и тут же оборвал себя. - Ты хочешь сказать, Джованни не рассказал тебе?

- Извини, дядя, но я понятия не имею, о чем ты говоришь. Марио покачал головой.

- Не знаю, о чем твой отец думал. Возможно, он решил, что время еще не пришло. Но обстоятельства сложились иначе. - Он сурово взглянул на Эцио. - Нам предстоит длинный и тяжелый разговор. Оставь мне документы, которые забрал у Альберти. Я должен хорошенько подумать, пока ты будешь ходить за экипировкой в город. Вот список необходимого и деньги на расходы.

Растерянный, Эцио отправился в город в сопровождении одного из сержантов Марио, седого ветерана по имени Орацио, и под его руководством приобрел у оружейника боевой кинжал, кожаный доспех и, у местного доктора, бинты и набор для оказания первой помощи. Когда он вернулся в замок, дядя Марио уже с нетерпением его ждал.

- Здравствуй, - сказал Эцио. - Я купил всё, что ты сказал.

- И довольно быстро. Отлично! А теперь мы научим тебя драться.

- Дядя, прости, но я, кажется, говорил, что не останусь здесь надолго.

Марио закусил губу.

- Послушай, Эцио, ты едва продержался против Вьери. Если бы я не подоспел на помощь... - он не договорил. - Хорошо, если хочешь уехать, уезжай. Но сперва, научись кое-чему, что пригодится тебе в дороге для самозащиты, иначе вы не продержитесь в пути и недели.

Эцио промолчал.

- Не ради меня. Сделай это ради своих матери и сестры, - продолжал давить на него Марио.

Эцио оценил выбор, который ему дали, и согласился с дядей.

- Хорошо, - проговорил он, - но только потому, что ты уже купил мне снаряжение. Марио широко улыбнулся и хлопнул племянника по плечу.

- Отлично! Выживешь - поблаговаришь!

В следующие несколько недель Эцио усиленно тренировался в обращении с оружием. И пока Эцио учился, он узнал много нового о происхождении своей семье и о секретах отца, у которого не было времени, чтобы посвятить в них сына. Марио разрешил ему воспользоваться библиотекой, и постепенно Эцио начало беспокоить то, что ему возможно уготована более важная судьба, чем он считал раньше.

- Ты говорил, отец был не только банкиром? - как-то поинтересовался он у дяди.

- Не только, - серьезно отозвался дядя. - Он был хорошо обученным убийцей.

- Это невозможно. Отец всегда был финансистом, бизнесменом. Как он мог быть еще и убийцей?

- Нет Эцио, он был куда большим, чем просто убийцей. Он родился и вырос, чтобы убивать. Он был главой ордена Ассасинов, - Марио запнулся. - Я знаю, ты кое-что раскопал в библиотеке. Мы должны обсудить документы, которые ты привез, и которые - слава Всевышнему! - забрал у Альберти. Это список имен - не перечень должников, как ты сам понимаешь. В нем имена тех, кто причастен к убийству твоего отца. И все они являются частью еще более великого заговора.

Эцио старался изо всех сил принять это. Всё что он, как думал, знал об отце, о своей семье, всё теперь казалось полуправдой. Как мог отец скрыть от него это? Всё казалось немыслимым, слишком невероятным. Отец наверняка имел причины, чтоб сохранить всё в тайне. Эцио осторожно подбирал слова:

- Я понял, что знал об отце очень мало. Прости, что сомневался в твоих словах. Но зачем надо было хранить всё в такой тайне?

Марио помолчал, прежде чем ответить

- Ты знаком с Орденом рыцарей-тамплиеров?

- Я слышал о них.

- Они появились много веков назад вскоре после Первого Крестового похода, и представляли собой элитные вооруженные силы воинов Господа - по сути они были монахами в доспехах. Они давали обет воздержания и бедности. Но годы шли, и их статус изменился. Со временем они включились в международные финансовые отношения, и весьма успешно. Другие рыцарские ордена - госпитальеры и тевтонцы, относились к ним с подозрением, а сила ордена тамплиеров беспокоила всех, даже королей. Они организовали базу в южной Франции и планировали создать собственное государство. Они не платили налогов, могли содержать личную армию, и начали помыкать всеми. В конце концов, около двухсот лет назад, король Франции Филипп Красивый выступил против тамплиеров. Это была жуткая бойня, тамплиеры были арестованы и жестоко убиты, и в последствии, отлучены от церкви самим Папой. Но были уничтожены далеко не все - по всей Европе у них было 15 тысяч филиалов. Тем не менее, казалось, что тамплиеры безвозвратно исчезли, вместе со всем своим имуществом, а сила их, видимо, ослабла.

- Что же с ними случилось?

Марио покачал головой.

- Конечно, это была необходимая уловка, чтобы выжить. Они ушли в подполье, спрятав накопленные богатства, сохранили организацию, и посвятили себя достижению поставленной цели.

- Какой цели?

- Ты сам знаешь! - Глаза Марио вспыхнули. - Их не интересует ничего, кроме власти над миром! И только одна организация осмеливается противостоять им. Орден ассасинов, к которому имели честь принадлежать твой отец и я.

Эцио понадобилось некоторое время, чтобы осознать услышанное.

- А Альберти был одним из тамплиеров?

Марио важно кивнул.

- Да. Как и остальные из списка твоего отца.

- И... Вьери?

- Несомненно, а так же его отец Франческо и весь клан Пацци.

Эцио обдумал сказанное дядей.

- Это многое объясняет, - проговорил он. - У меня есть кое-что, что я тебе еще не показывал...

Он закатал рукав, демонстрируя скрытый клинок.

- О! - воскликнул Марио. - Ты правильно поступил, что не показал его, пока не убедился, что можешь действительно мне доверять. Я бы удивился, если бы ты поступил иначе. Как я вижу, ты его починил. Твой отец получил его от нашего отца, а тот от своего. Он был сломан в схватке, в которой участвовал твой отец, много лет назад, но он никак не мог найти достаточно умелого и надежного оружейника, способного починить клинок. Тебе повезло больше, мальчик мой.

- Да, - согласился Эцио. - Вся эта история об ассасинах и тамплиерах звучит как древняя сказка.

Марио улыбнулся.

- Например, как нечто из старого пергамента с загадочными письменами?

- Ты знаешь о страницах из Кодекса?

Марио пожал плечами.

- Ты забыл? Ты же сам отдал мне ее вместе с документами.

- Ты можешь объяснить, что это? - Эцио почему-то не захотел упоминать о своем друге Леонардо, по крайней мере до тех пор, пока это не станет необходимым.

- Ну, кто бы не чинил твой клинок, он должен был прочитать хотя бы часть написанного, - отозвался Марио и поднял руку, когда Эцио собрался что-то возразить. - Но я не буду задавать вопросов. Я понимаю, что ты хочешь кого-то защитить, и целиком поддерживаю твое решение. Но этот листок - намного больше, чем просто страница с инструкцией к твоему оружию. Страницы Кодекса раскиданы сейчас по всей Италии. Это руководство Ордена ассасинов, в котором рассказывается об его истоках, целях и техниках. Это, если пожелаешь, наше Кредо. Твой отец был уверен, что Кодекс содержит могущественный секрет. Нечто, способное изменить мир. - Он замолчал, задумавшись. - Возможно, именно поэтому они пришли за ним.

Эцио был ошеломлен свалившейся на него информацией.

- Ассасины, тамплиеры, этот странный Кодекс...

- Я буду твоим учителем. Но, сперва, ты должен запомнить, и никогда не забывать, одно: ничто не истинно. Все дозволено.

Больше Марио ничего не сказал ему, хотя Эцио пытался расспрашивать. Вместо этого дядя возобновил суровую военную подготовку. Эцио занимался на тренировочном поле с молодыми наемниками с рассвета до сумерек, и каждую ночь валился в кровать, не думая ни о чем, кроме сна.

- Отлично, племянник, - похвалил его дядя. - Думаю, ты готов.

Эцио был польщен.

- Спасибо, дядя, за все, что ты мне дал.

В ответ Марио крепко обнял племянника.

- Ты - моя семья. Это был мой долг и главное желание.

- Я рад, что ты уговорил меня остаться.

Марио пронизательно посмотрел на него.

- Ты передумал уезжать?

- Прости, дядя, - Эцио отвел глаза. - Не передумал. Ради безопасности мамы и Клаудии...

Я планирую добраться до побережья и взять билеты на корабль до Испании.

Марио не скрывал разочарования.

- Прости, племянник, но я обучал тебя не для забавы или твоей собственной выгоды. Я учил тебя, чтобы ты был готов противостоять нашим врагам.

- И я так и сделаю, когда они найдут меня.

- Значит, - горько произнес Марио, - ты хочешь уехать? Отказаться от всего, ради чего боролся и погиб твой отец? Отказаться от своего наследия? Хорошо! Но не буду скрывать,

что разочарован, очень разочарован! Но так и быть. Орацио проводит тебя в монастырь, когда ты решишь забрать мать, и покажет дорогу. Желаю тебе счастливого пути!

С этими словами Марио отвернулся от племянника и пошел прочь.

Прошло уже много времени с тех пор, как Эцио убедился, что обеспечил мать необходимыми для ее восстановления покоем и тишиной. С тяжелым сердцем он собирался в дорогу. В конце концов, он решил посетить монастырь, чтобы повидать мать и сестру прежде, чем увезти их оттуда, и обнаружил, что им там намного лучше, чем он смел надеяться. Клаудия подружилась с молодыми монахинями, и как стало ясно Эцио, к его удивлению и недовольству, начала привыкать к такой жизни. Мать медленно, но верно приходила в себя, и аббатиса, узнав о его планах, возразила, объявив, что единственное, что необходимо сейчас Марии - отдых, и что в ближайшее время ей ни в коем случае нельзя никуда ехать.

Когда Эцио вернулся в замок Марио, его мучили опасения, и он прекрасно понимал, что со временем они только возрастут.

В Монтериджони велись какие-то военные приготовления, и теперь, казалось, они достигли кульминации. Происходящее смутило Эцио. Его дяди нигде не было видно, зато в кабинете обнаружился Орацио.

- Что случилось? - спросил Эцио. - Где дядя?

- Готовится к бою.

- Что? С кем?

- Он рассказал бы тебе, если бы был уверен, что ты останешься. Но мы понимаем, что это не твое желание.

- Да.

- Так вот. Твой старый друг, Вьери Пацци, прибыл в Сан-Джиминьяно. Он утроил численность гарнизона, и как только будет готов, сравняет Монтериджони с землей. Мы должны напасть первыми, придавить змееныша, и преподать Пацци урок, который они еще не скоро забудут.

Эцио сделал глубокий вдох. Это меняло все. И, возможно, это была Судьба - именно тот толчок, которого он невольно ждал все это время.

- Где мой дядя?

- В конюшне.

Эцио был на полпути из кабинета, когда Орацио окликнул:

- Куда ты, парень?

- В конюшни! Там должна найтись лошадь и для меня!

Орацио улыбнулся, глядя вслед уходящему Эцио.

В полночь, весной 1477 года, Марио, бок о бок с Эцио, повел свой отряд в сторону Сан-Джиминьяно. Это и стало началом жестокого противостояния.

- Повтори еще раз, почему ты поменял решение? - поинтересовался Марио, чье сердце ликовало из-за того, что племянник передумал.

- Ты прекрасно всё слышал.

- Ну и что? В любом случае, я знаю, что Марии требуется время, чтобы прийти в себя. К тому же, как тебе хорошо известно, там, где они сейчас, им ничего не угрожает.

Эцио улыбнулся.

- Как я уже говорил, я учусь ответственности. И к тому же Вьери обозлился на тебя из-за меня.

- А как тебе уже говорил я, юноша, ты слишком переоцениваешь собственную значимость. Вьери обозлился на нас, потому что он тамплиер, а мы - ассасины.

Говоря это, Марио оглядывал высокие башни Сан-Джиминьяно, построенные близко друг к другу. Прямоугольные сооружения, казалось, почти царапали небо, и Эцио испытал странное чувство, будто уже видел подобное раньше, во сне или в другой жизни, воспоминание было смутным.

На вершинах всех башен полыхали факелы, множество других виднелись на крепостной стене и на вратах.

- Он хорошо укрепил город, - проговорил Марио. - И, судя по факелам, Вьери явно знал о нашем прибытии. Жалко, но я не удивлен. В конце концов, у него есть шпионы, как и у меня. - Он замолчал. - На бастионах стоят лучники, а врата хорошо охраняются. - Он снова осмотрел город. - Но все равно, выглядит так, словно у него недостаточно людей, чтобы нормально защитить все врата. Вон те, на южной стороне, выглядят менее укрепленными - должно быть с той стороны Вьери почти не ждет нападения. Туда мы и ударим.

Марио поднял руку и хлопнул коня по бокам. Его отряд двинулся следом за ним. Эцио ехал рядом с дядей.

- Вот что мы сделаем, - настойчиво сказал Марио. - Я и мои люди отвлечем стражу у ворот, а ты отыщешь способ перебраться через стену и оттуда откроешь нам путь в город. Мы должны действовать бесшумно и быстро.

Он снял перевязь с метательными ножами и протянул Эцио.

- Возьми. Используй их, чтобы снять лучников.

Как только они подобралась достаточно близко, отряд замолчал. Марио повел группу своих лучших солдат прямо на отряд стражников, охраняющих южный вход в город. Эцио, отделившись от них, пробежал оставшиеся сотню ярдов пешком, прячась за кустами, и остановился примерно в футе от стены. Он набросил капюшон, и в свете факелов на вратах увидел, что тень от его капюшона на стене странно похожа на голову орла. Он посмотрел вверх. Отвесная стена тянулась вверх на пятьдесят футов или выше. Даже если кто-то был на крепостной стене, Эцио их не видел. Получше закрепив перевязь, он начал забираться по стене. Это оказалось сложно. Стена была сложена из ровного камня, и на ней было сложно найти опоры для ног. Амбразуры наверху дали ему возможность ухватиться поудобнее, чтобы нанести удар. Он настороженно всматривался в край стены с бойницами. На бастионе слева, Эцио увидел двух лучников, стоящих к нему спинами и склонившихся вниз с луками наготове. Они видели, как отряд Марио атаковал ворота, и были готовы в любой момент открыть огонь по наемникам ассасина. Эцио не колебался. Либо жизни этих двух, либо жизни его друзей. Сейчас он высоко оценил полученные знания, на освоении которых так настаивал его дядя. Быстро, сосредоточившись на дрожащей полутьме, он вытащил два ножа и бросил их один за другим со смертельной точностью. Первый вонзился в основание шеи лучника, немедленно убив его. Мужчина беззвучно соскользнул вниз на зубцы стены. Другой нож

мгновением позже воткнулся в спину второго лучника с такой силой, что он рухнул вперед, во тьму, со сдавленным криком.

Внизу, прямо под Эцио, в футе от узкой каменной лестницы, находились ворота. Теперь он с абсолютной уверенностью осознал, что сил у Вьери недостаточно, чтобы защитить город. С внутренней стороны у врат не было солдат. Он в три скачка спустился по лестнице, практически слетел, и обнаружил рычаг, приводящий в движение тяжелые железные болты, надежно запирающие десятифутовые дубовые ворота. Он дернул его, приложив всю свою силу. Рычаг не хотел поддаваться силе одного человека, но, в конце концов, дело было сделано, и Эцио потянул за одно из массивных колец, прикрепленных к воротам на высоте его плеч. Ворота открылись, и Эцио увидел, что Марио и его люди уже закончили кровавое дело. Двое из них были мертвы, зато двадцать человек Вьери отправились к Создателю.

- Отлично, Эцио! - воскликнул Марио.

Казалось, им удалось не поднять тревогу, но сейчас время имело главное значение.

- Вперед! - сказал Марио. - Теперь, тише! - Он развернулся к одному из сержантов и приказал. - Отправляйся обратно и приведи наших.

Потом он осторожно побежал по тихим улицам. Было похоже, что Вьери ввел комендантский час, на улицах никого не было. По пути они едва не напоролись на патруль Пацци. Отступив обратно в тень, они затаились, прежде чем обрушиться на врагов и сокрушить их.

- Что дальше? - спросил Эцио у дяди.

- Необходимо разыскать капитана городской гвардии. Его зовут Роберто. Он знает, где искать Вьери. - Марио был напряжен больше чем обычно. - Это займет немало времени. Будет лучше, если мы разделимся. Я хорошо знаю Роберто. Сейчас ночь, и он наверняка или пьет в любимой таверне или уже спит в крепости. Ты проверишь крепость. Возьми с собой Орацио и дюжину людей.

Он посмотрел в светлеющее небо и вдохнул воздух, наполненный свежестью нового дня.

- Встречаемся у кафедрального собора перед рассветом. И не забудь - я оставляю тебя командовать этой бандой хулиганов.

Он с выражением привязанности улыбнулся своим людям, махнул отряду и скрылся на улице, ведущей вверх.

- Крепость находится в северо-западной части города, сир, - произнес Орацио. Он ухмылялся, как и другие. Эцио оценил их преданность Марио, и понял, что они опасаются подчиняться такому неиспытанному в бою офицеру, как он.

- Вперед, - твердо приказал Эцио. - Следуйте за мной по моему сигналу!

Крепость занимала одну сторону главной городской площади, недалеко от кафедрального собора, на вершине небольшого холма, на котором стоял город. Они без проблем добрались до крепости и не успели войти, как Эцио подсчитал людей Пацци, стоящих на страже у входа. Попросив своих людей оставаться на местах, он приблизился к охране, прячась в тени, тихий, как лиса, пока не оказался на достаточном расстоянии, чтобы подслушать разговор двоих из них. Выходило, что им не нравилось подчиняться приказам Вьери.

- Говорю тебе, Тебальдо, - говорил первый. - Мне не нравится этот щенок Вьери. Я думаю, что он облажается по полной, и оставит нас в одиночестве защищать город от врагов. Как и капитан Роберто. Он же пьет столько, что уже похож на бутылку кьянти, одетую в униформу!

- Ты слишком много болтаешь, Зохан. - Отозвался Тебальдо. Помни, что случилось с Бернардо, который не следил за своим ртом.

Другой согласно кивнул.

- Ты прав. Я слышал, Вьери выколол ему глаза.

- Спасибо тебе большое, но я хочу сохранить зрение, так что давай закончим этот разговор. Мы не знаем, сколько наших товарищей думает как мы, а у Вьери шпионы

повсюду.

Довольный, Эцио вернулся к отряду. То, что гарнизон недоволен, конечно, хорошо, но нет гарантий, что Вьери не окружил себя преданными сторонниками Пацци. Следя за людьми Вьери, Эцио понял, как сильно командир боится за себя. Но главным сейчас было - проникнуть в крепость. Эцио оглядел площадь. В стороне от небольшой группы стражи Пацци было темно и пусто.

- Орацио...

- Да, сир?

- Нападешь и убьешь этих людей? Быстро и тихо. Я хочу попытаться влезть на крышу и посмотреть, сколько еще людей находится во дворе.

- За этим мы и здесь, сир.

Оставив Орацио и солдат бороться со стражей, Эцио проверил наличие в перевязи метательных ножей, перебежал на другую сторону улицы, прилегающей к крепости, забрался на ближайшую крышу и оттуда перепрыгнул на крышу крепости, которая окружала внутренний двор. Он поблагодарил Господа, что Вьери не додумался расставить людей по высоким башням домов знатных местных семей, которые были построены по всему городу. С этих точек им было бы видно все, что происходит внизу. И он так же понимал, что получение контроля над этими башнями будет первой задачей людей Марио. С крыши крепости он увидел, что двор пуст, спрыгнул на вершину колонны, а оттуда на землю. Осталось только открыть ворота и впустить своих людей, которые стащили тела убитых и спрятали их в тени колонн. Чтобы не вызвать подозрений, они закрыли ворота.

Крепость казалась пустынной, во всех смыслах. Но вскоре со стороны площади раздался голос, и показались люди Вьери, которые открыли ворота и вошли внутрь, ведущие под руки коренастого, полноватого и абсолютно пьяного человека.

- Куда свалила стража? - удивился он. - Только не говорите, что Вьери отменил мой приказ и отправил их в один из своих кровавых патрулей!

- Сэр Роберто, - подал голос один из ведущих его людей. - Вам не пора отдохнуть?

- Ч'о ты име'шь в виду? Мы уже вернулись сюда. К тому ж ночь только начинается.

Новоприбывшие усадили командира на край фонтана в центре двора и сгрудились вокруг, не зная, что делать дальше.

- Вы, наверняка, считаете, что я плохой командир! - произнес Роберто, жалея себя.

- Никак нет, сир! - ответил ближайший к нему.

- А Вьери считает! - отозвался Роберто. - Вы же слышали, как он говорил со мной! - Он замолчал, огляделся, пытаясь сфокусироваться, прежде чем продолжить расчувствовавшимся голосом. - Где эта чертова бутылка? Дай сюда! - Он сделал большой глоток, убедился, что бутылка опустела и отбросил ее прочь. - Это вина Марио! Я не мог поверить, что он принял племянника - спас его задницу от самого Вьери! Теперь Вьери только и думает, что о мести, и мне приходится драться со старым другом! - он мутным взглядом обвел двор. - Старый добрый Марио! Вы знаете, что мы были братьями по оружию? Но он не пожелал присоединиться к Пацци вместе со мной, не смотря на то, что они предлагали большие деньги, лучшее жилье и лучшую экипировку! Хотел бы я, чтоб он был здесь. Тогда бы я...

- Простите, - Эцио вышел, показываясь.

- Шштто? - произнес Роберто. - Ты'ще кто такой?

- Позвольте представиться. Я племянник Марио.

- Чего? - прорычал Роберто, вскакивая на ноги и безуспешно пытаясь выхватить меч. - Арестовать щенка! - Он подошел так близко, что Эцио почувствовал запах кислого вина. И лука! - Знаешь, что, Эцио, - улыбнулся Роберто. - Я рад, что ты здесь. Как только я захвачу тебя, Вьери ни в чем мне не откажет. Может, я даже уйду на пенсию. Возможно, построю маленькую виллу на побережье...

- Сперва убей медведя, капитан, - отозвался Эцио.

Роберто оглянулся и увидел, что его люди окружены вооруженными до зубов наемниками ассасина.

- О, - выдавил Роберто, снова присаживаясь. Вся битва прошла мимо него. В мгновение ока люди Пацци были связаны и отведены в подземелья крепости. Роберто, которому вручили очередную бутылку, сидел вместе с Эцио за столом в комнате недалеко от внутреннего двора и разговаривал. В итоге, Роберто был переубежден.

- Тебе нужен Вьери? Я скажу, где его искать. Для меня все равно все уже кончено. Иди к Палаццо Дельфино, на площадь возле северных врат. Там они собираются...

- Кто собирается? Вы знаете?

Роберто пожал плечами.

- Полагаю, большая часть его людей из Флоренции. Возможно, они приведут подкрепление.

Взволнованно выглядящий Орацио перебил их:

- Эцио! Быстрее! У кафедрального собора бой! Нам лучше поспешить!

- Хорошо! Иду!

- А что с ним?

Эцио посмотрел на Роберто.

- Пусть остается. Думаю, в конце концов, он выберет верную сторону в этой войне. Только оказавшись во внутреннем дворе, Эцио услышал доносящиеся со стороны кафедрального собора звуки битвы. Добравшись до места, он увидел людей дяди, спинами к нему, отступающих под напором большого отряда солдат Пацци. Проложив себе путь с помощью метательных ножей, Эцио отыскал дядю и рассказал ему о том, что узнал.

- Роберто молодец! - сказал Марио, пропуская удар, продолжая колоть и резать своих противников. - Я всегда жалел, что он присоединился к Пацци, но у него оказались козыри в руках. Иди! Выясни, что задумал Вьери!

- Но как же ты? Ты сможешь продержаться?

Марио мрачно посмотрел на племянника.

- Пока что держимся. Наши главные силы сейчас занимают башни, а после этого подтянутся на подмогу. Поспеши, Эцио! Не дай Вьери уйти!

Дворец находился на севере города, далеко от сражающихся, хотя людей Пацци здесь было множество - видимо, то самое подкрепление, о котором говорил Роберто. Эцио постарался избежать столкновения с ними.

Он прибыл на место как раз во время: встреча подошла к концу. Он увидел группу из четырех людей, направляющихся к привязанным лошадям. Эцио узнал Якопо Пацци, его племянника Франческо, самого Вьери, и - Эцио задохнулся от удивления, - высокого испанца, который присутствовал на казни его отца. Дальнейшее тоже было сюрпризом - Эцио заметил, что у испанца на плечах плащ кардинала. Мужчины остановились у лошадей, и Эцио решил перебраться за ближайшее дерево и попытаться подслушать хоть что-то из их разговора. Он прислушался, слова доносились урывками, но то, что он расслышал, заинтриговало.

- Тогда решено, - проговорил испанец. - Вьери, ты останешься здесь и восстановишь наше положение в городе так скоро, как только возможно. Франческо соберет людей во Флоренции и сообщит, когда придет пора удара. А ты, Якопо, должен будешь успокоить толпу, когда мы захватим контроль над городом. Не спешите: лучше все тщательно спланировать, так вероятность успеха будет выше.

- Но, сэр Родриго, - вставил Вьери, - что мне делать с этим пьяницей, Марио?

- Избавься от него! Он ни в коем случае не должен прознать о наших планах! - Человек, которого они называли Родриго, вскочил в седло. Эцио на мгновение ясно увидел его лицо - холодные глаза, орлиный нос, лет сорока пяти.

- От него всегда одни неприятности! - Буркнул Франческо. - Так же как от этого ублюдка, его брата!

- Не волнуйтесь, падре, - ответил Вьери. - Скоро они воссоединятся. В смерти!

- Поехали, - напомнил мужчина, которого называли Родриго. - Мы и так задержались. - Франческо и Якопо оседлали коней позади него, и они выехали через северные ворота, которые распахнули охранники Пацци. - Да направит нас Отец Понимания!

Когда они выехали, ворота захлопнулись. Эцио был удивлен. Сейчас можно было попытаться убить Вьери, но его слишком хорошо охраняли, к тому же, возможно, лучше было бы взять его живым и допросить. Он запомнил услышанные имена людей, чтобы позже добавить их в список врагов отца. Похоже, заговор, в котором эти люди были замешаны, был в процессе подготовки.

От мыслей Эцио оторвали прибывший на площадь отряд Пацци, командир которого, не сбавляя шага, подбежал к Вьери.

- Что еще? - огрызнулся Вьери.

- Комманданте, я принес плохие вести. Люди Марио Аудиторе прорвали нашу оборону!

Вьери презрительно усмехнулся.

- Это они так думают. Но взгляни, - ополчение Пацци под управлением офицеров прошло через северные ворота и направилось через город в сторону юга, навстречу наемникам Марио. Эцио надеялся, что его дядя не будет захвачен врасплох, сейчас у Вьери было численное превосходство. Но Вьери остался на месте, окружил себя личной охраной и пошел в сторону безопасного Палаццо. Несомненно, он все еще был озабочен встречей, закончившейся недавно. А возможно, он возвращался, чтобы подтянуть ремни на броне перед битвой. Скоро должно было встать солнце. Сейчас или никогда. Эцио вышел из темноты, скинув с головы капюшон.

- Доброго утра, мессер Пацци, - сказал он. - Тяжелая выдалась ночка?

Вьери развернулся к нему, на лице его смешались потрясение и ужас. Успокоившись, он хвастливо произнес:

- Я должен был догадаться, что рано или поздно ты объявишься. Отправляйся с миром к Господу, Эцио. У меня есть более важные дела, и я не собираюсь тратить на тебя время. Ты всего лишь пешка, которую скоро сметут с доски.

Его охрана бросилась на Эцио, но тот был готов к этому. Ближайший из охранников упал, сраженный метательным ножом - небольшое лезвие пронзило воздух с резким свистом. Эцио обнажил меч, а в другую руку взял боевой кинжал и вступил в схватку. Он резал и пронзал, словно безумец в кровавом водовороте, движения были выверены и неотвратимы, пока, наконец, последний, серьезно раненый, не отступил на безопасное расстояние. Вьери набросился на Эцио с боевым топором в руках, который он сорвал от седла своей лошади, привязанной с остальными. Эцио сумел избежать смертельного удара, но топор, скользящий по броне, заставил его пошатнуться и упасть, выронив меч. В тот же миг Вьери застыл над ним, выхватив меч и занеся топор над головой. Собрав последние силы, Эцио попытался ударить противника в пах, но Вьери заметил движение и отпрыгнул. Как только Эцио получил шанс вскочить на ноги, Вьери отбросил секиру влево, но Эцио схватил кинжал и ударил противника, оставив глубокую рану на тыльной стороне левой руки. Вьери выхватил свой меч и кинжал.

- Если хочешь что-то сделать, сделай это сам, - произнес Вьери. - Иногда я просто не понимаю, зачем плачу так называемым «телохранителям». Прощай, Эцио! - И он набросился на врага.

Волна боли прошла по телу Эцио, когда секира скользнула по голове. Зрение расфокусировалось, и Эцио почувствовал головокружение. Но он тут же вспомнил все, чему его учили, и позволил инстинкту взять верх. Он встряхнулся, и, когда Вьери застыл, чтобы нанести смертельный удар по своему давнему безоружному противнику, Эцио согнул запястье правой руки, выпрямив пальцы. Мгновенно, щелкнул механизм скрытого клинка его отца, лезвие выскочило на полную длину прямо под пальцами, тупой металл секиры столкнулся с острым краем клинка. Лезвие порезало Вьери руку. Эцио получил возможность ударить сбоку, чем и воспользовался - клинок вошел в тело без малейшего сопротивления.

Мгновение Вьери стоял, не шевелясь, а потом, выронив оружие, упал на колени. Кровь фонтаном хлестала из раны. Эцио подхватил его, когда он начал заваливаться на землю.

- У тебя почти не осталось времени, Вьери, - быстро сказал Эцио. - Теперь возможность отправиться с миром к Господу есть у тебя. Расскажи, о чем вы говорили? Что вы задумали?

Вьери ответил ему слабой улыбкой.

- Тебе никогда не победить нас, - произнес он. - Тебе никогда не победить Пацци, и уж точно никогда не победить Родриго Борджиа.

Эцио понимал, что у него есть всего несколько секунд, прежде чем у него на руках останется труп.

- Отвечай, Вьери! Мой отец раскрыл ваши планы? За это вы его убили?

Но лицо Вьери уже стало пепельно-серым. Он крепко сжал руку Эцио. Тонкая струйка крови показалась в уголке его рта, а глаза стали тускнеть. Но он все равно выдавил ироническую улыбку.

- Чего тебе надо, Эцио, полную исповедь? Прости, но у меня нет на это времени. - Он судорожно вдохнул, изо рта полилась кровь. - Мне, правда, жаль. В другом мире мы могли бы стать друзьями.

Эцио почувствовал, что хватка на его руке ослабла.

В тот же миг боль от раны напомнила о себе, как и воспоминания о смерти родных, его захлестнула холодная ярость.

- Друзьями? - прорычал он труп. - Друзьями! Ты кусок дерьма! Да я выброшу твоё тело на дороге, на съедение воронам! Никто не будет плакать о тебе! Хотел бы я, чтобы ты подольше помучался! Я...

- Эцио, - оборвал его строгий спокойный голос. - Достаточно. Окажи ему хоть немного уважения.

Эцио поднялся и, развернувшись, столкнулся с дядей.

- Уважения? После всего, что произошло? Думаешь, одержи он победу, он не вздернул бы нас на ближайшем дереве?

Марио был серьезно потрепан, покрыт пылью и кровью, но на ногах стоял прочно.

- Он не победил, Эцио. И ты - не он. Не уподобляйся ему.

Он опустился на колени возле тела и рукой в перчатке закрыл Вьери глаза.

- Пусть смерть подарит долгожданный покой твоей бедной злобной душе, - произнес он. - Покойся с миром.

Эцио молча наблюдал за этим. Когда дядя встал, он спросил:

- Всё кончено?

- Нет, - отозвался Марио. - В городе все еще идут жестокие бои. Но все оборачивается в нашу пользу. Роберто перевел некоторых из своих людей на нашу сторону, так что победа

- вопрос времени. - Он замолчал. - Уверен, ты будешь огорчен, узнав, что Орацио погиб.

- Орацио...

- Перед смертью он назвал тебя храбрецом. Будь достоин этих слов, Эцио.

- Попытаюсь, - Эцио сжал губы. Хотя он и не до конца всё осознал, это был ещё один урок.

- Мне нужно собрать людей. Но для тебя есть кое-что, что позволит тебе узнать больше о наших врагах. Это письмо мы забрали у одного из здешних священников. Оно адресовано отцу Вьери, но Франческо, по-видимому, не пробыл здесь достаточно долго, чтобы успеть получить его. - Он протянул бумагу со сломанной печатью. - Здесь есть несколько священников, которые проводят погребальные обряды. Я пошлю одного из сержантов договориться с ними.

- Мне нужно тебе кое-что сказать...

- Позже, - Марио поднял ладонь, - когда закончим здесь. После такой неудачи, наши враги не смогут действовать так быстро, как рассчитывали. И Лоренцо во Флоренции будет настороже. Сейчас у нас есть преимущество. - Он снова замолчал. - Мне пора идти.

Прочитай письмо, Эцио, и подумай над тем, что там сказано. И позаботься о своей руке. Он ушел, Эцио отошел от тела Вьери и присел под деревом, за которым ранее прятался. Насекомые роились вокруг лица Вьери. Эцио развернул письмо и прочитал:

Мессер Франческо,

Я сделал, как вы просили, и поговорил с вашим сыном. Я согласен с вашей оценкой, но лишь отчасти. Да, Вьери дерзок и склонен к необдуманным поступкам, он привык обращаться с людьми как с игрушками, как с фигурами на шахматной доске, жизни которых представляют для него столько же интереса, как если бы они были сделаны из дерева или слоновой кости. Его наказания обычно суровы, в качестве доказательства, я посылаю вам отчет о трех искалеченных им людях.

Но я не считаю, что он, как вы выразились, окончательно испорчен. Более того, я полагаю, что причина его поведения довольно проста. Он хочет заслужить ваше одобрение. Ваше внимание. Его выходки - лишь следствие его неуверенности в себе. Он говорит о вас часто и охотно, и выражает желание быть с вами ближе. Так что, если он ведет себя резко, глупо, агрессивно, я уверен, что это только потому, что он хочет быть замеченным. Ему нужна ваша любовь.

Мои выводы получены на основе информации, которую вы предоставили мне, но я бы хотел предупредить, что прекращаю эту переписку. Если он поймет смысл наших с ним бесед, я, признаюсь откровенно, боюсь того, что он сможет со мной сделать.

Искренне ваш,

Отец Джокондо.

Дочитав письмо, Эцио еще долго сидел, размышляя. Он взглянул на тело Вьери и заметил сумку для бумаг на поясе, на которую раньше не обратил внимания. Он подошел, взял ее и вернулся к дереву, чтобы изучить содержимое. Внутри оказалась небольшой женский портрет, кошелек с несколькими флоринами, небольшой блокнот, еще не использовавшийся, и аккуратно свернутый лист пергамента. Трясущимися руками Эцио развернул его и сразу понял, что это. Страница Кодекса.

Солнце поднялось выше, группа монахов переложила тело Вьери на деревянные носилки и унесла прочь.

Когда весна снова сменилась летом, а мимозы и азалия уступили место лилиям и розам, с трудом добытый мир вернулся в Тоскану. Эцио был доволен, увидев, что его мать постепенно приходит в себя. Ее нервы были сильно расстроены трагедией, случившейся с ними, и теперь Эцио казалось, что она уже никогда не сможет покинуть умиротворяющую тишину монастыря. Клаудия, учитывая все обстоятельства, приняла первый обет, который был первым шагом на пути получения статуса послушницы. Перспектива этого не радовала Эцио, но он знал, что она от рождения обладает тем же упрямством что и он, и любая попытка помешать сестре, только укрепит ее решимость. Марио обеспечил, чтобы в Сан-Джиминьяно, в данный момент находившийся под управлением его старого товарища Роберто, трезвого и исправившегося, и на территории вокруг города были погашены последние очаги сопротивления. Монтериджони был спасен, и после того как закончились последние торжества по случаю победы, наемники Марио отправились в заслуженные увольнительные. Каждый из них потратил выделенное время в соответствии с собственными предпочтениями - на то, чтоб провести время с семьей, на выпивку или на проститутку. Но тренировками никто не пренебрегал, и их сквайры сохраняли оружие острым, а броню - начищенной, а каменщики и плотники удостоверились, что укрепления города и замка находятся в хорошем состоянии. На севере внешняя угроза, которую могла бы представлять Франция, была временно нейтрализована, потому что Король Людовик был озабочен выдворением из страны последних английских захватчиков. А на юге Папа Сикст IV, потенциальный союзник Пацци, был слишком занят продвижением своих родственников и наблюдением за

строительством новой великолепной часовни в Ватикане, чтобы помышлять о вторжении в Тоскану. Марио и Эцио много и подолгу беседовали, помня, однако, что известная им угроза не исчезла.

- Я должен больше рассказать тебе о Родриго Борджиа, - сказал Марио племяннику. - Он родился в Валенсии, но позже учился на юриста в Болонье и никогда не возвращался в Испанию, решив, что Италия - лучшее место для реализации его амбиций. Он известный член папской курии в Риме, но он всегда метил выше. Он - один из влиятельнейших людей во всей Европе, но Родриго представляет собой куда больше, нежели просто коварного политика внутри Церкви. - Он понизил голос. - Родриго - глава ордена тамплиеров.

Эцио ощутил, как его сердце вздрогнуло.

- Это объясняет его причастность к убийству моих отца и братьев. Он стоял за этим.

- Да, и он не забыл о тебе. Особенно из-за того, что благодаря тебе, он потерял свою власть над Тосканой. Он знает, кто твой отец, и что ты представляешь для него угрозу. Эцио, он постарается убить тебя при первой же возможности.

- Значит, если я и дальше желаю остаться в живых, мне придется сразиться с ним.

- Он должен оставаться в поле нашего зрения, но у нас есть другие дела, и мы не можем слишком долго медлить. Пошли в кабинет.

Они прошли через сад, в котором гуляли, во внутреннюю комнату замка, а потом по длинному коридору, что вел в кабинет. Это было тихое местечко, сумрачное, с рядами книг, и больше было похоже на кабинет академика, чем на кабинет военного командира. Полки были уставлены артефактами, выглядевшими, словно они были привезены из Сирии или Турции, и томами, надписи на корешках которых, как увидел Эцио, были сделаны на арабском. Он спросил о них у дяди, но получил обтекаемый ответ. Марио отпер сундук и достал оттуда кожаную сумку для документов, из которой извлек пачку листов. Среди бумаг были и те, которые Эцио немедленно узнал.

- Это бумаги твоего отца, мой мальчик. Хотя я думаю, мне не стоит больше так тебя называть, - ты уже мужчина, сильный боец... Я добавил сюда имена, которые ты узнал в Сан-Джиминьяно. - Он взглянул на племянника и протянул ему документы. - Пришло время заняться делом.

- Я убью каждого тамплиера из списка, - незамедлительно отозвался Эцио. Его взгляд остановился на имени Франческо Пацци. - Вот. С него я и начну. Он хуже всех из клана, и фанатично ненавидит наших союзников, Медичи.

- Ты прав, - согласился Марио. - Будешь готовиться к поездке во Флоренцию?

- Да.

- Отлично. Но ты будешь лучше вооружен, если узнаешь кое-что еще. Подойди.

Марио повернулся к книжному шкафу и нажал спрятанную на его боку кнопку. Шкаф, на смазанных петлях, беззвучно скользнул в сторону, открывая каменную стену за ним, которая была размечена на квадраты. Пять из них были заполнены. Остальные - пусты.

Глаза Эцио засветились, когда он разглядел их. Пять занятых квадратов содержали страницы Кодекса.

- Вижу, ты понял, что это, - проговорил Марио. - И я не удивлен. Вот страница, которую передал тебе отец, и которую расшифровал твой сообразительный друг во Флоренции, а эти собрал и расшифровал Джованни, перед смертью.

- Еще одну я взял с тела Вьери, - добавил Эцио. - Но ее содержание все еще загадка.

- Увы, ты прав. Я не такой знаток, каким был твой отец, хотя, с помощью уже переведенных страниц и книг в кабинете я сумею раскрыть загадку. Взгляни. Видишь, как слова переходят с одной страницы на другую, и как связаны символы?

Эцио присмотрелся тщательнее, жуткая мысль пришла ему в голову, будто бы проснулась родовая память. Закорючки на страницах Кодекса, казалось, ожили, и перед глазами Эцио стал открываться истинный смысл страниц.

- Да! И кажется, за этим скрывается какая-то карта!

- Джованни, - и теперь я, - полагали, что на этих страницах скрыто своего рода пророчество, но оно имеет отношение к тому, что я уже знаю. Здесь говорится о «частице Эдема». Пророчество было написано очень давно, таким же ассасином, как и мы, по имени Альтаир. Но есть кое-что еще. Он написал, что под землей спрятано нечто древнее и могущественное, но мы еще не выяснили, о чем речь.
- Вот страница Вьери, - сказал Эцио. - Повесь ее на стену.
- Не сейчас. Я, конечно, скопирую её перед твоим отъездом, но лучше покажи её своему другу с блестящим умом, во Флоренции. Ему лучше не знать полной картины происходящего, по крайней мере, той части, что нам известна сейчас. Для него будет опасно обладать таким знанием... Позже я добавлю страницу Вьери к остальным на стену, и мы еще немного продвинемся в расшифровке тайны.
- А что с остальными страницами?
- Они все еще спрятаны, - ответил Марио. - Но не волнуйся об этом. Лучше сосредоточься на деле, которое тебе предстоит.

Прежде чем покинуть Монтериджони, Эцио тщательно подготовился. Под руководством дяди он больше узнал о Кредо ассасинов и подобрал лучшее снаряжение для той работы, что ему предстояла. Также необходимо было убедиться, что он сможет относительно безопасно вернуться во Флоренцию. К тому же оставался вопрос, где остановиться в городе. Шпионы Марио во Флоренции докладывали, что семейный палаццо был закрыт и заколочен, хотя по-прежнему оставался под защитой и охраной семьи Медичи. Заминки и неудачи только разожгли нетерпение Эцио, и, наконец, мартовским утром, дядя сообщил, что Эцио может собирать вещи.

- Это была долгая зима... - проговорил Марио.

- Даже слишком, - перебил Эцио.

- ...но сейчас все наладилось, - продолжил дядя. - Я хотел бы напомнить тебе, что тщательная подготовка - залог большинства побед. Послушай внимательно. Во Флоренции у меня есть подруга, которая нашла для тебя безопасное жилье недалеко от ее собственного дома.

- Кто она, дядя?

Марио смерил его хитрым взглядом.

- Ее имя не должно тебя волновать, но поверь мне, ты можешь довериться ей так же, как доверяешь мне. В любом случае, сейчас она покинула город. Если тебе потребуется помощь, обращай к своей бывшей экономке, Аннетте. Она живет там же, но работает теперь у Медичи. Но было бы лучше, чтобы как можно меньше людей во Флоренции знали, что ты находишься в городе. Однако, есть там один человек, с которым ты должен встретиться, хотя найти его будет нелегко. Я написал тебе его имя вот здесь. Можешь осторожно поспрашивать о нем. Попробуй поинтересоваться у своего ученого друга, когда принесешь ему страницу Кодекса. Но не рассказывай ему слишком много, ради его собственного блага! Держи, вот адрес твоего жилья. - Он протянул Эцио два сложенных листа бумаги и увесистую кожаную сумку. - Здесь сотня флоринов, на первое время, и дорожные бумаги, с которыми ты спокойно пройдешь в город. И лучшая новость за сегодня - ты можешь отправиться уже завтра!

Эцио потребовалось немного времени, чтобы съездить в монастырь и сказать матери и сестре, что уезжает, собрать необходимую одежду и снаряжение, попрощаться с дядей и горожанами, которые так долго были его друзьями и товарищами. На рассвете следующего дня с радостно бьющимся сердцем он оседлал лошадь и выехал через ворота замка. Это была длинная, небогатая событиями поездка, и к обеду он уже устроился в новом доме и был готов вновь познакомиться с городом, который был для него домом на протяжении всей жизни, и который он так долго не видел. Но возвращение было отнюдь не сентиментальным. Он, захватив с собой страницу из Кодекса, принадлежавшую Вьери, разрешил себе пройти мимо главного входа их старого семейного палаццо, а после повернул прямо к мастерской Леонардо да Винчи.

С тех пор как Эцио сбежал, Леонардо обзавелся имуществом. Теперь его дом представлял собой огромный склад с просторной комнатой, в которой могли разместиться предметы всех форм, которые могло принять воображение художника. Два длинных стола, поставленные впритык, тянулись из одного конца комнаты в другой, везде расставлены масляные лампы, окна почти под потолком - Леонардо не хотел, чтобы за ним подсматривали. На досках, тянувшихся от стен, находилось ошеломляющее число разбросанных и частично собранных в центре комнаты устройств и механизмов, какие-то инструменты, а стены были увешаны сотнями рисунков и набросков. Среди этого творческого беспорядка работали и сустились полдюжины ассистентов, в том числе немного повзрослевшие, но не потерявшие привлекательности, Аньоло и Инноченто. В комнате так же стояла модель повозки, только круглая, увешанная оружием и покрытая защитной оболочкой в виде огромного котла, наверху которого была дыра, в которую мог просунуть голову человек, чтобы убедиться, что внутри механизма есть свободное место.

Рядом было изображение лодки в виде акулы, но со странной башней сзади. Но еще больше поразил Эцио рисунок лодки, плывущей под водой. Карты, анатомические наброски, показывающие устройство глаза, процесс совокупления, эмбрион ребенка в утробе - и еще множество других, которые Эцио только мог разобрать, занимали все свободное место на стенах, механизмы беспорядочно покрывали столы, напомнив Эцио о хаосе, который он застал в свой последний визит сюда, только помноженном в сотню раз. Здесь были причудливо выглядевшие рисунки животных, от знакомых до сверхъестественных, и наброски для всего - от насосов до укрепленных стен. Но больше всего заинтересовало Эцио то, что было подвешено к потолку. Он уже видел такую штуку раньше и помнил ее, как маленькую модель. Теперь же это была экспериментальная модель в половину реального размера, и находилась она в одном шаге от настоящего механизма. Она по-прежнему выглядела как скелет летучей мыши, а по бокам двух деревянных конструкций было натянуто что-то вроде прочной кожи животных. Рядом стоял мольберт с прикрепленными к нему бумагами. Среди заметок и расчетов, Эцио прочитал:

...пусть на вершине тростника укреплен груз в один динар; ты увидишь, что тростник согнется до земли...

Способность птиц летать заключается в том, что крылья давят на воздух и позволяют таким образом подняться вверх...

Если человек весит 200 фунтов и находится в точке п, поднимая крыло с его подставкой, весящей 150 фунтов, то, когда затем он будет находиться на приборе, с силою в 300 фунтов, он окажется способным подняться на двух крыльях...

Для Эцио все это было тарабарщиной, но, по крайней мере, он смог прочитать текст - должно быть Аньоло перевел его с непонятных закорючек Леонардо. В этот момент он заметил, что Аньоло наблюдает за ним, и поспешно отвернулся от мольберта. Он знал, каким скрытным мог быть Леонардо.

В этот время сам Леонардо пришел из старой мастерской и поспешил к Эцио, крепко его обняв.

- Мой дорогой Эцио! Ты вернулся! Я так рад тебя видеть! После всего, что случилось, мы думали... - он осекся, взволнованный.

Эцио поспешил успокоить его.

- Ты только посмотри! Я, конечно, не могу понять, где у этой штуки голова, а где хвост, но уверен, ты знаешь, что делаешь. Ты бросил рисовать?

- Нет, - ответил Леонардо. - Просто временно переключился на другие вещи, которые меня интересовали.

- Ясно. И ты расширил студию! Похоже, последние пару лет тебе сопутствовала удача.

Но Леонардо прекрасно видел отпечаток грусти и испытаний на лице Эцио.

- Возможно, - произнес он. - Они оставили меня в покое. Полагаю, они решили, что без ежедневного контроля я принесу больше пользы. Но кто-то, думаю, все равно наблюдает за мной... - Он сменил тему. - А как ты, друг мой?

Эцио посмотрел на него.

- Надеюсь, у меня будет время однажды сесть и рассказать тебе обо всем, что случилось с тех пор, как мы виделись в последний раз. Но сейчас мне снова нужна твоя помощь.

Леонардо скрестил руки.

- Для тебя - все, что угодно!

- Я хотел показать тебе кое-что, что тебя заинтересует.

- Тогда пойдем в мою студию, здесь слишком шумно.

Пройдя в старые помещения дома Леонардо, Эцио вытащил страницу Кодекса из сумки и положил на стол.

Глаза Леонардо взволнованно вспыхнули.

- Ты помнишь первую? - спросил Эцио.
- Как я мог забыть? - художник пристально разглядывал лист. - Это очень интересно! Разрешишь?

- Конечно.

Леонардо осторожно изучил страницу, пальцы бегали над пергаментом. Потом, положив рядом лист бумаги и перья, стал переписывать слова и символы. Почти сразу он, полностью увлеченный делом, отбежал и вернулся назад, сверяясь с книгами и манускриптами. Эцио наблюдал за ним с благодарностью и почтением.

- Это интересно, - произнес Леонардо. - Здесь воспользовались совершенно неизвестными, для меня, языками, но это похоже на имитацию. Хммм. Да, вот заметка на арамейском, которая все объясняет. - Он поднял взгляд. - Знаешь, если сложить её с первой страницей, можно сделать вывод, что они были частью руководства, - по меньшей мере, в какой-то степени, - руководством по различным способам убийства. Но, конечно, не только им, хотя у меня нет мыслей, чем именно. Мы можем только догадываться о том, что скрывается внутри. Нам нужно достать всю книгу. Ты не знаешь, где могут быть остальные страницы?

- Нет.

- А сколько их в книге?

- Ну... возможно... знаю...

- Ага, - воскликнул Леонардо. - Тайны! Я должен уважать их, - но тут его внимание переключилось. - Ты только взгляни!

Эцио посмотрел через его плечо и не увидел ничего, кроме плотного ряда клиновидных символов.

- Что это?

- Я не вполне понимаю, что, если я прав, здесь написана формула для металла или сплава, который нам не известен, и, по логике, вообще не может существовать!

- А что-нибудь ещё там есть?

- Есть - и без труда расшифровывается. В основном тут говорится о чертеже для другого оружия, кажется, оно дополняет то, что у тебя уже есть. Но его придется делать с нуля.

- А что это за оружие?

- На самом деле довольно простое. В кожаный браслет вставляется металлическая пластина. Ты наденешь его на левое предплечье - или на правое, если ты левша, как я, - и сможешь отбивать удары мечей и даже секир. Невероятно то, что, хотя оружие, несомненно, очень прочное, металл, который мы используем, невероятно легкий. И механизм включает в себя кинжал с двойным лезвием, выскакивающий так же, как на первом.

- Думаешь, у тебя получится сделать его?

- Да, хоть это займет какое-то время.

- У меня его почти нет.

Леонардо задумался.

- Дай подумать. У меня здесь есть все необходимое, и мои люди достаточно разбираются в ковке... - Он замолчал, подсчитывая в уме, губы его шевелились. - Он будет готов через два дня, - наконец, проговорил он. - Приходи, и мы проверим его в действии. Эцио поклонился.

- Леонардо, я тебе очень благодарен. Если надо, я могу заплатить.

- Это я благодарен тебе. Этот твой Кодекс помогает мне узнать много нового - я даже считаю себя новатором. В этих древних страницах столько интригующего. - Он улыбнулся и прошептал едва слышно. - Ты даже представить не можешь, Эцио, как я благодарен тебе за то, что ты показал их мне. Если вдруг во время своей работы ты найдешь еще страницы, позволь мне взглянуть на них. Мне просто интересно, что в них сказано, и я не буду вмешиваться в твои дела, далекие от меня, даже не буду спрашивать о них. Вот какое вознаграждение мне нужно от тебя.

- Конечно, обещаю.
- Спасибо! Тогда, до пятницы, скажем, на закате?
- До пятницы!

Леонардо и его ассистенты отлично справились с работой. У нового оружия хотя и было оборонительное назначение, но оно оказалось невероятно полезным. Молодые ассистенты Леонардо имитировали нападение на Эцио с использованием настоящего оружия, включая двуручные мечи и боевые секиры, но пластина на запястье, легкая и простая в использовании, с легкостью выдерживала мощнейшие удары.

- Просто невероятное оружие, Леонардо!
 - Это точно!
 - И оно может спасти мне жизнь.
 - Надеюсь, ты больше не заработаешь таких шрамов, как тот, что у тебя на левой руке, - отозвался Леонардо.
 - Это был прощальный подарок от старого... друга, - пояснил Эцио. - Я бы хотел еще попросить тебя о помощи.
 - Если смогу помочь, - пожал плечами Леонардо.
- Эцио бросил взгляд на ассистентов Леонардо.
- Может, наедине?
 - Пойдем.

Пройдя в студию, Эцио достал сложенный лист бумаги, который дал ему Марио, и протянул Леонардо.

- Дядя сказал, что мне надо найти этого человека. И он добавил, что пытаться найти его в открытую - плохая идея...

Леонардо прочитал имя на бумаге. Когда он поднял взгляд, его лицо было наполнено тревогой.

- Ты знаешь, кто это?
- Я прочитал имя - Ла Вольпе. Но я полагаю, это кличка.
- Лис! Да! Но не стоит произносить это имя громко или на публике. Он из тех, у кого везде есть глаза, но сам он всегда остается невидим.
- Где я могу найти его?
- Этого нельзя говорить, но если ты хочешь с чего-то начать, попробуй, - очень осторожно, - в районе Рынка Веккьо...
- Но там же собираются все воры, которых не посадили в тюрьму или не отправили на виселицу!

- Поэтому я и призываю тебя быть осторожным. - Леонардо огляделся, словно подозревал, что их подслушивали. - Я напишу ему пару слов. Отправляйся и поищи его завтра, как только отзвучат вечерние колокола. Возможно, тебе улыбнется удача, возможно - нет. Вопреки предупреждению дяди, во Флоренции был один человек, которого Эцио был обязан повидать. За все время его вынужденной отлучки, она не выходила из его сердца, и теперь муки любви возросли от осознания, что она совсем близко. Он не мог сильно рисковать, появляясь в городе. Его лицо изменилось, став более угловатым, он стал старше как по возрасту, так и по опыту, но в нем все еще можно было узнать Эцио. Капюшон позволил ему «затеряться» в толпе. Эцио понижее опустил его. Он знал, что, хотя Медичи всё ещё держали власть в своих руках, Пацци ещё могли оскалить зубы. Они ждали своего часа и были настороже. В этих двух вещах он был уверен так же, как и в том, что если они поймают его, то убьют, и Медичи им не помеха. Как бы то ни было, на следующее утро он твердо решил отправиться к поместью Кальфуччи. Входные двери палатцо были распахнуты, открытые в залитый солнцем двор. И вот она: стройная, немного выросшая, с длинными волосами, уже не девочка, но женщина. Он окликнул её по имени. Когда Кристина увидела Эцио, то побледнела так, что он подумал, что она сейчас упадет в обморок, но она собрала с силами, отправила компаньонку в дом, и подошла к нему, протянув руки.

Он быстро вывел ее на улицу, в тень под ближайшей аркой, чьи желтые камни были увиты плющом. Он прикоснулся к ее шее и заметил, что она все еще носит тонкую цепочку с его кулоном, хотя сам кулон был скрыт у нее на груди.

- Эцио! - воскликнула она.

- Кристина!

- Что ты здесь делаешь?

- Я приехал по делам отца.

- Где ты был? Я ни слова не слышала о тебе за два года!

- Я был... везде. Тоже... по делам отца.

- Они сказали, что ты мертв, и твои мать и сестра.

- Судьба обошлась с нами жестоко, - он замолчал. - Я не мог написать тебе, но ты никогда не покидала моих мыслей.

Её радостные глаза внезапно потускнели, в них появилось беспокойство.

- Что такое, дорогая? - Спросил он.

- Ничего, - она попыталась освободиться, но он не отпустил.

- Ну, я же вижу. Скажи!

Их взгляды встретились, ее глаза наполнились слезами.

- Эцио, меня выдают замуж!

Эцио был слишком ошеломлен, чтобы ответить. Он отпустил ее руки, поняв, что держал ее слишком крепко, причиняя девушке боль. У нее на руках он заметил следы от своих пальцев.

- Это все отец, - проговорила Кристина. - Он снова и снова давил на меня, чтобы я сделала выбор. Ты пропал. Я думала, ты погиб. А потом родители стали поощрять визиты Манфредо Арценты, - ты знаешь, он сын торговцев золотом. Они приехали сюда вскоре после того, как ты покинул Флоренцию. Господи, Эцио, они просили меня не позорить семью и найти себе достойную пару, пока я еще могу. Я думала, что никогда больше тебя не увижу. А теперь...

Ее перебил голос девушки, которая в панике звала её с конца улицы, где находилась небольшая площадка.

Кристина напряглась.

- Это Джанетта, помнишь её?

Теперь до них донеслись крики и вопли, а потом Джанетта выкрикнула имя: «Манфредо!»

- Нам лучше пойти взглянуть, - предложил Эцио, направляясь к концу улицы, туда, откуда доносился шум. На площадке обнаружилась подруга Кристины Джанетта, еще одна девушка, которую Эцио не узнал, и взрослый мужчина, который, как помнил Эцио, работал у отца Кристины старшим секретарем.

- Что произошло? - Спросил Эцио.

- Это Манфредо! - Воскликнула Джанетта. - Он опять проиграл в карты! Я уверена, они убьют его!

- Что? - Испугалась Кристина.

- Простите, синьорина, - отозвался секретарь, - Двое из тех, кому он задолжал денег. Они утащили его в сторону Понте Нуово. Они говорили, что выбьют из него долг. Простите, синьорина, я ничего не смог поделать.

- Все хорошо, Сандео. Позови охрану. Я пойду и...

- Минутку, - перебил Эцио. - Кто, черт возьми, этот Манфредо?

Кристина посмотрела на него, словно из-за решетки камеры.

- Мой жених, - решительно сказала она.

- Я посмотрю, что смогу сделать, - проговорил Эцио и побежал по улице, ведущей к мосту.

Минуту спустя он стоял на вершине вала смотрел вниз, на узкую полоску земли возле первой арки моста, расположенной впритык к тяжелым, медленным, желтоватым водам Арно. На земле стоял на коленях молодой человек, одетый в черное с серебром. Двое

других парней вспотели и тяжело дышали. Они или избивали его, или только собирались это сделать.

- Я верну долг, обещаю! - кричал парень в черном с серебром.
- Мы сыты по горло твоими обещаниями, - ответил один из его мучителей. - Ты делаешь из нас идиотов. Так что теперь мы должны проучить тебя.

Он ударил парня по шее, так что тот упал лицом в ил, а его напарник ударил упавшего по ребрам.

Первый атакующий был готов ударить парня по почкам, когда его схватили сзади за шею. Кто-то приподнял его, а в следующий момент он уже летел по воздуху, чтобы приземлиться в воду среди нечистот и мусора, накиданного вокруг первой опоры моста. Он захлебнулся омерзительной водой и заметил, что его товарища постигла та же участь. Эцио протянул ладонь измазанному илом парню и помог ему подняться.

- Благодарю, синьор. Думаю, на этот раз они и вправду были готовы убить меня. Но они были бы дураками, поступив так. Я действительно мог заплатить им!

- Ты не боишься, что они придут снова?

- Не сегодня же. Я найму телохранителей вроде тебя.

- Я не представился. Эцио... де Кастроново.

- Манфредо Арцента, к вашим услугам.

- Я не телохранитель, Манфредо.

- Не важно. Ты спас меня от этих клоунов, и я благодарен. Ты даже не представляешь, на сколько! Ты должен позволить мне отблагодарить тебя. Но сперва мне надо переодеться, а потом угощу тебя выпивкой. Здесь неподалеку, возле улицы, есть игорный дом...

- Минуту, - остановил его Эцио, увидев, что прибежала Кристина с подругами.

- Что?

- Ты не слишком много играешь в азартные игры?

- А почему нет? Как по мне, это лучший способ времяпрепровождения.

- Ты ее любишь? - перебил Эцио.

- О ком ты?

- О твоей невесте, Кристине. Ты ее любишь?

Манфредо встревожила внезапная страстность его спасителя.

- Конечно, люблю, если это так тебе интересно. Даже если убьешь меня, я умру с её именем на устах.

Эцио медлил. Было похоже, что Манфредо сказал правду.

- Тогда послушай меня. Ты никогда больше не будешь играть. Понял?

- Да, - испугался Манфредо.

- Поклянись!

- Клянусь.

- Ты даже не представляешь, насколько тебе повезло. Пообещай мне, что будешь хорошим мужем. Если я услышу обратное, я приду и убью тебя сам.

Манфредо увидел, что его спаситель знает, о чем говорит. Он взглянул в холодные серые глаза, и что-то шевельнулось в его памяти.

- Я тебя знаю? - поинтересовался он. - Ты кажешься знакомым...

- Мы никогда не встречались, - отозвался Эцио. - И никогда больше не встретимся, если не... - он оборвал себя.

Кристина ждала у моста, смотря вниз.

- Иди к ней, и помни о своем обещании.

- Я не забуду, - заверил Манфредо. - Если хочешь знать, я правда люблю ее. Возможно, я действительно получил сегодня урок. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы она была счастлива. И не надо было угрожать мне, чтобы я пообещал это.

- Надеюсь. А теперь иди!

Эцио смотрел, как Манфредо забирается по валу, и ощутил непреодолимое желание взглянуть на Кристину. Их глаза встретились на мгновение, и он приподнял руку,

прощаясь. Потом отвернулся и пошел прочь. Еще ни разу со дня смерти родных у него не было так тяжело на сердце.

Субботний вечер застал его по-прежнему погруженным в глубокое отчаяние. Ему казалось, что он потерял все - отца, братьев, дом, статус, карьеру, - а теперь еще и жену! Но потом он напомнил себе о доброте и защите, которые дал ему Марио, о матери и сестре, которых он смог спасти и защитить. Что же касается будущего и карьеры - у него было и то, и другое, разве что теперь они были направлены в совершенно другую область, нежели раньше. У него было невыполненное задание, и тоска по Кристине не поможет справиться с ним. Он никогда не сможет вычеркнуть Кристину из своего сердца, но Рок уготовил ему одинокую судьбу, и он должен был смириться с этим. Может именно это путь ассасина? Может так доказывается верность Кредо.

Он отправился к Рынку Веккьо в плохом настроении. Этого района избегало большинство людей, которых он знал, да и он сам лишь однажды бывал здесь. Старая рыночная площадь выглядела грязной и заброшенной, как и здания, окружавшие ее. Люди бродили туда-сюда, но это была не обычная вечерняя прогулка. Они шли целенаправленно, не тратя время впустую, низко опустив головы. Эцио надел простую одежду и не взял меча, хотя на всякий случай застегнул на запястьях оба наруча - с пластиной и скрытым кинжалом. Он понимал, что должен держаться подальше от толпы и быть настороже. Эцио не знал, что делать дальше, и уже хотел войти в пивную на углу площади, чтобы косвенно разузнать, как вступить в контакт с Ла Вольпе, когда из ниоткуда появился худой юноша и налетел на него.

- Извините, синьор, - вежливо произнес парень, и, улыбаясь, быстро поспешил прочь от Эцио.

Инстинктивно, Эцио опустил руку на пояс. Все ценные вещи он оставил в безопасности в своем доме, сунув в поясной кошель лишь несколько флоринов. Сейчас кошель пропал. Эцио обернулся, увидел, как парень убегает по узкой улочке, ведущей от площади, и бросился в погоню. Заметив его, вор удвоил скорость, но Эцио не отставал, стараясь держать его в поле зрения, догнал и схватил, когда он уже был у входа в высокий, непонятного вида дом на улице Сан-Анджело.

- Верни, - потребовал он.

- Не понимаю, о чем ты, - отозвался вор, но в его глазах появился страх.

Эцио, бывший в одном шаге от применения кинжала, постарался успокоиться. Человек, которого он поймал, мог предоставить ему необходимую информацию.

- Я не собираюсь причинять тебе вред, дружище, - сказал он. - Просто верни мне деньги, и будем считать, что мы квиты.

После недолгого колебания, парень уныло проговорил: «Ты победил», и потянулся к сумке на боку.

- И ещё одно, - добавил Эцио.

Парень мгновенно насторожился.

- Что ещё?

- Тебе известно, где я могу найти человека, которой называет себя Ла Вольпе?

Теперь парень выглядел действительно испуганным.

- Никогда о нем не слышал. Забирайте свои деньги, синьор, и отпустите меня!

- Пока не скажешь, не отпущу.

- Минуточку, - донесся из-за спины Эцио глубокий грубоватый голос. - Может быть я смогу тебе помочь?

Эцио обернулся и увидел широкоплечего мужчину, одного с ним роста, но старше лет на десять-пятнадцать. На голове у него был накинута капюшон, который частично скрывал лицо, а под ним Эцио разглядел два лиловых глаза, светившиеся странной силой и пристально сверлившие его.

- Пожалуйста, отпусти моего коллегу, - проговорил мужчина. - Я отвечу вместо него. - И добавил молодому вору. - Отдай джентльмену его деньги, Коррадин, и иди отсюда. Мы

позже поговорим. - Он говорил с таким авторитетом, что Эцио осознал, какую тот имеет власть.

Через две секунды Коррадин сунул в руку Эцио его кошель и исчез в доме.

- Кто вы? - спросил Эцио.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

- Мое имя Гильберто, но люди зовут меня множеством имен: убийцей, например, и головорезом. Но мои друзья знают меня просто как Ла Вольпе, Лиса.

Он чуть поклонился, не сводя с Эцио пристального взгляда.

- Я к вашим услугам, мессер Аудиторе. Конечно, я ждал вас.

- Но как... Как вы узнали мое имя?

- Мое ремесло - знать обо всем в городе. За этим ты и пришел, верно?..

- Дядя дал мне ваше имя...

Ла Вольпе снова улыбнулся, но не произнес ни слова.

- Мне нужно найти кое-кого, и подобраться к нему как можно ближе.

- Кого ты ищешь?

- Франческо Пацци.

- Играешь по-крупному, - серьезным тоном проговорил Лис. - Возможно, я и смогу тебе помочь. - Он помолчал, задумавшись. - У меня есть сведения, что несколько людей из Рима недавно высадились в доках. Они приехали на встречу, о которой никто больше не должен был знать, но им неизвестно, что я - глаза и уши этого города. Хозяин встречи - тот, кого ты ищешь.

- Когда будет эта встреча?

- Сегодня ночью, - снова улыбнулся Лис. - Не волнуйся, Эцио, - это не беда. Я послал кое-кого, чтобы он привел тебя, если ты сам не сможешь меня разыскать, и это позволило мне испытать тебя. Очень немногим из тех, кто меня ищет, удается добиться успеха.

- Значит, вы подослали ко мне Коррадина?

- Прости мне некоторую театральность, но я должен был убедиться, что ты не отступишь. Он молод, и это было таким же испытанием и для него. Видишь ли, может быть, я и подослал его к тебе, но он не понял истинной цели моего задания. Он думал, что я указал ему очередную жертву, - его тон стал более практичным. - Ты должен найти способ проникнуть на встречу, но это будет нелегко. - Он посмотрел на небо. - Закат. Нам надо спешить, быстрее всего будет по крышам. Следуй за мной!

Без лишних слов он развернулся и взобрался по стене позади так быстро, что Эцио с трудом смог догнать его. Они бежали по крышам, покрытым красной черепицей, перепрыгивая щели улиц в последних лучах заходящего солнца, тихие, словно мыши, легконогие, словно лисы, на северо-запад города, пока не увидели фасад церкви Санта Мария Новелла. Тут Лис приказал остановиться. Эцио догнал его за считанные секунды, но заметил, что сам он задыхается куда сильнее взрослого мужчины.

- У тебя был хороший учитель, - похвалил Лис, но у Эцио сложилось впечатление, что даже если бы будь у него такой учитель, его новый друг с легкостью обогнал бы и его. Это увеличило его решимость совершенствовать навыки. Но время для размышлений и игр прошло.

- Здесь Мессер Франческо проведет свое собрание, - проговорил Лис, указывая вниз.

- В церкви?

- Под ней. Пошли.

В этот час площадь сбоку от церкви была пуста. Лис прыгнул с крыши, на которой они стояли, изящно приземлившись на корточки, Эцио последовал за ним. Они по краю обошли площадь пока не подошли к боковым воротам, расположенным в стене. Лис провел Эцио через ворота, и они вошли в часовню Ручеллаи. Возле бронзовой гробницы в центре Ла Вольпе остановился.

- Под землей есть сеть катакомб, пересекающая город вдоль и поперек. Они показались мне полезными, но к несчастью, не только мне. Мало кто знает о них, еще меньше - как по

ним пройти, Франческо Пацци - один из них. Там внизу он назначил встречу с людьми из Рима. Вход будет закрыт, и тебе придется найти способ добраться туда. Эта часовня - часть подземного склепа, тебе придется спуститься на пятьдесят ярдов вниз, и очень осторожно - звуки хорошо разносятся в катакомбах. Там будет темно, так что положишься на свое зрение, когда глаза привыкнут к темноте, и скоро разглядишь свет из часовни. Он положил руку на каменный выступ на пьедестале гробницы и нажал на него. Под его ногами твердая плита скользнула вниз на невидимых петлях, открывая каменные ступени. Ла Вольпе встал в стороне.

- Удачи, Эцио.

- А ты не пойдешь?

- Я тебе не понадобится. В любом случае, даже со всем моим мастерством, двое наделают куда больше шума, чем один. Я подожду тебя здесь. Все, ступай!

Под землей Эцио на ощупь двинулся по сырому каменному коридору, уводившему вправо. Он знал, что путь его будет долгим, стены коридора были достаточно близко, Эцио мог дотянуться до любой из них рукой. Он следил, чтобы при ходьбе не раздавалось ни звука на влажном земляном полу. Иногда от главного коридора ответвлялись другие, и он чувствовал их раньше, чем замечал глазами, когда его ладонь, которой он касался стены, вдруг проваливалась в черную дыру. Возможность потеряться здесь внизу казалась ночным кошмаром, ему никогда не найти путь отсюда. Тихие звуки достигли его слуха, и он догадался, что это ни что иное, как бегающие крысы. Однажды, когда одна из них пробежала по его ноге, он едва сумел сдержать крик. В нишах по обе стороны коридора, он замечал остатки тел, их черепа были покрыты паутиной - катакомбы навевали первобытный ужас, и Эцио подавлял поднимающуюся в нем панику. В конце концов, он заметил слабый огонек впереди, и, двигаясь еще медленнее, пошел вперед. Он спрятался в тени, в зоне слышимости, и увидел в свете лампы силуэты пятерых людей в тесной и очень древней часовне.

Он немедленно узнал Франческо - низкорослая, жилистая, крепкая фигура которого склонилась, в момент прибытия Эцио, перед двумя священниками с тонзурами, которых он не знал. Старших из них благословил гнусавым голосом: *«Et benedictio Dei Omnipotentis, Patris et Filii et Spiritu Sancti descendat super vos et maneat semper»**. По его лицу скользнул свет, и Эцио угадал кто это. Стефано да Баньоне, секретарь дяди Франческо - Якопо. Сам Якопо стоял рядом с ним.

- Благодарю, падре, - произнес Франческо, как только слова благословения смолкли. Он выпрямился и обратился к четвертому, стоявшему рядом со священниками.

- Бернардо, можешь докладывать.

- Все в полной готовности. У нас полный склад мечей, копий, топоров, луков и арбалетов.

- Простой кинжал вполне сгодился бы для работы, - вставил самый молодой из священников.

- Это зависит от обстоятельств, Антонио, - произнес Франческо.

- Или яд, - продолжил молодой из священников. - Не важно, как долго он будет умирать. не прошу ему уничтожение Вольтерры, моей родины и моего единственного настоящего дома.

- Успокойся, - сказал человек, которого звали Бернардо. - У нас у всех есть мотив. А теперь, благодаря Папе Сиксту, у нас есть и средства.

- Верно, Мессер Барончелли, - отозвался Антонио. - Но есть ли у нас его благословение?

Голос пришедший из глубоких теней вне света лампы разнесся по капелле.

- Он благословил нашу операцию, но с условием, «что никто не погибнет».

Обладатель голоса вышел в свет, и Эцио буквально задохнулся, узнав фигуру в темно-красной сутане, хотя все его лицо, кроме презрительно скривившихся губ, было скрыто в

*Да снизойдет на вас благословение Всемогущего Господа - Отца, и Сына, и Святого Духа, - и останется с вами навсегда. — (лат.) прим. пер

тени капюшона. Это оказался почетный гость из Рима. Родриго Борджиа, Испанец! Заговорщики усмехнулись в ответ. Всем было известно, на что направлена верность Папы, и что перед ними стоял кардинал, который контролировал его. Но естественно Папа Римский не мог открыто потворствовать кровопролитию.

- Хорошо, что наконец-то можно заняться делом, - сказал Франческо. - У нас было достаточно неудач. Их убийство в кафедральном соборе вызовет волну возмущений...

- Это наш последний и единственный вариант, - авторитетно произнес Родриго. – Очищая Флоренцию от такого дерьма, мы делаем богоугодное дело. Когда мы захватим город, если люди осмелятся, пусть попробуют восстать против нас!

- Медичи постоянно меняет планы, - добавил Бернардо Барончелли. - Мне пришлось потрудиться, чтобы узнать наверняка, что его брат Джулиано точно встанет с постели и будет на торжественной мессе.

Все засмеялись, за исключением Якопо и Испанца, который заметил его серьезность.

- Что такое, Якопо? - спросил Родриго у старшего Пацци. - Думаешь, они что-то подозревают?

Прежде чем Якопо успел ответить, его племянник нетерпеливо воскликнул:

- Это невозможно! Для этого Медичи слишком горды или глупы, а может и то и другое сразу!

- Не стоит недооценивать наших врагов, - проворчал Якопо. - Помните, как Медичи профинансировали кампанию против нас в Сан-Джиминьяно?

- В этот раз проблем не будет, - огрызнулся его племянник, с трудом взяв себя в руки - воспоминание о смерти его сына, Вьери, всё ещё было свежо в его памяти.

В последовавшей тишине Бернардо повернулся к Стефано де Баньоне.

- К завтрашнему утру нам понадобятся ваши священнические одеяния, падре. Чем больше они полагают, что окружены церковниками, тем в большей безопасности будут себя чувствовать.

- Кто нанесет удар? - поинтересовался Родриго.

- Я! - ответил Франческо.

- И я, - подхватили Стефано, Антонио и Бернардо.

- Хорошо, - Родриго замолчал. - Думаю, кинжалы больше подойдут. Их легче спрятать и они удобнее при работе в толпе. - Он поднял ладонь и сотворил крест над заговорщиками.

- *Dominus vobiscum**, джентльмены. - Сказал он. - Да направит нас Отец Понимания. - Он обвел всех взглядом. - Что ж, думаю, на этом наши дела окончены. Вы должны меня простить, но мне надо вас покинуть. Нужно разобраться с другими делами до возвращения в Рим. Хотел бы и я присутствовать во Флоренции в день, когда Дом Медичи рухнет.

Эцио ждал, вжавшись в темную стену, до тех пор, пока шестеро не ушли, оставив его в темноте. Только убедившись, что остался в полном одиночестве он вытащил свою лампу и зажег фитиль.

Он вернулся тем же путем что и пришел. Ла Вольпе ждал его в тенистой часовне Ручеллаи. Эцио с бьющимся сердцем рассказал ему все что услышал.

- Убийство Лоренцо и Джулиано Медичи в кафедральном соборе завтра утром? - спросил Ла Вольпе, когда Эцио закончил, и парень понял, что у того не хватает слов. - Это святотатство! А хуже всего - если Флоренция окажется в руках Пацци, даже Бог не поможет нам.

Эцио задумался.

- Можешь провести меня завтра в кафедральный собор? - спросил он. - Поближе к алтарю, ближе к Медичи?

Ла Вольпе задумался.

* Бог с вами – (лат.) прим.пер.

- Сложно, но не невозможно. - Он взглянул на юношу. - Я знаю, что ты задумал, Эцио, но ты не справишься в одиночку.

- Я могу попытаться, и у меня будет элемент неожиданности. К тому же более чем одно чужое лицо среди аристократии может насторожить Пацци. Ты должен провести меня туда Гильберто.

- Зови меня Ла Вольпе, - ответил ему Гильберто, усмехнувшись. - Только лисы могут соперничать со мной в хитрости, - он замолчал. - Встречаемся завтра перед Собором за полчаса до начала торжественной мессы, - он уважительно взглянул на Эцио. - Я помогу тебе, если смогу, мессер Эцио. Твой отец гордился бы тобой.

Утром следующего дня, в воскресенье, 26 апреля, Эцио встал еще до рассвета и отправился к кафедральному собору. Там было не слишком много людей, лишь горстка монахов и монахинь направлялась на утреннюю службу. Зная об этом, Эцио решил избежать ненужного внимания и вскарабкался на самый верх колокольни, где стал наблюдать, как над городом встает солнце. Постепенно площадь стали заполнять жители всех сословий, семьи и пары, торговцы и дворяне, желающие принять участие в главной службе сегодняшнего дня, украшенной присутствием Герцога и его младшего брата и соправителя. Эцио внимательно осматривал людей и заметил Ла Вольпе, идущего к кафедральному собору. Юноша отошел к наименее заметной башне, спустился вниз, проворно, как обезьяна, и направился к Ла Вольпе, низко опустив голову, смешиваясь с толпой и используя жителей, идущих в том же направлении, как прикрытие. По случаю, он надел лучшую одежду и не взял оружия, по крайней мере видимого в открытую, хотя многие из жителей, вроде состоятельных купцов и банкиров, прицепили к поясам церемониальные мечи. Он не мог удержаться, чтобы не выглядывать в толпе Кристину, но так и не увидел ее.

- Вот ты где, - произнес Ла Вольпе, когда Эцио добрался до него. - Мы приняли все меры, место для тебя приготовлено в приделе в третьем ряду.

Пока он говорил, жители разделились, и герольды подняли трубы, заиграли фанфары.

- Они идут, - добавил Ла Вольпе.

На площадь со стороны Баптистерия рука об руку с супругой Клариче вышел Лоренцо Медичи. Клариче вела за руку маленькую Лукрецию, их старшую дочь, а пятилетний Пьеро гордо шествовал справа от отца. Позади них шла трехлетняя Маддалена, а малыша Лео, завернутого в белый сатин, несла на руках их нянька. Рядом шел Джулиано со своей любовницей, Фьореттой, находившейся на последнем месяце беременности. Большинство людей на площади низко кланялись им, когда они проходили мимо. У входа в Собор Медичи ждали два священнослужителя, в которых Эцио с ужасом узнал Стефано де Баньоне и мужчину из Вольтерры, чье полное имя, как сообщил Ла Вольпе, было Антонио Маффеи.

Семья Медичи вошла в кафедральный собор в сопровождении священников, за ними потянулись жители Флоренции, в соответствии с их положением в обществе. Ла Вольпе толкнул Эцио локтем и указал на толпу, в которой Эцио заметил Франческо Пацци и еще одного члена заговорщиков, Бернардо Барончелли, переодетых в дьяконов.

- Иди, - настойчиво шепнул Ла Вольпе Эцио. - Подберись к ним поближе.

Все больше и больше людей входило в собор, пока, наконец, внутри не осталось места, так что те, кто не успел, должны были остаться снаружи. Всего было около десяти тысяч людей, и Ла Вольпе за всю свою жизнь не видел во Флоренции столь огромной толпы. Он мысленно молился об успехе Эцио.

Толпа кое-как разместилась в душной жаре собора. Эцио, как бы ему не хотелось, так и не удалось подобраться поближе к Франческо и остальным, но он не выпускал их из виду, подсчитывая в уме, как бы побыстрее добраться до них в случае атаки. Тем временем епископ Флоренции занял свое место у алтаря и начал мессу.

В тот момент, когда епископ стал благословлять хлеб и вино, Эцио заметил, как Франческо и Бернардо обменялись быстрыми взглядами. Семья Медичи сидела сбоку от них. Именно тогда священники Баньоне и Маффеи встали на нижние ступени, ведущие к алтарю, и, тайком оглядываясь, загородили Лоренцо и Джулиано. Епископ развернулся к прихожанам, поднял вверх золотой кубок и начал говорить:

- Кровь Христа!

В этот момент все и случилось. Барончелли вскочил и с криком: «Умри, предатель!» вонзил кинжал в шею Джулиано. Кровь из раны полилась на Фьоретту, и та с криком упала на колени.

- Дай мне прикончить ублюдка! - закричал Франческо, отпихивая в сторону Барончелли, и бросился на Джулиано, который, зажимая руками рану, пытался подняться с пола. Франческо прижал его и принялся вонзать кинжал в тело жертвы снова и снова, с таким безумием, что не заметил даже, как воткнул клинок в собственное бедро. Джулиано был давно мертв к моменту, когда Франческо нанес ему последний, девятнадцатый, удар.

Тем временем Лоренцо, предостерегающе вскрикнув, развернулся лицом к нападшим на его брата, давая Клариче и нянькам увести детей и Фьоретту в безопасное место. Все вокруг были в замешательстве. Лоренцо отказался от идеи спрятаться за спинами телохранителей - нападение в церкви неслыханная вещь! - но теперь их и вовсе отрезала масса испуганных и охваченных паникой прихожан, которые толкали и давили друг друга в попытке выбраться наружу. Ситуацию ухудшала невыносимая жара, и то, что толпа с трудом продвигалась к выходу.

И только площадка у алтаря была пустынна. Епископ со служителем застыли в ужасе, словно приросли к месту, но Баньоне и Маффеи, увидев, что Лоренцо стоит к ним спиной, воспользовались шансом и, вытащив из одеяния спрятанные кинжалы, напали на него сзади.

Священники редко бывают достаточно профессиональными убийцами, но, каким бы благородным они не считали свое дело, двоим преподобным удалось нанести Лоренцо раны, прежде чем у него получилось стряхнуть их. В этой борьбе они проявили себя куда лучше, чем он ожидал. Франческо, прихрамывающий из-за раны, нанесенной себе, но переполненный ненавистью, подобрался к Лоренцо и, рыча проклятия, занес кинжал. Баньоне и Маффеи, ошеломленные собственным поступком, развернулись и, к удивлению Лоренцо, поспешили в сторону апсиды. Из раны на правом плече герцога текла кровь, и рука больше не могла держать меч.

- Настал твой день, Лоренцо! - закричал Франческо. - Все твои родные падут от моей руки!

- Очень напугал! - отозвался Лоренцо. - Это я тебя убью!

- С твоей-то рукой? - усмехнулся Франческо и замахнулся кинжалом.

Когда он уже нанес удар, сильная рука перехватила его запястье, не давая вырваться, а потом развернула. Франческо оказался лицом к лицу с заклятым врагом.

- Эцио! - воскликнул он. - Ты! Здесь!

- Это твой день настал, Франческо!

Толпа поредела, и телохранители Лоренцо бросились к хозяину. Барончелли подбежал к Франческо.

- Пошли, нам надо спешить! - закричал он. - Все кончено!

- Сперва разберусь с этими шавками, - отозвался Франческо, но лицо его исказилось от боли. Его рана сильно кровоточила.

- Нет! Мы должны отступить!

Франческо выглядел разозленным, но согласился с доводами союзника.

- Мы еще не закончили, - прорычал он Эцио.

- Нет. И куда бы ты не сбежал, я буду преследовать тебя, пока не убью.

Сверкнув глазами, Франческо развернулся и поспешил следом за Барончелли, который уже скрылся за высоким алтарем. Очевидно, там была дверь, ведущая из кафедрального собора в апсиду. Эцио уже хотел броситься следом.

- Подожди! - остановил его надорванный голос сзади. - Пусть уходят, им все равно не убежать далеко. Ты мне нужен. Мне нужна твоя помощь.

Эцио обернулся и увидел Герцога, растянувшегося на полу между двумя перевернутыми стульями. Неподалеку жались к друг другу члены его семьи, а рыдающая Клариче, с ужасом на лице, крепко обнимала двух старших детей. Фьоретта широко раскрыв глаза неотрывно смотрела в сторону переломанного и истерзанного тела Джулиано.

Подбежали телохранители Лоренцо.

- Позаботьтесь о моей семье, - приказал он им. - Из-за случившегося в городе начнутся беспорядки. Отведите их в палаццо и закройте двери. - Он повернул голову к Эцио. - Ты спас мне жизнь.

- Это был мой долг. Теперь Пацци за все заплатят! - Эцио помог Лоренцо подняться и усадил на стул.

Оглянувшись, Эцио не увидел ни епископа, ни кого-то из священников. Позади него люди, расталкивая друг друга, все еще пытались пробиться к выходу из кафедрального собора.

- Мне нужно догнать Франческо! - сказал Эцио.

- Нет! - оборвал Лоренцо. - Я не в состоянии позаботиться о себе. Ты должен мне помочь. Отведи меня в Сан-Лоренцо. Там мои люди.

Эцио разрывался на части, но он знал, сколько Лоренцо сделал для его семьи. Он не мог винить его за то, что он ничего не предпринял, чтобы не допустить гибель родных Эцио, - никто бы не смог предвидеть столь внезапное нападение. А теперь и сам Лоренцо стал жертвой. Да, он все еще жив, но не продержится долго, если Эцио не доставит его туда, где ему смогут оказать помощь. Церковь Сан-Лоренцо находилась недалеко, к северо-западу от баптистерия.

Он разорвал свою рубашку на полосы и, как сумел, перевязал раны Лоренцо. Потом осторожно помог ему встать.

- Обопритесь левой рукой на мое плечо. Хорошо. А теперь, к алтарю. Там должен быть выход.

Они заковыляли туда, куда убежали нападавшие, и вскоре заметили небольшую открытую дверь с пятнами крови на пороге. Теперь не оставалось сомнений, именно через эту дверь скрылся Франческо. Может он спрятался в засаде? С Лоренцо, висящим справа, Эцио было бы сложно воспользоваться, а тем более бороться, клинком с пружинным механизмом. Но на левом запястье был надет браслет с защитной пластиной.

Они вышли на площадь через дверь в северной стене собора. Снаружи царили неразбериха и хаос. Они прошли вдоль стен собора к западу, потом Эцио остановился и накинул на плечи Лоренцо свой плащ с капюшоном, попытавшись хоть как-то скрыть личность герцога. На площади между собором и баптистерием сцепились врукопашную две группы солдат, одетых в ливреи домов Пацци и Медичи. Они были так увлечены этим, что Эцио удалось прокрасться мимо них, но когда они добрались до улицы, ведущей к площади Сан-Лоренцо, они столкнулись с двумя мужчинами, носящими эмблему с крестами и дельфинами. Оба были вооружены кривыми саблями.

- Стой! - приказал один из стражников. - Куда это вы идете?

- Я должен отвести этого человека в безопасное место, - ответил Эцио.

- И кто же он такой? - вмешался второй. Он подошел ближе и всмотрелся в лицо Лоренцо. Герцог, в полуобморочном состоянии, отпрянул, плащ соскользнул, открывая взору крест Медичи на его дуплете.

- Ого, - выговорил второй стражник, повернувшись к другу. - Ты только глянь, какая крупная рыба нам попала, Герцога!

Эцио лихорадочно думал. Он не мог бросить Лоренцо, все еще истекавшего кровью. Но с ним на руках он не сможет воспользоваться оружием. Лево́й ногой он толкнул стражника в зад. Он упал, растянувшись. Через мгновение его напарник напал на них. Эцио отбил удар клинка защитной пластиной на запястье и толкнул рукой, отбрасывая меч и одновременно ударяя стражника клинком с двойным лезвием, встроенным в пластину, хотя силы, которую он вложил в удар, было недостаточно, чтобы убить нападавшего. Тем временем второй стражник поднялся на ноги и поспешил на помощь товарищу, который отшатнулся назад, явно удивленный тем, что клинок Эцио его не задел.

Таким же образом Эцио отбил второй клинок, но в этот раз ему удалось отвести лезвие меча вниз, скользнув защитным браслетом до самого эфеса, который сжимала ладонь противника. Он схватился за его запястье и вывернул так быстро и с такой силой, что

стражник с криком боли выронил меч. Эцио подхватил саблю прежде, чем она упала на землю. Тяжесть тела Лоренцо сковывала движения, а драться левой рукой было тяжело, но он все равно полоснул саблей по шее стражника, пока тот не опомнился. С криком ярости на него набросился второй стражник. Эцио парировал удар, но и он, и стражник успели нанести друг другу несколько ранений. Стражник, понятия не имея о спрятанном на запястье металлическом браслете, вновь и вновь наносил по нему бесполезные удары. Рука Эцио болела, он едва держался на ногах, но тут выдался шанс. Шлем на голове врага не был закреплен, но тот не подозревал об этом, сосредоточившись на запястье Эцио и готовясь нанести очередной удар. Клинок на запястье щелкнул, и Эцио нанес обманный удар. Промажнувшись, он все-таки достиг успеха - шлем свалился с головы стражника. Прежде, чем противник успел среагировать, Эцио со всей силы ударил саблей по голове стражника и разрубил ее надвое. Сабля застряла в черепе, и Эцио не смог ее вытащить. Стражник мгновение стоял на месте, его глаза расширились от удивления, а потом он рухнул в пыль. Быстро оглянувшись, Эцио потащил Лоренцо по улице.

- Мы уже недалеко, Ваша Светлость.

Они без помех добрались до дверей церкви, но они оказались крепко заперты. Эцио оглянулся и увидел, что в конце улицы, возле тел убитых им стражников, стояла группа их товарищей, которые смотрели в их сторону. Он забарабанил в дверь, открылась смотровая щель, через которую был виден глаз и часть настороженного лица.

- Лоренцо ранен, - заорал Эцио. - Нас преследуют! Открывайте двери!

- Назови пароль, - отозвался человек внутри.

Эцио растерялся, но Лоренцо, услышав и узнав голос мужчины, собрался с силами.

- Анжело! - громко приказал он. - Это Лоренцо! Открывай эту чертову дверь!

- Святая Троица, - воскликнул мужчина внутри. - Мы полагали, ты погиб. - Он отвернулся и крикнул кому-то. - Снимайте засовы! Быстрее!

Смотровая щель закрылась, послышался звук извлекаемых засовов. Тем временем гвардейцы Пацци бросились в их сторону. Одна из тяжелых дверей приоткрылась, впуская Эцио и Лоренцо, и быстро захлопнулась позади них, охранники вставили засовы на место. Снаружи доносились звуки ужасной битвы. Эцио оказался лицом к лицу со спокойным, зеленоглазым, изящно одетым мужчиной лет двадцати четырех.

- Анжело Полициано, - представился он. - Я послал людей отрезать путь крысам Пацци. Больше они не доставят проблем.

- Эцио Аудиторе.

- А, Лоренцо говорил о тебе, - он оборвал себя. - Поговорим позже. Давай я помогу тебе усадить его на скамью. Нам нужно позаботиться о его ранах.

- Теперь он вне опасности, - отозвался Эцио, передавая Лоренцо двум слугам, которые отвели его к скамье у северной стены церкви.

- Мы заштопаем его, остановим кровь, и, как только он более-менее придет в себя, проводим во дворец. Не беспокойся, Эцио, теперь он в безопасности. И мы не забудем, что ты сделал.

Но Эцио думал о Франческо Пацци. У него было достаточно времени, чтобы сбежать.

- Мне нужно идти, - проговорил Эцио.

- Подожди! - позвал Лоренцо.

Полициано кивнул, и Эцио подошел к Лоренцо, присел рядом.

- Я у тебя в долгу, синьор, - произнес Лоренцо. - Я не знаю, почему ты мне помог и как сумел узнать о заговоре, когда даже мои шпионы ничего не подозревали.

Он замолчал, скривившись от боли, когда один из слуг принялся промывать рану на его плече.

- Кто ты? - продолжил он, немного собравшись с силами.

- Это Эцио Аудиторе, - ответил Полициано, подойдя и положив ладонь на плечо Эцио.

- Эцио! - Лоренцо пристально посмотрел на него. - Твой отец был великим человеком и отличным другом. Он был одним из моих сильнейших союзников. Он знал, что такое

честь и верность, и никогда не ставил свои интересы выше интересов Флоренции. Но... - он снова замолчал, потом слабо улыбнулся. - Я был в монастыре, когда убили Альберто. Это был ты?

- Да.

- Ты не стал затягивать с мезтью. Как видишь, мне не так повезло. Но теперь, из-за своих чрезмерных амбиций, Пацци сами вырыли себе могилы. Молю, чтоб это было так.

Один их охранников, посланных разобраться с Пацци, преследовавшими Эцио, ворвался в зал, его лицо было залито кровью и потом.

- В чем дело? - спросил Полициано.

- Плохие новости, сир. Пацци восстали и теперь штурмуют дворец Веккьо. Мы не сможем сдерживать слишком долго.

Полициано побледнел.

- Это действительно плохие вести. Если они захватят дворец, то перебьют всех наших союзников, до кого смогут добраться. И если они захватят власть...

- Если они захватят власть, - перебил Лоренцо, - моя жизнь не будет значить ничего. Мы все будем мертвецами. - Он попытался встать, но повалился, застонав от боли. - Анжело! Тебе нужно взять солдат и...

- Нет! Мое место с тобой. Нужно отвести тебя во Дворец Медичи как можно скорее. Там мы сможем собраться и нанести удар.

- Я пойду, - вставил Эцио. - У меня есть незаконченное дело к мессеру Франческо.

- Ты уже достаточно сделал, - Лоренцо посмотрел на него.

- Моя работа еще не закончена, Ваша Светлость. И Анжело прав, - у него есть более важная задача, - доставить вас в целости и сохранности во дворец.

- Синьоры! - вбежал посыльный Медичи. - Я принес вести. Я видел Франческо Пацци позади Дворца Веккьо во главе отряда солдат. Он пытается незаметно пробраться к Синьории.

Полициано взглянул на Эцио.

- Иди. Вооружись, возьми мой отряд и поспеши. Этот человек проводит тебя. Он покажет, где безопаснее всего выйти из церкви. Тебе потребуется десять минут, чтобы добраться отсюда до Дворца Веккьо.

Эцио поклонился и поспешил прочь.

- Флоренция никогда не забудет, что ты для нее сделал, - сказал ему вслед Лоренцо. - Ступай с Богом.

Снаружи звонили колокола большей части церквей, еще больше увеличивая какофонию звенящей стали, человеческих криков и стонов. В городе царили беспорядки, телеги полыхали огнем, солдаты с обеих сторон носились туда-сюда, сталкиваясь друг с другом в ожесточенной схватке. Повсюду, на площадях и мостовых, валялись мертвые, но вокруг было слишком шумно, так что вороны не осмеливались подлететь ближе, рассматривая тела с крыш своими неприятными черными глазками.

Западные ворота Палаццо Веккьо оказались открыты, и с внутреннего двора долетал шум битвы. Эцио приказал отряду остановиться и обратился к офицеру Медичи, который побежал к Палаццо и переговорил с другим отрядом.

- Ты знаешь, что там происходит?

- Пацци подобрались с тыла и открыли ворота изнутри. Но наши люди пока что сдерживают их. Они не прошли дальше внутреннего двора. Если все сложится удачно, мы сможем их окружить!

- А что есть о Франческо Пацци?

- Он и его люди держат задние врата Палаццо. Если мы захватим контроль над ситуацией, то сможем загнать их в ловушку.

Эцио обернулся к своим людям.

- Вперед! - скомандовал он.

Они стремительно пересекли площадь и побежали по узкой улочке, которая вела вдоль северной стены Дворца, по которой когда-то давно совершенно другой Эцио карабкался к зарешеченному окошку камеры своего отца. Повернув направо, отряд неожиданно столкнулся с отрядом Пацци под предводительством Франческо охранявшим задний вход во Дворец.

Они оказались почти лицом к лицу с врагами, и когда Франческо узнал Эцио, то закричал:

- Опять ты! Почему ты еще жив? Это ты убил моего сына!

- Он пытался убить меня!

- Убейте его! Убейте сейчас же!

Две стороны сцепились в жестокой схватке, кромсая и прокалывая друг друга в ярости, близкой к отчаянью. Пацци понимали, что самое важное для них - сдержать линию обороны. Эцио, с холодной яростью в сердце, бросился в сторону Франческо, который стоял спиной к дверям. Меч Эцио, который он взял из арсенала Медичи, был хорошо сбалансирован и откован из толедской стали, но само оружие было ему непривычно и, как следствие, его удары были менее эффективны, чем обычно. Он больше калечил, чем убивал, людей, стоявших у него на пути. От Франческо это не укрылось.

- Считаешь себя мастером меча, щенок? Ты даже не способен никого прикончить. Позволь показать тебе, как это делается.

Они бросились друг на друга, искры от мечей летели во все стороны. Но у Франческо было меньше возможностей для маневров, чем у Эцио, к тому же, на двадцать один год старше соперника, он быстрее выматывался.

- Стража! - закричал он. - Ко мне!

Но его люди отступили под натиском Медичи. Франческо и Эцио остались наедине, лицом к лицу. Франческо затравленно оглянулся, ища возможность отступить, но оставался только один путь - через Палаццо. Он распахнул дверь позади себя и побежал по каменной лестнице, что вела внутрь стены. Эцио догадывался, что большая часть солдат Медичи, защищавших дворец, сейчас находится в передней его части, где и велись бои, и что, вероятно, у них просто нет людей, чтобы прикрыть тылы. Эцио помчался следом за Франческо на второй этаж.

Комнаты были пусты, потому что все обитатели дворца, за исключением шестерых перепуганных секретарей, сбежавших при их появлении, находились сейчас внизу, пытаясь сдержать Пацци во дворе. Франческо и Эцио бежали по позолоченным залам с высокими потолками, пока не достигли балкона, выходящего на площадь Синьории. Снизу до них доносился шум битвы, Франческо безуспешно пытался позвать на помощь, но его никто не услышал, а путь к отступлению был отрезан.

- Стой и дерись, - сказал Эцио. - Это касается только нас двоих.

- Будь ты проклят!

Эцио ударил мечом, кровь полилась из левой руки Франческо.

- Ну же, Франческо, куда же делась твоя смелость? Ты не был таким трусом, когда убивал моего отца! И когда прикончил Джулиано этим утром!

- Не приближайся ко мне, дьявольское отродье!

Франческо нанес удар, но из-за усталости не рассчитал, что цель находится слишком далеко. Он пошатнулся, потерял равновесие. Эцио ловко отступил в сторону, ногой надавил на меч Франческо, потянув того следом, вниз.

Прежде чем Франческо смог подняться, Эцио наступил ему на руку, заставляя его выронить меч, схватил за плечо и развернул на спину. Едва он попытался подняться, Эцио со всей силы ударил его по лицу. Франческо потерял сознание. Эцио нагнулся и обыскал старика, пока тот не пришел в себя, сорвал с него броню и дуплет, открывая взгляду бледное жилистое тело. Но при нем не оказалось ни документов, ни чего-то более важного. Только пригоршня флоринов в кошельке.

Эцио отшвырнул в сторону свой меч и привел в действие пружинный механизм. Клинок выскочил. Эцио присел и поднял голову Франческо так, чтобы их лица почти соприкасались.

Веки Франческо приоткрылись. В глазах появилось выражение ужаса.

- Пощади! - прохрипел он.

В этот самый момент из внутреннего двора донеслись победные крики. Эцио прислушался к голосам и понял, что Пацци были разбиты.

- Пощадить? - повторил он. - Да я скорее пощажу бешеного пса.

- Нет! - закричал Франческо. - Я прошу тебя!

- Это за моего отца, - прорычал Эцио, вонзая клинок ему в глотку. - Это за Федерико, - еще раз. - А это за Петруччо, и за Джулиано!

Кровь хлынула из ран Франческо, заливая Эцио. Лишь воспоминание о словах Марио удержало его от дальнейшего истязания умирающего: «Не уподобляйся ему». Эцио опустил на корточки. Глаза Франческо все еще блестели, но свет в них начал угасать. Он что-то прошептал. Эцио склонился, прислушиваясь.

- Священник... Священник... Умоляю тебя, пошли за священником.

Теперь, когда ярость утихла, Эцио был глубоко шокирован собственной жестокостью. Это не согласовывалось с Кредо.

- Не сейчас, - отозвался он. - Я закажу мессу по твоей душе.

Франческо захрипел. Тело напряглось, задергалось в предсмертной агонии, голова запрокинулась, рот широко открылся, когда он вступил в последнюю схватку с незримым врагом, с которым суждено встретиться каждому из нас. Потом тело расслабилось, превратившись в пустую, легкую оболочку.

- Покойся с миром, - прошептал Эцио.

Новые крики донеслись снизу. С северо-западного угла площади к Палаццо вышли пятьдесят или шестьдесят человек, среди которых Эцио различил дядю Франческо, Якопо! Они высоко держали знамя Пацци.

- Свобода! Свобода! Народ и Свобода! - кричали они.

Навстречу им бросились солдаты Медичи, и, как было видно Эцио, их было больше, хотя они и были измождены.

Он обернулся к трупу.

- Ну, что ж, Франческо, - проговорил он. - Думаю, я придумал способ, с помощью которого ты даже сейчас сможешь искупить свою вину.

Он быстро поднял тело, - это оказалось на удивление легко, - и отволоч на балкон. Там, отыскав шнур, на котором висел флаг, он обвязал один конец веревки вокруг шеи старика. Другой конец он быстро привязал к крепкой каменной колонне и, приложив все силы, поднял тело и перебросил через парапет. Веревка натянулась. Безвольное тело Франческо повисло на ней.

Эцио спрятался за колонну.

- Якопо! - крикнул он. - Якопо Пацци! Смотри! Твой лидер мертв! Все кончено!

Сверху он увидел, как Якопо вскинул голову и споткнулся. Позади замерли в нерешительности его люди. Солдаты Медичи проследили за их взглядами и, с одобрительными возгласами, стали наступать на Пацци. Но решимость противников была сломлена, и они бросились бежать.

В течение нескольких дней все было кончено. Власть Пацци во Флоренции рухнула. Их имущество и вещи были конфискованы, щиты с гербами сорваны и растоптаны. Несмотря на просьбы Лоренцо о милосердии, жители Флоренции искали и убивали каждого, кто симпатизировал Пацци, хотя главным виновникам всё же удалось сбежать. Только к одному из пойманных было проявлено снисхождение - к Рафаэлю Риарио, племяннику Папы, которого Лоренцо посчитал слишком доверчивым и простодушным, чтобы принимать деятельное участие в заговоре, хотя многие из советников Герцога думали, что

Лоренцо в своем решении руководствовался больше гуманностью, нежели политической дальновидностью.

Сикст IV был в ярости, и поместил Флоренцию под интердикт, но он был бессилён сделать что-то еще, поэтому флорентийцы не обратили на это никакого внимания.

Что же касается Эцио, его одним из первых вызвали на прием к герцогу. Он нашел Лоренцо на балконе, откуда тот смотрел на Арно. Его раны, хоть и были еще перевязаны, почти зажили, а бледность покинула лицо. Он стоял, гордый и высокий, и выглядел человеком, который полностью заслужил прозвище, что дали ему флорентийцы, - *Magnifico*, Великолепный.

Они поприветствовали друг друга, и Лоренцо указал на реку.

- Знаешь, Эцио, когда мне было шесть лет, я упал в Арно. Я чувствовал, как погружаюсь все глубже в темноту, и был уверен, что скоро умру. Когда я открыл глаза, я увидел рыдающую мать. Рядом с ней стоял человек, вымокший, но улыбающийся. Мать сказала, что он спас меня. Имя незнакомца было Аудиторе. Так началась долгая дружба между нашими семьями. Твоей и моей. - Он серьезно посмотрел на Эцио. - Прости, что не смог спасти твоих родных.

Эцио не смог найти слов, чтобы ответить. Безразличный мир политики, в котором границы между правильным и ошибочным часто смазаны, был тем миром, к которому он некогда прикоснулся, но после отверг.

- Я уверен, что вы сделали бы это, если бы это было в ваших силах, - ответил он.

- Дом твоей семьи теперь в сохранности и находится под защитой города. Я отправил туда вашу старую экономку, Аннетту, чтобы она присмотрела за всем, и оплачу найм слуг и охраны. Что бы ни случилось, это место будет ждать тебя, когда бы ты ни пожелал вернуться.

- Вы очень великодушны, Ваша Светлость, - Эцио помедлил. Он подумал о Кристине. Может еще не поздно уговорить ее разорвать помолвку, попросить у нее руки, и возможно они вместе смогут вернуть клан Аудиторе к жизни? Но за два коротких года он безвозвратно изменился, и у него остался всего один долг - долг перед Кредо.

- Мы одержали великую победу, - сказал он чуть погодя. - Но война еще не выиграна. Многим наших врагам удалось сбежать.

- Но мы обеспечили безопасность Флоренции. Папа Сикст хотел убедить Неаполь выступить против нас, но я уговорил Фердинандо не слушать его, тоже самое с Болоньей и Миланом.

Эцио не мог посвятить герцога в подробности битвы, которую он вел, потому что не был уверен, что Лоренцо посвящен в тайны ассасинов.

- Ради нашей безопасности, - проговорил он, - я прошу у вас позволения отправиться на поиски Якопо Пацци.

Тень омрачила лицо Лоренцо.

- Этот трус! - гневно выпалил он. - Мы не успели его арестовать. Он сбежал.

- Вы знаете, куда он мог отправиться?

Лоренцо покачал головой.

- Нет. Они хорошо спрятались. Мои шпионы докладывают, что Барончелли может попытаться пробраться в Константинополь, но что с остальными - не знаю.

- Назовите мне их имена, - попросил Эцио, и было что-то такое в его голосе, что Лоренцо понял - этот парень не оставит поисков.

- Как я могу забыть имена тех, кто убил моего брата? Если ты отыщешь их, я буду перед тобой в неоплатном долгу. Это священники Антонио Маффеи и Стефано де Баньоне. Уже упомянутый мной Бернардо Барончелли. Есть еще один, не замешанный в убийствах, но не менее опасный союзник наших врагов. Это архиепископ Пизы, Франческо Сальвиатти - член семьи Риарио, цепных псов Папы Римского. Я проявил милосердие к его кузену. Я стараюсь не уподобляться им. Иногда я сам удивляюсь собственной мудрости.

- У меня есть список, - добавил Эцио. - Я запишу эти имена туда, - он собрался уходить.

- Куда ты отправишься теперь? - поинтересовался Лоренцо.

- Назад к дяде, в Монтериджони. Там мой дом.

- Да поможет тебе Бог, мой друг Эцио. Но прежде чем ты уйдешь, я хотел кое-что показать тебе, оно должно тебя заинтересовать. - Лоренцо открыл кожаную сумку на поясе и извлек оттуда лист пергамента. Даже до того как герцог развернул его, Эцио понял, что это такое.

- Я помню, как много лет назад мы с твоим отцом разговаривали о древних рукописях, - мягко произнес Лоренцо. - Мы оба интересовались ими. Я знал, что он кое-что перевел. Вот эту, - возьми, - я нашел в личных бумагах Франческо Пацци. Уверен, она ему теперь без надобности. Она напомнила мне о твоём отце. Думаю, тебе она пригодится, и ты даже добавишь ее к его... коллекции?

- Я бесконечно признателен вам за это, Ваша Светлость.

- Надеюсь на это, - отозвался Лоренцо таким тоном, что Эцио удивился - сколько на самом деле было известно этому человеку? - Надеюсь, она тебе пригодится.

Прежде чем собрать вещи и отправиться в путь, Эцио, захватив страницу Кодекса, полученную от Лоренцо, поспешил к своему другу Леонардо да Винчи. Несмотря на события прошлой недели, мастерская выглядела так, словно ничего не случилось.

- Я рад видеть тебя живым и здоровым, Эцио, - поприветствовал его Леонардо.

- Вижу, и ты прошел через все неприятности невредимым, - отозвался Эцио.

- Я же говорил - они оставили меня в покое. Они, должно быть, подумали, что я или безумец, или ничтожество, или слишком опасен, чтобы меня трогать. Впрочем, ладно, у меня есть вино, и где-то были кексы, если конечно они не испортились - моя домработница бесполезна! - и ты расскажешь мне, что задумал.

- Я уезжаю из Флоренции.

- Уже? Но все говорят, что ты герой дня! Почему бы не задержаться и не насладиться этим?

- У меня нет на это времени.

- Все еще преследуешь врагов?

- Откуда ты узнал?

Леонардо улыбнулся.

- Спасибо, что зашел попрощаться, - сказал он вместо ответа.

- Прежде чем я уйду, - добавил Эцио, - я хотел показать тебе очередную страницу Кодекса.

- Это действительно отличная новость! Я взгляну?

- Конечно.

Леонардо внимательно изучил новый документ.

- Я начинаю кое-что понимать, - проговорил он. - Я пока не могу полностью разобраться в схеме на заднем плане, но написанное кажется знакомым. Это похоже на описание нового оружия. - Он встал и принес к столу несколько старых, хрупких на вид книг. - Так. Должен заметить, кем бы ни был изобретатель, написавший текст, он должно быть намного опережал свое время. Одиноким механик. - Он умолк, задумавшись. - Ага! Ясно! Эцио, это чертеж для другого клинка. Он встраивается в механизм, который ты уже носишь на руке, и ты сможешь его использовать вместо первого.

- И в чем их различие?

- Если я прав, это довольно неприятное оружие - видишь это углубление в центре? С помощью полости в лезвии владелец сможет отравить жертву. Смертельно, куда бы ты ни ударил. Эта штука сделает тебя практически невидимым!

- Ты сможешь его сделать?

- На тех же условиях?

- Разумеется.

- Отлично! Сколько у меня времени?

- До конца недели - хватит? У меня остались незаконченные дела, и есть... кое-кто, кого я должен буду повидать... и попрощаться. Но мне надо уехать как можно скорее.

- Мне не потребуется слишком много времени. У меня есть инструменты, которые я использовал еще для первого клинка, а мои ассистенты готовы мне помочь, так что я не вижу ни одной причины, чтобы не попробовать.

Эцио потратил оставшееся время на улаживание кое-каких дел во Флоренции, собрал вещи и отправил с курьером письмо в Монтериджони. А потом он понял, что снова и снова откладывает последнее дело, но Эцио прекрасно знал, что с этим необходимо разобраться. Наконец, в последний вечер он отправился к поместью Кальфуччи. Его ноги словно налились свинцом.

Но когда он пришел на место, то обнаружил поместье запертым и темным. Понимая, что ведет себя как безумец, он взобрался на балкон Кристины и обнаружил, что окна надежно закрыты. Настурции в горшках на балконе засохли. Он устало спустился вниз и ощутил, что его сердце окутала тоска. Он, словно во сне, остался стоять у дверей. Он не знал, сколько времени прошло, но должно быть, кто-то наблюдал за ним, потому что, в конце концов, окно на первом этаже открылось, и оттуда выглянула женщина.

- Они уехали. Синьор Кальфуччи увидел приближающуюся опасность и увез семью в Лукку - оттуда родом жених его дочери.

- В Лукку?

- Да. Я слышала, их семьи поселились рядом.

- А когда они вернутся?

- Не знаю, - женщина посмотрела на него. - Я тебя раньше не встречала?

- Не думаю, - отозвался Эцио.

Он провел эту ночь, попеременно думая то о Кристине, то о мучительной смерти Франческо.

Утро выдалось пасмурным, небо полностью отражало настроение Эцио. Он прошелся до мастерской Леонардо, радуясь, что сегодня наконец-то покинет Флоренцию. Новый клинок был готов - выкован из матово-серой стали. Очень тяжелый, но края оказались настолько острыми, что могли разрезать шелковый платок на лету. Отверстие в клинке было крошечным.

- В эфесе спрятан яд, чтобы использовать его, тебе надо просто согнуть запястье и нажать на кнопку. Но будь осторожен.

- Что за яд мне надо использовать?

- Пока что я залил туда крепкий раствор болиголова, но когда он кончится, обратись к любому доктору.

- За ядом? К доктору?

- В малых дозах яд - лекарство. Верно и обратное.

Эцио грустно кивнул.

- Я опять перед тобой в долгу...

- Вот страница Кодекса. Тебе, правда, нужно уезжать так скоро?

- Флоренция в безопасности, пока что. Но у меня все еще есть дела.

- Эцио! - радостно улыбнулся Марио. Его борода топорщилась сильнее, чем обычно, а лицо загорело под тосканским солнцем. - С возвращением!

- Спасибо.

Улыбка сползла с лица Марио.

- Вижу по твоему лицу, что за месяцы, что мы с тобой не виделись, тебе пришлось пройти через многое. Когда примешь ванную и отдохнешь, расскажешь мне обо всем. - Он помолчал. - До нас дошли новости из Флоренции, и я - даже я! - молился, чтобы произошло чудо, и ты остался в живых. Но ты не только выжил, но и натравил всех против Пацци! Тамплиеры возненавидят тебя за это, Эцио.

- Это чувство будет взаимным.

- Сперва отдохни, а после все мне расскажешь.

Этим же вечером двое мужчин устроились в кабинете Марио. Эцио рассказывал все, что знал о событиях, произошедших во Флоренции, а Марио внимательно слушал. Потом Эцио отдал страницу Вьери дяде вместе с той, которую получил от Лоренцо, с расшифрованным чертежом отравленного клинка, и продемонстрировал дяде оружие. Оно произвело на Марио впечатление, но он вновь принялся изучать новую страницу.

- Моему другу не удалось расшифровать ничего, кроме описания оружия, - сказал Эцио.

- Тоже неплохо. Подобные инструкции есть далеко не на каждой странице, и только они должны были заинтересовать его, - проговорил Марио, и в его голосе проскользнула нотка осторожности. - В любом случае, мы пойдем истинное значение Кодекса только когда соберем все страницы. Но даже эта страница, - когда мы поместим ее и страницу Вьери рядом с остальными, - большой шаг вперед.

Он встал, подошел к книжному шкафу, за которым находились страницы Кодекса, отодвинул его и задумался, куда же повесить новые. Одна из них легла точно рядом с остальными, а вторая соприкасалась с ней углом.

- Интересно то, что у Вьери и его отца были на руках страницы, которые так близки друг к другу, - заметил он. - Так, посмотрим... - он замолчал, сосредоточившись. - Хммм, - проронил он, наконец, но тон его был взволнованным.

- Так мы продвинулись вперед, дядя?

- Не уверен. Возможно, мы, как и раньше, блуждаем в темноте, но это точно касается какого-то пророка - не библейского, а либо живущего сейчас, либо того, кто должен будет прийти.

- И кто это может быть?

- Не спеши. - Марио задумался, его губы шевелились, читая на языке, которого Эцио не понимал. - Насколько я могу разобрать, то текст можно приблизительно перевести, как «Это откроет только Пророк». А вот здесь сказано о двух «Частицах Эдема», но я не знаю, что это значит. Придется набраться терпения, пока не соберем остальные страницы Кодекса.

- Я понимаю, как важен Кодекс, дядя, но меня сюда привела более веская причина, чем попытка разгадать тайну. Я ищу изменника, Якопо Пацци.

- Нет сомнений, что после бегства из Флоренции он отправился на юг, - Марио помедлил, прежде чем продолжить. - Я не собирался говорить с тобой об этом сегодня, Эцио, но насколько я понял, это так же важно для меня, как и для тебя, и нам как можно скорее требуется начать подготовку. Моего старого друга Роберто выдворили из Сан-Джиминьяно, теперь город снова стал оплотом тамплиеров. Оставить все, как есть, мы не можем - они слишком близко и к нам, и к Флоренции. Я считаю, что Якопо Пацци мог найти убежище в Сан-Джиминьяно.

- У меня есть список имен других заговорщиков, - проговорил Эцио, вытаскивая из сумки и передавая дяде лист бумаги.

- Отлично. Некоторые из этих людей гораздо менее склонны отступать, нежели Якопо, и от них будет гораздо проще избавиться. На рассвете я пошлю в ту сторону шпионов,

посмотрим, сумеют ли они что-нибудь разузнать о них. Одновременно нам нужно будет подготовиться к возвращению Сан-Джиминьяно.

- Твои люди, во что бы то ни стало, должны быть готовы, но я не могу терять времени, если хочу уничтожить этих убийц.

Марио задумался.

- Возможно, ты прав - часто одиночка способен проломить стены, перед которыми бессильна армия. Нам нужно убить их, пока они еще уверены, что находятся в безопасности. Отправляйся и посмотри, что сможешь узнать. Я знаю, что теперь ты в состоянии позаботиться о себе.

- Благодарю, дядя!

- Не спеши, Эцио! Я разрешу тебе уйти при одном условии.

- Каком?

- Ты отложишь свой отъезд на неделю.

- На неделю?

- Если уж ты решил отправиться в одиночку, без запасного плана, тебе потребуется нечто большее, чем оружие со страниц Кодекса. Да, ты уже мужчина и храбрый боец-ассасин, но твоя репутация заставляет тамплиеров жаждать твоей крови. И тебе все еще не хватает некоторых навыков.

Эцио нетерпеливо покачал головой.

- Нет, дядя, прости, но неделю...

Марио нахмурился и лишь немного повысил голос, но этого оказалось достаточно.

- Я слышал о тебе много хорошего, Эцио, но и не меньше плохого. Ты утратил контроль, когда убивал Франческо. Ты позволил чувствам к Кристине сбить тебя с пути. Твой нынешний долг заключается в верности Кредо. Если ты будешь пренебрегать этим, в мире не останется места, где ты смог бы наслаждаться жизнью. - Он поднялся. - Как твой опекун, я приказываю тебе слушаться.

Эцио показалось, что дядя значительно вырос, пока говорил. И, хотя принять это было болезненно, он признал истинность слов дяди. Эцио с сожалением опустил голову.

- Хорошо, - подытожил Марио более добродушным тоном. - Ты еще поблагодаришь меня за это. Твоя новая боевая подготовка начнется с утра. И помни, подготовка - это все!

Неделю спустя, вооруженный и подготовленный Эцио выехал в Сан-Джиминьяно. Марио посоветовал ему связаться с одним из отрядов наемников, которые он разместил в пределах видимости города, чтобы следить за въезжающими и выезжающими оттуда. Эцио обнаружил один из их лагерей в первую же ночь за стенами Монтериджони.

Сержант отряда - крепкий, покрытый шрамами мужчина лет двадцати пяти, по имени Гамбальто, - дал ему кусок хлеба с сыром и кружку крепкого верначчи*, и, пока Эцио ел и пил, рассказал последние новости.

- Думаю, для Антонио Маффейи было позором навсегда покинуть Вольтерру. У него в голове тараканы, раз он решил, что герцог разорил его родной город, несмотря на то, что тот всего лишь взял его под крыло Флоренции. А теперь Маффейи и вовсе спятил. Он залез на башню кафедрального собора, окружил себя лучниками Пацци и каждый день сыпет оттуда поровну цитатами из Библии и стрелами. Одному Богу известно, что он задумал - перевести горожан на свою сторону своими проповедями или переубивать всех. Обычные люди в Сан-Джиминьяно ненавидят его, но пока он продолжает сеять хаос, город против него бессилен.

- Тогда его нужно убрать.

- Да, это, несомненно, ослабит власть Пацци в городе.

- Как хорошо они защищены?

- На вышках и у ворот множество людей. Но на рассвете - смена караула. И тогда, кто-нибудь вроде тебя, может перебраться через стену и, невидимым, войти в город.

* Сорт вина – пр.пер.

Эцио задумался, желая понять, насколько это отвлечет его от основного задания по выслеживанию Якопо Пацци. Но, пораздумав, решил, что должен рассматривать картину целиком - этот Маффеи был сторонником Пацци. И долг Эцио, как ассасина, - убить этого безумца. На рассвете следующего дня лишь очень внимательные жители Сан-Джиминьяно заметили бы, как стройная, сероглазая фигура в капюшоне, словно призрак, проскользнула по улице, ведущей к кафедральной площади.

Рыночные торговцы уже расставляли свои палатки. Ночная смена подходила к концу, и скучающая, унылая стража дремала, опершись на алебарды. С западной стороны колокольни все еще была глубокая тень, и никто не заметил, как закутанная в черное фигура с легкостью и изяществом паука взобралась по стене.

Худой священник с запавшими глазами и растрепанными волосами уже был на месте. Четверо скучающих арбалетчиков из Пацци так же заняли свои позиции, по одному на каждом углу башни. Но Антонио Маффеи, будто не веря в то, что арбалетчики способны его защитить, крепко сжимал в левой руке Библию, а в правой - кинжал. Когда Эцио взобрался наверх, священник уже начал проповедь, и теперь Эцио ловил каждое слово Маффеи:

- Жители Сан-Джиминьяно, услышьте мои слова! Вы должны покаяться! ПОКАЯТЬСЯ! И попросить прощения. Молитесь вместе со мной, дети мои, и вместе мы сможем противостоять тьме, что пала на нашу возлюбленную Тоскану! Внимай, Небо, я буду говорить; услышь, Земля, слова уст моих. Прольется как дождь учение мое, речь моя упадет как роса, как капля дождя на зелень, как ливень на траву, ибо Имя Господа прославляю! Он твердыня! Совершенны дела его, а пути его праведны! Он истинен и справедлив. Но они развратились перед ним, - они не его дети, а род порочный, строптивый и развращенный! Жители Сан-Джиминьяно, сие ли воздаете вы Господу? Народ глупый и неразумный! Он ли не Отец, породивший вас? Очиститесь же светом Его прощения!

Эцио легко спрыгнул с парапета башни и занял позицию возле люка, открывающегося на лестницу, что вела вниз. Лучники попытались направить арбалеты в его сторону, но расстояние было маленьким, и Эцио воспользовался элементом неожиданности. Он пригнулся, схватил одного из них за ноги и опрокинул его через парапет, обрекая на смерть на булыжной мостовой двумястами футами ниже. Прежде чем остальные опомнились, Эцио набросился на второго, ранив того в руку. Казалось, лучник удивился, что рана оказалась столь маленькой, но потом посерел и упал, жизнь мгновенно покинула его тело. Эцио лучше закрепил ядовитый клинок на запястье, сейчас было не время для честной смертельной схватки. Он кинулся на третьего, который, отбросив лук, попытался пробежать к лестнице. Когда он был уже рядом, Эцио толкнул его в зад, и тот скатился по деревянным ступенькам головой вниз, захрустели кости. Последний поднял руки и что-то забормотал. Эцио посмотрел свысока и заметил, что мужчина обмочился. Он отступил в сторону и с издевательским поклоном позволил перепуганному лучнику спуститься по ступеням мимо искореженного тела его товарища.

В тот же миг он ощутил сильный удар тяжелой стальной рукоятью кинжала в заднюю часть шеи. Маффеи оправился от шокирующей атаки Эцио и напал на него сзади. Эцио пошатнулся.

- Я поставлю тебя на колени, грешник! - закричал священник с пеной у рта. - Моли о пощаде!

«Почему люди всегда тратят время на болтовню?» - подумал Эцио, который, пока священник говорил, успел выпрямиться и развернуться к врагу.

Двое мужчин кружили на ограниченном пространстве башни. Маффеи резал и хлестал воздух своим тяжелым кинжалом. Он оказался неумелым бойцом, но отчаяние и фанатизм сделали его чрезвычайно опасным, и Эцио приходилось танцевать в стороне от беспорядочно размахиваемого лезвия, не в состоянии нанести удар. Но, в конце концов,

Эцио удалось перехватить запястье священника и дернуть на себя, притянув того вплотную.

- Демон, я отправлю тебя в ад, - прорычал Маффеи.

- Прояви хоть какое-нибудь уважение к смерти, мой друг, - отозвался Эцио.

- Я покажу тебе уважение!

- Сдавайся! Я дам тебе время помолиться.

Маффеи плюнул в лицо Эцио, и тот выпустил его. Потом Антонио с воплем вонзил кинжал в левое предплечье Эцио, и увидел, как лезвие скользнуло в сторону, отбитое металлической пластиной.

- Какие демоны защищают тебя? - резко спросил он.

- Ты слишком много болтаешь, - ответил Эцио, приставив свой собственный кинжал к шее священника и напрягая мышцы. Яд через лезвие попал в яремную вену Маффеи. Священник застыл, открыв рот, но оттуда не вырвалось ничего, кроме отвратительного запаха. Тогда он оттолкнулся от Эцио, попятился к парапету, остановился и... упал в объятия смерти.

Эцио обыскал труп Маффеи. Из его мантии он извлек письмо, открыл и бегло прочитал текст.

Господин,

Я пишу это письмо со страхом в сердце. Пророк прибыл. Я чувствую это. Птицы ведут себя необычно. Я вижу с башни, как они кружат. Я не приду на встречу, как ты просил, я не хочу губить себя и боюсь, что Демон отыщет меня. Прости, но я должен прислушиваться к внутреннему голосу. Может быть, Отец Понимания направит тебя. И меня.

Брат А.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Гамбальто оказался прав, подумал Эцио, он сошел с ума. Угрюмо, вспомнив замечание дяди, он закрыл священнику глаза и произнес: «Покойся с миром».

Опасаясь, что милостиво отпущенный лучник мог поднять тревогу, Эцио посмотрел с парапета башни вниз на город, но не заметил суматохи. Стражники Пацци все еще стояли на посту, рынок был открыт, торговля шла вяло. Не осталось сомнений, что арбалетчик был уже на полпути к окраинам, направившись домой, предпочтя дезертирство военному трибуналу и пыткам. Эцио щелкнул лезвием, спрятав его. Он старался касаться ядовитого клинка только рукой в перчатке. Потом ассасин направился вниз по лестнице. Солнце встало, и он не рискнул спускаться вниз по стене колокольни, опасаясь быть замеченным. Когда он присоединился к отряду наемников Марио, Гамбальто радостно поприветствовал его.

- Твое присутствие принесло нам удачу, - произнес он. - Наши разведчики выследили архиепископа Сальвиати!

- Где он?

- Недалеко отсюда. Видишь то поместье на холме?

- Да.

- Он там, - Гамбальто вспомнил что-то и добавил. - Но сперва я хотел спросить, капитан, как все прошло в городе?

- Больше с башни не раздастся ни одной ненавистой проповеди.

- Люди будут благодарить тебя, капитан.

- Я не капитан.

- Для нас - капитан, - спокойно отозвался Гамбальто. - Возьми с собой отряд. Поместье - хорошо укрепленная старая крепость, а Сальвиати окружил себя многочисленной охраной.

- Отлично, - сказал Эцио. - Хорошо, что они собрались все вместе.

Эцио выбрал дюжину лучших бойцов Гамбальто и повел их через поля, что отделяли их от поместья, где укрылся Сальвиати. Он и его люди развернулись веером, не отходя далеко друг от друга. Сальвиати расставил в поле аванпосты Пацци, и было несложно или обойти их стороной, или нейтрализовать. Но все равно при наступлении Эцио потерял двух из своих людей.

Эцио надеялся взять поместье неожиданно, прежде чем его обитатели осознают, что на них напали, но когда они подошли ближе к тяжелым воротам, на стены поднялась фигура в мантии архиепископа и вцепилась в зубцы стены когтистыми руками. Хищное лицо взглянуло вниз и быстро исчезло.

- Это Сальвиати, - сказал сам себе Эцио.

Снаружи врат не было никакой охраны. Эцио знаком приказал людям приблизиться к стенам, чтобы лучники не имели возможность открыть огонь. Не оставалось сомнений, что Сальвиати расставил своих телохранителей внутри вдоль стен, которые были настолько высокими и крепкими, что казались непробиваемыми. Эцио задумался, сможет ли он еще раз попытаться забраться по стене и перелезть через нее, чтобы открыть врата изнутри, впуская своих людей, но он знал, что охранники Пацци поднимут тревогу, стоит им заметить его.

Когда отряд собрался перед стенами, Эцио, приказав своим людям оставаться вне поля зрения, низко пригнувшись в высокой траве, а сам вернулся назад, где лежало тело одного из их врагов. Эцио быстро раздел труп, переделался в его униформу. Свою одежду он сунул подмышку и в таком виде вернулся к отряду (люди сперва схватились за оружие, увидев приближающегося Пацци). Одежду Эцио оставил одному из членов отряда и пошел к воротам, подойдя же – забарабанил по ним эфесом меча.

- Открывайте! - закричал он. - Во имя Отца Понимания!

Прошла напряженная минута. Эцио стоял так, чтобы его можно было увидеть со стены. Вскоре раздался звук вытаскиваемых засовов.

Как только ворота открылись, Эцио и его люди ринулись в атаку, раскрыв врата нараспашку и убив стражу внутри. Они оказались во внутреннем дворе, вокруг которого располагались три крыла поместья. Сальвиати стоял на верхних ступенях лестницы у главного входа в поместье. Дюжина крепких, до зубов вооруженных солдат стояла между ним и Эцио. Остальные собрались во дворе.

- Грязный предатель! - вскричал архиепископ. - Тебе не выйти отсюда так же легко, как ты вошел! - Его голос перерос в командный рык. - Убить их! Убить их всех!

Солдаты Пацци приблизились, окружая людей Эцио. Но их не тренировал Марио Аудиторе, и, несмотря на превосходство противника, наемники Эцио успешно вступили в бой, в то время как сам Эцио кинулся к лестнице. Он выхватил отравленный клинок и напал на окружавших Сальвиати людей. Было неважно, куда он попадет, - каждый раз, когда он ударял и проливал кровь, попадая хотя бы по щеке человека, тот умирал в одно мгновение.

- Ты действительно демон - с четвертого кольца девятого круга Ада! - проговорил дрожащим голосом Сальвиати, когда они с Эцио остались один на один.

Эцио убрал отравленный клинок и выхватил боевой кинжал. Он схватил Сальвиати за капюшон и приставил клинок к его шее.

- Тамплиеры утратили христианство, когда занялись банковским делом, - спокойно произнес он. - Разве ты не слышал собственных проповедей? «Вы не можете служить одновременно Богу и Маммоне!» Но у тебя есть шанс искупить свои грехи. Скажи - где Якопо?

Сальвиати посмотрел на Эцио с пренебрежением.

- Тебе никогда не найти его!

Эцио осторожно, но твердо провел клинком по шее противника, выпуская немного крови.

- Ты еще можешь сделать правильный выбор, архиепископ.

- Мы встречаемся по ночам, а теперь делай то, зачем пришел!

- Значит, вы крадетесь, как убийцы, под покровом темноты. Спасибо за это. Я спрашиваю еще раз. Где?

- Отец Понимания знает, то, что я делаю сейчас, послужит великому благу, - холодно отозвался Сальвиати, а потом внезапно обхватил рукоять клинка Эцио обеими руками и вонзил в свое горло.

- Скажи! - закричал Эцио.

Но архиепископ, захлебываясь, упал, его великолепная желто-белая мантия окрасилась кровью.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Эцио получил известия о заговорщиках, которых так ждал. Все это время он вместе с Марио разрабатывал план по захвату Сан-Джиминьяно и освобождению народа от жестокого гнета тамплиеров, которые помнили прошлую ошибку и теперь держали город железной хваткой. Зная, что тамплиеры тоже разыскивают пропавшие страницы Кодекса, Эцио пытался отыскать их самостоятельно, но безрезультатно. Страницы, уже добытые ассасинами, оставались спрятаны под надежной защитой Марио, ибо без них секрет Кредо оставался недостижимым для тамплиеров.

Потом, в один прекрасный день, в Монтериджони прибыл курьер из Флоренции с письмом от Леонардо для Эцио. Зная привычки своего друга, который будучи левшой писал задом наперед, Эцио потянулся за зеркалом. Хотя для большинства талантливых читателей, незнакомых с Леонардо, его паучьи закорючки были слишком сложны, чтобы расшифровать их. Эцио сломал печать и с нетерпением прочитал послание, чувствуя, как с каждой строчкой в сердце поднимается радость.

*Благородный Эцио,
Герцог Лоренцо попросил меня отправить тебе известия о Барнардо Барончелли! Оказывается, что он взял корабль до Венеции, и оттуда тайно проделал путь, инкогнито, ко двору оттоманского султана в Константинополе, планируя найти там убежище. Но он ни разу не был в Венеции, и не мог знать, что венецианцы подписали мирный договор с турками - они даже послали своего второго лучшего художника, Джентиле Беллини, нарисовать портрет Султана Мехмеда. Так что когда Барончелли прибыл туда, и его личность была установлена, он был немедленно арестован.*

Конечно, ты уже представил письма, что летают между Блистательной Портой и Венецией. Но венецианцы так же и наши союзники, - по крайней мере, сейчас, - а Герцог Лоренцо весьма искусен в дипломатии. Барончелли в цепях отправили обратно во Флоренцию, и здесь его ждал допрос. Но он оказался слишком упрямым, глупым или храбрым, я уж не знаю, и стойко выдержал пытку и раскаленные добела щипцы, и порки, и даже крыс, грызших его ноги, сообщив нам только то, что заговорщики встречаются по ночам в старой подземной часовне под Санта Мария Новелла. Поиски, конечно, велись, но они ничего не дали. Барончелли был повешен. Я сделал довольно хороший набросок его казни, который покажу тебе, когда мы снова встретимся. Я думаю, что он, анатомически говоря, довольно точен.

Твой верный друг

Леонардо да Винчи.

- Хорошо, что этот человек мертв, - проговорил Марио, когда Эцио показал ему письмо. - Он был из тех, кто спокойно продаст родную мать. Но, увы, это нисколько не приближает нас ни к раскрытию дальнейших планов тамплиеров, ни к выяснению местонахождения Якопо.

Эцио нашел время, чтобы навестить мать и сестру, которые по-прежнему находились в спокойствии монастыря под заботливым присмотром аббатисы. Как он с грустью увидел, Мария сумела восстановиться на столько, на сколько вообще могла. Ее волосы

преждевременно поседали, а в уголках глаз появились тонкие линии морщинок, но она достигла внутреннего покоя. И о мертвых муже и сыновьях она говорила с нежностью и гордостью. Но небольшая коробка из грушевого дерева Петруччо, наполненная орлиными перьями, которую она хранила на столике возле кровати, все еще заставляла ее глаза наполняться слезами. Что же до Клаудии - она стала послушницей. И хотя Эцио выразил сожаление о том, что ее красота и дух пропадают зря, он признал, что в лице сестры появился свет, который и заставил его примириться с её решением. И он был счастлив за неё. Он приехал к ним еще раз на Рождество, а с Нового Года заново начал тренировки, хотя внутренне кипел от нетерпения. Чтобы сдержать племянника, Марио назначил его командующим замка, и Эцио неустанно рассылал шпионов и разведчиков по всем уголкам страны в поисках сведений, которые были ему необходимы.

В конце концов, известия были получены. Однажды утром в конце весны Гамбальто появился в дверях кабинета, где разговаривали Эцио и Марио. Глаза его сверкали.

- Синьоры! Мы нашли Стефано де Баньоне! Он укрылся в аббатстве Асмодео, всего в нескольких лигах к югу. Всё это время он был у нас под носом!

- Они держатся стаяй, как псы! - огрызнулся Марио. Его грубые мозолистые пальцы быстро проложили маршрут по карте, лежащей перед ним. Он взглянул на Эцио. - Но Баньоне - цепной пес. Он секретарь Якопо! Если мы ничего не выйдем из него..!

Но Эцио уже не слушал, отдавая приказ седлать лошадей и готовиться к выезду. Не теряя времени, он пошел в свои комнаты и вооружился, выбрав на этот раз отравленный клинок. По совету доктора Монтериджони, он заменил яд Леонардо на перегонку болиголова с беленой, и теперь сосуд для яда в рукояти был полон. Он решил с осторожностью использовать отравленный клинок, так как всегда был риск самому получить смертельную дозу. Именно по этой причине, - и потому, что его пальцы были покрыты мелкими шрамами, - теперь при использовании любого из клинков он надевал мягкие, но толстые кожаные перчатки.

Аббатство находилось близ Монтичиано, чей древний замок возвышался над небольшим городом на холме. Оно было построено в солнечной низине пологого склона, заросшего кипарисами. Здание было довольно новым, возможно, не старше сотни лет, и возведено из дорогого желтого привозного песчаника вокруг огромного внутреннего двора с церковью в центре. Врата были широко распахнуты, и монахи аббатства, по давно заведенной традиции, работали в полях и садах, разбитых вокруг, или на виноградниках, растущих выше по склону. Монастырское вино, производимое в аббатстве, было широко известно, и поставлялось даже в Париж.

Часть подготовки Эцио заключалась в том, чтобы узнать привычки монахов как свои собственные. Поэтому, оставив лошадь на попечение конюха в гостинице, где он взял комнату под видом курьера, он переоделся, прежде чем отправиться в аббатство.

Вскоре после прибытия, он заметил Стефано, поглощенного разговором с проповедником монастыря, тучным монахом, который своими формами напоминал один из винных бочонков, которые, очевидно, часто опустошал. Эцио удалось незаметно приблизиться достаточно близко, чтобы подслушивать, оставаясь незамеченным.

- Помолитесь, брат, - сказал монах.

- Молиться? - переспросил Стефано, чьи черные одежды резко контрастировали с солнечным светом. Он выглядел, словно паук, оказавшийся на блине. - О чем нам молиться? - язвительно добавил он.

- О защите Господа, - монах выглядел удивленным.

- Брат Джироламо, ты, правда, веришь, что Господа интересуют наши дела? Подумай головой! Если это помогает тебе убить время, то, пожалуйста, обманывай себя и дальше.

- Ты богохульствуешь! - пораженно отозвался брат Джироламо.

- Нет. Говорю правду.

- Но отрицать существование Господа...

-... это единственный рациональный ответ на заявление о том, что на небе живет какой-то невидимый безумец. И поверь мне, судя по тому, что написано о нем в твоей драгоценной Библии, он действительно спятил!

- Да как ты можешь говорить такое! Ты же сам священник!

- Я распорядитель. Я ношу эти одежды лишь потому, что они помогли мне поближе подобраться к Медичи, чтобы я смог поставить их на колени, к славе моего истинного Хозяина. Но сперва надо разобраться с этим ассасином, Эцио. Слишком долго он оставался бельмом у нас на глазу, пришло время уничтожить его.

- Ты прав. Это гнусный демон.

- Ну, - произнес Стефано с кривой усмешкой, - хоть в этом мы с тобой согласны.

- Люди говорят, - Джироламо возвысил свой голос, - что Дьявол наделил его сверхъестественной силой и скоростью.

- Дьявол? - Стефано смерил собеседника взглядом. - Нет, друг мой. Эти дары он дал себе сам, тщательно упражняясь в течение долгих лет. - Он на мгновение умолк, задумчиво склонив голову. - Знаешь, Джироламо, меня беспокоит то, что ты совершенно не готов отдавать должное людям. Готов спорить, ты бы всех назвал несчастными жертвами, если бы мог.

- Я прощаю тебе слабоверие и несдержанный язык, - благожелательно отозвался Джироламо. - Ты по-прежнему один из детей Господа.

- Я же сказал тебе... - резко начал Стефано, но потом махнул руками и сдался. - А, что я стараюсь? Достаточно! Я будто с ветром разговариваю!

- Я буду молиться за тебя.

- Как хочешь. Но делай это тихо. Я должен быть начеку. Пока этот ассасин не будет мертв и похоронен, тамплиеры не смогут чувствовать себя в безопасности.

Монах с поклоном удалился, и Стефано остался во внутреннем дворе в одиночестве. Прозвонил колокол к Первой и Второй Проповедям, и вся община собралась в церкви аббатства. Эцио появился из тени подобно духу, являющемуся незадолго до смерти. Стоял тихий душный полдень, ярко светило солнце. Стефано, похожий на ворона, бродил туда-сюда возле северной стены, обеспокоенный и раздраженный настолько, что казался одержимым.

Но когда он заметил Эцио, он не выказал удивления.

- Я безоружен, - сказал он. - Я сражаюсь с умом.

- Чтобы сражаться, ты должен будешь остаться в живых. Ты сможешь защитить себя?

- Неужели, ты хладнокровно меня убьешь?

- Я убью тебя, потому что это необходимо.

- Хороший ответ! Но ты не подумал, что я могу обладать секретами, которые могут быть полезными для тебя?

- Я полагаю, тебя не сломит никакая пытка.

- Приму это как комплимент, - Стефано оценивающе посмотрел на парня, - хотя я не столь уверен в себе. Но все это имеет чисто теоретическое значение. - Он помолчал, прежде чем продолжить слабым голосом. - Ты упустил шанс, Эцио. Жребий брошен. Дело ассасинов проиграно. Я знаю, что ты убьешь меня, что бы я ни сделал, и что бы ни сказал, и что я умру прежде, чем окончится полуденная месса. Но моя смерть ничего не даст тебе. Тамплиеры уже готовы дать отпор, и скоро полностью уничтожат тебя.

- Ты не можешь быть в этом уверен.

- Я скоро встречу со своим Создателем, - если он, конечно, создал всё. Это будет конец поисков. В любом случае, зачем мне тебе лгать?

Скрытый клинок выскочил.

- Как хитро, - прокомментировал это Стефано. - Спросишь, что они замыслили дальше?

- Спаси свою душу, - проговорил Эцио. - Скажи, что тебе известно.

- Что ты хочешь узнать? Где мой господин, Якопо? - Стефано улыбнулся. - Это легко. Скоро он встретится с нашими союзниками, в тени римских богов. - Он помедлил. -

Надеюсь, тебя удовлетворит это, потому что, что бы ты ни сделал дальше, я ничего не скажу. И в любом случае это не имеет значения, ибо сердце подсказывает мне, - ты опоздал. Мне только жаль, что я не увижу твоей гибели, но кто знает? Возможно, жизнь после смерти существует, и я, взглянув вниз, увижу твою смерть. А теперь - давай закончим это неблагодарное дело.

Колокола аббатства зазвонили еще раз. У Эцио оставалось совсем мало времени.

- Полагаю, я многому мог бы у тебя научиться, - произнес он.

Стефано с грустью посмотрел на него.

- Не в этом мире, - ответил он и обнажил шею. - Окажи мне честь и позволь умереть быстро.

Эцио со смертельной точностью нанес всего один глубокий удар.

- К юго-западу от Сан-Джиминьяно находятся руины Храма Митры, - задумчиво сообщил Марио, когда Эцио вернулся. - Это единственные значительные римские руины на несколько миль вокруг, а ведь ты сказал, что он сообщил о тенях римских богов?

- Именно так.

- Значит, скоро там встретятся тамплиеры?

- Да.

- Тогда нам нельзя медлить. Нужно установить дежурство там, начиная с сегодняшней ночи.

Эцио упал духом.

- Де Баньоне сказал, что слишком поздно, чтобы попытаться их остановить.

- Тогда, - ухмыльнулся Марио, - мы докажем ему, что он ошибался.

Наступила третья ночь дежурства. Марио отправился на базу заниматься разработкой планов против тамплиеров в Сан-Джиминьяно, оставив Эцио вместе с пятью верными людьми (среди которых был и Гамбальто) продолжать наблюдение, надежно спрятавшись в густом лесу, окружавшем заброшенные руины храма Митры. Это была большая группа строений, возводившаяся на протяжении нескольких веков. Последние жители этих мест действительно поклонялись Митре, богу, который был заимствован римской армией у иранцев. Но храм содержал так же приделы, посвященные Минерве, Венере и Меркурию. Еще к комплексу был присоединен театр, чья сцена все еще была достаточно крепкой, хотя облицованная полукруглая стена и поставленные в виде террасы каменные скамьи (дом для скорпионов и мышей) были сильно разрушены и окружены сломанными колоннами, где свили гнезда совы. Всё завил плющ, а цепкая будлея проросла в трещинах прогнившего мореного мрамора. Ко всему прочему луна лила на руины призрачный свет, и, несмотря на то, что наблюдатели были готовы бесстрашно сражаться со смертельными врагами, пара человек явно нервничала.

Эцио сказал себе, что они будут дежурить в течение недели, но прекрасно понимал, что людям будет сложно оставаться невозмутимыми так долго в месте, где явственно ощущалось присутствие призраков языческого прошлого. Но к полуночи, когда у ассасинов уже все болело от недостатка движения, они услышали тихое позвякивание сбуи. Эцио и его люди тут же собрались с силами. Вскоре после этого через комплекс проехала дюжина солдат с горящими факелами в руках, возглавляемая тремя мужчинами. Они направились к театру. Эцио и наемники тенями скользнули следом.

Солдаты спешили и образовали вокруг троих лидеров круг. Наблюдая за ними, Эцио, с радостью, узнал лицо человека, которого там долго разыскивал - Якопо Пацци, изнуренного старика лет шестидесяти. Он был в сопровождении незнакомого Эцио человека. Второй же его спутник был знаком - в клювоносой фигуре, закутанной в темно-красные одежды с капюшоном, безошибочно угадывался Родриго Борджиа! Мрачный Эцио прикрепил к механизму на правом запястье отравленный клинок.

- Вам известно, зачем я призвал вас на встречу, - начал Родриго. - Я предоставил тебе достаточно времени, Якопо. Но, не смотря на это, ты еще можешь оправдать себя.

- Мне очень жаль, командир. Я сделал все, что в моих силах. Ассасины перехитрили меня.

- Ты не сумел завладеть Флоренцией.

Якопо склонил голову.

- Ты даже не сумел уничтожить этого щенка, Эцио Аудиторе! С каждой победой над нами он набирает силу и становится всё опаснее!

- Это была вина моего племянника Франческо, - пробормотал Якопо. - Несдержанность сделала его безрассудным. Я пытался быть гласом разума...

- Скорее уж голосом трусости, - жестко вставил третий.

Якопо обратился к нему со значительно меньшим уважением, чем то, которое оказал Родриго.

- Мессер Эмилио. Возможно, мы бы справились лучше, если бы вы послали нам хорошее оружие, а не тот хлам, который вы, венецианцы, зовете оружием. Но вы, Барбариго, всегда были скрягами.

- Достаточно! - прогремел Родриго и повернулся к Якопо. - Мы доверились тебе и твоей семье, и как вы отплатили нам? Бездействием и некомпетентностью. Вам удалось захватить Сан-Джиминьяно! Bravo! Но теперь ты застрял здесь. Ты даже позволил им напасть на вас. Брат Маффеи был ценен для нашего Дела. А ты не смог спасти даже своего секретаря, человека, чей ум стоил десяти твоих!

- Ваша светлость! Дайте мне шанс все исправить, и вы увидите... - Якопо обвел взглядом суровые лица собеседников. - Я докажу вам...

Родриго немного смягчил черты лица, и даже изобразил улыбку.

- Якопо. Мы знаем, что лучше всего действовать сейчас. Предоставь это нам. Подойди. Позволь мне обнять тебя.

Якопо нерешительно повиновался. Родриго левой рукой взял его за плечи, а правой выхватил стилет из складок мантии и вонзил его между ребер Якопо. Якопо отпрянул от ножа, а Родриго смотрел на него на некотором расстоянии, словно отец на блудного сына. Якопо зажал рану. Родриго не задел жизненно важных органов. Возможно...

Но к нему уже подошел Эмилио Барбариго. Инстинктивно, Якопо поднял окровавленные руки, защищаясь. Эмилио вытащил угрожающе выглядящий басселард, один из краев которого был зазубрен и имел глубокий кровосток по всей длине клинка.

- Нет, - взмолился Якопо. - Я сделал все возможное. Я всегда верно служил Делу. Всю свою жизнь. Прошу. Прошу, не надо.

Эмилио жестоко рассмеялся.

- Не надо чего, ты, сопливый кусок дерьма?

Он полоснул поперек по дуpletу Якопо, разрезая зазубренным лезвием своего тяжелого кинжала его грудь.

Якопо с криком упал сперва на колени, а потом повалился на бок, истекая кровью. Он посмотрел вверх, на стоящего над ним с обнаженным мечом в руке Родриго Борджиа.

- Господин, пощади! - успел проговорить Якопо. - Еще не слишком поздно! Дай мне последний шанс исправить... - он захлебнулся собственной кровью.

- Якопо, - спокойно сказал Родриго. - Ты разочаровал меня.

Он поднял клинок и вонзил его в шею Якопо с такой силой, что пронзил насквозь, перерубив спинной мозг. Он провернул меч в ране, прежде чем медленно вытащил наружу. Якопо приподнялся, его рот наполнился кровью, но он уже был мертв и упал на спину, содрогаясь, пока, наконец, не замер.

Родриго вытер свой меч об одежды мертвеца и распахнул плащ.

- Что за дрянь, - проворчал он.

Потом он повернулся и посмотрел прямо в направлении Эцио, усмехнулся и крикнул: «Можешь выходить, ассасин! Извини, что увел приз из твоих рук!»

Прежде чем Эцио успел среагировать, его схватили два охранника, чьи мундиры были украшены красным крестом на желтом фоне - гербом его заклятых врагов. Эцио позвал

Гамбальто, но ни один из его людей не отозвался. Его выволокли на сцену древнего театра.

- Приветствую, Эцио! - сказал Родриго. - Сожалею о твоих людях, но ты, правда, полагал, что я не буду ждать тебя здесь? Что я не планировал, что ты придешь? Ты полагал, что Стефано де Баньоне сообщил тебе точное время и место этой встречи без моего ведома и согласия? Конечно, мы должны были все усложнить, иначе ты почувствовал бы ловушку!

- Он рассмеялся. - Бедный Эцио! Видишь ли, мы играем в эту игру куда дольше, чем ты. Я приказал своим людям спрятаться в лесу еще до вашего появления. И я боюсь, твои люди были столь же удивлены, как и ты, - но мне хотелось увидеть тебя живым, прежде чем ты покинешь нас. Назовем это прихотью. И теперь я удовлетворен. - Родриго улыбнулся и обратился к охранникам, державшим руки Эцио - Благодарю вас. Теперь можете его убить.

Вместе с Эмилио Барбариго он сел на коня и поехал прочь, в сопровождении охранников, с которыми он приехал сюда. Эцио смотрел ему вслед. Он лихорадочно думал. Его держали двое здоровенных мужчин, - и кто знает, сколько еще спрятано в лесу? Скольких людей Борджиа послал, чтобы устроить засаду на отряд Эцио?

- Помолись, малыш, - сказал один из захватчиков.

- Постой, - проговорил Эцио. - Я знаю, вы всего лишь выполняете приказ. Если вы отпустите меня, я сохраню вам жизнь. Ну, так как?

Охранник, с которым он говорил, выглядел удивленным.

- Ты только послушай себя! Не думаю, что когда-то встречал кого-нибудь, кто сохранил бы в такой момент чувство юмора...

Но он не закончил фразу. Скрытый клинок выскочил, и Эцио, пользуясь удивлением противников, ударил державшего его справа человека. Яд сработал, и мужчина отшатнулся назад, а потом рухнул наземь. Прежде чем второй стражник успел понять, что произошло, Эцио вонзил клинок глубоко в его подмышку, единственное место, которое не закрывала броня. Освободившись, он отпрыгнул в тени на краю сцены и замер. Ему не пришлось долго ждать. Из леса вышел десяток солдат Родриго. Некоторые из них осторожно осматривали границы театра, другие склонились над упавшими товарищами. Двигаясь со смертельной скоростью, Эцио, словно рысь, кинулся на них, нанося им раны, подобные порезам от удара серпом. Он сосредоточился на том, чтобы попасть по любой обнаженной части их тел. Половина противников была перепугана и захвачена врасплох, солдаты Борджиа дрогнули перед Эцио, и тот убил пятерых, прежде чем остальные бросились наутек и скрылись, панически крича, в лесу. Они не вернутся к Родриго, если не хотят быть повешены за некомпетентность. Пройдет некоторое время, прежде чем их отсутствие обнаружат, и Родриго узнает, что его дьявольский план провалился.

Эцио склонился над телом Якопо Пацци, избитым и потерявшим достоинство. Все, что осталось от него - оболочка жалкого, отчаявшегося старика.

- Бедняга, - проговорил Эцио. - Я разозлился, когда увидел, что Родриго лишил меня законной добычи, но теперь... теперь...

Он замолк и потянулся, чтобы закрыть глаза Пацци, и тут понял, что они смотрят на него. Чудо, но Якопо все еще был жив. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но из горла не вырвалось ни звука. Было ясно, что он находится на краю агонии. Эцио сперва хотел оставить его медленно умирать, но глаза просили об обратном. «Проявляй милосердие, - вспомнил он, - даже когда ты сам того не желаешь». Это тоже было частью Кредо.

- Да упокоит Бог твою душу, - сказал Эцио, целуя Якопо в лоб, и вонзил кинжал глубоко в сердце своего старого врага.

Когда Эцио вернулся во Флоренцию и принес новость о смерти последнего Пацци герцогу Лоренцо, тот обрадовался, но был огорчен тем, что за безопасность Флоренции и Медичи пришлось заплатить слишком кровавую цену. Лоренцо предпочитал находить дипломатические решения улаживания разногласий, но это стремление делало его исключением среди знати - правителей других городов-государств Италии.

Он наградил Эцио церемониальным плащом с капюшоном, который давал тому полную свободу во Флоренции.

- Это слишком щедрый подарок, Ваша Светлость, - сказал ему Эцио. - И я боюсь, что у меня почти не будет возможности воспользоваться привилегиями, дарованными мне.

Лоренцо был весьма удивлен.

- Что? Ты планируешь скоро уехать? Я надеялся, что ты останешься, вернешься в семейный дворец и займешь место в городской администрации, работая вместе со мной.

Эцио поклонился и ответил: «Извините, что говорю это, но я считаю, что с падением Пацци наши проблемы вовсе не закончились. Они были всего лишь одной из голов громадной гидры. Сейчас я намереваюсь отправиться в Венецию».

- В Венецию?

- Да. Человек, который вместе с Родриго Борджиа встречался с Франческо, - член семьи Барбариго.

- Это одна из влиятельнейших семей в Серениссиме. Ты утверждаешь, что он опасен?

- Он союзник Родриго.

Лоренцо на мгновение задумался, а потом развел руками.

- С величайшим сожалением я отпускаю тебя, Эцио. Но я знаю, что не вправе вставать между тобой и твоим долгом, и, в свою очередь, это означает, что я не могу приказывать тебе. Кроме того, я чувствую, что в конечном итоге твоя работа пойдет на пользу нашему городу, даже если я не проживу достаточно долго, чтобы увидеть это.

- Не говорите так, Ваша Светлость.

- Надеюсь, - улыбнулся Лоренцо, - что я ошибаюсь. Но жить в нынешнее время в этой стране - все равно, что жить на краю Везувия, - опасно и очень ненадежно!

Прежде чем уехать, Эцио заскочил к Аннетте, чтобы передать новости и подарки. Ему все еще было слишком тяжело смотреть на свой бывший дом, и он не стал входить внутрь. Кроме того, он старательно избегал особняка Кальфуччи, но навестил Паолу, которая была вежлива, но задумчива, словно мысли ее были в другом месте. Последним местом, куда он планировал зайти, была студия его друга Леонардо, но когда он пришел туда, то обнаружил там лишь Аньоло и Инноченто, а сама мастерская выглядела давно закрытой. И там не было ни малейшего признака присутствия Леонардо.

Когда он вошел, Аньоло улыбнулся и радостно поприветствовал его.

- Здравствуй, Эцио! Давно не виделись!

- Да, очень.

Эцио вопросительно посмотрел на него.

- Хочешь узнать, где Леонардо?

- Он уехал?

- Да, но не навсегда. Он взял с собой часть работ, но не смог захватить все, так что мы с Инноченто приглядываем за домом, пока он не вернется.

- Куда он уехал?

- Это было забавно. Маэстро вел переговоры в Милане со Сфорца, когда Конте де Пезаро пригласил его провести какое-то время в Венеции. Леонардо как раз заканчивал серию из пяти семейных портретов. - Аньоло понимающе улыбнулся. - Кажется, Совет Венеции заинтересовали его механизмы, так что они предоставили ему мастерскую и слуг, очень много слуг. Так что, дорогой Эцио, если он тебе нужен, туда-то тебе и надо.

- Но именно туда я и направлялся! - воскликнул Эцио. - Это великолепная новость. Когда он уехал?

- Два дня назад. Но для тебя не составит труда нагнать его. Он отправился на большой повозке, полностью загруженной оборудованием, которую тянут два вола.
- С ним еще кто-нибудь есть?
- Только возчик и пара верховых, на случай опасности. Они отправились по дороге на Равенну.

Эцио взял с собой только то, что смог уложить в седельные сумки, и ехал в одиночестве всего полтора дня, когда на повороте дороги заметил тяжелую повозку, запряженную волами. Повозка была покрыта парусиновым пологом, под которым были аккуратно уложено множество механизмов и моделей.

Возчики стояли в стороне от дороги, почесывая головы, и выглядели раздраженными и взволнованными. Всадники, два щуплых парня, вооруженных арбалетами и копьями, следили с соседнего холма за окрестностями. Леонардо стоял рядом с повозкой и, по-видимому, пытался приладить к ней своего рода рычаг, когда поднял глаза и заметил Эцио.

- Эцио! Какая удача!
- Леонардо! Что случилось?
- Кажется, у меня небольшие неприятности. Одно из колес повозки... - он указал на одно из задних колес, которое слетело с оси. - Проблема в том, что, чтобы починить колесо, нужно приподнять повозку, но у нас не хватает людей. А этот рычаг, который не очень удачно у меня получился, не может поднять повозку достаточно высоко. Ты поможешь?
- Разумеется.

Эцио подозвал обоих возчиков, крепко сложенных мужчин, которые куда больше подходили для этой работы, чем проворные всадники. Втроем они сумели поднять повозку достаточно высоко и держать ее достаточно долго, чтобы Леонардо легко смог вставить колесо обратно в ось и надежно закрепить его. Пока он этим занимался, Эцио, который вместе с остальными напряженно держал повозку, заглянул внутрь. Среди всего прочего, без сомнений, находился механизм, напоминающий летучую мышь. Только выглядел он так, будто претерпел множество изменений.

Когда повозка была отремонтирована, Леонардо уселся на боковой лавке вместе с одним из возчиков, а второй пошел погонять волов. Всадники обеспокоено ехали спереди и сзади повозки. Эцио пустил лошадь шагом, прямо за Леонардо, и они разговорились. С их последней встречи прошло уже много времени, и им о многом нужно было рассказать друг другу. Эцио мог к сроку довести Леонардо, а Леонардо рассказал о новом задании и о своем волнении, что испытывал от возможности увидеть Венецию.

- Я счастлив, что ты сопровождаешь меня в пути! Но, подумай, ты окажешься там куда быстрее, если не будешь придерживаться темпа повозки.
- Для меня это удовольствие. И я хочу убедиться, что ты доберешься в целости и сохранности.
- У меня есть всадники.

- Леонардо, не пойми меня неправильно, но любой сопляк-разбойник пришибет этих двоих так же легко, как ты прищелкнешь комара.

Леонардо удивился, потом обиделся, а после рассмеялся.

- Тогда я вдвойне раз твоей компании. - Он хитро посмотрел на друга. - Думаю, ты хочешь, чтобы я добрался до места целым, не только из сентиментальных соображений.

Эцио улыбнулся, сказав вместо ответа:

- Я смотрю, ты все еще работаешь над этой хитроумной, похожей на летучую мышь, штуковиной?

- А?

- Ты знаешь, о чем я.

- А, ты об этом. Так, пустяки. Одна из моих задумок. Не хотел бросать её там.

- А что это?

Леонардо неохотно ответил:

- Послушай, я действительно не люблю говорить о том, что еще не закончил.

- Леонардо! Ты, правда, можешь мне верить, - Эцио понизил голос. - В конце концов, я же доверил тебе свои секреты.

Леонардо немного поборолся с собой, потом расслабился.

- Хорошо, но никому не говори.

- Обещаю.

- Если ты расскажешь кому-нибудь, тебя примут за сумасшедшего. - Леонардо продолжил, но голос его был взволнованным. - Послушай, думаю, я придумал, как сделать так, чтобы человек взлетел!

Эцио посмотрел на него и недоверчиво рассмеялся.

- Поверь, придет время, когда ты не будешь так смеяться, - добродушно отозвался Леонардо.

Он сменил тему и стал рассказывать о Венеции, Серениссиме, держащейся в стороне от всей Италии, и больше смотрящей на восток, нежели на запад, и в отношении торговли, и из беспокойства, ибо в эти дни на полпути к северному побережью Адриатики властвовали турки. Он рассказывал о красоте и предательстве Венеции, городе предпринимателей, о ее богатых, причудливых конструкциях - городских каналах, выходящих из болот и построенных на основе сотен тысяч огромных деревянных столбов. О ее сильной независимости и политическом весе: не больше трехсот лет назад дож Венеции перенаправил Крестовый Поход со Святой Земли на служение его собственным целям, для уничтожения всех коммерческих и военных конкурентов и противников его города-государства, в конечном итоге поставив на колени Византийскую Империю. Он рассказывал о загадочных чернильно-черных запрудах, о высоких, освещенных палаццо, о любопытном диалекте итальянского, на котором говорили жители, о нависшем молчании. О ярком блеске их одежд, об их великоленных художниках, истинным королем среди которых был Джованни Беллини, человек, с которым Леонардо страстно желал познакомиться, об их музыке, о карнавалах, об их вульгарной способности пускать пыль в глаза, об искусстве отравлений.

- И все это, - заключил он, - я узнал только из книг. Вообрази, как все выглядит на самом деле!

«По-человечески отвратительно, - холодно подумал Эцио. - Как и везде». Но он согласно улыбнулся другу. Леонардо был мечтателем. А мечтателям разрешено мечтать.

Они въехали в узкое ущелье, и их голоса эхом отражались от скал. Эцио, осматривающий почти невидимые вершины утесов, что окружали их с обеих сторон, внезапно напрягся. Всадники уехали далеко вперед, но в таком замкнутом пространстве он должен был слышать топот копыт их лошадей. Однако не доносилось ни звука. Вместе с внезапным холодом опустился легкий туман, и это ничуть не успокоило Эцио. Леонардо ничего не заметил, но Эцио обратил внимание, что возчики тоже насторожились и теперь осторожно осматривались.

Внезапно со скалистой стороны ущелья вниз полетели мелкие камешки, лошадь Эцио шарахнулась в сторону. Он посмотрел вверх, прищурившись от безразличного солнца высоко над ними, и разглядел парящего орла.

Теперь даже Леонардо встревожился.

- Что случилось? - спросил он.

- Мы не одни, - отозвался Эцио. - Вверху на скалах могут быть вражеские лучники.

Но тут же он услышал стук копыт, несколько лошадей приближалось к ним сзади.

Эцио развернул лошадь и увидел шестерых приближающихся всадников. На знамени, что они несли, был красный крест на желтом фоне.

- Борджиа! - пробормотал он, обнажая меч, и тут в сторону повозки полетел арбалетный болт. Возчики уже бросились бежать, и теперь взволнованные волы медленно и неуклюже ступали вперед сами по себе.

- Возьми вожжи и не давай им остановиться, - Эцио крикнул Леонардо. - Им нужен я, а не ты. Продолжай путь, что бы ни случилось!

Леонардо поспешил повиноваться приказу, а Эцио развернулся навстречу всадникам. Его меч, один из мечей Марио, имел хорошо сбалансированный эфес, а лошадь была легкой и более маневренной, чем у противников. Но на них лучшие доспехи, и у Эцио не было ни единого шанса воспользоваться клинками из Кодекса. Эцио ударил лошадь по бокам, направляя ее в гущу врагов. Низко пригнувшись в седле, Эцио врезался в группу, и мощь его атаки отбросила двух лошадей далеко назад. А потом началось фехтование в полную силу. Защитная пластина, которую он носил на правом предплечье, отразила множество ударов. Эцио воспользовался удивлением врага (когда тот увидел, что его удар не принес Эцио вреда) и сильно ударил в ответ.

Прошло немного времени, прежде чем ему удалось сбросить из седел четверых противников. Оставшиеся двое кружили вокруг, а потом поскакали обратно, туда, откуда приехали. Он точно знал, что на этот раз не должен дать ни одному из них даже шанса вернуться к Родриго. Он поскакал за ними и пронзил сперва одного, а потом второго, столкнув его с лошади, как только нагнал их.

Он осторожно обыскал тела, но ничего не обнаружил. Тогда он отволоч их с дороги и завалил камнями и булыжниками. Потом Эцио снова оседлал лошадь и поехал назад, остановившись только чтобы убрать с дороги другие трупы и элементарно похоронить их, забросав камнями и хворостом, которые подвернулись под руку. С их лошадьми, убежавшими прочь, он уже ничего не мог поделать.

Эцио в очередной раз удалось избежать мести Родриго, но он знал, что кардинал Борджиа не остановится до тех пор, пока не убедится в его смерти. Он стукнул лошадь каблуками и отправился догонять Леонардо.

Когда он догнал его, они вместе искали возчиков, тщетно зовя их по именам.

- Я дал им огромный задаток за повозку и волов, - пожаловался Леонардо. - Не уверен, что снова их увижу.

- Продай их в Венеции.

- Разве они не плавают на гондолах?

- На континенте достаточно ферм.

- Клянусь Богом, Эцио, мне нравятся практичные люди!

Их долгое путешествие через страну продолжилось. Они проехали мимо древнего города Форли, небольшого города-государства с собственным правительством, и направились в Равенну, в порт на побережье, в нескольких милях за ее пределами. Там они сели на корабль, прибрежную галеру, плывшую из Анконы в Венецию, и как только Эцио убедился, что на борту никто не представляет опасности, он позволил себе немного расслабиться. Но он знал, что даже на относительно небольшом корабле, как этот, было не сложно перерезать кому-либо глотки и выбросить тела в иссиня-черные воды. Поэтому он настороженно следил за всеми проходящими и уходящими в каждой небольшой гавани, куда они заплывали. Тем не менее, несколько дней спустя они без происшествий приплыли на верфь Венеции. И здесь Эцио столкнулся с очередной неудачей, которая пришла оттуда, откуда он не ждал.

Они сошли на берег и теперь ждали местный паром, который должен был доставить их в город на острове. Он прибыл вовремя, и моряки помогли Леонардо затащить повозку на лодку, которая тревожно заколебалась под тяжестью груза. Капитан парома сообщил Леонардо, что кто-нибудь из слуг Конте де Пезаро будет ждать его на причале, чтобы проводить художника до нового жилища, а потом с поклоном и улыбкой пригласил Леонардо на лодку.

- У вас же есть пропуск, синьор?

- Конечно, - ответил Леонардо, протягивая ему бумаги.

- А у вас, сир? - вежливо спросил капитан, обращаясь к Эцио.

Эцио опешил. Он прибыл без приглашения и понятия не имел о местных законах.

- Нет, у меня нет пропуска, - сказал он.

- Все в порядке, - вставил Леонардо. - Он со мной. Я могу поручиться за него, и я уверен, что Конте...

Но капитан поднял руку.

- Я сожалею, синьор. Постановление Совета ясно говорит, что никто не может войти в Венецию без пропуска.

Леонардо хотел было возразить, но Эцио остановил его.

- Не волнуйся, Леонардо. Я найду способ обойти эти правила.

- Я бы хотел помочь вам, сир, - проговорил капитан. - Но у меня приказ.

Повысив голос, он обратился к толпе пассажиров.

- Прошу внимания! Внимание! Паром отходит в десять!

Эцио понял, что ему дают немного времени.

Его внимание приковала очень хорошо одетая пара, которая поднялась на галеру одновременно с ним, взяла лучшие каюты, и вообще хорошо держала себя. Сейчас они стояли в одиночестве рядом с одним из причалов, где были привязаны несколько частных гондол, и громко спорили.

- Любимая, прошу... - проговорил мужчина, слабовольно выглядящий тип, лет на двадцать старше своей спутницы, рыжей, энергичной девушки со сверкающими глазами.

- Джироламо, ты настоящий идиот! Одному Богу известно, почему я вышла за тебя, и только Он знает, сколько мне пришлось вынести в результате! Ты никогда не перестанешь придирается, ты готов запереть меня, как курицу, в маленьком провинциальном городишке, а теперь... Теперь ты даже не в состоянии найти гондолу, которая доставит нас в Венецию! Я думала, что твой дядя - кровавый Папа, не меньше! Можно подумать, ты имеешь хоть какое-то влияние! Взгляни на себя - ты такой же бесхребетный, как слизняк!

- Катерина...

- Не называй меня Катериной, жаба! Найди людей, которые займутся багажом, и ради Бога, отвези меня в Венецию! Мне нужна ванна и вино!

Джироламо возмутился.

- Я достаточно умен, чтобы оставить тебя здесь и уехать в Порденоне без тебя.

- В любом случае, нам сперва нужно добраться до материка.

- Путешествовать по дороге слишком опасно.

- Да! Опасно, для такой бесхребетной твари, как ты!

Джироламо молчал, а Эцио продолжал наблюдать. Потом мужчина хитро сказал:

- Почему бы тебе не войти в эту гондолу, - он указал на одну из них, - и я немедленно найду пару гондольеров.

- Хммм! Наконец-то здравые слова! - прорычала она и позволила ему усадить себя в лодку.

Но как только она уселась, Джироламо быстро отвязал трос на носу лодки и мощным толчком отправил гондолу в лагуну.

- Счастливого путешествия! - противным голосом крикнул он.

- Ублюдок! - она бросилась назад. Потом, осознав свое затруднительное положение, начала кричать. - Помогите! Помогите!

Но Джироламо пошел туда, где неуверенно столпились вокруг багажа слуги, и начал отдавать им приказы. Потом он отправился с ними и багажом в другую часть доков, где стал договариваться о предоставлении ему личного парома.

Тем временем Эцио наблюдал за бедственным положением Катерины, не зная, смеяться ему или беспокоиться. Девушка остановила свой взгляд на нем.

- Эй, ты! Не стой столбом! Помогите мне!

Эцио отстегнул меч, стащил сапоги и дуплет и бросился в воду.

Когда они вернулись на причал, улыбающаяся Катерина протянула руку мокрому до нитки Эцио.

- Мой герой, - проговорила она.

- Это было не сложно.
- Я могла утонуть! Из-за этой свиньи! - Она оценивающе взглянула на Эцио. - Но ты! Боже мой, ты должен быть очень силен! Не могу поверить, что ты доплыл обратно, таща на веревке гондолу со мной внутри.
- Легкая, как перышко, - отозвался Эцио.
- Лысец!

- Я имел в виду, что эти лодки так хорошо сбалансированы...

Катерина нахмурилась.

- Для меня было честью спасти вас, сеньора, - неубедительно закончил Эцио.
- Когда-нибудь я верну себе расположение, - сказала она, ее глаза были полны смыслом, скрытым за словами. - Как тебя зовут?
- Аудиторе, Эцио.
- Я Катерина, - она замолчала на мгновение. - Куда ты направляешься?
- Я плыл в Венецию, но у меня нет пропуска, и паром...
- Довольно! - прервала его она. - Так этот мелкий чиновник не пускает тебя на корабль?
- Да.
- Мы еще посмотрим! - Она ринулась вниз по пристани, не дожидаясь, пока Эцио наденет сапоги и дуплет.

Когда Эцио подошел к ней, она уже стояла у паромы и была готова, насколько он смог понять, закатить дрожащему мужчине взбучку. Все, что он услышал, когда подошел, это подобострастное бормотание капитана: «Да, ваша Светлость, конечно, Ваша Светлость, как скажете, Ваша Светлость».

- И лучше тебе сделать так, как я сказала! Если, конечно, не хочешь, чтобы твоя голова оказалась на пике! Вот он! Иди и приведи его лошадь со всеми вещами! Иди же! И хорошо обращайся с ним! Я узнаю, если что-то будет не так! - Капитан стремительно удалился. Катерина повернулась к Эцио. - Вот видишь? Все решилось!
- Благодарю, госпожа!
- Все обернулось к лучшему... - она взглянула на него. - Я надеюсь, что наши пути снова пересекутся. - Она махнула рукой. - Я живу в Форли. Приезжай туда когда-нибудь. Я буду рада оказать тебе теплый прием.

Катерина протянула ему ладонь и собиралась уже отойти, но Эцио спросил:

- А разве вы не хотите поплыть в Венецию?

Она посмотрела на него, потом на паром.

- На этой развалюхе? Ты шутишь?

И она пошла по причалу к своему мужу, который следил за погрузкой их багажа.

Капитан поспешно вернулся, ведя на поводу лошадь Эцио.

- Вот вы где, сир. Я низжайше извиняюсь, сир. Если бы я знал, сир...
- Когда мы доплывем, я хотел бы устроить лошадь в конюшню.
- Об этом я позабочусь, сир.

Когда паром отбыл и поплыл по свинцовым водам лагуны, Леонардо, наблюдавший за всем произошедшим, глухо сказал:

- Ты знаешь, кто это был?
- Я бы не отказался, если б она была моей новой дамой сердца, - улыбнулся Эцио.
- Следи за тем, что делаешь. Это Катерина Сфорца, дочь герцога Милана. А ее муж герцог Форли и племянник Папы.
- Как его зовут?
- Джироламо Риарио.

Эцио замолчал. Фамилия казалась знакомой. Потом он сказал:

- Что ж... Он женился на шаровой молнии.
- Как я уже сказал, - отозвался Леонардо, - следи за тем, что делаешь.

Венеция в 1481 году под твердым руководством дожа Джованни Мочениго была, в целом, отличным местом. С турками был заключен мир, город процветал, торговые пути по суше и морю находились под защитой, процентные ставки были достаточно высоки, но инвесторы играли на повышение, и экономисты были вполне довольны. Церковь тоже богатела, художники процветали под двойным патронажем духовных и светских покровителей. Город разбогател от оптовой продажи трофеев из Константинополя, разграбленного после Четвертого Крестового Похода, который дож Дандоло отвратил от истинной цели. Византия была поставлена на колени, и это ясно демонстрировал наглый трофей: ряд из четырех бронзовых лошадей наверху фасада Базилики Сан-Марко.

Но Леонардо и Эцио, прибывшие на набережную Моло ранним летним утром, понятия не имели о бесчестном, коварном, воровском прошлом города. Они увидели лишь известный розовый мрамор и кирпичные стены Дворца Дожей, широкую площадь, тянувшуюся вперед и влево, кирпичную колокольню поразительной высоты и самих венецианцев, стройных, в темных одеждах, мелькающих, как тени по земле, или плывущих по напоминающим лабиринт зловонным каналам во всевозможных лодках, от элегантных гондол до неуклюжих барж, которые были доверху нагружены различными товарами, от фруктов до кирпичей.

Слуги Конте де Пезаро взяли на себя заботу о вещах Леонардо и, по его просьбе, также позаботились о лошади Эцио, и пообещали в дальнейшем подыскать подходящее жилище для сына флорентийского банкира. Потом они ушли, оставив с Леонардо и Эцио толстого юношу с болезненно-желтым цветом лица и выпученными глазами, его рубашка промокла от пота, а улыбка была ужасно приторной.

- Ваша Светлость, - произнес он с притворной улыбкой, едва подойдя к ним. - Позвольте мне представиться. Меня зовут Неро, и я представляю здесь Конте. Рад вас приветствовать. Для меня будет величайшим долгом и удовольствием показать вам наш великолепный город, а потом Конте приглашает вас, - здесь Неро нервно перевел взгляд с Леонардо на Эцио, пытаясь определить, кто из них приглашенный художник. И, к счастью для него, остановил свой выбор на Леонардо, который выглядел не столь активным, - мессер Леонардо, выпить с ним перед обедом по бокалу вина из Венето. На обед же вас, мессер, будут рады принять в лучшей столовой для слуг. - Стремясь произвести хорошее впечатление, он поклонился и шаркнул ногой. - Наша гондола ждет.

Следующие полчаса Леонардо и Эцио наслаждались (и, по сути, были вынуждены делать это) красотами Серениссимы, из лучшего места, которое только можно было представить, - с борта гондолы, которой мастерски управляли высокие гондольеры. Но все удовольствие портила лстивая болтовня Неро. Эцио, все еще мокрый после спасения госпожи Катерины, не смотря на то, что его заинтересовала необыкновенная красота и архитектура города, заскучал и попытался скрыться от тоскливой трескотни Неро во сне, но внезапно насторожился. Кое-что привлекло его внимание.

С берега, недалеко от палаццо маркиза де Феррара, раздались раздраженные голоса. Двое стражников в доспехах были крайне раздражены присутствием торговца.

- Вам было сказано оставаться дома, сир, - сказал один из них.

- Но я заплатил налог! И имею полное право торговать здесь!

- Извините, сир, но это идет вразрез с новыми правилами мессера Эмилио. Боюсь, вы попали в довольно щекотливую ситуацию, сир.

- Я буду жаловаться в Совет Десяти!

- На это нет времени, сир, - ответил второй стражник, срывая с лавки торговца навес. Мужчина торговал изделиями из кожи, и стражники, забрав себе лучшее, швырнули большую часть товаров в канал.

- Не заставляйте нас снова заниматься этим, сир, - проговорил первый, и они, не спеша, чванливой походкой, ушли.

- Что происходит? - спросил Эцио у Неро.

- Нечего, Ваша Светлость. Небольшие местные сложности. Прошу, не обращайтесь. Сейчас мы как раз проплываем под знаменитым деревянным мостом Риальто, единственным мостом через Большой Канал, вошедший в историю, когда...

Эцио был бы счастлив позволить этому жалкому парню и дальше продолжать болтовню, но то, что он увидел, взволновало его. К тому же он слышал имя Эмилио. Конечно, довольно распространенное имя, но... Эмилио Барбариго?

Вскоре после этого Леонардо потребовал, чтобы они остановились, дабы он мог взглянуть на рынок, где стояли прилавки, торговавшими детскими игрушками. Он сразу же подошел к той, что привлекла его внимание.

- Взгляни, Эцио! - Воскликнул он.

- Что ты нашел?

- Это гестальта. Маленький шарнирный человечек, которого мы, художники, используем в качестве модели. Мне пригодилась бы парочка. Не будешь ли ты так любезен..? Кажется, я отправил свой кошелек вместе с сумками в мое новое жилище.

Но как только Эцио потянулся к собственному кошельку, он столкнулся с группой юношей, один из которых попытался срезать с пояса кошелек Эцио.

- Эй! - крикнул Эцио. - Сука! Стой! - он кинулся следом за ними.

Тот, кто попытался ограбить его, на мгновение обернулся, откидывая от лица локон темно-рыжих волос. От женского лица! Но воровка уже исчезла, скрывшись в толпе вместе со своими товарищами.

Дальнейший путь они продолжили в тишине, однако теперь Леонардо с довольным видом сжимал две гестальты. Эцио, и даже Леонардо, уже не терпелось избавиться от шута, который был их гидом. Эцио нужно было время, чтобы побыть одному и подумать.

- А сейчас мы подходим к знаменитому Палаццо Сета, - прогудел Неро. - Дому Его Светлости Эмилио Барбариго. В настоящее время мессер Барбариго прославился своими попытками объединить торговцев в гильдию. Похвальное мероприятие, которое, увы, встретило некоторое сопротивление со стороны наиболее радикальных элементов города.

Мрачное серьезно укрепленное здание находилось в стороне от канала, перед ним была мощеная площадка, к причалу которой было привязано три гондолы. Пока их собственная гондола проплывала мимо, Эцио заметил, как торговец, которого он видел совсем недавно, пытается попасть в здание. Его остановили двое стражников, и Эцио увидел на их плечах желтый герб, пересеченный красной полосой, под которой изображен вороной конь, а сверху - дельфин, звезда и гранат. Ну, конечно же! Люди Барбариго!

- Мою лавку разрушили, а мои товары испорчены. Я требую компенсации! - рассерженно говорил торговец.

- Извините, сир, мы закрыты. - Проговорил один из стражников, тыкая в сторону несчастного алебардой.

- Я еще с вами не закончил! Я буду жаловаться на вас Совету!

- А может, ты сам все испортил? - отрезал второй, старший, стражник.

Тут появился офицер в сопровождении еще троих солдат.

- Так-так, нарушаем общественное спокойствие? - поинтересовался он.

- Нет, я...

- Арестуйте его! - рявкнул офицер.

- Что вы делаете? - испуганно воскликнул торговец.

Эцио, бессильный что-либо предпринять, с растущим внутри гневом, смотрел на происходящее, но мысленно запомнил, где находится этот дом.

Торговца тем временем поволокли в здание, небольшая бронированная дверь открылась, чтобы впустить их, и тут же закрылась.

- Ты выбрал не лучшее место, но, по крайней мере, оно могло бы быть более приятным, - проговорил Эцио, обращаясь к Леонардо.

- После всего увиденного я уже хочу снова оказаться в Милане, - отозвался Леонардо. - Но работа есть работа.

Распрощавшись с Леонардо и устроившись в новом жилище, Эцио не стал терять времени и направился обратно к Палаццо Сета, что было нелегкой задачей в городе, полном переулков, извилистых каналов, низких арок, небольших площадей и тупиков. Но жители знали палаццо и охотно указывали Эцио направление, когда он понимал, что заблудился, хотя и были в недоумении от того, что кто-то направляется к Палаццо по своей собственной воле. Пару раз ему сказали, что проще взять гондолу, но Эцио хотел освоиться в городе настолько хорошо, чтобы прибыть к месту назначения незамеченным. Уже начинался вечер, когда он добрался до палаццо. Хотя это скорее была крепость, нежели дворец. Или тюрьма, потому что главный комплекс зданий был окружен зубчатыми стенами. На другой стороне виднелись здания, отделенные от главного комплекса узкими улочками, а задняя часть комплекса представляла собой большой сад, окруженный высокой стеной. Спереди же, упираясь в канал, находилась большая открытая площадка, которую Эцио видел раньше. Сейчас там шел ожесточенный бой между группой стражников Барбариго и разномастной группой молодых людей, которые сперва насмехались над стражниками, а потом легко увернулись от вскинутых, качающихся алебард и копий, и принялись швырять в разъяренных стражников кирпичами, камнями, тухлыми яйцами и гнилыми фруктами. Возможно, они просто отвлекали внимание, потому что Эцио, стоящий позади них, увидел, как чья-то фигура влезла по стене палаццо. Эцио был поражен - стена была такой отвесной, что даже он подумал бы дважды, прежде чем взбираться по ней. Как бы то ни было, фигура добралась до бойниц без особого труда и никем не замеченная. А потом - поразительно! - прыгнула с бойниц и приземлилась на крышу одной из сторожевых башен. Эцио увидел, что человек собирался перепрыгнуть оттуда на крышу Палаццо, и оттуда попытаться добраться до входа, и мысленно запомнил тактику, которую и сам мог бы использовать. Но охрана на сторожевой башне услышала, как кто-то прыгнул к ним на крышу, и позвала на подмогу стражу, дежурившую во дворце. На карнизе крыши появился лучник и выстрелил. Человек изящно подпрыгнул, и стрела ушла в пустоту, ударившись о черепицу, но во второй раз лучник оказался более точен. Со слабым вскриком фигура пошатнулась, схватившись за простреленное бедро.

Лучник снова выстрелил, но промахнулся, и фигура вернулась по своим следам, перебравшись с крыши обратно на зубчатую стену, вдоль которой уже спешил стражник, потом перепрыгнула через стену и наполовину скользнула, наполовину рухнула на землю. С другой стороны площадки стражники Барбариго оттеснили нападающих к переулкам и бросились за ними в погоню. Эцио воспользовался этой возможностью, чтобы догнать человека, который, прихрамывая, бросился в безопасное место на противоположной стороне.

Когда он, наконец, нагнал его, то поразился худой, почти мальчишеской, атлетической фигуре человека. Когда Эцио уже собирался предложить свою помощь, человек повернулся к нему, и Эцио узнал лицо девушки, которая пыталась обокрасть его на рынке. Он удивился, смутился и - что необычно - был глубоко поражен.

- Давай руку, - настойчиво сказал он девушке. - Ты меня не помнишь?

- А должна была?

- Сегодня утром ты пыталась обокрасть меня на рынке.

- Извини, но сейчас не время для приятных воспоминаний. Если мы не уберемся отсюда, нас убьют.

Как иллюстрация ее слов между ними просвистела стрела. Эцио положил ее руку себе на плечи, обнял ее за талию, поддерживая ее так же, как однажды поддерживал Леонардо. - Куда идти?

- К каналу!

- Ну, конечно, - язвительно огрызнулся он. - В Венеции же он только один!

- А ты чертовски нахален для новоприбывшего. Сюда - я покажу тебе - но побыстрее! Видишь, они уже позади нас!

И правда, небольшой отряд стражи уже кинулся по булыжной мостовой к ним.

Зажав одной рукой кровоточащее бедро и напрягшись от боли, девушка повела Эцио вниз по улице, которая перешла в другую, та в следующую, а та еще в одну. И так до тех пор, пока Эцио, наконец, не утратил все понятия о направлении. Позади них голоса преследователей постепенно стали затихать, а потом и вовсе отстали.

- Наемники приезжают сюда с материка, - с задумчивостью в голосе произнесла девушка. – У них нет ни шанса против нас, местных. Слишком легко заблудиться. Пошли!

Они добрались до пристани у канала делла Мизерикордия, где была привязана неопределенного вида лодка, рядом с которой стояли двое мужчин. Заметив Эцио и девушку, один из них незамедлительно начал отвязывать веревку, а второй кинулся им на помощь.

- Кто он такой? – спросил второй у девушки.

- Понятия не имею. Но он оказался в нужное время в нужном месте и, очевидно, он не в ладах с Эмилио.

Девушка была близка к обмороку.

- Ее ранили в бедро, - пояснил Эцио.

- Я не буду сейчас вытаскивать, - отозвался мужчина, смотря на застрявший в ноге арбалетный болт. – У меня нет при себе ни лекарств, ни материалов для перевязки. Нам нужно побыстрее отвезти ее назад, пока помойные крысы Эмилио не поймали нас. – Он перевел взгляд на Эцио. – В любом случае, ты кто такой?

- Мое имя Аудиторе. Эцио. Я из Флоренции.

- Хммм. Я Уго. Она Роза, а парень с веслом – Паганино. Мы не слишком-то любим незнакомцев.

- Кто вы? – спросил Эцио, игнорируя последнее замечание.

- Мы освобождаем людей от их имущества, и делаем это профессионально, - ответил Уго.

- Воры, - со смехом объяснил Паганино.

- Ты все лишишь поэтичности, - с сожалением произнес Уго. Внезапно он вскинулся. – Берегись! – Вскрикнул он, когда сперва одна стрела, а затем вторая, прилетев откуда-то сверху, вонзились в корпус лодки.

Подняв взгляд, они увидели на ближайшей крыше двух лучников Барбариго, прикладывающих к лукам новые стрелы. Уго покопался на дне лодки и поднялся с практичным коротким арбалетом, быстро его зарядил, прицелился и выстрелил. Эцио в это же время с большим успехом запустил два метательных кинжала во второго стрелка. Оба лучника с криком рухнули в канал.

- У этого ублюдка везде есть наемники, - сказал Уго, обращаясь к Паганино.

В свои двадцать, оба вора были невысокими, широкоплечими парнями с бандитской внешностью. Они умело управляли лодкой и, очевидно, знали систему каналов как свои пять пальцев. Не единожды Эцио был уверен, что уж на этот-то раз они завернули в наводную версию тупика, но в конце канала обнаруживалась не кирпичная стена, а низкая арка, под которой лодка могла пройти только в том случае, если они все низко пригибались.

- Чего вы добивались, нападая на Палаццо Сета? – поинтересовался Эцио.

- А тебе-то какое дело? – отозвался Уго.

- Эмилио Барбариго мне вовсе не друг. Возможно, мы с вами смогли бы помочь друг другу.

- С чего ты взял, что нам нужна помощь? – резко возразил Уго.

- Да ладно, Уго, - подала голос Роза. – Вспомни, что он только что сделал. Даже ты не сможешь отрицать тот факт, что он меня спас. Я лучший скалолаз из большинства наших. Без меня нам никогда не попасть в то змеиное гнездо. – Она повернулась к Эцио. – Эмилио пытается установить внутри города монополию на торговлю. Он влиятельный

человек, и некоторые члены Совета у него в кулаке. Не далек тот день, когда любого торговца, который попытается открыто не повиноваться ему и сохранить независимость, просто заставят замолчать.

- Но вы не торговцы. Вы – воры.

- Профессиональные воры, - поправила его девушка. – Частная торговля, индивидуальные лавки, отдельные люди – все это предоставляет больше возможностей для наживы, чем любая объединенная монополия. В любом случае, у них есть страховка, а страховые компании полностью выплачивают суммы, после того как обдерут своих клиентов до нитки. Так что все довольны. Из-за нас Эмилио превратит Венецию в пустыню.

- Не говоря уж о том, что он – кусок дерьма, который хочет прибрать к рукам не только местный бизнес, но и весь город, – вставил Уго. – Антонио все тебе объяснит.

- Антонио? Кто это?

- Ты довольно скоро его увидишь, мистер флорентиец.

В конце концов, они подплыли к другому причалу и привязали лодку, стараясь делать все побыстрее, потому что рану Розы требовалось очистить и обработать, пока девушка не умерла. Оставив Паганино в лодке, Уго и Эцио вместе с Розой, которую они наполовину тянули, наполовину несли между собой (девушка почти потеряла сознание от потери крови), преодолели небольшое расстояние до извилистого переулочка из темно-красного кирпича. Переулок вывел их на площадку с колодцем и раскидистым деревом посередине. Площадка была окружена грязными домами, со стен которых давно облетела штукатурка. Они добрались до двери грязно-красного цвета в одном из зданий, и Уго постучал в нее условным стуком. Смотровая щель приоткрылась и захлопнулась, дверь без промедления открылась и так же быстро захлопнулась.

Не упустив случая, Эцио заметил, что петли, замки и засовы были хорошо смазаны и очищены от ржавчины.

Он оказался в запущенном внутреннем дворе, окруженном высокими, полосато-серыми стенами, на которых то тут, то там виднелись окна. Две деревянные лестницы поднимались по обе стороны к деревянным галереям, что вились по стенам на уровне первого и второго этажей. На галерею выходили двери.

Группа людей, среди которых Эцио узнал часть из тех, кто принимал участие в нападении на Палаццо Сета, окружила их. Уго принялся раздавать приказы.

- Где Антонио? Сбегай за ним! И расчистите место для Розы, принесите одеяло, бальзам, горячую воду, острый нож, бинты.

Какой-то человек взбежал по одной из лестниц и скрылся за дверью первого этажа. Две женщины развернули сомнительной чистоты покрывало и осторожно положили на него Розу. Третий убежал и вернулся с медицинскими инструментами, как и просил Уго. Роза очнулась, увидела Эцио и потянулась к нему. Он взял ее за руку и встал рядом на колени.

- Где мы?

- Думаю, в штаб-квартире твоих людей. В любом случае, ты в безопасности.

Она стиснула его руку.

- Прости, что пыталась ограбить тебя.

- Ничего страшного.

- Спасибо, что спас меня.

Эцио тревожно посмотрел на нее, девушка была очень бледной. Они должны действовать быстро, если хотят действительно спасти ее.

- Не волнуйся, Антонио знает, что делать, - сказал ему Уго, когда Эцио поднялся.

По одной из лестниц торопливо сбежал хорошо одетый мужчина, за тридцать, с крупной золотой серьгой в левом ухе и платком на голове. Он направился прямо к Розе и присел возле нее, схватив ящик для оказания первой помощи.

- Антонио! - произнесла девушка.

- Что с тобой произошло, девочка? - спросил он с резким венецианским акцентом.

- Вытащи из меня эту штуку! - выкрикнула Роза.

- Дай мне сперва взглянуть. - Отозвался Антонио, его тон стал более серьезным. Он бережно ощупал рану, - оба отверстия чистые, кость не задета. Повезло, что это не стрела. Роза стиснула зубы.

- Вытащи. Ее. Немедленно!

- Дайте ей что-нибудь прикусить, - скомандовал Антонио. Он с треском отломил наконечник, обернул остатки болта с обеих сторон тканью, пропитанной бальзамом, и дернул.

Роза выплюнула кусок шерсти, который ей сунули в зубы, и пронзительно закричала.

- Прости, малышка, - проговорил Антонио, зажимая руками рану с обеих сторон.

- Засунь извинения себе в задницу, Антонио! - взвизгнула Роза, которую пытались уложить две женщины.

Антонио нашел в окружавшей их толпе одного человека.

- Микеле! Иди, приведи Бьянку! - Он бросил взгляд на Эцио. - Ты! Помоги мне! Возьми эти лоскуты и прижми их к ране, как только я уберу руки. Тогда мы сможем нормально перевязать ее.

Четыре женщины подняли покрывало за углы и понесли протестующую Розу в одну из дверей на первом этаже. Антонио посмотрел, как они уходят, и повернулся к Эцио.

- Спасибо, - сказал он. - Эта сучка очень дорога мне. Если бы я ее потерял...

Эцио пожал плечами.

- Никогда не мог пройти мимо девушки, попавшей в беду.

- Рад, что Роза тебя сейчас не слышит, Эцио Аудиторе. Твоя репутация бежит впереди тебя.

- Я не слышал, чтобы Уго называл вам мое имя, - проговорил, насторожившись, Эцио.

- Он и не называл. Нам известно все о твоих делах во Флоренции и Сан-Джиминьяно. Хорошо работаешь, хоть и грубовато.

- Кто вы такие?

Антонио широко раскинул руки.

- Добро пожаловать в штаб-квартиру Гильдии профессиональных воров и сутенеров Венеции, - усмехнулся он. - Я Антонио де Маджианис, глава Гильдии. - Он иронически поклонился. - Конечно, мы грабим богатых и отдаем всё бедным. И наши шлюхи предпочитают называть себя куртизанками.

- Вы знаете, почему я в Венеции?

Антонио улыбнулся.

- У меня есть кое-какие соображения. Но это не те вещи, которыми я хотел бы делиться с кем-нибудь из моих... сотрудников. Пошли! Дойдем до моего кабинета, там и поговорим. Кабинет так сильно напомнил Эцио кабинет его дяди, что он сперва опешил. Он не знал, что именно ожидал увидеть, но столкнулся с комнатой, заставленной книжными шкафами с дорогими книгами в хороших переплетах, застеленной отличными турецкими коврами, уставленной мебелью из дерева грецкого ореха и самшита, и серебряными, покрытыми позолотой, подсвечниками и канделябрами.

В центре комнаты стоял стол, на котором располагалась крупномасштабная модель Палаццо Сета и ближайших окрестностей. Бесчисленные крошечные фигурки были расставлены внутри Палаццо и вокруг него. Антонио махнул Эцио на стул, а сам занялся уютно выглядящей печью в углу, от которой доносился незнакомый, но привлекательный аромат.

- Что тебе предложить? - поинтересовался Антонио. Он так напомнил Эцио дядю Марио, что ему стало жутко. - Печенье? Кофе?

- Прости, что?

- Кофе. - Антонио выпрямился. - Интересный напиток. Один турецкий купец привез мне его. Вот, попробуй. - Он протянул Эцио крошечную белую фарфоровую чашку, наполненную горячей черной жидкостью, от которой и шел острый аромат.

Эцио попробовал. Напиток обжег губы, но оказался вовсе не плох, что Эцио и сказал, добавив опрометчиво:

- Будет лучше, если добавить в него сливки и сахар.

- Это самый надежный способ испортить напиток, - обиженно отрезал Антонио. Они допили кофе, и вскоре Эцио ощутил некий тревожный подъем энергии, что было для него ново. Он решил рассказать о напитке Леонардо, когда снова увидит его. Антонио указал на модель Палаццо Сета.

- Это позиции, которые мы планировали занять, если бы Розе удалось прорваться во Дворец и открыть одни из задних ворот. Но, как тебе известно, ее заметили и подстрелили, а нам пришлось отступить. Сейчас мы должны перегруппироваться, а у Эмилио появилось время усилить оборону. Хуже всего то, что эта операция слишком дорого нам обошлась. Я истратил почти все до последнего сольдо.

- Эмилио должен быть крайне занят, - проговорил Эцио. - Почему бы не напасть сейчас и не лишить его части денег?

- Ты не слышал меня? Наши ресурсы на пределе, а он настороже. Нам никогда не победить его без элемента неожиданности. Однако у него есть два влиятельных кузена, братья Марко и Агостино, поддерживающие его. Хотя я верю, что, по крайней мере, Агостино хороший человек. Что касается Мочениго, ну, дож неплохой человек, но не от мира сего. Он оставил решение деловых вопросов другим, тем, кто давно в кулаке у Эмилио. - Он пристально посмотрел на Эцио. - Нам требуется помощь, чтобы снова наполнить нашу казну. И я думаю, что ты сможешь помочь нам в этом. Если ты поможешь, это ясно покажет мне, что ты тот союзник, которому стоит помогать. Смог бы ты повернуть такое дельце, мистер Сливки-и-сахар?

Эцио рассмеялся.

- Испытай меня, - отозвался он.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Подготовка заняла много времени. Разговор Эцио со скептически настроенным казначеем Гильдии Воров вышел не очень приятным. Эцио воспользовался тем, чему научила его Паола, и, вместе с лучшими из воров, ограбил столько богатых венецианцев, сотрудничавших с Эмилио, сколько смог. Несколько месяцев спустя вместе с другими ворами Эцио - ставший почетным членом Гильдии - довел сумму награбленного до двух сотен дукатов, необходимых Антонио, чтобы начать операцию против Эмилио. Но и здесь были сложности. Не всем членам Гильдии удалось избежать пленения и ареста стражниками Барбариго. Так что, не смотря на то, что сейчас у воров были столь необходимые деньги, людей крайне не хватало.

Но из-за своего высокомерия Эмилио Барбариго допустил ошибку. Чтобы преподнести урок Гильдии, он выставил захваченных воров на общее обозрение в тесных железных клетках по всему району, который он контролировал. Если бы он продолжал держать их в подземельях дворца, сам Господь не смог бы их вытащить. Но Эмилио предпочел показать всем воров, лишенных пищи и воды. Когда они пытались заснуть, охранники тыкали в них палками. Воров ждала голодная смерть на глазах у жителей.

- Последние шесть дней у них не было воды, я уж не говорю о еде, - сказал Уго Эцио.

- А что говорит Антонио?

- Он предоставил тебе спланировать их спасение.

«Сколько еще доказательств моей преданности надо этому человеку», - подумал Эцио, но потом понял - Антонио уже доверял ему; настолько, что поручил ему выполнение важной миссии. Времени почти не оставалось.

Уго и Эцио осторожно и тайно проследили за приходами и уходами стражи. Оказалось, что одна группа охранников непрерывно передвигается от одной клетки к другой. И хотя каждая клетка была окружена кольцом любопытных зевак, среди которых могли быть шпионы Барбариго, Эцио и Уго решили рискнуть. В ночную смену, когда вокруг клеток почти не было наблюдателей, они добрались до первой клетки в тот момент, когда стража была уже готова двинуться дальше. Как только отряд стражи ушел и скрылся из поля видимости и слышимости, Эцио и Уго удалось сломать замки. Отрывочные одобрительные возгласы нескольких свидетелей, которым не было никакого дела до того, кто они такие, и кто готов был поддерживать Уго и Эцио столько, сколько потребовалось бы, подняли их настроение. Некоторые из них последовали за ворами ко второй клетке, а потом и к третьей. Мужчины и женщины, которых они освободили - всего двадцать семь человек - уже после двух с половиной дней заключения были в плачевном состоянии. Но, по крайней мере, они не были скованы цепями, и Эцио повел их к колодцам, которые в центре города были почти на каждой из площадей. Так что вскоре их первая и основная потребность - утоление жажды - была удовлетворена.

В конце миссии, которая продлилась до первых петухов, Уго и его освобожденные товарищи смотрели на Эцио с глубоким уважением.

- Спасение моих братьев и сестер было большим, чем просто актом благотворительности, Эцио, - сказал ему Уго. - Они сыграют жизненно важную роль на будущей неделе. И - тут его тон стал торжественным, - наша Гильдия в неоплатном долгу перед тобой.

Группа вернулась в штаб-квартиру Гильдии. Антонио обнял Эцио, но лицо его было мрачным.

- Как Роза? - поинтересовался Эцио.

- Лучше, но ее рана оказалась хуже, чем мы предполагали. А она слишком спешит.

- Похоже на нее.

- Как обычно. - Антонио замолчал. - Она хотела видеть тебя.

- Я польщен.

- Почему? Ты же герой!

Несколько дней спустя Эцио вызвали в кабинет Антонио, и он застал его, склонившимся над моделью Палаццо Сета. Маленькие деревянные фигурки были расставлены вокруг

него, а целая кипа бумаг на столе сбоку от модели была исписана вычислениями и заметками.

- А! Эцио!

- Синьор.

- Я только что вернулся из небольшого набега на территорию наших врагов. Нам удалось освободить из арсенала три груженных лодки, что были предназначены для маленького дворца нашего дорогого Эмилио. Так что думаю, мы могли бы организовать небольшую костюмированную вечеринку, переодевшись в униформу лучников Барбариго.

- Блестяще! Это поможет нам без особых проблем проникнуть в крепость. Когда приступаем?

Антонио приподнял руку.

- Не спеши, дорогой мой. Есть одна проблема, и я хотел посоветоваться с тобой.

- Это честь для меня.

- Нет, я просто ценю твое мнение. Дело в том, что некоторые из моих людей были подкуплены Эмилио и теперь работают на него. - Он помедлил. - Мы не можем ударить, пока предатели живы. Послушай, я знаю, что могу доверять тебе, тем более в Гильдии не все знают тебя в лицо. Если бы я подсказал тебе, где искать этих предателей, как думаешь, ты бы справился с ними? Можешь взять в качестве подкрепления Уго и столько людей, сколько тебе понадобится.

- Мессер Антонио, свержение Эмилио для меня так же важно, как и для вас. Дай и мне приложить к этому руку.

Антонио улыбнулся.

- Такой ответ я и ожидал от тебя услышать!

Он позвал Эцио к столу с картой, который стоял возле окна.

- Это план города. Изменники назначили встречу, как доложили преданные мне люди, вот в этой таверне. Она называется «Старое Зеркало». Там они встречаются с агентами Эмилио, чтобы обменяться информацией и получить дальнейшие приказы.

- Сколько их?

- Пятеро.

- И что ты хочешь, чтобы я с ними сделал?

Антонио поднял на него взгляд.

- Чтобы ты убил их, мой друг.

На закате следующего дня Эцио позвал тщательно отобранную группу на задание и изложил им свой план. Они все переоделись в униформу людей Барбариго, взятую из лодок, которые Антонио украл у Эмилио. От Антонио Эцио узнал, что Эмилио считает, будто похищенная экипировка затонула в море, поэтому его люди ничего не заподозрят. Вместе в Уго и еще четверьмя парнями, Эцио вошел в «Старое зеркало» вскоре после наступления темноты. Таверна была постоянным местом встречи людей Барбариго, но этой ночью там была только дюжина посетителей, не считая перебежчиков и агентов Барбариго. Они резко подняли головы и увидели стражников Барбариго, вошедших внутрь. Предатели обратили на них внимание только уже когда были окружены, их внимание приковали новоприбывшие. Уго откинул капюшон, показывая себя в полумраке таверны. Заговорщики вскочили, на их лицах отразилась смесь удивления и страха. Эцио опустил крепкую руку на плечо ближайшего предателя, потом, экономя усилия, вонзил скрытый клинок прямо промеж глаз врага. Уго и остальные последовали его примеру, убив братьев-предателей.

Тем временем Роза продолжала постепенно, хоть и нетерпеливо, выздоравливать. Она уже встала на ноги, но пока что опиралась при ходьбе на трость. Ее простреленная нога все еще была замотана бинтами. Эцио, злясь на самого себя и постоянно мысленно извиняясь перед Кристиной Кальфуччи, проводил в компании Розы всё свое свободное время.

- Привет, Роза, - сказал он как-то утром. - Как дела? Вижу, нога зажила.

Роза пожала плечами.

- Все занимаются подготовкой, а я сижу здесь. А ты? Как тебе наш маленький городок?
- Это великий город. Но как вы выдерживаете вонь из каналов?
- Мы привыкли. Нам не нравится пыль и грязь Флоренции, - она помолчала. - Какие новости ты принес мне на этот раз?

Эцио улыбнулся.

- То, о чём ты думала, и то, о чём ты даже думать не могла, - он замялся. - Я надеялся, ты научишь меня карабкаться по стенам так же, как ты.

Она похлопала по ноге.

- Было время, когда я бы сделала это, - произнесла она. - Но если ты спешишь, то мой друг Франко сможет научиться тебя так же хорошо, как я. - Она повысила голос: - Франко!

Подвижный темноволосый юноша почти мгновенно появился в дверях, и Эцио, к собственному огорчению, ощутил укол ревности, который отразился на его лице так явно, что Роза заметила. Она засмеялась.

- Не волнуйся, дорогой, этот парень такой же бесшабашный, как Святой Себастьяно. И такой же крепкий, как старые ботинки. Франко! Я хочу, чтобы ты показал Эцио наши приемы. - Она посмотрела в окно. Нежилое здание напротив было ограждено бамбуковыми лесами, связанными между собой кожаными ремнями. Она указала на леса.

- Начните отсюда для начала.

Эцио провел остаток утра, гоняясь за Франко под резким руководством Розы. В конце концов, он сумел залезть на головокружительную высоту почти с такой же скоростью, как его учитель, и научился прыгать вверх, хватаясь за уступы одной рукой, хотя он сильно сомневался, что когда-нибудь достигнет уровня Розы.

- Перекуси немного, - посоветовала Роза, скудная на похвалу. - Мы еще не закончили.

В полдень, в час сиесты, она отвела его на площадь у массивной, сложенной из красного кирпича, церкви Фрари. Вместе они посмотрели на эту громадину.

- Заберись туда, - указала Роза. - На самый верх. И я хочу, чтобы ты спустился сюда раньше, чем я досчитаю до трехсот.

Эцио вспотел и был напряжен, голова кружилась.

- Четыреста тридцать девять, - объявила Роза, когда он вернулся к ней. - Еще раз!

После пятой попытки изнуренный и взмокший Эцио ощутил, что хочет только одного - разбить Розе лицо. Но это желание испарилось, когда она улыбнулась и произнесла:

- Двести девяносто три. Ты справился.

Небольшая толпа, собравшаяся вокруг, захопала.

Следующие несколько месяцев гильдия воров занималась планированием операции. Однажды утром в комнаты Эцио пришел Уго и позвал на совещание. Эцио положил в сумку оружие из Кодекса и вместе с Уго отправился в штаб-квартиру, где уже был взволнованный Антонио, в очередной раз передвигающий деревянные фигурки вокруг модели Палаццо Сета. Эцио бы удивился, узнав, что этот человек не одержимый. Так же в комнате присутствовали Роза, Франко и еще пара-тройка старших членов гильдии.

- Эцио! - Антонио улыбнулся. - Благодаря твоим недавним успехам, теперь мы готовы провести контратаку. Наша цель - склад Эмилио, недалеко от его дворца. Вот план. Взгляни!

Он легонько хлопнул по модели и указал на деревянных солдатиков, окрашенных в синий цвет и расставленных по периметру склада.

- Это лучники Эмилио. Они представляют для нас главную опасность. Я планирую под покровом ночи отправить тебя с отрядом на крыши домов, окружающих склад. Я уверен, что благодаря недавним тренировкам с Розой, ты справишься с этим. Ты отыщешь лучников и уберешь их. Тихо. Когда закончишь, мои люди, переодетые в украденную нами форму Барбариги, займут их места.

Эцио указал на красные манекены внутри склада.

- А как на счет стражи внутри?

- Когда ты закончишь с лучниками, мы встретимся здесь...

Он показал на ближайшую к складу площадь, в которой Эцио узнал ту, где располагалась новая мастерская Леонардо, и на мгновение задумался, как друг справляется со своими заказами.

- ... и обсудим дальнейшие действия, - продолжил Антонио.

- Когда выступаем? - поинтересовался Эцио.

- Вечером.

- Замечательно! Я соберу людей. Уго, Франко, вы со мной? - Воры кивнули, ухмыляясь. - Мы позаботимся о лучниках и встретимся с вами, как ты и сказал.

- С нашими людьми вместо их лучников, наши противники ничего не заподозрят.

- А что дальше?

- Как только мы захватим склад, мы атакуем сам дворец. Но помни! Будь хитрее! Они не должны ничего заподозрить! - Антонио улыбнулся и сплюнул. - Удачи, друзья мои. Ни пуха, ни пера!

Он похлопал Эцио по плечу.

- К черту! - отозвался Эцио, так же сплюнув на пол.

Ночная операция прошла без задержки. Лучники Барбариги так и не поняли, что их убило. Они так ловко подменили лучников людьми Антонио, что охрана внутри склада погибла бесшумно и без особого сопротивления натиску воров, даже не подозревая, что их товарищи снаружи тоже были нейтрализованы.

Следующим на повестке дня у Антонио было нападение на дворец, но Эцио настоял на том, чтобы пойти первым и оценить обстановку на местности. Роза, выздоровление которой проходило ударными темпами благодаря совместным усилиям Антонио и Бьянки, и которая теперь могла лазать и прыгать так же хорошо, как если бы она была в отличной форме, хотела отправиться с Эцио, но Антонио, к её недовольству, запретил это. Эцио подумал, что Антонио, в конечном итоге, считает его более незаменимым, чем Розу, но он тут же отменил эти мысли и занялся подготовкой к заданию, пристегнув на левое запястье двойной клинок с защитным браслетом, а на правое - скрытый клинок. Восхождение обещало быть тяжелым, и он не захотел рисковать. Отравленный клинок в любом случае оставался по-настоящему смертельным оружием, вдобавок ко всему очень острым, а Эцио остерегался любой случайности, которая могла привести его к гибели.

Накинув капюшон на голову, и воспользовавшись техникой прыжка вверх, которой его обучили Роза и Франко, Эцио перебрался через внешние стены дворца, бесшумный,

словно тень, не привлекая внимания, пока, наконец, не оказался на крыше и не взглянул вниз в сад. Там он увидел двоих мужчин, поглощенных беседой. Он шли в сторону ворот, выходящих на узкий частный канал, который окружал дворец. Следуя за ними по крыше, Эцио увидел, что на небольшой пристани была привязана гондола, и в ней сидели два гондольера в черной одежде, фонари на гондоле были погашены. С ловкостью ящерицы, ползущей по крышам и стенам, он торопливо спустился вниз и спрятался в ветвях дерева, с которого мог прекрасно слышать разговор. Этими мужчинами были Эмилио Барбариго и, тут Эцио испытал шок, никто иной, как Карло Гримальди, человек из окружения Дожа Мочениго. Их сопровождал секретарь Эмилио, высокий, худощавый человек, одетый в серое, его очки для чтения висели на носу.

- Твой карточный домик рушится, Эмилио, - произнес Гримальди.

- Это лишь небольшое отступление, не больше. Купцы, что противостоят мне, и этот кусок дерьма, Антонио де Маджианис, скоро будут либо в цепях, либо умрут, либо отправятся на турецкие галеры.

- Я говорю об ассасине. Ты же знаешь, что он в городе. Поэтому-то Антонио и осмелел. Только подумай, нас обокрали, обманув охрану. Все, на что я способен - постараться, чтобы Дожд не совал в наши дела свой нос.

- Ты сказал ассасин? Он здесь?

- Эмилио, ты тупица! И если Мастер узнает, насколько ты глуп, ты умрешь. Тебе же известно об ущербе, который ассасин нанес нашему делу во Флоренции и Сан-Джиминьяно.

Эмилио выставил вперед указательный палец правой руки.

- Я раздавлю его, как клопа! - прорычал он.

- Да уж, он попьет из тебя крови. Кто знает, возможно, он сейчас здесь, подслушивает наш разговор.

- Ты еще скажи, Карло, что веришь в призраков.

Гримальди смерил его взглядом.

- Высокомерие делает тебя глупцом, Эмилио. Ты не видишь всей картины. Ты всего лишь большая рыба в маленьком пруду.

Разозленный Эмилио схватил его за грудки и подтянул ближе к себе.

- Венеция будет моей, Гримальди! Я снабдил Флоренцию всем необходимым! Не моя вина, что этот идиот Якопо не смог мудро этим воспользоваться. И не стоит пытаться опорочить меня в глазах Мастера. Если бы я хотел, я бы тоже мог рассказать ему кое-что о тебе...

- Замолчи! Мне пора. И помни! Встречаемся через десять дней у Санто Стефано, снаружи от галереи Фиореллы.

- Я помню, - мрачно ответил Эмилио. - И тогда Мастер услышит, как...

- Это Мастер будет говорить, а ты - слушать, - перебил Гримальди. - Прощай!

Эцио разглядел, как Гримальди вступил в темную гондолу, и она скрылась в ночи.

- Твою мать! - пробормотал Эмилио секретарю, смотревшему, как гондола уплывает в сторону Большого Канала. - А что если он прав? Что если этот проклятый Эцио Аудиторе здесь? - На мгновение он задумался. - Слушай, найди лодочников. Разбуди ублюдков, если потребуется. Я хочу сейчас же погрузить эти ящики. Пусть лодка будет готова в половину первого по твоим часам. Если Гримальди сказал правду, нужно еще до встречи найти укрытие. Мастер найдет способ разделаться с ассасином.

- Ассасин должен работать совместно с Антонио де Маджианисом, - добавил секретарь.

- Мне это известно, тупица! - прошипел Эмилио. - Ступай и помоги мне собрать документы, о которых мы говорили, прежде чем приперся наш дорогой друг Гримальди.

Они двинулись в обратном направлении, к Палаццо. Эцио следовал за ними, словно призрак, ничем не выдавая своего присутствия. Он слился с тенями, а шаги были неслышимы, будто кошачьи. Он знал, что Антонио будет откладывать нападение на

дворец, пока не получит от него сигнала, и хотел сперва добраться до сути того, что имел в виду Эмилио - о каких таких документах он говорил?

- Почему люди не проявляют здравого смысла? - спросил Эмилио у секретаря, Эцио хвостом следовал за ними. - Все эти свободные возможности ведут лишь к увеличению преступности! Нам нужно гарантировать, что Государство держит под контролем все аспекты жизни людей, и в то же время дает свободу действий банкирам и частным финансистам. Только этот путь идет к расцвету общества. И если те, кто противится этому, должны будут замолчать, что ж, такова цена прогресса. Ассасины принадлежат прошлой эпохе. Они не понимают, что на первом месте должно стоять государство, а не личность. - Он тряхнул головой. - Так же как Джованни Аудиторе, он же сам был банкиром! Ты полагал, что он-то должен проявить большую честность!

При упоминании имени отца, Эцио судорожно вдохнул, но продолжил преследование добычи. Тем временем Эмилио и его секретарь добрались до кабинета, забрали бумаги, упаковали их и вернулись к небольшой пристани в саду, где уже другая, большая гондола ждала своего хозяина.

Эмилио забрал сумку с документами у секретаря и прорычал последний приказ:

- Отправь следом ночные сорочки. Адрес ты знаешь.

Секретарь поклонился и исчез. Никого больше не было. Гондолеры на носу и на корме готовились к отплытию.

Эцио спрыгнул в гондолу со своей выгодной позиции, гондола тревожно закачалась. Двумя быстрыми движениями он столкнул лодочников в воду, а потом схватил Эмилио за горло.

- Стража! Стража! - пробулькал Эмилио, нащупывая на поясе кинжал. Эцио перехватил его запястье в тот момент, как он нанес удар в живот Эцио.

- Не так быстро, - проговорил Эцио.

- Ассасин! Ты! - пророкотал Эмилио.

- Да.

- Я устранил твоих врагов!

- Это не сделало тебя моим другом.

- Моя смерть ничего тебе не даст, Эцио.

- Думаю, она избавит Венецию от проблем, клоп, - отозвался Эцио, приводя в действие механизм скрытого клинка.

- Покойся с миром.

После небольшой паузы Эцио провел смертоносной сталью от плеча до плеча Эмилио - смерть была быстрой и бесшумной. Мастерство, с которым Эцио убивал, могло сравниться только с холодной твердой решимостью, с которой он выполнял свой долг.

Опустив тело Эмилио рядом с гондолой, Эцио обыскал его сумку в поисках бумаг. Он подумал, что они должны были заинтересовать Антонио, и быстро просмотрел их. Времени, чтобы изучить их досконально не было. Среди документов оказался тот, который мгновенно привлек его внимание - свернутый и запечатанный лист пергамента. Еще одна страница Кодекса!

Он только собирался сломать печать, как вдруг - шшшш! - просвистела стрела и ударилась о борт гондолы прямо между его ног. Эцио, мгновенно встревоженный, присел, вглядываясь туда, откуда прилетела стрела. Высоко над ним на крепостных стенах дворца в ряд стояло огромное количество лучников Барбариго.

Потом один из них махнул рукой... И акробатическим прыжком спрыгнул с высокой стены. Через мгновение она уже была в его объятиях.

- Прости Эцио, дурацкая вышла шутка! Но мы не удержались.

- Роза!

Она прижалась к нему.

- Снова в строю и готова к битве! - Она посмотрела на него сверкающими глазами. - Палаццо Сета взят! Мы освободили торговцев, которые оказывали сопротивление

Эмилио, и теперь контролируем весь район. Идем же! Антонио хочет это отпраздновать, а вино из подвалов Эмилио поистине вошло в легенды!

Время шло, и казалось, в Венецию пришел мир. Никто не жалел об исчезновении Эмилио. Более того, многие верили в то, что он все еще жив, кое-кто предполагал, что Эмилио отправился за границу, представлять деловые интересы в королевстве Неаполь. Антонио убедился, что в Палаццо Сета все идет как по маслу. И до тех пор, пока коммерческие интересы Венеции, в целом, не были затронуты, никто не беспокоился о судьбе одного-единственного бизнесмена, каким бы успешным или амбициозным он ни был.

Эцио и Роза еще больше сблизились, но между ними все еще существовала ожесточенная конкуренция. Теперь, когда Роза наконец-то выздоровела, ей не терпелось испытать свои силы. Однажды утром она пришла в комнаты Эцио и сказала:

- Знаешь, Эцио, думаю, тебе нужна проверка. Я хочу убедиться, что ты так же хорош, как был тогда, когда я и Франко впервые занялись твоими тренировками. Как на счет гонки?

- Гонки?

- Да!

- Куда?

- Отсюда до морской таможни. Сейчас же!

И она выпрыгнула в окно раньше, чем Эцио успел среагировать. Он смотрел, как она бежит по красным крышам, и ему казалось, что она танцует, параллельно каналам, разделяющим здания. Скинув рубаху, он погнался за ней. Чуть позже они достигли места назначения, бок о бок, и остановились на крыше деревянного здания, что находилось на отмели в самом конце района Дорсодуро, и смотрели на Канал Сан-Марко и на лагуну. Параллельно воде стояли низкие строения монастыря Сан-Джорджо Маджоре, а напротив находилось сияющее розовым камнем величественное здание Дворца Дожей.

- Похоже, я победил, - проговорил Эцио.

Девушка насупилась.

- Ничего подобного. Как бы то ни было, сказав это, ты показал себя вовсе не джентльменом, и уж тем более не венецианцем. Хотя, чего еще ждать от флорентийца? - Она помедлила. - В любом случае ты ошибся. Это я победила.

Эцио пожал плечами и улыбнулся.

- Как скажешь, дорогая.

- А победителю полагается награда, - продолжила она, притягивая его голову и страстно целуя в губы.

Её тело было мягким и теплым, и очень податливым.

Возможно, Эмилио Барбариго и не мог сам прийти на встречу на площади Сан Стефано, но Эцио, разумеется, не собирался ее пропускать. Прекрасным поздним утром 1485 года он расположился на оживленной площади. Борьба за власть над тамплиерами была трудной долгой. Эцио уже начал верить в то, что дело, которому посвятили себя его отец и дядя, становится делом всей его жизни.

Он опустил капюшон на голову и, едва заведя фигуру Карло Гримальди, скрылся в толпе, впрочем, оставаясь неподалеку. Гримальди сопровождал другой, аскетически выглядящий мужчина, чьи густые каштановые волосы и борода плохо сочетались с бледной, почти голубоватой, кожей. Одет он был в красную мантию Главного Инквизитора. Эцио знал, что это Сильвио Барбариго, кузен Эмилио, по прозвищу «Красный». Сильвио был не в настроении.

- Где Эмилио? - нетерпеливо спросил он.

Гримальди пожал плечами.

- Я говорил ему, чтобы он пришел сюда.

- Говорил ему? Лично?

- Да! - раздраженно огрызнулся Гримальди. - Говорил! Лично! Мне не нравится, что ты не доверяешь мне.

- Мне тоже, - пробормотал Сильвио. Гримальди на это лишь стиснул зубы, а Сильвио лишь рассеянно оглянулся. - Что ж, возможно, он прибудет с остальными. Пойдем.

Они прошли вдоль широкой, прямоугольной площади, мимо церкви Сан-Видале и дворцов Большого Канала, к Сан-Стефано, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на товары лавочников, которые в такую рань уже выставляли их на прилавки. Эцио тенью двигался следом, хотя это было нелегко. Гримальди был на грани и постоянно подозрительно оглядывался. Временами Эцио ничего не оставалось, как держать цель хотя бы в пределах слышимости.

- Пока мы ждем, расскажи, как дела во Дворце Дожей, - проговорил Сильвио.

Гримальди развел руками.

- Ну, если на чистоту, не все так просто. Мочениго никого к себе не подпускает. Как ты и советовал, я попытался подготовить почву, делал намеки по поводу нашего Дела... Но его внимания добиваюсь не только я, а он, хоть и уже старик, все же остается хитрым педиком.

Сильвио поднял затейливо выглядевшую стеклянную фигурку с прилавка, изучил ее и поставил обратно.

- Значит, тебе надо постараться, Гримальди. Ты должен войти в круг его приближенных.

- Я уже стал одним из его ближайших и доверенных союзников. На это я потратил долгие годы. Годы мучительного планирования, ожидания и унижений.

- Да, да, - раздраженно отмахнулся Сильвио. - Но у тебя есть какие-то результаты?

- Это труднее, чем я полагал.

- Отчего же?

Гримальди безнадежно махнул рукой.

- Не знаю. Я делаю все возможное для государства, работаю изо всех сил. Просто Мочениго недолгоблудит меня.

- Удивительно, и почему же, - холодно произнес Сильвио.

Гримальди был слишком погружен в собственные мысли, чтобы заметить пренебрежение в голосе Сильвио.

- Это не моя вина! Я пытаюсь угодить ублюдку! Выясняю, что он любит, преподношу ему то лучшие варенья из садов Сардинии, то самую модную одежду из Милана...

- Может, Дожу просто не нравятся подхалимы?

- Ты считаешь меня подхалимом?

- Да. Тряпкой, льстецом, лизоблюдом - мне продолжать?

Гримальди посмотрел на него.

- Тебе не оскорбить меня, Инквизитор. Ты не знаешь, каково это. Ты не знаешь, как мне тяжело...

- Я прекрасно тебя понимаю!

- Нет! Ты понятия не имеешь! Ты чиновник, а я приближенный Дожа, я с ним двадцать четыре часа в сутки. Ты хочешь оказаться на моем месте, потому что думаешь, что справился бы лучше, но...

- Ты закончил?

- Нет! Теперь ты послушай меня. Я близок к нему. Я посвятил всю жизнь тому, чтобы добиться этого положения. И я говорю тебе - я убежден, что смогу привлечь Мочениго на нашу сторону - Гримальди на мгновение замолчал. - Мне просто нужно чуть больше времени. - У тебя его было более чем достаточно, - оборвал Сильвио, И Эцио увидел, как он поднял руку, привлекая внимание одетого в дорожную одежду почтенного мужчины с длинной седой бородой. Его сопровождал телохранитель, самый крупный мужчина, которого когда-либо видел Эцио.

- Доброе утро, кузен, - поприветствовал Сильвио новоприбывший. - Гримальди.

- Приветствую, кузен Марко, - отозвался Сильвио и огляделся. - А где Эмилио? Разве он не с вами?

Марко Барбариго сперва удивился, а потом помрачнел.

- Так вы не слышали новости?

- Какие новости?

- Эмилио мертв!

- Что? - Сильвио всегда раздражало, что его старший и более влиятельный кузен осведомлен лучше него самого. - Как?

- Могу предположить, - резко произнес Гримальди. - Ассасин.

Марко жестко посмотрел на него.

- Именно. Вчера поздней ночью его тело выловили из канала. Он пробыл там... очень долго. Говорят, его раздуло в два раза. Именно поэтому он всплыл на поверхность.

- Где может скрываться ассасин? - поинтересовался Гримальди. - Нужно найти его и устранить, прежде чем он нанесет еще больший ущерб.

- Он может быть где угодно, - ответил Марко. - Именно поэтому Данте везде сопровождает меня. Без него я не чувствую себя в безопасности. - Он замолчал. - Он может быть даже здесь, прямо сейчас, а мы не подозреваем об этом.

- Мы должны действовать быстро, - проговорил Сильвио.

- Ты прав, - согласился Марко.

- Но, Марко, я уже так близок к успеху. Я чувствую это. Дайте мне еще пару дней, - взмолился Гримальди.

- Нет, Карло, времени было достаточно. Время интриг прошло. Если Мочениго не присоединиться к нам, мы его уберем и поставим на его место своего человека. Все произойдет на этой неделе!

Телохранитель-гигант, Данте, чьи глаза безостановочно осматривали толпу с того самого момента, как они с Марко Барбариго подошли к остальным, подал голос:

- Нам нужно идти, синьоры.

- Да, - согласился Марко. - Господин будет ждать. Пошли!

Эцио как тень двигался среди толпы и палаток, стараясь держать цель в пределах слышимости. Они пересекли площадь и двинулись вниз по улице, что вела к площади Сан-Марко.

- Господин поддерживает наш новый план? - поинтересовался Сильвио.

- Он был бы дураком, если бы не поддержал его.

- Ты прав, у нас нет выбора, - согласился Сильвио и посмотрел на Гримальди. - Так говорят, - неприязненно добавил он.

- Возможно, господин сам примет решение, - огрызнулся Гримальди. - Только ему решать, кто займет место Мочениго - ты или твой кузен Марко. И именно я лучше всех смогу посоветовать ему, какой выбор сделать!

- Не знал, что этот вопрос подлежит обсуждению, - сказал Марко. - Хотя, конечно, выбор очевиден для всех.

- Согласен, - резким тоном ответил Сильвио. - Выбор падет на человека, который и организовал всю операцию, на того, кто преподнес план, тот, кто своим умом додумался, как спасти город!

- Тактическая информация очень важна, мой дорогой Сильвио. Но прежде нее правитель должен обладать мудростью. Так я считаю.

- Господа, прошу вас, - влез Гримальди. - Возможно, господин и может назначить Совету Сорока Одного день, когда они соберутся для того, чтобы выбрать нового Дожа, но у него нет на них влияния. Тем более, совсем не факт, что он выберет кого-то из семьи Барбариго.

- Ты имеешь в виду себя? - скептически спросил Сильвио, а Марко презрительно рассмеялся.

- А почему бы ему не выбрать меня? Я выполнял всю тяжелую работу!

- Синьоры, прошу вас, нам нужно идти быстрее, - вставил Данте. - Для всех вас будет безопаснее, если мы скорее доберемся до места.

- Хорошо, - согласился Марко, ускоряя шаг. Остальные последовали его примеру.

- Этот телохранитель, Данте, настоящая находка, - похвалил Сильвио. - Сколько ты платишь ему?

- Меньше, чем он того заслуживает, - ответил Марко. - Он надежен и предан мне. И он уже дважды спас мне жизнь. Хотя собеседник из него скверный.

- А кому нужен болтливый телохранитель?

- Мы пришли, - сообщил Гримальди, когда они приблизились к незаметной двери в стене позади зданий у площади Санта Мария Дзобениго. Эцио держал дистанцию между собой и ними, прекрасно понимая, насколько бдителен Данте. Он завернул за угол и увидел, как заговорщики входят внутрь. Оглянувшись и удостоверившись, что горизонт чист, Эцио влез по стене здания на балкон прямо над дверью. Окна комнаты, в которую вел балкон, были открыты, а внутри на массивном дубовом стуле за обеденным столом, заваленном бумагами, одетый в пурпурный бархат сидел Испанец. Эцио отступил в тень и стал ждать, готовый подслушивать столько, сколько будет нужно.

Родриго Борджиа был в отвратительном настроении. Ассасину уже удалось помешать ему в нескольких крупных предприятиях, и ему всякий раз удавалось уходить от смерти. Теперь он не только был в Венеции, но и уничтожил одного из самых верных союзников кардинала. И как будто всего этого было недостаточно, Родриго пришлось провести первые пятнадцать минут встречи, выслушивая перебранку сборища идиотов, что состояли у него на службе, по поводу того, кто из них станет новым Дожем. Тот факт, что он уже сделал выбор и дал взятку ведущим членам Совета Сорока Одного, казалось, был вовсе не принят во внимание этими идиотами. Поэтому его выбор пал на самого старого, тщеславного и наиболее гибкого из троиц.

- Довольно, кучка глупцов, - перебил он. - Все, что мне нужно от вас, это дисциплина и полнейшая преданность нашему общему Делу, а вовсе не трусливые попытки возвысить себя над остальными. Я принял решение. Следующем Дожем станет Марко Барбариго. Именно его изберут на следующей неделе сразу после смерти Джованни Мочениго. Его гибель, учитывая почтенный возраст в семьдесят шесть лет, все-таки должна выглядеть естественно. Гримальди, ты сумеешь все устроить?

Гримальди бросил взгляд на братьев Барбариго. Марко распирало от гордости, а Сильвио пытался сохранить лицо, не смотря на разочарование. Какие же они глупцы, подумал Гримальди. Дож или не Дож, какая разница. Все они лишь куклы в руках Господина, и

сейчас Господин возлагал большую ответственность именно на него. Гримальди помечтал о лучшем и ответил:

- Конечно, Господин.
- Насколько ты близок к нему?

Гримальди задумался.

- Я могу свободно ходить по дворцу Дожей. Пусть Мочениго недолюбливает меня, но доверяет мне не меньше, чем остальным. Я чаще других прихожу на его зов.

- Отлично. Отрави его. При первой же возможности.

- У него есть дегустаторы пищи.

- Господи, ты думаешь, я этого не знаю? Вы, венецианцы, достигли высот в отравлении. Подмешай что-нибудь в его пищу, после того, как они попробуют ее. Или подсыпь что-то в варенье из Сардинии, говорят, он его очень любит. Придумай хоть что-нибудь или тебе не поздоровится!

- Я все сделаю, ваша светлость.

Родриго раздраженно перевел взгляд на Марко.

- Ты сможешь быстро достать подходящий яд?

Марко улыбнулся, словно извиняясь.

- Стоит обратиться к моему кузену. Он подлинный знаток ядов.

- Скорее всего, я сумею достать кантареллу, она подойдет как нельзя лучше, - отозвался Сильвио.

- А что это?

- Разновидность сильного мышьяка. Обнаружить почти невозможно.

- Отлично! Значит, решено!

- Простите, Господин, - произнес Марко, - я хотел сказать, что мы все восхищены тем, что вы настолько углубились в детали нашего заговора. Но разве это не опасно для вас?

- Ассасин не осмелится напасть на меня. Он хитер, но ему никогда не перехитрить меня. В любом случае, я чувствую, что должен заняться этим лично. Пацци подвели нас во Флоренции. Я надеюсь, что вы, Барбариго, этого не сделаете.

Он сердито посмотрел на них. Сильвио издал смешок.

- Пацци были кучкой дилетантов.

- Пацци, - оборвал его Родриго, - были влиятельным и уважаемым семейством. Но их уничтожил один молодой ассасин. Не стоит недооценивать врага, который охотится в вашем городе. Иначе Барбариго разделят судьбу Пацци. - Он помолчал, чтобы его слова дошли до союзников. - Теперь отправляйтесь, и действуйте быстро. Мы не имеем права потерпеть еще одно поражение!

- Позвольте узнать, каковы ваши планы, Господин?

- Я возвращаюсь в Рим. Времени мало!

Родриго резко поднялся и вышел из комнаты. С выгодной позиции на балконе Эцио смотрел, как Родриго в одиночестве выходит из дома и пересекает площадь, вспугнув стаю голубей, направляясь в сторону Моло. Остальные последовали за ним, на площади разделились и пошли каждый своим путем. Когда все стихло, Эцио спрыгнул на мостовую и поспешил в штаб-квартиру Антонио.

Там он первым делом встретил Розу, которая поприветствовала его долгим поцелуем.

- Убери кинжал в ножны, - рассмеялась она, когда они обнялись.

- Только ты заставляешь меня извлечь его. И только ты, - со знанием дела добавил он, - заставляешь убрать его в ножны.

Она сжала его ладонь.

- Пошли.

- Прости, Роза, но я не могу.

- Я тебе уже накучила?

- Ты прекрасно знаешь, что это не так! Я должен поговорить с Антонио. Срочное дело.

Роза внимательно посмотрела на него и заметила решимость на его лице и в серо-голубых глазах.

- Хорошо. На этот раз я прошу тебя. Он в кабинете. Думаю, он решил, что его модель Палаццо Сета и есть реальный дворец! Иди!

- Эцио! - воскликнул Антонио, как только увидел его. - Мне не нравится твой взгляд. Все ли в порядке?

- Хотелось бы, чтобы это было так. Я узнал, что Карло Гримальди и двое братьев Барбариго - Сильвио и Марко - в сговоре с человеком, которого я хорошо знаю, и которого люди зовут Испанцем. Они собираются убить Дожа и поставить на его место своего человека. - Плохая новость. Если это случится, в их руках окажется вся Венеция и весь ее флот. - Он помолчал. - И они еще называют меня преступником!

- Ты мне поможешь остановить их?

Антонио широко раскинул руки.

- Я на твоей стороне, братишка. Да и все мои парни тоже.

- И девушки, - добавила Роза.

- Спасибо, любимая, - улыбнулся Эцио.

Антонио озабоченно нахмурился.

- Эцио, на нужен план. Дворец Дожей охраняется так, что Палаццо Сета по сравнению с ним - открытый парк. У нас нет времени, чтобы построить модель дворца, и все как следует спланировать...

Эцио поднял руку и твердо сказал:

- Нет ничего невозможного.

Друзья посмотрели на него, потом Антонио рассмеялся, а Роза мягко улыбнулась.

- Нет ничего невозможного!

- За это мы тебя и любим, Эцио!

Чуть позже, когда на улице почти не осталось людей, Антонио и Эцио отправились к Дворцу Дожей.

- Предательством меня уже не удивишь, - сказал по дороге Антонио. - Дож Мочениго хороший человек, и я удивлен, что он продержался так долго. В детстве мне рассказывали, что дворяне добрые и справедливые. И я верил в это. Мой отец был сапожником, а мать служанкой, но мне хотелось добиться куда большего. Я долго и настойчиво учился, но это было бесполезно. Коль ты не отпрыск знатного рода, то для дворян всегда будешь человеком низшего сорта. Так скажи мне, Эцио, кто настоящие аристократы Венеции? Люди вроде Гримальди или Марко и Сильвио Барбариго? Нет! Я считаю, это мы! Воры, наемники, шлюхи. Пока мы спасаем Венецию и ее жителей, дворяне мечтают использовать их себе на забаву! В каждом из нас чести больше, чем во всей шайке так называемых «правителей»! Мы любим Венецию! А остальные видят в ней лишь способ обогащения.

Эцио придержал при себе мысли о том, что Антонио гораздо лучше бы справился с управлением городом, чем любой из тех, кто носил колпак дожа... Они, не торопясь, дошли до площади Сан-Марко и пошли вокруг розоватого Дворца. Он был действительно хорошо защищен. Даже когда они смогли незамеченными взобраться по лесам, что были установлены со стороны кафедрального собора, прилегавшего к дворцу, и огляделись с выгодной позиции, то стало ясно – даже если они и смогут влезть на крышу дворца, путь во двор (даже с крыши) был прегражден высокой решеткой с изогнутыми пиками поверху. Внизу во дворе они увидели самого Дожа, Джованни Мочениго, величавого старика со сморщенной кожей, одетого в великолепные одежды, на голове у него была шапка в виде рога - символ главы города и государства. Мочениго разговаривал со своим будущим убийцей, Карло Гримальди. Эцио внимательно прислушался.

- Ваша светлость, неужели вы не понимаете, что я вам предлагаю? – спросил Карло. – Выслушайте меня! Это ваша последняя возможность!

- Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне? Ты смеешь угрожать мне? – ответил Дож.

Карло немедленно рассыпался в извинениях.

- Простите меня, сир. Я не хотел вас оскорбить. Прошу вас, поверьте, я забочусь о вашей безопасности.

Они вошли во дворец и скрылись из виду.

- Время на исходе, - вздохнул Антонио, будто читая мысли Эцио. – Через ограду не перебраться. А если бы мы и смогли, посмотри, сколько здесь стражи! Дьявол! – От отчаянья он махнул рукой, стая голубей взмыла в небеса. – Только посмотри на них! Птицы! Как легко бы мы справились с этим, умей мы летать!

Эцио радостно усмехнулся. Пришло время навестить его друга, Леонардо да Винчи.

- Эцио! Сколько лет! - Леонардо поприветствовал друга, словно давно потерянного брата. Его мастерская в Венеции выглядела почти так же, как во Флоренции, с одним исключением - большую ее часть занимала полноразмерная конструкция, выглядевшая, словно летучая мышь, и Эцио это точно знал, что Леонардо занимался это штукой действительно всерьез. Но всему свое время, по крайней мере, для Леонардо.

- Послушай, Эцио, ты, конечно, присылал ко мне довольно милого молодого человека по имени Уго с очередной станицей Кодекса, но никогда не заходил сам. Ты настолько был занят?

- Если честно, дел было по горло, - ответил Эцио, вспомнив страницу, которую забрал из документов Эмилио Барбариго.

- Что ж, идем.

Леонардо пошарил в обманчивом беспорядке комнаты, и довольно скоро извлек на свет аккуратно скрученную и заново запечатанную страницу Кодекса.

- Там не было схемы для очередного оружия, но символы и манускрипт, на котором они написаны (я уверен, что они арамейские или даже вавилонские), указывают место данной страницы в той головоломке, которую ты пытаешься собрать. Думаю, я даже различил на ней признаки некой карты. - Он поднял руку. - Нет, не рассказывай мне ничего! Мне интересны только механизмы на тех страницах, что ты мне приносил для расшифровки. Этого мне знать вполне достаточно. Человек вроде меня может избежать опасности, только пока он будет полезен, но если выяснится, что он узнал слишком много... - Леонардо выразительно провел пальцем по горлу. - Вот так-то, - продолжил он. - Знаешь Эцио, ты никогда не заходишь просто так. Могу предложить стакан ужасающего Венето - с удовольствием бы сменил его на Кьянти - и, если ты проголодался, где-то здесь у меня был рыбный пирог.

- Когда ты заканчиваешь заказ?

- Конте - терпеливый человек! За него! - Леонардо опустошил свой стакан.

- Лео... Твоя машина вправду работает?

- Имеешь в виду - летает?

- Да.

Леонардо покраснел.

- Ну... Это всего лишь опытный образец. Я имею в виду, она еще не скоро будет готова, но полагаю, со всей скромностью, что да! Конечно, она летает! Одному Богу известно, сколько времени я на нее потратил. Мысль об этом никогда меня не покинет!

- Лео... А могу я испытать ее?

Леонардо шокировано посмотрел на друга.

- Конечно, нет! Ты спятил? Это слишком опасно. Для начала нам пришлось бы забраться на вершину башни, чтобы ты оттуда спрыгнул.

На следующий день, незадолго до рассвета, когда первые серо-розовые лучи окрасили горизонт на востоке, Леонардо вместе с помощниками, разобрав летающую машину, чтобы перенести ее, заново собирали устройство на плоской крыше поместья Ка`Пексаро, о чем их работодатель даже не догадывался. Эцио был рядом с ними. Далеко внизу под ними спал город. Не было видно даже стражи на крышах Дворца Дожей. Стоял Час Волка, время, когда вампиры и духи обретают наибольшую силу. Никто кроме безумцев и ученых не отважился бы выйти в такое время.

- Готово, - сообщил Леонардо. - Слава Богу, горизонт чист. Если кто-нибудь увидит эту штуку, он не поверит своим глазам. А если узнают, что это мое изобретение, мне не жить.

- Я быстро, - пообещал Эцио.

- Постарайся не разбить ее, - попросил Леонардо.

- Это испытательный полет, - ответил Эцио. - Я легонько... Только Расскажи еще раз, как работает эта малышка.

- Ты когда-нибудь видел птицу в полете? - поинтересовался Леонардо. - Дело не в том, чтобы быть легче воздуха, а в том, чтобы сохранять равновесие. Тебе просто надо использовать вес тел, чтобы менять высоту, а крылья будут держать тебя в любом случае. - Лицо Леонардо было крайне серьезным. Он стиснул руку Эцио. - Удачи, друг мой. Надеюсь, ты войдешь в историю.

Помощники Леонардо осторожно пристегнули Эцио ремнями под машиной. Крылья летучей мыши простирались над ним. Его голова лежала в тугой кожаной люльке, но ноги и руки были свободны. Впереди находилась горизонтальная деревянная балка, присоединенная к основному каркасу, на котором держались крылья.

- Помни, что я тебе сказал! Движением из стороны в сторону управляет хвост. Взлет и спуск зависят от угла наклона крыльев, - настоятельно принялся объяснять Леонардо.

- Спасибо, - отозвался Эцио, тяжело дыша.

Он знал, что если эта штука не сработает, это будет последний прыжок в его жизни.

- Ну, с Богом, - выдохнул Леонардо.

- Увидимся, - сказал ему Эцио, неуверенный, что так оно и будет.

Он, стараясь удержать в равновесии хитроумное изобретение над ним, кинулся к краю крыши.

Сперва вниз рухнул желудок, а потом он ощутил радостное веселье. Венеция проносилась под ним, когда он падал и взмывал вверх, но длилось это недолго. Машина задрожала и начала падать с небес. Стремясь сохранить голову в целости и вспомнив инструкции Леонардо о ручке управления, Эцио ловко развернул машину вправо и полетел обратно к крыше дворца Пексаро. Ему удалось приземлиться с удивительной ловкостью в темпе бега, используя всю свою силу и проворство, чтобы сохранить равновесие.

- Христос Всемогущий, она работает! - воскликнул Леонардо, ничуть не заботясь о собственной безопасности, отстегнул Эцио от машины и отчаянно обнял его. - Ты просто потрясающий парень! Ты же летал!

- Да, Господи, я летал, - задыхаясь, отозвался Эцио. - Но не так далеко, как хотелось бы.

Он взглядом нашел Дворец Дожей и двор, который был его целью. Эцио подумал, как мало времени было бы у него, если бы требовалось предотвратить убийство Мочениго.

Позднее, уже в мастерской Леонардо, Эцио и художник-изобретатель занялись починкой машины. Леонардо положил копии чертежей на большой стол.

- Надо посмотреть на чертежи. Возможно, я придумаю что-нибудь, что позволит увеличить дальность полета.

Их прервало стремительное появление Антонио.

- Эцио! Прости, что отрываю тебя, но это важно! Мои шпионы доложили, что Сильвио достал нужный яд, и он уже передал его Гримальди.

- Это бесполезно! - воскликнул в отчаянии Леонардо. - Сколько бы я не бился, это не работает! Я не представляю, как можно увеличить дальность полета. Да чтоб тебя! - В ярости он смел бумаги со стола. Некоторые из них упали в большой камин рядом со столом. Стоило им вспыхнуть, как они начали подниматься в воздух.

Леонардо смотрел на это, потом лицо его просветлело, а широкая улыбка стерла с лица остатки гнева.

- Господи! - вскричал он. - Эврика! Ну, конечно же! Гениально!

Он выхватил из огня бумаги, что еще не успели догореть, и потушил пламя.

- Никогда не давайте волю гневу, - посоветовал он друзьям. - Это может быть крайне непродуктивным.

- Что так удивило тебя? - спросил Антонио.

- Посмотрите! - ответил Леонардо. - Вы видите, как поднимается пепел? Тепло поднимает его вверх! Я часто наблюдал за полетом орлов, они не взмахивают крыльями, но продолжают парить! Принцип прост! Нам будет нужно только применить его!

Он достал карту Венеции и развернул ее на столе. Карандашом он провел линию, отмечая дистанцию между дворцом Пексаро и Дворцом Дожей, а потом крестами отметил ключевые точки между парами зданий.

- Антонио! - позвал он. - Твои люди смогут сложить костры на каждом из мест, что я отметил, и зажечь их в определенной последовательности?

Антонио внимательно изучил карту.

- Думаю, мы сможем это сделать, но зачем?

- Ты не видишь? Это же путь, по которому полетит Эцио! Костры будут поддерживать летательную машину и его самого в воздухе на всем пути к цели! Тепло поднимается вверх!

- А как на счет стражи? - поинтересовался Эцио.

Антонио перевел взгляд на него.

- Твоя задача долететь. Так что стражу оставь на нас. В любом случае, - добавил он, - часть стражи будет очень занята в другом месте. Мои шпионы докладывают о прибытии любопытного груза - цветного порошка в маленьких трубках - что был доставлен из далекой страны под названием Китай. Один Бог знает, что это такое, но оно должно быть очень ценным, раз они его так охраняют.

- Фейерверки, - под нос себе пробормотал Леонардо.

- Что?

- Ничего.

Люди Антонио сложили костры по просьбе Леонардо и были готовы действовать уже к сумеркам. Территория вокруг костров была расчищена от стражи и празднующихся свидетелей, которые могли бы предупредить власти о том, что что-то готовилось. Тем временем помощники Леонардо в очередной раз перенесли летающую машину на крышу дворца Пексаро, и Эцио, вооруженный пружинным клинком и защитной пластиной на руке, занял свою позицию. Антонио стоял рядом.

- Уж лучше ты, чем я, - проговорил он.

- Это единственный способ попасть во дворец. Ты же сам это сказал.

- Я даже подумать не мог, что такое может произойти на самом деле. Да я до сих пор окончательно не поверил в происходящее. Если бы Бог хотел, чтобы мы летали...

- Ты готов подать сигнал своим людям, Антонио? - спросил Леонардо.

- Готов.

- Тогда начинай, дадим Эцио взлететь.

Антонио подошел к краю крыши и посмотрел вниз. Потом вытащил широкий красный шейный платок и помахал им. Они увидели, как далеко внизу сначала один, потом второй, третий, четвертый, пятый - костры охватывало пламя.

- Великолепно, Антонио. Мои поздравления. - Леонардо повернулся к Эцио. - Запомни, что я тебе сейчас скажу. Ты должен лететь от костра к костру. Их жар будет удерживать тебя в воздухе до самого Дворца Дожей.

- И будь осторожен, - посоветовал Антонио. - На крышах стоят лучники, готовые стрелять, как только завидят тебя. Они наверняка решат, что ты демон из преисподней.

- Хотелось бы, чтобы был способ воспользоваться клинком и одновременно управлять этой штукой.

- Ну, ноги-то у тебя свободны, - задумчиво сказал Леонардо. - Если ты подлетишь достаточно близко к лучникам и сумеешь избежать стрел, ты сможешь спихнуть врагов с крыши.

- Ладно.

- Тебе пора. Удачи!

Эцио взмыл с крыши в ночное небо, взяв курс на ближайший костер. Уже приблизившись к нему, он ощутил, что начинает снижаться, но стоило ему пролететь над костром, как машина стала набирать высоту. Теория Леонардо работала! Пролетая над кострами, он

видел воров, которые смотрели вверх и что-то одобрительно кричали. Но воры были не единственными, кто наблюдал за ним. На крышах всех зданий вокруг Дворца Дожей, а больше всего на крыше кафедрального собора, расположились лучники. Он маневрировал на машине, пытаясь избежать попадания стрел, но пара-тройка все-таки вонзилась в деревянный корпус. Но и самому Эцио удалось стремительно снизиться и столкнуться вниз около пяти лучников. Когда он подлетал ко Дворцу Дожей личная стража Дожа выпустила рой горящих стрел. Одна из них попала в крыло по правому борту, и оно незамедлительно вспыхнуло. Машины стремительно теряла высоту, и все, что Эцио мог сделать, это сохранять курс. Внизу он увидел прелестную девушку-дворянку, которая, заметив его, закричала что-то о дьяволе, прилетевшем за ней, но спустя мгновение она скрылась из виду. Он отпустил рычаг управления и принялся нащупывать пряжки ремней, которыми был прицеплен к машине. Уже в последний момент он сумел вывернуться и освободиться от ремней. Эцио прыгнул вперед и припал к крыше внутреннего двора, пролетев прямо над решеткой, являющейся преградой для всех, кроме птиц. Он поднял голову и увидел, как летательный аппарат разбилось о колокольню Сан-Марко, и его обломки рухнули прямоком на площадь внизу, сея панику и столпотворение. Стрелки Дожа отвлеклись на это зрелище, и Эцио, воспользовавшись преимуществом, стал быстро спускаться вниз, стремясь скрыться из их поля зрения. Уже спустившись, он увидел в двухстворчатом окне напротив Дожа Мочениго.

- Какого черта? - произнес Дож. - Что это было?

Карло Гримальди встал рядом.

- Возможно, это какие-то юнцы с фейерверками. Пойдемте, вам нужно допить вино.

Едва услышав это, Эцио устремился по крышам и стенам, стараясь не попадаться на глаза лучникам, к открытому окну. Заглянув туда, он увидел, как Дож осушает кубок. Он ринулся через подоконник, в комнату, воскликнув: «Остановитесь, Ваша Светлость! Не пейте..!»

Дож удивленно посмотрел на него, и Эцио понял, что опоздал. Гримальди идиотски улыбался.

- На этот раз ты опоздал, юный ассасин! Мессер Мочениго скоро нас покинет. Он выпил достаточно яда, чтобы свалить быка.

Мочениго развернулся к нему.

- Что? Что ты сделал?

Гримальди с сожалением покачал головой.

- Вам нужно было прислушиваться ко мне.

Дож пошатнулся и упал бы, если бы Эцио не кинулся вперед и не поддержал его. Потом он довел Дожа до кресла, и тот тяжело осел.

- Я устал, - произнес Дож. - В глазах темнеет.

- Простите, Ваша Светлость, - беспомощно сказал Эцио.

- Ты потерпел неудачу, - прорычал Гримальди Эцио, распахнул двери комнаты и позвал. - Стража! Стража! Дож отравлен! Убийца здесь!

Эцио бросился через комнату и схватил Гримальди за ворот, затаскивая его обратно в комнату, потом захлопнул и запер двери. Секунду спустя он услышал, как прибежавшая стража начала барабанить в дверь. Он повернулся к Гримальди.

- Неудачу? Тогда, думаю, мне лучше поспешить хоть как-то это исправить.

Щелкнул, освобождаясь, пружинный клинок.

Гримальди расплылся в улыбке.

- Ты можешь меня убить, - сказал он. - Но тебе никогда не победить тамплиеров.

Эцио погрузил клинок в сердце Гримальди.

- Покойся с миром, - холодно произнес он.

- Отлично, - донесся сзади слабый голос.

Оглянувшись, Эцио увидел, что смертельно бледный дож все еще жив.

- Я приведу помощь... доктора, - пообещал Эцио.

- Не надо. Слишком поздно. Но я умру счастливым, видя, что мой убийца раньше меня отправился в ад. Благодарю тебя. - Мочениго задохнулся. - Я давно подозревал, что он был тамплиером, но я был так слаб, так доверчив. Загляни в его сумку. Возьми бумаги. Я не сомневаюсь, что ты найдешь некоторым применение и отомстишь за мою гибель.

Мочениго говорил с улыбкой на лице. Эцио, не отрываясь, смотрел, как она застывает на губах, как стекленеют глаза, а голова склоняется на бок. Эцио опустил руку на шею дожа, чтобы убедиться, что он мертв и пульса нет. Потом он закрыл мертвецу веки и прошептал пару слов благословения, после чего поспешно схватил сумку Гримальди и заглянул внутрь. Там, среди папок с документами лежала страница Кодекса.

Стража продолжала молотить в дверь, и она постепенно начала поддаваться. Эцио подбежал к окну и глянул вниз. Внутренний двор был заполнен стражей. Единственным его шансом на спасение была крыша. Он взобрался на окно и начал карабкаться вверх по стене. Мимо его головы просвистели стрелы и ударились о кладку по обе стороны от него. Когда он влез на крышу, там оказалось еще больше лучников, но они, к счастью, смотрели в другую сторону, и Эцио воспользовался элементом неожиданности, чтобы разделаться с ними. Но потом он столкнулся с другой трудностью. Перед ним была решетка, через которую совсем недавно он сумел перелететь! Он подбежал к ней и понял, что она была установлена так, чтобы не пустить людей снаружи - пики были изогнуты наружу и вниз. Если он сможет вскарабкаться на нее, то получится и перепрыгнуть. С лестниц, ведущих на крышу, уже раздавался топот бегущих стражников. Призвав на помощь всю силу, которую дало ему отчаяние, он разбежался, прыгнул и вскарабкался наверх решетки. В следующий миг он был в безопасности на другой стороне, но тут же поджидали и стражники, посланные поймать его. Они были слишком хорошо вооружены, чтобы сходитсся с ними в бою, но Эцио знал, что они, в любом случае, недостаточно проворны. Подбежав к краю крыши и посмотрев вниз, Эцио прыгнул на леса, возведенные вокруг стены кафедрального собора, быстро спустился вниз, а потом промчался на площадь Сан-Марко и затерялся в толпе.

Смерть Дожа в ночь, когда в небе появился странный крылатый демон, вызвала в Венеции переполох, который продолжался несколько недель. Летающая машина Леонардо, разбившаяся на площади Сан-Марко, сгорела дотла, и никто не осмеливался приблизиться к странной штуковине. Между тем новым Дожем в должное время был избран Марко Барбариго, занявший кабинет. Он дал клятву собравшимся на торжество жителям разыскать молодого ассасина, которому пока что удавалось избегать задержания и ареста, и который убил верного слугу государства, Карло Гримальди, и, возможно, старого Дожа. Стража Барбариго и Дожа стояли на каждом углу и днем и ночью патрулировали каналы. Эцио, по совету Антонио, залег на дно в своих комнатах, злясь от разочарования, что не может никому помочь, и от того, что Леонардо на время покинул город в сопровождении своего заказчика, Конте де Пексаро. Даже у Розы не получалось отвлечь его от этих мыслей.

Вскоре, незадолго до наступления нового года, Антонио вызвал Эцио к себе в кабинет и поприветствовал его широкой улыбкой.

- Эцио! У меня для тебя есть две новости, и обе хорошие. Первая - твой друг Леонардо вернулся. Вторая - это Карнавал! Все наденут маски, так что тебе... - Но Эцио был уже на полпути к выходу. - Эй! Куда ты?

- Повидать Леонардо!

- Ладно. Возвращайся поскорее, я хочу тебя кое с кем познакомить.

- С кем?

- Ее имя сестра Теодора.

- Монахиня?

- Увидишь!

Эцио прошел по улицам в низко опущенном капюшоне, стараясь осторожно идти между группами экстравагантно одетых мужчин и женщин в масках, толнящихся на улицах и у каналов. Он отлично видел отряды стражи, находившиеся на службе. Марко Барбариго в своих речах касался темы Гримальди не больше, чем темы о смерти своего предшественника, которую он помогал спланировать. Теперь он устроил благочестивое шоу с поиском преступников. И смог с чистой совестью оставить это дело на жителей и потихоньку свернул дорогостоящую операцию. Но Эцио прекрасно знал, что, если у Дожа появится возможность втайне от других поймать и уничтожить его, он ей воспользуется. И он понимал, что пока будет жив, то так и останется занозой в заднице тамплиеров, а значит, они до конца будут заклетыми врагами. Поэтому он должен постоянно оставаться настороже.

Он успешно добрался до мастерской Леонардо и вошел незамеченным.

- Приятно снова увидеть тебя, - поприветствовал его Леонардо. - Я думал, что на этот раз больше не увижу тебя живым. Я ничего о тебе не слышал, а потом произошла эта история с Мочениго и Гримальди, и в довершение мой наниматель вбил себе в голову путешествие и настоял, чтобы я поехал вместе с ним - в Милан. А после этой поездки у меня просто не было времени, чтобы починить летательную машину, потому что венецианский флот наконец-то захотел, чтобы я приступил к проектированию военного снаряжения для них - все это просто выводит меня из себя! Тут он улыбнулся. - Самое главное, что ты жив-здоров!

- А еще я самый опасный человек во всей Венеции!

- Это да. Двойное убийство самых известных горожан.

- Ты же в это не веришь.

- Если бы я верил, тебя бы здесь не было. Ты знаешь, что можешь доверять мне, Эцио, как и любому здесь. В конце концов, именно мы отправили тебя в полет до Дворца Дожей. - Леонардо хлопнул в ладони, и помощник принес вино. - Лука, не найдешь ли ты карнавальную маску для нашего друга? Что-то мне подсказывает, что она ему пригодится.

- Благодарю, друг мой. У меня есть кое-что для тебя. - Эцио передал ему новую страницу Кодекса.

- Отлично! - обрадовался Леонардо, тут же поняв, что перед ним. Он расчистил на столе место, развернул пергамент и приступил к изучению.

- Хммм, - пробормотал он задумчиво. - На этот раз это чертеж нового оружия, очень сложного. Оно тоже крепится на запястье, но это не клинок. Он пристально взгляделся в манускрипт. - Кажется, я знаю что это! Это огнестрельное оружие, но очень миниатюрное

- почти такого же размера, как колибри.

- А это возможно? - усомнился Эцио.

- Есть только один способ проверить это - сделать его, - ответил Леонардо. - К счастью, мои венецианские помощники - эксперты в механике. Мы немедленно приступим к нему.

- А как на счет другой твоей работы?

- Все будет в порядке, - беззаботно отозвался Леонардо. - Они все считают, что я гений, поэтому стараются мне не мешать - а это значит, что они большую часть времени просто оставляют меня в покое.

В считанные дни оружие было готово для испытания. Не смотря на размер, его дальнбойность и мощность оказались просто потрясающими. Как и клинки, оно крепилось на запястье Эцио с помощью пружинного механизма, поэтому при необходимости его легко можно было спрятать, и извлечь, если понадобится стрелять.

- И почему я сам никогда не задумывался о подобном изобретении? - вздохнул Леонардо.

- Самый большой вопрос, - удивленно проговорил Эцио, - это, как подобная идея могла прийти в голову человеку, жившему сотни лет назад.

- Как бы то ни было, она пришла. Это просто великолепный механизм, и я надеюсь, он хорошо послужит тебе.

- Думаю, этой игрушке скоро представится подходящий случай, - искренне ответил Эцио.

- Понимаю, - кивнул Леонардо. - Но чем меньше я об этом знаю, тем лучше. Хотя даже я могу предположить, что это будет связано с новым дожем. Я далек от политики, но даже я чувствую запах обмана.

Эцио значительно кивнул.

- Об этом тебе лучше поговорить с Антонио. И тебе лучше надеть маску и не снимать до конца Карнавала, в ней ты будешь не узнанным. Но помни - нельзя, чтобы тебя видели с оружием! Прячь его в рукавах.

- Я сейчас же пойду к Антонио, - сказал Эцио. - Он хочет меня с кем-то познакомить, с какой-то монахиней, сестрой Теодорой, в районе Дорсодуро.

- А! Сестра Теодора! - рассмеялся Леонардо.

- Ты ее знаешь?

- Она наш общий друг, мой и Антонио. Она тебе понравится.

- Да кто она такая?

- Увидишь, - усмехнулся Леонардо.

Эцио отыскал дом, адрес которого дал ему Антонио. И дом был совершенно не похож на монастырь. В любом случае он постучал и был впущен внутрь. Он был убежден, что ошибся в адресе, потому что комната, в которой он оказался, напомнила ему о салоне Паолы во Флоренции. А приходившие и выходившие девушки совершенно определенно не были монахинями. Он снова нацепил маску и собрался было уходить, когда услышал голос Антонио, а мгновением спустя появился и он сам. Он держал за руку элегантную красивую женщину с полными губами и страстными глазами, которая, однако, была одета как монахиня.

- Эцио! Вот и ты, - обрадовался Антонио. Он был немного пьян. - Позволь представить. Сестра Теодора. Теодора, познакомься - как бы сказать? - с самым талантливым человеком во всей Венеции!

- Сестра, - Эцио поклонился, потом посмотрел на Антонио. - Что я тут делаю? Никогда бы не подумал, что ты столь религиозен.

Антонио рассмеялся, и вместо него, на удивление серьезным тоном, ответила сестра Теодора.

- Все зависит от того, что ты понимаешь под религией, Эцио. В утешении нуждаются не только души мужчин.

- Выпей, Эцио! - воскликнул Антонио. - Мы поговорим после того, как ты отдохнешь! Ты здесь в полной безопасности. Ты уже видел девушек? Кто-нибудь приглянулся? Не волнуйся, я ничего не скажу Розе. Ты должен мне рассказать...

Антонио прервал крик из одной из комнат, окружавших гостиную. Дверь распахнулась, и появился мужчина с бешеным взглядом и обнаженным ножом в руке. За его спиной на окровавленной кровати корчилась в агонии девушка.

- Остановите его, - из последних сил закричала она. - Он напал на меня и забрал мои деньги!

С яростным рычанием мужчина схватил другую девушку, которая не успела отскочить, и приставил нож к ее горлу.

- Выпустите меня или я порежу и её, - заорал он и так надавил ножом на горло девушки, что показалась капля крови. - Я сделаю это!

Антонио, мгновенно протрезвевший, пристально посмотрел на Теодору и Эцио. Теодора перевела взгляд на ассасина.

- Что ж, Эцио, - с неожиданной для Эцио прохладой в голосе произнесла она. - У тебя появился шанс произвести на меня впечатление.

Безумец кинулся к двери, где столпилось несколько девушек, и закричал им: «Открывайте!» Но они, казалось, остолбенели от страха.

- Открывайте эту чертову дверь или я убью её! - Он еще сильнее надавил на нож, приставленный к горлу девушки, потекла кровь.

- Отпусти её! - приказал Эцио.

Мужчина резко развернулся к нему исказившимся от злости лицом.

- А ты кто такой? Один из этих гребаных доброжелателей? Тогда не дай мне её прикончить!

Эцио посмотрел на него. Девушка в руках убийцы обмякла и висела мертвым грузом. Эцио видел его неуверенность, но он мог в любой момент отпустить девушку. Эцио собрался. Будет сложно, другие девушки слишком близко к безумцу. Он должен дожидаться подходящего момента и действовать быстро, не забывая о том, как у него мало опыта в обращении с новым оружием.

- Открывай дверь, - твердо сказал он одной из перепуганных насмерть проституток.

Стоило ей сделать это, как безумец бросил истекающую кровью девушку на пол. Он уже собирался выскочить на улицу, поэтому на мгновение выпустил из виду Эцио. И этого мгновения Эцио хватило, чтобы вытащить миниатюрный пистолет и выстрелить.

Раздался грохот, и пламя, сопровождаемое дымом, казалось, вылетело между пальцев правой руки Эцио. Маньяк, с застывшим на лице удивлением, повалился на колени. Пуля попала ему в лоб, и косяк двери забрызгали мозги. Девушки закричали и бросились от мертвеца, упавшего на порог, врассыпную, Теодора принялась раздавать приказы, слуги поспешили на помощь к раненым, но было слишком поздно - девушка в спальне скончалась от потери крови.

- Мы крайне признательны тебе, Эцио, - поблагодарила Теодора, когда порядок был более-менее восстановлен.

- Мне не удалось её спасти.

- Зато ты спас других. Он убил бы многих, если бы ты не остановил его.

- Что за колдовство ты применил, чтобы уничтожить его? - благоговейно поинтересовался Антонио.

- Это не колдовство. Но это секрет. Скажем так, это старший брат метательного ножа.

- Что ж, эта штука нам очень пригодится. Наш новый Дож сильно напуган. Окружил себя охраной и не покидает дворца, - Антонио помолчал. - Я полагаю, Марко Барбариго следующий в твоём списке?

- Он мне такой же враг, каким был его кузен Эмилио.

- Мы тебе поможем, - пообещала Теодора, подходя ближе. - Скоро нам представится подходящий шанс. Дож устраивает прием гостей в честь Карнавала, и ради этого выйдет из Дворца. Он не жалеет средств, стремясь купить благосклонность людей, даже если он её не заслуживает. Мои шпионы докладывали, что он даже приказал доставить фейерверки из Китая!

- Поэтому я и просил тебя прийти сюда сегодня, - объяснил Антонио Эцио. - Сестра Теодора одна из нас. Она держит палец на пульсе всей Венеции.

- Как я попаду на этот прием? - спросил ее Эцио.

- Это будет нелегко, - отозвалась она. - Тебе понадобится золотая маска.

- Думаю, подделать ее будет не очень сложно.

- Не спеши. Каждая маска является пропуском, и каждая из них пронумерована. - Теодора улыбнулась. - Не печалься, у меня есть план. Думаю, мы сможем выиграть маску для тебя. Пойдем со мной.

Она вышла вместе с Эцио в небольшой тихий дворик позади здания, где в декоративный бассейн лилась из фонтана вода.

- Они проводят особые карнавальные игры, которые открываются завтра. Всего на них будет четыре испытания, а победитель получит золотую маску и право быть почетным гостем на приеме. Ты должен выиграть, Эцио, - попадешь на прием, найдешь и Марко Барбариго. - Она смерила его взглядом: - И когда ты пойдешь туда, советую захватить устройство, плюющее огнем. У тебя не будет возможности подобраться к нему, чтобы вонзить нож.

- Можно задать вопрос?

- Попробуй, но не гарантирую, что отвечу.

- Я любопытен. Ты носишь одеяние монахини, но, тем не менее, ей не являешься.

- С чего ты взял? Уверяю тебя, сын мой, я невеста Господа нашего.

- Но... я не понимаю. Ты же куртизанка. Ты управляешь борделем.

Теодора улыбнулась.

- Не вижу противоречия. Я решаю, как поступать со своей верой и со своим телом. - Она задумчиво помолчала. - Смотри, - продолжила она. - Как и многих молодых женщин, меня привлекала религия, но постепенно я разочаровалась в так называемых верующих. Для мужчин бог – это идея, которую они понимают разумом, а не чувствуют сердцем и всем телом. Понимаешь меня, Эцио? Чтобы достичь спасения, мужчины должны научиться любить. Этому мы с девочками и учим наших прихожан. Я поняла, что священники не разделят моих взглядов, поэтому я создала свою церковь. Необычную, но благодаря нам дух мужчин становится тверже.

- Полагаю, что не только дух.

- Да ты циник, Эцио, - она протянула ему руку. - Возвращайся завтра, и мы поговорим об этих играх. Береги себя и не забывай о маске. Знаю, что ты можешь о себе позаботиться, но наши враги не дремлют.

Эцио хотел внести небольшие изменения в свое новое оружие, поэтому вернулся в мастерскую Леонардо по пути в штаб-квартиру Гильдии.

- Рад снова видеть тебя, Эцио.

- Ты был абсолютно прав на счет сестры Теодоры, Леонардо. Она действительно вольнодумец.

- Если бы она не была так хорошо защищена, у нее были бы большие проблемы с Церковью. Но у нее есть влиятельные поклонники.

- Могу представить.

Эцио внезапно заметил, что Леонардо погружен в свои мысли, и осторожно спросил:

- Что с тобой, Лео?

- Наверное, не стоило бы тебе говорить этого, но если ты сам обо всем узнаешь, будет еще хуже. Понимаешь, Эцио, в Венецию на Карнавал приехала Кристина Кальфуччи вместе с мужем. Хотя конечно теперь она уже Кристина д'Арцента.

- Где она остановилась?

- Она и Манфредо - гости моего заказчика. Насколько я знаю.

- Я должен с ней повидаться!

- Эцио... ты уверен, что это хорошая идея?

- Я заберу оружие утром. Оно мне понадобится, боюсь, у меня будет неотложное дело, и я не смогу прийти раньше.

- Эцио, я не отпущу тебя безоружного!

- У меня остались клинки из Кодекса.

С бьющимся сердцем, Эцио отправился к дворцу Пексаро, прямо в контору писца, которому заплатил за короткую записку:

Моя дорогая Кристина

Я должен встретиться с тобой наедине, подальше от наших хозяев, сегодня вечером в девятнадцать часов. Буду ждать тебя у Солнечных часов на площади возле канала Терра деи Оньссанти...

Он подписался чужим именем: «Манфредо», а потом отправил записку во дворец Пексаро и стал ждать.

Ожидание было долгим, но увенчалось успехом. Она вышла в сопровождении одной лишь компаньонки и поспешила в сторону Дорсодуро. Эцио двинулся следом. Когда она добралась до места встречи, и компаньонка отошла на почтительное расстояние, он вышел к ней. Они оба были в карнавальных масках, но даже в ней она была прекрасна, как никогда. Он не мог больше противиться себе. Эцио взял ее за руки и поцеловал, долго и нежно. Наконец, она вырвалась и, сняв маску, непонимающе посмотрела на него. Потом, прежде чем Эцио успел остановить ее, она приблизилась и сняла с него маску.

- Эцио!

- Прости, Кристина, я... - он заметил, что кулона на ней больше нет. Конечно же, нет.

- Какого черта ты творишь? Как ты вообще посмел меня поцеловать?

- Кристина, так было правильно.

- Правильно? Я не видела и не слышала о тебе восемь лет!

- Я боялся, что ты не придешь, если я не воспользуюсь хитростью.

- Ты абсолютно прав - разумеется, я бы не пришла! Помнись, когда мы виделись в последний раз, ты поцеловал меня прямо на улице, потом хладнокровно спас жизнь моего жениха и позволил мне выйти за него замуж.

- Тогда это было правильным. Он любил тебя, а я...

- Кого волнует, что он хотел? Я любила тебя!

Эцио не знал что ответить. Он ощутил, как земля уходит у него из-под ног.

- Не пытайся снова найти меня, Эцио, - продолжала Кристина со слезами на глазах. - Я просто не вынесу этого. Да и у тебя уже другая жизнь.

- Кристина...

- Было время, когда ты мог меня просто поманить пальцем, и я бы... - Она оборвала себя на полуслове. - Прощая, Эцио.

Он беспомощно наблюдал, как она уходит в сопровождении компаньонки и исчезает за углом. Она даже не обернулась.

Проклиная себя и свою судьбу, Эцио отправился в штаб-квартиру Гильдии.

Следующее утро он встретил с мрачной решимостью. Он забрал оружие у Леонардо, поблагодарив его и забрав страницу Кодекса, надеясь, что когда-нибудь сможет отвезти ее и взятую у Эмилио к дяде Марио. После этого он отправился к дому Теодоры. Оттуда она

провела его на площадь Сан-Поло, где начинались игры. В центре площади была установлена трибуна, где за столом сидела пара-тройка чиновников, записывая имена участников. Оглядев людей вокруг, Эцио заметил болезненно тощую фигуру Сильвио Барбариго. Рядом с ним он с удивлением увидел огромного телохранителя Данте.

- Он будет твоим противником, - сказала Теодора. - Думаешь, справишься?

- Если придется, да.

Когда имена всех участников были записаны (Эцио назвался чужим именем), высокий мужчина в ярко-красном плаще занял место на трибуне. Это был церемониймейстер.

Всего должно было состояться четыре игры. Участники будут соревноваться друг с другом в каждом, а в конце победитель будет определен голосованием жюри. К счастью для Эцио, многие участники, в духе карнавала, решили не снимать масок.

Первым испытанием была гонка, в которой Эцио победил с легкостью, к огромному огорчению Сильвио и Данте.

Вторым, более сложным, испытанием была тактическая битва, в которой участникам выдавались флаги, и необходимо было захватить флаг соперника.

В этой игре Эцио был снова объявлен победителем, но он ощутил странное беспокойство, заметив выражения лиц Данте и Сильвио.

- Третье испытание, - объявил церемониймейстер - сочетает в себе элементы первых двух.

Но на этот раз вам понадобится не только сила и скорость, но и обаяние! - он широко развел руки, указывая на модно одетых женщин на площади, которые мило захихикали. -

Наши дамы вызвались помочь нам в этом испытании, - продолжил церемониймейстер. -

Часть из них здесь, на площади. Остальные прогуливаются по близлежащим улочкам. Они могут быть даже в гондолах. Как вы видите, у них в волосах ленты. Ваша задача, уважаемые участники, собрать как можно больше лент, пока не истечет время на песочных часах. Когда придет время, мы позвоним в церковный колокол. И я могу с уверенностью сказать, что хотя фортуна и благоволит вам, это будет самое приятное испытание! Тот, кто принесет больше всех лент, станет победителем, и окажется в одном шаге от Золотой Маски. Но помните, если победителей будет несколько, жюри решит, кому из них посчастливится попасть на прием к самому Дожу! А теперь... Начали!

Как и обещал церемониймейстер, время прошло быстро и весело. Колокол церкви Сан-Поло прозвонил, давая понять, что последние песчинки упали в нижнюю часть часов, и участники вернулись на свои места на площади и стали передавать ленты судьям. Некоторые из них улыбались, другие краснели. Только Данте стоял с каменным лицом, покраснев от гнева, когда огласили счет, и церемониймейстер высоко поднял руку Эцио.

- Что ж, таинственный юноша, вам сегодня явно везет, - сказал церемониймейстер. - Надеюсь, удача не покинет вас на последнем этапе.

Он повернулся к толпе, пока трибуну позади него расчищали и ограждали веревками, создавая что-то вроде бойцовского ринга.

- Последний конкурс, дамы и господа, полная противоположность предыдущему. Здесь понадобится только грубая сила. Участники будут драться друг с другом, пока не останется двое, которым придется драться до победы одного из них. Тогда наступит момент, которого мы так долго ждали! Мы объявим имя того, кто получит Золотую маску. Но будьте осторожны, делая ставки - вас может поджидать разочарование и множество сюрпризов!

В последнем испытании Данте преуспел, но и Эцио, используя все свое умение и ловкость, удалось попасть в финал. Данте замахнулся на Эцио похожими на наковальни кулаками, но Эцио оказался достаточно гибок, чтобы избежать серьезных ударов по корпусу, и в свою очередь залепил противнику сперва апперкотом слева, а потом хуком справа.

Между раундами в последнем поединке не было перерывов, и Эцио увидел, что Данте стал уставать. Но тут, краем глаза, он заметил, как Сильвио Барбариго говорит с церемониймейстером и членами жюри, сидевшими за столом под навесом недалеко от

ринга. Ему показалось, что он увидел толстый кожаный кошель в руках церемониймейстера, который тот быстро убрал, но не был уверен, поэтому обратил внимание на противника. Данте, разъярившись, ринулся на него, размахивая руками. Эцио увернулся и нанес Данте два точных удара - в голову и по корпусу, противник упал. Эцио стоял над ним, Данте сердито посмотрел вверх. «Это еще не конец», - прорычал он, пытаясь подняться на ноги.

Эцио посмотрел на церемониймейстера и поднял руку, привлекая его внимание, но лицо мужчины было каменным.

- Вы уверены, что победили всех соперников? - спросил церемониймейстер. - Всех? Мы не сможем принять решение, пока не убедимся в этом.

Толпа зашумела, когда из нее вышли два мужика мрачного вида и забрались на ринг. Эцио посмотрел на судей, но они отвели взгляд. Мужики приблизились, и Эцио увидел, что они оба сжимали в лапах короткие, почти незаметные кинжалы.

- Значит так, да? - сказал он им. - Играем без правил.

Он отступил, и чуть не упал, когда лежащий Данте попытался схватить его за лодыжки. Эцио подпрыгнул и в прыжке ударил одного из противников по лицу. Мужик выплюнул зубы и пошатнулся. Эцио пригнулся и нанес второму удар по левой ноге, ломая ступню. Потом Эцио грубо ударил его в солнечное сплетение, а когда тот согнулся от боли, ударил коленом в подбородок. Взрыв от боли, мужик упал. Он прокусил язык, и по губам потекла кровь.

Не оборачиваясь, Эцио спустился с ринга и столкнулся с церемониймейстером и глупо выглядящими членами жюри.

Толпа за его спиной поддержала его одобрительными криками.

- Думаю, у нас есть победитель, - сказал Эцио церемониймейстеру.

Тот переглянулся с судьями и с Сильвио Барбариго, который стоял рядом. Церемониймейстер влез на ринг, стараясь ненароком не коснуться крови, и обратился к толпе.

- Дамы и господа, - объявил он, как только коротко и нервно откашлялся. - Думаю, вы все со мной согласитесь, что сегодня мы стали свидетелями честной и трудной борьбы.

Толпа одобрительно заворчала.

- В таких случаях очень тяжело выбрать настоящего победителя...

Толпа выглядела озадаченной. Эцио переглянулся с Теодорой, стоявшей с краю.

- Для меня и судей было очень сложно принять решение, - продолжал церемониймейстер, вытирая со лба пот, - но победитель должен быть назван, и по итогам двух состязаний мы выбрали одного. - Тут он остановился и помог сидящему на досках Данте встать. - Дамы и господа, я представляю вам победителя, синьора Данте Моро!

Из толпы раздались шипение и свист, несогласные крики, и церемониймейстер вместе с судьями поспешил удалиться, так как зрители стали швырять в них тем, что подворачивалось под руку. Эцио поспешил к Теодоре и увидел, как Сильвио с улыбкой на лице помог Данте спуститься с ринга и вместе с ним ушел по боковой улочке.

Вернувшись в «церковь» Теодоры, Эцио попытался взять себя в руки. Теодора и Антонио обеспокоено смотрели на него.

- Я видела, как Сильвио подкупил церемониймейстера, - поведала Теодора. - И не сомневаюсь, что карманы судей тоже пополнились. Я ничего не смогла поделать.

Антонио саркастически рассмеялся, и Эцио бросил на него раздраженный взгляд.

- Теперь понятно, почему Сильвио так хотел, чтобы их человек выиграл Золотую Маску, - продолжила Теодора. - Они все еще настороже и не хотят рисковать Дожем Марко. - Она перевела взгляд на Эцио. - Они не успокоятся, пока ты не умрешь.

- Тогда им предстоит множество бессонных ночей.

- Нужно что-то придумать. Прием уже завтра.

- Я попробую вслед за Данте прокрасться на прием, - решил Эцио. - Как-нибудь заберу маску и...

- Как? - поинтересовался Антонио. - Убив несчастного дурака?

Эцио сердито развернулся к нему.

- У тебя есть идея получше? Ты знаешь, что на кону!

Антонио протестующе поднял руки.

- Послушай, Эцио, если ты убьешь его, они отменят прием, и Марко вернется во дворец. Мы в очередной раз зря потратим время! Нет, я предлагаю выкрасть маску.

- Мои девочки помогут, - добавила Теодора. - Многие из них будут на приеме, как артистки. Они отвлекут внимание Данте, пока ты будешь заниматься маской. А когда окажешься на приеме, не бойся. Я тоже буду там.

Эцио неохотно кивнул. Ассасину не нравилось, когда кто-то указывал ему, что делать, но в этом случае он признал, что Антонио и Теодора правы.

- Хорошо, - отозвался он.

На следующий день, когда солнце уже скрылось за горизонтом, Эцио поджидал Данте в месте, мимо которого он должен был пройти по пути на прием. Девочки Теодоры прогуливались неподалеку. Наконец, громила появился. Он был одет в длинные одежды, выглядящие дорого и вычурно. Золотая Маска висела на поясе. Едва завидев его, девушки заворковали и стали подзывать Данте, а потом пошли по обе стороны от него. Двое из них взяли Данте за руки, убедились, что маска болтается сзади, и повели его в сторону широкой, охраняемой площади на набережной Моло, где должен был проходить (и вероятно уже начался) прием. Точно рассчитав свои действия, Эцио в последний момент срезал маску с пояса Данте. Он подхватил ее и обогнал Данте, появившись с маской перед стражниками, охранявшими вход на прием, прежде телохранителя. Увидев маску, стража пропустила Эцио внутрь. Несколько секунд спустя подошел и сам Данте, пошарил на поясе в поисках маски и обнаружил, что она исчезла. Девушки, сопровождавшие его, скрылись в толпе, надев собственные маски, так что он не мог их узнать.

Данте все еще спорил со стражей у ворот, у которой был конкретный приказ, когда Эцио пробрался через толпу гуляк и отыскал Теодору. Она тепло поприветствовала его.

- У тебя получилось! Поздравляю! Теперь слушай. Марко в самом деле очень осторожен. Он остался на борту галеры «Герцог Бучинторо», пришвартованной рядом с набережной Моло. Ты не сможешь подобраться к нему вплотную, поэтому тебе придется найти удачную позицию для атаки. - Она обернулась, подзывая четырех куртизанок. - Девочки помогут тебе пройти через толпу незаметно.

Эцио двинулся было вперед, девушки, закутанные в сияющие шелка серебряных и красных оттенков, пошли следом через море гостей, как вдруг внимание ассасина привлек высокий, величественного вида мужчина средних лет с ясными умными глазами и короткой белой бородой. Он разговаривал с венецианским дворянином примерно того же возраста. Оба носили маски, скрывающие лишь часть лица, и Эцио узнал в первом из них Агостино Барбариги, младшего брата Марко. Если бы с его братом случилось что-нибудь,

Агостино мог бы многое сделать для Венеции. Поэтому Эцио подумал, что в его положении будет целесообразно подобраться к ним поближе и подслушать разговор. Когда Эцио приблизился, то увидел, что Агостино тихо смеется.

- Честно говоря, мой братец выставляет себя на посмешище этой показухой.

- Вы не должны говорить подобных вещей, - отозвался дворянин. - Он же Дож!

- Да, да. Он Дож, - ответил Агостино, поглаживая бороду.

- Это его прием. Его Карнавал. И он волен тратить свои деньги так, как посчитает нужным.

- Он Дож только номинально, - чуть более резко отрезал Агостино. - И тратит деньги венецианцев, а не свои собственные. - И продолжил более тихо. - У нас есть более важные дела, ты же знаешь.

- Марко законно избранный правитель. Правда, ваш отец считал, что из Марко не выйдет толку, поэтому связал свои надежды с вами, Агостино. Но, учитывая сложившиеся обстоятельства это уже неважно, правда?

- Я никогда не хотел становиться Дожем...

- Тогда поздравляю вас, вы получили, что хотели, - холодно ответил дворянин.

- Послушайте, - сдерживая свой гнев, проговорил Агостино. - Власть это куда больше, чем деньги. Неужели, мой брат, правда, верит, что был избран по каким-то иным причинам, нежели его богатство?

- Его избрали за мудрость и способность руководить!

Их прервал начавшийся фейерверк. Агостино посмотрел на шоу несколько секунд и произнес:

- И это все, на что он способен со своей мудростью? Световое шоу? Он прячется во Дворце Дожей, пока весь город трещит по швам, и полагает, что парочка дорогих хлопушек заставит людей позабыть о проблемах.

Дворянин пренебрежительно отмахнулся.

- Людям нравятся зрелища. Это в человеческой природе. Вот увидишь.

В этот момент Эцио заметил плотную фигуру Данте, в сопровождении стражи проталкивающегося через толпу в поисках ассасина. Поэтому Эцио двинулся дальше, выбирая незаметное место, откуда он мог выстрелить в Дожа, даже если тот покинет борт «Бучинторо», пришвартованного в нескольких ярдах от набережной.

Раздались фанфары, и фейерверки стихли. Толпа стихла, а мгновение спустя разразилась аплодисментами, когда Марко вышел к левому борту своей галеры, намереваясь обратиться к людям, и паж прокричал:

- Дамы и господа! Поприветствуйте сиятельного Дожа Венеции!

Марко начал речь.

- Добро пожаловать! Добро пожаловать, друзья мои, на самый главный праздник года!

Мир или война, время процветания и упадка, - в Венеции всегда будет Карнавал!

Когда Дож начал говорить, Теодора подошла к Эцио.

- Слишком далеко, - сказал Эцио. - И он не сходит с корабля. Мне придется плыть туда. Черт!

- Я бы не советовала, - тихо отозвалась Теодора. - Тебя сразу заметят.

- Значит, придется пробиваться силой...

- Подожди!

Дож тем временем продолжал.

- Сегодня праздник нашего величия. О, как ярко сверкает наша звезда на небосклоне!

Он распростер руки, и снова грянули фейерверки. В толпе раздались одобрительные и приветственные крики.

- Вот оно! - воскликнула Теодора. - Воспользуйся пистолетом! Тем, что помог тебе остановить убийцу в моем борделе. Он гроыхает так же, как эти взрывы. Если точно рассчитаешь время, никто и не заметит!

Эцио глянул на нее.

- Мне нравится ход ваших мыслей, сестра.

- Будь осторожен, когда начнешь целиться. У тебя будет только один шанс, - она стиснула его ладонь. - Удачи, сын мой. Я буду ждать тебя в борделе.

Она исчезла среди приглашенных, где Эцио увидел Данте и его стрелков, которые продолжали поиски. Тихо, словно призрак, он прошел как можно ближе к галере, на которой стоял Марко. К счастью, его блистающие одежды сверкали в огнях, делая из него превосходную цель.

Речь Дожа продолжалась, и Эцио насторожился, чтобы не пропустить начало фейерверка. Если он хотел остаться незамеченным, нужно было точно рассчитать время.

- Мы все знаем, что позади у нас тяжелые времена, - провозгласил Марко. - Но мы пережили их вместе, и это сделало Венецию сильнее. Смена власти тяжелое испытание для всех, но мы приняли это спокойно и с достоинством. Трагедия - потерять Дожа в самом расцвете лет, и вдвойне неприятно знать, что убийца нашего дорогого брата Мочениго до сих пор безнаказанно бродит на свободе. Однако мы можем утешиться мыслью, что политика моего предшественника тормозила развитие города, так что многие стали сомневаться в правильности выбранного пути. - Из толпы раздалась пара-тройка согласных возгласов, и Марко, воздев руки, призвал к молчанию. - Друзья мои, я хочу сообщить вам, я вижу, что нам уготовано! Я знаю, куда мы идем! К прекрасному будущему, и мы придем к нему все вместе! Будущее Венеции, которое я вижу - это будущее, в котором она станет богатым и сильным городом. Наш флот будет настолько силен, что враги будут бояться нас как никогда раньше. Мы проложим торговые пути по морю и привезем домой специи и другие сокровища, о которых мечтали со времен Марко Поло! - Глаза Марко блеснули, а в голосе зазвучала угроза. - И я хочу сказать тем, кто против нас: задумайтесь о том, на чьей вы стороне, потому что если вы не с нами, значит вы на стороне зла. И мы не пригреем змею на груди! Мы выследим вас, мы вырвем вас с корнем, мы уничтожим вас! - Он снова поднял руки и провозгласил. - И Венеция станет самым ярким бриллиантом в короне мира!

Он триумфально опустил руки, и в небе расцвели фейерверки - великолепный финал, превращавший ночь в день. Шум от взрывов был настолько оглушителен, что грохот смертельного выстрела потерялся в нем.

Эцио удалось пройти через толпу прежде, чем успели заметить, что Марко Барбариго, дож, правление которого было самым коротким за всю историю Венеции, пошатнулся, схватившись за сердце, и уже мертвым упал на палубу галеры. «Покойся с миром», - уходя, пробормотал Эцио себе под нос.

Но слухи расходились быстро, и к тому времени, как он добрался до борделя, там уже всё знали. Теодора и ее куртизанки поприветствовали его восторженными криками.

- Ты, должно быть, устал, - произнесла Теодора, беря его за руку и уводя в комнату. - Иди сюда, отдохни!

Но их перехватил Антонио, спешивший поздравить Эцио.

- Спаситель Венеции! - воскликнул он. - Что я могу сказать? Быть может, не стоило колебаться. Теперь, когда части мозаики сложены воедино...

- Довольно об этом, - прервала Теодора. - Пойдем, Эцио. Ты хорошо потрудился, сын мой. Твое усталое тело нуждается в отдыхе.

Эцио мигом уловил её намек и подыграл.

- Верно, сестра. Мои тело и душа испытывают такую боль, что я нуждаюсь в отдыхе. Надеюсь, вы мне поможете.

- Ах, - произнесла Теодора. - Я не собираюсь облегчать твои страдания в одиночку. Девочки!

Кучка куртизанок окружила Эцио и, улыбаясь, увела ассасина в комнату, в центре которой располагалась огромная кровать, чья спинка была похожа на спинку кушетки, только с блоками, ремнями и цепями. Она напомнила ему мастерскую Леонардо, но он

даже не мог представить, что эти приспособления можно использовать подобным образом.

Он послал долгий взгляд Теодоре и проследовал за ней в спальню, дверь за ними захлопнулась.

Несколько дней спустя Эцио стоял на мосту Риальто, расслабленный и отдохнувший, и смотрел, как мимо проходят люди.

Он размышлял о том, чтобы пойти и выпить пару стаканов Венето перед обедом, когда увидел, что к нему бежит парень - один из посланников Антонио.

- Эцио, Эцио, - сказал тот, едва приблизившись. - Сир Антонио хочет тебя видеть. Сказал, что это очень важно.

- Тогда пошли, - согласился Эцио и пошел за посланником.

Антонио сидел в кабинете в компании - тут Эцио ждал сюрприз - Агостино Барбариго. Антонио представил их друг другу.

- Для меня честь познакомиться с вами, сир. Я сожалею о кончине вашего брата.

Агостино отмахнулся.

- Я ценю ваше сочувствие, но если на чистоту, мой брат был глупцом под контролем фракции Борджиа в Риме, - судьба, которой я не пожелал бы Венеции. К счастью, какой-то патриотически настроенный человек устранил эту угрозу, убив его. Очень любопытным способом. Не мешало бы его допросить, но я не представляю себе, каким образом это можно было бы сделать.

- Мессер Агостино скоро будет избран новым Дожем, - вставил Антонио. - Это хорошая новость для Венеции.

- В этот раз Совет Сорока Одного работал быстро, - сухо заметил Эцио.

- Надеюсь, они приняли во внимание прошлые ошибки, - с кривой улыбкой добавил Агостино. - Но я не хочу быть дожем номинально, как мой брат, который сосредоточил в своих руках весь бизнес. Наш отвратительный брат Сильвио захватил Арсенал - военные квартал города - и его гарнизон с двумя сотнями наемников!

- Разве вы как дож не можете приказать им сдаться? - спросил Эцио.

- Было бы неплохо, - отозвался Агостино, - но мой брат исчерпал ресурсы города, и нам будет сложно противостоять целой армии, что захватила Арсенал. А без Арсенала у меня нет полного контроля над Венецией, и не важно, дож я или не дож.

- Тогда, - решил Эцио, - мы сами должны собрать армию.

- Отлично сказано! - просиял Антонио. - Думаю, у меня есть на примете человек. Ты слышал о Бартоломео Д'Альвиано?

- Конечно. Наемник на службе Папской Области. Но я слышал, что он пошел против них...

- И теперь он здесь. У него давние счеты с Сильвио, который, как ты знаешь, в кулаке у кардинала Борджиа. - Сказал Агостино. - Бартоломео разместился в Сан Петро, к востоку от Арсенала.

- Я пойду к нему.

- Прежде чем ты уйдешь, - добавил Антонио, - Мессер Агостино кое-что хотел дать тебе.

Из складок мантии Агостино извлек скрученный древний пергамент, грубая черная печать его была сломана, и он был перевязан лохматой красной ленточкой.

- Мой брат хранил это среди других бумаг. Антонио полагает, что это тебя заинтересует. Считай что это плата за оказанную услугу.

Эцио взял свиток. Он уже догадался, что это такое.

- Благодарю, синьор. Я уверен, что он окажет неоценимую помощь в битве, которая скоро начнется.

Задержавшись только для того чтобы вооружиться, Эцио, не теряя времени, отправился в мастерскую Леонардо, и к своему удивлению нашел друга собирающим вещи.

- Куда-то уезжаешь? - поинтересовался Эцио.

- Обратно в Милан. Я собирался послать тебе записку, прежде чем покину город. И передать тебе пакет с пулями для твоего маленького оружия.

- Я очень рад, что застал тебя. Смотри, я принес еще одну страницу Кодекса!

- Замечательно! Мне уже интересно ее изучить. Пошли. Лука и другие слуги сами обо всем позаботятся. Они достаточно подготовлены для этого. Жаль, что я не могу взять их с собой.

- Чем ты займешься в Милане?

- Лодовико Сфорца сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться.

- А что с твоими заказами в Венеции?

- Работы для флота завершены. Денег на новые проекты нет. Видимо последний дож не очень-то интересовался этим. Я бы мог сделать для него фейерверки, не понадобилось бы посылать за ними в Китай. У Венеции до сих пор мир с турками, и они сказали, что будут рады моему возвращению. На самом деле я думаю, что мы бы нашли общий язык. Я оставляю вместо себя Луку - без Венеции он будет словно рыба без воды - чтобы он завершил кое-какие проекты. Что же касается Конте... он доволен портретами членов своей семьи, хотя лично я считаю, что они могли бы заказать еще. - Леонардо развязал пергамент. - Ну-с, посмотрим...

- Пообещай, что сообщишь, как только вернешься.

- Обещаю, друг мой. А ты если сможешь, держи меня в курсе своих дел.

- Договорились.

- А теперь, к делу - Леонардо развернул страницу Кодекса и рассмотрел ее. - Здесь изображение клинка с двумя лезвиями, что крепится к защитному браслету, но он не закончен. Возможно это всего лишь первоначальная версия чертежа. Все остальное может стать важным только в сочетании с другими страницами. Видишь, здесь видны линии, похожие на карту, и рисунок, глядя на который вспоминаются переплетенные узлы, которые я черчу, когда задумываюсь о чем-то. - Леонардо скрутил страницу и посмотрел на Эцио. - Я спрячу ее в безопасном месте с остальными двумя, которые ты добыл в Венеции. Они очень важны.

- Хорошо. Лео, могу я попросить тебя об услуге, если уж ты едешь в Милан?

- Разумеется.

- Когда доберешься до Падуи, не мог бы ты нанять доверенного курьера и отправить эти три страницы моему дяде Марио в Монтериджони? Он... антиквар... и они его наверняка заинтересуют. Мне просто нужен кто-нибудь, кому я смог бы доверить это дело. На лице Леонардо появилась тень улыбки. Если бы Эцио не был так невнимателен, он бы догадался, что она значит.

- Я отошлю вещи в Милан, но сам планировал ненадолго заскочить во Флоренцию, проведать Аньоло и Инноченто. Так что, насколько возможно, я сам буду твоим курьером, а оттуда я пошлю в Монтериджони Аньоло, не беспокойся.

- Это больше на что я надеялся, - Эцио схватил его за руку. - Ты замечательный, надежный друг, Лео.

- Надеюсь на это, Эцио. Иногда я думаю, что ты мог бы довольствоваться жизнью с кем-то, кто действительно заботится о тебе, а не... - Он замолчал. - Я желаю удачи в твоём деле. Надеюсь, когда-нибудь ты завершишь его и найдешь покой.

Он долго смотрел в серо-стальные глаза Эцио, но тот не ответил, и тогда Лео сказал:

- Ты напомнил, что у меня есть еще одно срочное дело. Я немедленно отправлю одного из слуг моего заказчика за остальными страницами Кодекса. А пока что... До встречи!

Самый короткий путь к собору Сан-Петро от мастерской Леонардо проходил по воде: отчалить либо на пароме, либо на съемной лодке от причала Фондамента Нуова и плыть оттуда на восток. Но к своему удивлению, Эцио обнаружил, что добраться до места будет сложно. Регулярные рейсы паромов были приостановлены, а пару молодых гондольеров смогла убедить отправиться в путь только определенная сумма денег в карманах Эцио.

- Что случилось? - поинтересовался он у них.

- Говорят, там был какой-то серьезный бой, - ответил сидевший на корме гребец, борясь с беспокойной волной. - Кажется, теперь все закончилось. Но паромы не рискуют отправляться туда. Мы подкинем тебя на северный берег. И держи ушки на макушке.

Они сделали, как и обещали. Вскоре Эцио остался в одиночестве и медленно пошел по грязному берегу к кирпичной стене, с которой разглядел недалеко шпили собора Сан-Петро ди Кастелло. И еще он увидел несколько столбов дыма над низкими кирпичными зданиями к юго-востоку от собора. Это были казармы Бартоломео. С колотящимся в груди сердцем Эцио двинулся в их направлении.

Первое, что поразило его, была тишина. Уже приблизившись, он увидел лежащие повсюду мертвые тела. Некоторые из них были в форме с гербом Сильвио Барбариго, других опознать не удалось. В конце концов, он обнаружил тяжело раненого, но еще живого сержанта, опиравшегося спиной на низкую стену.

- Прошу, помоги, - прохрипел сержант, едва Эцио подошел к нему.

Эцио быстро оглянулся и увидел колодец, из которого он набрал воды, молясь, чтобы она не была отравлена атакующими, хотя сама вода выглядела чистой и свежей. Он отлил немного в чашу, которую нашел рядом, и осторожно поднес ее к губам сержанта, затем намочил кусок ткани и стер кровь у него с лица.

- Спасибо, друг, - поблагодарил сержант.

Эцио отметил, что на униформе сержанта нашита незнакомая эмблема, и догадался, что это знак Бартоломео. Очевидно, войска Бартоломео были сметены наемниками Сильвио.

- Мы не ожидали нападения, - подтвердил его мысли сержант. - Какая-то из шлюх Бартоломео предала нас.

- Куда они ушли?

- Люди Инквизитора? Обратно в Арсенал. Они разместили там базу, еще до того, как новый Дож смог бы успеть перехватить контроль. Сильвио ненавидит кузена Агостино, потому что тот не является частью заговора, в котором замешан Инквизитор. - Мужчина закашлял кровью, но попытался продолжить. - Они взяли нашего капитана в плен. Увели его с собой. Забавно, мы планировали напасть на них сами. Бартоломео просто ждал... посланника из города.

- Где теперь твои люди?

Сержант попытался оглядеться.

- Те, что не были убиты или взяты в плен - разбежались, пытаюсь спастись. Они либо залегли на дно в Венеции, либо скрылись на островах в лагуне. Но им нужен кто-то, кто объединит их. Он будет ждать приказа капитана.

- А он пленник Сильвио?

- Да. Он...

Несчастный сержант начал задыхаться. Из рта у него хлынула кровь, заливая траву перед ним. Потом кровь остановилась. Лицо сержанта стало спокойным, остановившийся взгляд был направлен в сторону лагуны...

Эцио прикрыл ему глаза и сложил на груди руки. «Покойся с миром», - официально пробормотал он.

Потом он покрепче закрепил перевязь с мечом и хотел было затянуть ремни защитного браслета на левом запястье, но передумал и прицепил на левую руку двойной кинжал. На правом он затянул ремни отравленного клинка - полезного всегда, когда приходилось

сталкиваться с многочисленными врагами. Пистолет был удобен, когда нужно было убить определенную одиночную цель, и его приходилось перезаряжать после каждого выстрела. Поэтому Эцио оставил его в поясной сумке вместе с порохом и пулями. Там же остался, в качестве запасного, и кинжал с пружинным механизмом. Эцио опустил капюшон и направился к деревянному мосту, который упирался в собор Сан-Петро ди Кастелло. Оттуда он незаметно, но быстро пошел вниз по главной улице, напрямик к Арсеналу. Он заметил, что люди, встречавшиеся ему по пути, были подавлены морально, хотя и как обычно занимались повседневной работой. Чтобы полностью остановить торговлю в Венеции требовалось нечто большее, нежели локальная война, хотя, возможно, некоторые из жителей Кастелло догадывались, насколько важен для всего города исход этого конфликта.

Тогда Эцио еще не знал, что этот конфликт затянется на долгие, долгие месяцы, даже более того, на весь следующий год. Он думал о Кристине, своей матери Марии и сестре Клаудии. Он чувствовал себя старым и бездомным. Но в его жизни еще оставалось Кредо, и цель - служить и защищать. И это было важнее всего на свете. Мало кто догадывался, что установлению злого господства тамплиеров во всем мире противостоял только Орден ассасинов.

Главной задачей Эцио было определить, где держат и, по возможности, освободить Бартоломео д'Альвиано, хотя попасть в сам Арсенал будет проблематично. На восточной окраине города за высокими стенами Арсенала размещались верфи (и здания), где работало множество людей. Здесь же была сосредоточена личная охрана Сильвио, численность которой, по словам Агостино Барбариго, превышала две сотни наемников. Эцио вошел через построенные недавно архитектором Гамбелло главные ворота, прошелся по периметру мимо зданий, насколько было возможно, и, в конце концов, обнаружил тяжелую дверь с калиткой. Какое-то время он, спрятавшись, наблюдал за калиткой и увидел, что охрана использует ее при смене караула. Ему пришлось прождать четыре часа до следующей смены. Полуденное солнце нещадно палило, воздух был влажным, и все, кроме Эцио, были вялыми и сонными. Он смотрел, как отряд сменщиков выходит через врата, охранявшиеся всего одним стражником, потом кинулся следом за входившими и, замыкая шествие, смешался с отрядом. Едва последний солдат прошел через врата, как Эцио перерезал глотку охраннику и сам проскользнул внутрь прежде, чем кто-то заметил, что случилось. Как и много лет назад в Сан-Джиминьяно, армия Сильвио была внушительной, но даже ее не хватало, чтобы охватить всю внутреннюю территорию. Арсенал был военным центром города. Не удивительно, что без него у Агостино не было реальной власти над Венецией. Оказавшись внутри, Эцио довольно легко проскользнул между огромными зданиями - канатной фабрикой Кордерие, складом артиллерии, башнями дроболитейного завода и судоверфями. Пока глубокие полуденные тени скрывали Эцио, ему успешно удавалось избегать столкновения с многочисленными патрулями, и он знал, что все будет в порядке, хотя, естественно, ни на минуту не терял бдительности. Он пошел туда, откуда доносились звуки веселья и издевательский смех, и обнаружил один из сухих доков, в котором собирали огромную галеру. У одной из стен дока висела металлическая клетка. В ней держали Бартоломео, энергичного, похожего на медведя, мужчину, лет тридцати, всего лишь на четыре-пять лет старше самого Эцио. Вокруг клетки сгрудились наемники Сильвио, и Эцио подумал, насколько было бы лучше, занимайся они, как и положено, патрулированием, а не издевательствами над беспомощным врагом. Но одновременно Эцио не мог не отметить, что хотя Сильвио Барбариго и Великий Инквизитор, он вовсе не разбирается в том, как надо управлять войском.

Эцио понятия не имел, как долго скованного Бартоломео держали в клетке. Несомненно, прошло уже много часов, но тяжелое положение ничуть не повлияло на его ярость и энергичность. Учитывая, что все это время он наверняка провел без еды и воды, это было просто поразительно.

- Трусливые твари! Подлые трусы! - рычал он своим мучителям, один из которых, как заметил Эцио, держал наколотую на копье смоченную уксусом губку и тыкал ей в лицо Бартоломео в надежде, что тот решит, будто это вода. Бартоломео лишь отмахивался.

- Я бросаю вам всем вызов! Прямо сейчас! С одной рукой, привязанной за спину, - нет, с обеими руками! Я сожру вас живьем! - Он засмеялся. - Вы удивитесь, что такое возможно, но если вы выпустите меня отсюда, я с радостью вам покажу! Трусливые говнюки!

Люди Инквизитора не скрывали насмешек и тыкали в Бартоломео шестами, клетка раскачивалась из стороны в сторону. Дно клетки не было сплошным, и Бартоломео, пытаясь сохранить равновесие, с трудом удерживался на ногах.

- У вас нет чести! Нет доблести! Нет достоинства! - Он плюнул на них сверху. - И люди еще удивляются, почему звезда Венеции клонится к закату! - в его голосе появились умоляющие нотки. - Я пощажу того, у кого хватит смелости освободить меня. А все остальные сдохнут! От моей руки! Клянусь!

- Заткни пасть, - огрызнулся один из охранников. - Никто кроме тебя, засранец, сегодня не умрет!

Все это время Эцио, спрятавшийся в тени кирпичной колоннады, которая окружала бассейн с небольшими пришвартованными боевыми галерами, обдумывал план спасения наемника. Рядом с клеткой спинами к ассасину стояло десять стражников, больше никого видно не было. Они не находились при исполнении служебных обязанностей и были безоружны. Эцио проверил отравленный клинок. Убить их будет просто. Он проследил за патрулями, проходящими мимо, и выяснил, что они появляются всякий раз, когда тень от стены дока удлинится на три дюйма. Еще одна проблема состояла в том, как заставить Бартоломео сохранять тишину, пока он будет освобождать его. Эцио напряженно думал, он знал, что время истекает.

- Как вы можете продавать свои честь и достоинство за пару монет? - прокричал было Бартоломео, но в горле у него пересохло и он, несмотря на железную волю, задохнулся.

- А ты разве занимаешься не тем же самым, ублюдок? Ты такой же наемник, как и мы.

- Я никогда не служил предателям и трусам, как вы! - Глаза Бартоломео блеснули. Люди, стоявшие внизу испуганно вздрогнули. - Думаете, я не знаю, почему вы заковали меня в цепи? Думаете, я не знаю, кто дергает за ниточки марионетки-Сильвио? Да я сражался против хозяина этого вонючки, еще когда у вас, сопляков, молоко на губах не обсохло!

Эцио с интересом прислушался. Один из солдат подхватил с земли половинку кирпича и со злостью швырнул ее в клетку. Кирпич ударился о прутья и отлетел в сторону.

- Правильно, ублюдки! - хрипло прокричал Бартоломео. - Сколько вы еще собираетесь терпеть меня? Клянусь, как только я выберусь из клетки, я отрублю каждому из вас ваши долбанные головы и засуну их в ваши долбанные задницы! А еще я перемешаю их, чтобы вы, сопляки, не знали, чья голова и в чьей заднице находится!

Теперь люди внизу действительно рассвирепели. Стало ясно, что только приказ удерживает их от того, чтобы заколоть висевшего над ними в клетке беззащитного наемника копьями или застрелить из лука. Теперь Эцио разглядел, что замок на двери клетки был относительно небольшим. Тюремщики Бартоломео полагались больше на то, что клетка подвешена высоко. Не было сомнений, они считали, что дневная жара и ночной холод в совокупности с обезвоживанием и голодом окончательно сломают пленника, и тот согласится на переговоры. Но одного взгляда на Бартоломео хватало, чтобы понять - есть вещи, которым он предпочтет смерть.

Эцио знал, что действовать надо быстро. Скоро должен был появиться очередной патруль. Вытащив отравленный клинок, он кинулся вперед со скоростью и грацией волка, в считанные секунды, сокращая дистанцию между собой и охранниками. Он словно лезвие прошел через толпу, успев отравить пятерых, прежде чем остальные поняли, что произошло. Обнажив меч, он беспощадно убил остальных, отражая их бесполезные удары

защитной пластиной на левом запястье. Бартоломео смотрел на все это, открыв рот. Наконец, Эцио бесшумно развернулся и посмотрел вверх.

- Ты сможешь спрыгнуть оттуда? - спросил он.

- Если отопрешь клетку, я выпрыгну, как грёбаная блоха.

Эцио подхватил копье одного из мертвых солдат. Его наконечник был не стальным и кованым, а железным и отлитым. Должно было сработать. Перекинув копье в левую руку, Эцио присел и подпрыгнул вверх, в последний момент ухватившись за прутья решетки.

Бартоломео смотрел на него, широко открыв глаза.

- Твою ж мать, как тебе это удалось? - спросил он потрясенно.

- Тренировки, - усмехнулся Эцио.

Он приставил наконечник копья к засову и провернул. Сперва замок не поддавался, но вскоре уступил, сломался. Эцио распахнул дверь и спрыгнул вниз, приземлившись с кошачьей ловкостью.

- Прыгай, - приказал он. - Быстро!

- Кто ты такой?

- Да прыгай же!

Бартоломео нервно подошел к открытой двери и кинулся вперед. Он тяжело приземлился рядом, судорожно глотая воздух. Но когда Эцио помог ему подняться на ноги, гордо отказался от услуг спасителя.

- Я в порядке, - выдохнул он. - Я просто не привык к грёбаным цирковым трюкам.

- Ничего не сломал?

- Да иди ты в задницу, - беззлобно огрызнулся Бартоломео, широко улыбаясь. - Спасибо тебе!

К удивлению Эцио, Бартоломео протянул ему огромную руку.

- Кто ты такой? Грёбанный архангел Габриэль или еще кто?

- Меня зовут Эцио Аудиторе.

- Бартоломео д'Альвиани. Рад знакомству.

- У нас нет на это времени, - оборвал его Эцио. - Ты и сам это знаешь.

- Не учи ученого, акробат, - добродушно отозвался Бартоломео. - В любом случае, я у тебя в долгу.

Они потеряли слишком много времени - кто-то с бастиона заметил, что произошло, зазвонили колокола, патрули из ближайших зданий попытались окружить беглецов.

- Давайте, ублюдки, - ревел Бартоломео, размахивая кулаками, которым позавидовал бы сам Данте Моро. Эцио с восхищением наблюдал, как Бартоломео с силой врзался в приближающихся солдат. Вдвоем они пробились к воротам с калиткой и оторвались от преследования.

- Давай убираться отсюда! - предложил Эцио.

- Не разбив еще пару голов?

- Может лучше не стоит?

- Струсил?

- Я просто рассуждаю разумно. Я знаю, что ты жаждешь мести, но их в сто раз больше, чем нас.

- Ты прав, - согласился Бартоломео. - Я командир, и должен думать сам, а не оставлять это важное дело на сопляков вроде тебя. И уж тем более не должен позволять им себе указывать. - Потом он понизил голос и обеспокоено произнес. - Надеюсь, моя маленькая Бьянка в порядке.

У Эцио не было времени, чтобы спросить или хотя бы просто удивиться последнему замечанию Бартоломео. Они поспешно отправились через весь город в штаб-квартиру Бартоломео на Сан-Петро. По пути Бартоломео дважды сделал крюк, чтобы зайти на набережную Сан-Бьяджо и на «Новый двор», предупредить своих агентов, что он жив и свободен, и приказать своим разрозненным войскам - тем, кто не был взят в плен - возвратиться для перегруппировки.

Они подошли к Сан-Петро уже в сумерках и с удивлением увидели, что пятерым наемникам Бартоломео удалось выжить при атаке. С наступлением ночи они выбрались из своих укрытий и теперь ходили между мертвых, над которыми вились мухи, пытались их похоронить и привести все в порядок. Они были рады снова увидеть Капитана, но тот не обращал на них никакого внимания. Бартоломео метался по лагерю и скорбно звал: «Бьянка! Бьянка! Где ты?»

- Кого он ищет? - поинтересовался Эцио у старшего офицера. - Она должно быть много для него значит.

- Это так, синьор, - ухмыльнулся офицер. - И она куда надежнее, чем остальные представительницы ее пола.

Эцио побежал догонять нового союзника.

- Все в порядке?

- А ты как думаешь? Посмотри, во что они превратили это место! И бедная Бьянка! Если с ней что-то случилось...

Громила толкнул дверь плечом, и без того почти слетевшую с петель; дверь упала на землю. Бартоломео вошел в убежище, которое выглядело так, словно до атаки, там был кабинет. Дорогостоящие карты были изорваны или украдены, но Бартоломео прошел, не замечая разрухи, тщательно осматривая все вокруг, пока, наконец, не воскликнул радостно:

- Бьянка! Дорогая моя! Слава Богу, ты в порядке!

Он извлек из обломков огромный двуручный меч, взмахнул им и прорычал.

- Ага! Ты цела! Я никогда в тебе не сомневался! Бьянка! Познакомься... Как ты сказал, тебя зовут?

- Эцио Аудиторе.

Бартоломео задумался.

- Ну, конечно. Слава бежит впереди тебя, Эцио.

- Рад слышать.

- Что привело тебя сюда?

- У меня есть дело к Сильвио Барбариго. Думаю, он злоупотребил гостеприимством Венеции.

- Сильвио! Этот кусок дерьма! Я бы с удовольствием избавился от него!

- Значит, я могу надеяться на твою поддержку?

- После того, как ты меня освободил? Я обязан тебе жизнью, поэтому готов помочь.

- Сколько человек в твоём распоряжении?

- Сколько здесь выживших, офицер?

Офицер, с которым Эцио говорил ранее, подбежал и, отдав честь, ответил:

- Двенадцать, капитан, включая вас, меня и этого синьора.

- Тринадцать! - взревел Бартоломео, взмахивая Бьянкой.

- Против добрых двух сотен, - вздохнул Эцио и повернулся к офицеру. - Скольких они держат в плену?

- Почти всех наших, - отозвался тот. - Нападение застало нас врасплох. Часть успела сбежать, но люди Сильвио взяли большую часть в плен, заковав в цепи.

- Послушай, Эцио, - проговорил Бартоломео. - Я соберу здесь своих людей, тех, кто еще на свободе. Мы наведем тут порядок и похороним мертвых, а после перегруппируемся. Ты возьмешь на себя освобождение пленников? Похоже, ты мастер в этом деле.

- Понял, - кивнул Эцио.

- Возвращайся вместе с ними так быстро, как сможешь. Удачи!

Эцио, прихватив оружие из Кодекса, отправился на запад, к Арсеналу, но подумал, что вряд ли Сильвио стал бы держать там всех пленников. Тем более он не заметил ничего подобного, когда освобождал их капитана. Когда наступила ночь, он спрятался близ Арсенала и прислушался к разговору охранников, расставленных по периметру стен.

- Ты уже видел большие клетки? - спросил один.

- Нет. Несчастные ублюдки заперты в них, как сардины в бочке. Не думаю, что капитан Барто в случае победы поступил бы с нами подобным образом, - ответил его товарищ.

- Поступил бы. Держи свои благородные мысли при себе, если хочешь сохранить на плечах голову. Я же говорю - надо прикончить их. Почему бы нам просто не опустить клетки в воду и не утопить их?

Эцио напрягся. На территории Арсенала было три огромных прямоугольных бассейна, каждый из которых вмещал по тридцать галер. Бассейны располагались на северной стороне Арсенала в здании с толстыми кирпичными стенами и тяжелой деревянной крышей. Без сомнения, клетки - увеличенные версии той, в которой держали Бартоломео - были подвешены на цепях прямо над бассейнами.

- Сто пятьдесят тренированных бойцов? Расточительно. Ставлю свое жалование, Сильвио надеется, что сможет убедить их перейти на нашу сторону, - отозвался второй солдат.

- В принципе, они такие же наемники, как мы. Почему бы и нет?

- Верно. Только сперва их нужно сломать. Показать, кто здесь главный.

- Надеюсь, что так.

- Слава Богу, они не слышали, что их капитан сбежал.

Первый хлопнул.

- Он недолго пробудет на свободе.

Эцио направился к воротам с калиткой, которой воспользовался днем. Ждать очередной смены караула не было времени. Эцио определил время по высоте луны над уровнем горизонта и понял, что у него есть еще пара часов. Щелкнула пружина, выскочил клинок - самое первое и самое любимое его оружие из Кодекса, - и Эцио полоснул по незащитному горлу старого толстого стражника, выглядящего так, словно он один тут был при исполнении служебных обязанностей. Ассасин мягко опустил тело на землю, чтобы не запачкаться кровью. Потом он быстро вытер лезвие о траву и сменил клинок на отравленный. Перед уходом он осенил мертвеца крестом.

Строения за стенами Арсенала выглядели в свете полумесяца и звезд совсем другими, но Эцио помнил, где находятся бассейны, и направился прямо туда, идя вдоль стен и бдительно следя за появлением людей Сильвио. Он посмотрел сквозь огромные открытые ворота в водяную мглу первого бассейна, и ничего не увидел. Только галеры мягко раскачивались на волнах в тусклом свете звезд. Во втором хранили какие-то фрукты, и Эцио направился к третьему, откуда доносились голоса.

- Еще не поздно перейти на нашу сторону. Одно лишь слово - и вы будете избавлены от этих мук, - издевательски проговорил один из офицеров Инквизитора.

Эцио, прижавшись к стене, разглядел дюжину солдат с бутылками в руках, оружие их лежало на земле. Они смотрели вверх, в темноту, где висели три огромные железные клетки. Эцио увидел, что невидимый ему механизм медленно опускает клетки в воду. Галлер в бассейне не было. Только черная, маслянистая вода, в которой копошилось что-то невидимое, но очень пугающее.

Среди солдат Инквизитора был один, не принимающий участия в общем веселье, он не пил и был постоянно настороже. Огромный, внушающий страх человек. Эцио мгновенно узнал Данте Моро! После смерти своего хозяина Марко, гигант поклялся в верности его кузену Сильвио, Инквизитору, который ранее уже восхищался огромным телохранителем. Эцио осторожно прокрался вдоль стен к большому открытому ящику с зубчатыми колесами, шкивами и тросами внутри. Выглядел он так, словно был создан Леонардо. Именно этот механизм, управляемый клепсидрой, опускал клетки. Эцио вытащил из ножен обычный кинжал и сунул его между двумя зубчатыми колесами. Механизм остановился, и весьма вовремя - клетки были всего в нескольких дюймах над водой. Охрана мгновенно заметила, что клетки перестали опускаться, и пара человек направилась к механизму, чтобы проверить его. Эцио вытащил отравленный клинок и напал на них, как только они приблизились. Стражники упали в воду и с коротким криком канули в маслянистой черной воде.

Эцио кинулся по периметру бассейна к остальным, но они разбежались в испуге. Все, кроме Данте, который возвышался над Эцио, как скала.

- Значит, теперь ты пёс Сильвио? - спросил Эцио.

- Лучше быть живым псом, чем мертвым львом, - парировал Данте, пытаясь спихнуть Эцио в воду.

- Стой! - крикнул Эцио, уходя от удара. - Мне с тобой делить нечего!

- Да заткнись ты, - огрызнулся Данте, схватил Эцио за шиворот и швырнул в стену у бассейна. - Я с тобой тоже не ссорился. - Эцио был оглушен. - Оставайся здесь. Мне надо предупредить хозяина, но если ты будешь продолжать путаться под ногами, я вернусь и скормлю тебя рыбе.

Он ушел. Эцио потряс головой и, пошатываясь, поднялся. Пленники в клетках закричали, и Эцио заметил, что один из стражников Сильвио подкрался к механизму и собрался достать оттуда застрявший кинжал. Эцио поблагодарил Бога, что не позабыл, как правильно метать кинжалы, выхватил из-за пояса нож и со смертельной точностью запустил его во врага. Тот споткнулся, вскрикнул и попытался беспомощно схватиться за лезвие, угодившее ему прямо промеж глаз.

Эцио схватил с подставки на стене багор и, опасливо косясь на воду, ловко подтащил к себе ближайшую клетку. Дверь ее оказалась заперта на обычную задвижку, Эцио отодвинул ее, выпуская из клетки людей, которые принялись выбираться из нее на верфь. С их помощью Эцио подтянул оставшиеся клетки и освободил пленников.

И хотя все были измучены, они все же поблагодарили его.

- Пошли, - скомандовал он. - Я отведу вас к капитану.

Уничтожив всех, кто охранял бассейны, они беспрепятственно вернулись на Сан-Петро, где и произошло воссоединение Бартоломео с его людьми. В отсутствие Эцио вернулись те, кто сумел уйти после первого нападения Сильвио, и теперь в лагере был наведен абсолютный порядок.

- Приветствую, Эцио! - сказал Бартоломео. - С возвращением! Слава Богу, все закончилось. Я знал, что могу на тебя положиться. - Он взял Эцио за руки. - У тебя появился могучий союзник. Можно подумать, что... - Он оборвал себя на полуслове и вместо этого проговорил. - Благодаря тебе моя армия вернула себе прежнее величие. Скоро наш друг Сильвио поймет, что совершил смертельную ошибку!

- Как мы поступим? Нападем на Арсенал?

- Нет. Тогда мы будем разбиты еще на подходе к воротам. Я считаю, мы должны рассредоточить моих людей по всему району, она поднимут шум и отвлекут людей Сильвио.

- И тогда Арсенал будет практически пуст...

- И ты сможешь взять его с небольшим отрядом.

- Надеюсь, он клюнет.

- Он Инквизитор. Он знает, как запугивать людей, оказавшихся у него в руках. Но он не солдат. Черт, ему далеко до того, чтобы я считал его достойным противником!

На то, чтобы разместить наемников Бартоломео вокруг Кастелло и по всему району Арсенала ушло несколько дней. Когда все было готово, Бартоломео и Эцио собрали небольшую группу наемников, чтобы повести их в атаку на бастион Сильвио. Эцио сам отбирал людей в соответствии с их ловкостью и мастерством.

Они со всеми предосторожностями планировали нападение на Арсенал. И, наконец, в ночь с пятницы на субботу все было подготовлено. На башню церкви Сан-Мартино был послан наемник, который, когда взошла луна, поджег огромную римскую свечу, созданную и доставленную из мастерской Леонардо. Это был сигнал к атаке. Одетая в черные кожаные доспехи, оперативная группа наемников влезла на стены Арсенала. Перебравшись через зубчатые стены, наемники, словно призраки, прошли по безмолвной, практически пустой крепости и быстро перебили внутри всех охранников. А потом Эцио и Бартоломео лицом к лицу столкнулись со своими заклятыми врагами - Сильвио и Данте.

Данте с железным кастетом на одной руке, размахивал цепным моргенштерном, защищая хозяина. Ни Эцио, ни Бартоломео не могли приблизиться к нему достаточно близко, а их собственные люди сцепились с врагами.

- Отличный экземпляр, правда? - позлорадствовал Сильвио, стоя в безопасности за спиной Данте. - Умереть от его руки - честь для вас!

- Отсоси, говнюк! - прорычал Бартоломео. Боевым топором он перехватил моргенштерн Данте, и тот, выпустив оружие из рук, отступил. - Давай, Эцио! Нужно схватить этого жирного ублюдка!

Данте, достигнув цели, повернулся, вырвал железный шар, украшенный изогнутыми шипами, и снова повернулся к ним лицом. Потом замахнулся на Бартоломео, один из шипов оставил на плече наемника рваную рану.

- Ты об этом пожалеешь, кусок дерьма, - проревел Бартоломео.

Тем временем Эцио зарядил пистолет, выстрелил в Сильвио и... промахнулся. Пуля от ricoшетила от кирпичной стены, выбив искры и острые осколки.

- Думаешь, я не знаю, почему ты на самом деле здесь, ассасин? - пролаял Сильвио, стараясь не показывать, как испугался выстрела. - Но ты опоздал! Тебе нас не остановить! Эцио перезарядил пистолет, выстрелил, но слова Сильвио так разозлили и смутили его, что он снова промазал.

- Ха! - вякнул Сильвио от бастиона, где сцепились Бартоломео и Данте. - Ты притворяешься, что не знаешь! Хотя, когда Данте разделается с тобой и твоим мускулистым другом, это уже не будет иметь никакого значения. Ты просто отправишься к своему дураку-отцу! Хочешь знать, о чем я жалею больше всего на свете? Что я сам не повесил Джованни! Я бы с наслаждением нажал на рычаг и посмотрел бы, как твой несчастный папаша задыхается и трясется в судорогах! А потом бы я пришел за твоим пьяницей дядей, толстяком Марио, и за твоей не такой уж старой, хоть и с обвисшими сиськами, мамашей Марией, и даже за соблазнительной милашкой Клаудией, твоей дорогой сестричкой. Я уже давненько не трахал молоденьких девчонок! Но возможно, я приберегу их обеих для своего путешествия - в море бывает очень одиноко!

Через кровавый туман ярости Эцио пытался сосредоточиться на информации, плевками слетающей с уст Инквизитора, льющейся вперемешку с оскорблениями.

Превосходящие по численности люди Сильвио начали одолевать наемников Бартоломео. Данте еще раз попал по капитану - прямо в грудь - кастетом ломая ребра. Бартоломео пошатнулся. Эцио снова выстрелил в Сильвио, и на этот раз пуля пробила мантию Инквизитора совсем близко к шее, но, хотя мужчина и пошатнулся, а Эцио разглядел тонкую струйку крови, Сильвио все-таки устоял на ногах. Он отдал команду Данте, и тот отступил, прикрывая хозяина, а потом вместе с ним скрылся за стеной.

Эцио помнил, что лестница с той стороны стены ведет к причалу и, крикнув Бартоломео, чтобы следовал за ним, стремительно покинул поле боя, по пути устрняя врагов.

Он увидел, как Сильвио и Данте садятся в большую лодку, но заметил на их лицах гнев и отчаяние. Проследив за их взглядами, он увидел громадную черную галеру, плывущую на юг от лагуны.

- Нас предали! - услышал Эцио слова Сильвио. - Корабль отплыл без нас! Черт бы их побрал! Я был предан им, и вот как они мне отплатили!

- Поплывем на лодке и догоним их, - отозвался Данте.

- Слишком поздно - нам не добраться до острова на такой лодчонке, но она нам пригодится, чтобы убраться отсюда!

- Тогда поскорее уберемся, Ваша Светлость.

- Верно.

Данте повернулся и с жутким криком скомандовал: «Отдать швартовы! Поднять паруса! Живее, твари!»

В этот миг Эцио перепрыгнул с темного причала прямо в лодку. Перепуганные моряки попрыгали в темную лагуну.

- Отойди, убийца! - истерично завопил Сильвио.

- Это было твое последнее оскорбление, - проговорил Эцио, вонзая Сильвио в живот двойной клинок и медленно вспарывая его. За то, что ты наговорил про моих родных, я бы мог отрезать тебе яйца, но, думаю, ты этого не стоишь.

Данте стоял не шевелясь. Эцио перевел взгляд на него, мужчина выглядел уставшим.

- Все кончено, - объявил Эцио. - Ты поставил не на ту лошадь.

- Возможно, - не стал спорить Данте. - В любом случае я собираюсь убить тебя. Ты грязный ассасин. И ты меня утомляешь.

Эцио вытащил пистолет и выстрелил. Пуля попала Данте в лицо, тот упал.

Эцио присел на колени возле Сильвио, чтобы отпустить ему грехи. Эцио был честен с собой, и всегда помнил, что убивать надо, только когда нет иного выбора. А умирающий довольно скоро утратит все, и поэтому имеет право хотя бы на последний обряд.

- Куда вы направлялись, Сильвио? Что это была за галера? Я полагал, что ты метишь на место Дожа.

Сильвио слабо улыбнулся.

- Это была только уловка. Мы собирались отплыть.

- Куда?

- Слишком поздно, - рассмеялся Сильвио и умер.

Эцио повернулся к Данте и приподнял его массивную голову.

- Они собирались на Кипр, Аудиторе, - проворчал Данте. - Возможно, я спасу душу тем, что скажу тебе правду. Они хотят... Они хотят... - но тут он захлебнулся кровью и обмяк.

Эцио обыскал сумки обоих, но не нашел ничего важного, кроме письма Данте от его жены. Испытывая жгучий стыд, он прочитал его.

*Мой любимый,
Я верю, что настанет день, когда ты будешь рад услышать эти слова. Прости меня за то, что я сделала - за то, что позволила Марко забрать меня у тебя, за то, что развелась с тобой и разрешила Марко жениться на мне. Но теперь, когда он мертв, я надеюсь, что найду способ снова быть с тобой. Помнишь ли ты меня? Или боль твоя была слишком сильна? Смогут ли мои слова пробудить твою память, или затронуть струну в твоём сердце? Я знаю, что в глубине еще скрывается человек, которого я люблю. И я найду путь к нему, моя любовь. Чтобы напомнить тебе. Чтобы вернуть тебя.
Навеки твоя Глория.*

Адреса не было. Эцио бережно сложил письмо и убрал в сумку. Надо будет расспросить Теодору, знает ли она эту странную историю, и сможет ли она вернуть письмо отправительнице вместе с печальным известием о гибели ее мужа.

Он в последний раз посмотрел на трупы, осенил их крестом и грустно прошептал: «Покойтесь с миром».

Эцио все еще стоял над мертвецами, когда появился тяжело дышащий Бартоломео.

- Вижу, тебе, как обычно, не нужна моя помощь.

- Вы взяли Арсенал?

- Думаешь, я был бы здесь, если бы мы проиграли?

- Поздравляю!

- Спасибо!

Но Эцио уже смотрел в сторону моря.

- Мы отвоевали Венецию, мой друг, - вздохнул он. - Агостино сможет править ей, не боясь тамплиеров. Думаю, теперь я смогу немного отдохнуть. Видишь галеру на горизонте?

- Да.

- Данте сказал перед смертью, что она плывет на Кипр.

- Зачем?
- Это, мой друг, как раз то, что я хочу выяснить.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Эцио не верилось - наступило 24 июня, день летнего солнцестояния, 1487 года от Рождества Христова. Ему исполнилось двадцать восемь лет. Он стоял, опираясь на балюстраду Кулачного моста, и хмуро смотрел на воду в канале под ним. Мимо проплыла крыса, тащившая в зубах капустные листья, украденные с ближайшей баржи торговца овощами, к дыре в черном кирпиче канала.

- Вот ты где, Эцио! - радостно воскликнул голос, и Эцио узнал Розу еще раньше, чем увидел - по терпкому запаху мускуса. - Давно не виделись! Я уже начала думать, что ты избегаешь меня!

- Я был... занят.

- Ну, конечно. И что бы Венеция без тебя делала!

Эцио грустно склонил голову, Роза оперлась на балюстраду рядом с ним.

- С чего такая серьезность, красавчик?

Эцио смерил ее серьезным взглядом и пожал плечами.

- У меня день рождения.

- День рождения? Seriously? Ух ты! Поздравляю! Это же просто чудесно!

- Вовсе нет, - вздохнул Эцио. - Прошло уже десять лет с тех пор, как погибли отец и братья. Десять лет я отслеживаю их убийц, людей из списка отца и тех, кого сам добавил в этот список после его смерти. И я знаю, что близок к цели, но я ни на шаг не приблизился к пониманию того, ради чего все это было затеяно.

- Эцио, ты посвятил жизнь благому делу. Это сделало тебя одиноким, но, в каком-то смысле, именно в этом твое призвание. И хотя инструменты, которые ты используешь, ведут к чужой смерти, ты никогда не был несправедлив. Благодаря тебе Венеция стала куда лучшим местом, чем была ранее. Улыбнись. У тебя же, кажется, день рождения. А у меня как раз есть подарок. И как раз вовремя!

Она вытащила судовой журнал.

- Спасибо, Роза. Даже не представляю, что ты мне подаришь. Что это?

- Кое-что, что мне удалось... достать. Это декларация судового груза из Арсенала. День, когда твоя черная галера, отплывшая в прошлом году на Кипр, возвращается...

- Ты серьезно? - Эцио потянулся за журналом, но Роза, дразня его, отвела руку. - Отдай мне его, Роза. Это не шутки.

- За все нужно платить, - прошептала она.

- Ну, раз так...

Он взял ее за руки и подарил долгий поцелуй. Она расслабилась, и он быстро выхватил книгу.

- Эй! Это не честно! - рассмеялась она. - В таком случае, чтобы избавить тебя от ожидания, скажу, что твоя галера возвращается в Венецию завтра!

- Интересно, что они привезут с собой?

- Почему-то я не удивлена, что кто-то, не буду показывать пальцем, собирается это разузнать.

Эцио просиял.

- Это надо отметить!

Но в этот самый момент к ним торопливо приблизилась знакомая фигура.

- Леонардо! - воскликнул крайне удивленный Эцио. - Я думал, ты в Милане!

- Я вернулся, - ответил Леонардо. - Мне подсказали, где тебя найти. Здравствуй, Роза.

Прости Эцио, но нам срочно нужно поговорить.

- Прямо сейчас?

- Да. Прости.

Роза засмеялась.

- Идите, веселитесь, мальчики. Я подожду!

Эцио неохотно позволил Леонардо увести себя.

- Надеюсь, это действительно важно, - пробормотал Эцио.

- О, да, да, - примирительно ответил Леонардо.

Они с Эцио прошли несколько узких улочек, пока не пришли в мастерскую Леонардо. Леонардо занялся делом, вытащив на стол теплое вино и черствые кексы, а еще кипу документов, которые он бросил на большой стол в центре студии.

- Я отвез страницы Кодекса в Монтериджони, как и обещал, но я не удержался и изучил их. И сделал кое-какие выводы. Не понимаю, почему я никогда не искал между ними связи, но когда я сложил страницы вместе, я понял, что линии, символы и буквы древнего алфавита складываются в слова. Это просто золотая жила - все эти страницы должны располагаться рядом! - он оборвал себя. - Вино слишком теплое! Имей в виду, я привык к винам из Сан-Коломбано, по сравнению с которыми это венето, словно комариная моча.

- Продолжай, - попросил Эцио.

- Тогда слушай, - Леонардо вытащил стеклянные очки, нацепил их на нос, внимательно посмотрел на бумаги и прочитал. - Пророк... придет... когда вторая Частица окажется в Плавучем Городе.

Эцио судорожно вдохнул, услышав эти слова.

- Пророк? - переспросил он. - «Только Пророк откроет это...», «Две Частицы Эдема».

- Эцио? - Леонардо недоуменно посмотрел на друга и снял очки. - О чем ты? Ты что, понимаешь, о чем идет речь?

Эцио взглянул на Лео. Он уже принял решение.

- Мы знаем друг друга уже давно, Леонардо. И кому я могу верить, как не тебе? Послушай. Давным-давно дядя Марио говорил мне об этом. Он вместе с моим отцом, Джованни, расшифровали несколько страниц Кодекса. Он рассказал о скрытом там пророчестве, пророчестве о секретной, древней сокровищнице, в которой хранится что-то... что-то очень могущественное!

- Правда? Это потрясающе! - Леонардо остановился, пораженный внезапной мыслью. - Эцио, если мы смогли понять, что сказано в Кодексе, то, вероятно, Барбариго и остальные тоже знают о сокровищнице, ведь ты забрал страницы у них? Если это действительно так, это очень плохо.

- погоди! - прервал Эцио, лихорадочно размышляя. - Что если именно поэтому они послали корабль на Кипр? Чтобы найти «Частицу Эдема»! И привезти её в Венецию!

- «Когда вторая Частица окажется в Плавучем городе» - ну, конечно же!

- Я вспоминаю... «Пророк прибудет...», «Только Пророк сможет открыть сокровищницу». Боже мой, Лео, когда мой дядя говорил мне о Кодексе, я был еще слишком юн, слишком несдержан, чтобы понимать, что это не просто сказки старика. Но теперь я понимаю. Убийство Джованни Мочениго, гибель моих родных, покушение на жизнь герцога Лоренцо и ужасающая смерть его брата - все это части единого плана - найти Сокровищницу. И придумал этот план тот, кто записан в моем списке под номером один. Тот, до кого я пока еще никак не могу добраться - Испанец!

Леонардо глубоко вздохнул. Он знал, о ком говорит Эцио.

- Родриго Борджиа, - его голос снизился до шепота.

- Именно! - Эцио сделал паузу. - Галера с Кипра прибывает завтра. Я собираюсь встретить её.

Леонардо крепко обнял его.

- Удачи тебе, мой дорогой друг, - сказал он.

Следующим утром Эцио, вооруженный оружием из Кодекса и перевязью с метательными кинжалами, стоял в тени колоннады рядом с доками и наблюдал. Солдаты, одетые в форму без опознавательных знаков, не привлекая лишнего внимания, вынесли знамя кардинала Родриго Борджиа, а потом выгрузили с черной галеры небольшой, обычный на вид ящик, доставленный с Кипра. Ящик держали солдаты, на руках которых были лайковые перчатки. Потом один из охранников из конвоя, поставил ящик на плечо, готовый нести его. Но тут Эцио заметил, что пятеро других охранников тоже поднимают похожие ящики. Содержал ли каждый ящик ценный артефакт, вторую Частицу, или

настоящим был только один, а остальные - обманками? Охранники выглядели как один, во всяком случае, с того расстояния, откуда наблюдал Эцио, скрытый тенью.

Только Эцио собирался покинуть укрытие и последовать за конвоем, как заметил еще одного наблюдателя, следящего за происходящим с точно такого же расстояния, как и он. Он подавил невольный вздох, узнав в нем своего дядю, Марио Аудиторе. Но времени, чтобы окликнуть его или как-то привлечь внимание, не было, солдаты Борджиа аккуратно понесли свой груз в сопровождении охраны. Эцио последовал за ними, держась на безопасном расстоянии. Однако его продолжал мучить вопрос - мог ли второй наблюдатель действительно быть его дядей? И если да, то, как он оказался в Венеции, и почему именно сейчас?

Но вскоре Эцио отгнал эти мысли. Он хвостом следовал за людьми Борджиа, стараясь не выпускать из виду несущего настоящий ящик - если это был действительно он, - в котором было... что? Одна из «Частиц Эдема»?

Конвой прибыл на площадь, от которой расходились в разные стороны пять улиц. Каждый из охранников с грузом, в сопровождении охраны направился по своей улице. Эцио стремительно взобрался на ближайшее здание, откуда, по крышам, он мог проследить за каждой группой. Внимательно наблюдая, он заметил, как один отделился от своего эскорта, вошел во двор обычного кирпичного здания, поставил на землю свой ящик и открыл его. Эцио быстро направился в ту же сторону, следуя за офицером Борджиа, направившимся туда же. Он склонился с крыши, чтобы лучше слышать, о чем они говорят.

- Мастер ждет, - сказал офицер. - Переложите груз, только осторожно.

Эцио следил, как охранник осторожно вытаскивает из переложеного соломой ящика в шкатулку из тика, которую передал ему слуга. Эцио напряженно думал. Мастер! Исходя из его опыта, всякий раз, когда тамплиеры упоминали этот титул, они подразумевали только одного человека - Родриго Борджиа! В попытке удвоить безопасность артефакта, они уже переупаковали его, но теперь Эцио точно знал, за кем следить.

Он спустился с крыши во внутренний двор и припер к стене охранника, сторожащего коробку. Офицер вышел к эскрту кардинала и теперь ждал на улице. Выждав мгновение, Эцио перерезал глотку солдату, оттащил тело в сторону, чтобы его не заметили, и надел униформу, плащ и шлем.

Он собирался поднять шкатулку, когда понял, что не справится с соблазном заглянуть внутрь, и открыл крышку. Но в этот момент во внутренний двор снова вошел офицер.

- Выдвигаемся!

- Да-с сир! - отозвался Эцио.

- И поживее. Это самое важное, что ты делал в своей жизни. Понял меня?

- Да-с сир.

Эцио занял место в центре конвоя и пошел вперед.

Они прошли через весь город на север, от набережной Моло до площади у базилики Санти-Джованни-и-Паоло, где совсем недавно мессер Верроккьо установил конную статую кондотьера Коллеоне. Оттуда они направились по бульвару Нищих, пока не пришли к ничем не выделяющемуся среди других дому, балкон которого выходил на канал. Офицер постучал в дверь эфесом меча, и та незамедлительно открылась. Конвой пропустил Эцио вперед, вошел следом, дверь захлопнули и заперли на тяжелые засовы.

Они стояли перед увитой плющом лоджией, в которой сидел клювоносый мужчина лет пятидесяти, одетый в бархатную мантию бледно-пурпурного цвета. Солдаты отдали честь. Эцио последовал их примеру, стараясь не сталкиваться с ледяными синими глазами, которые он слишком хорошо знал. Испанец!

Родриго Борджиа обратился к офицеру.

- Оно, правда, здесь? За вами не следили?

- Нет, Ваша Светлость. Все прошло замечательно...

- Точнее!

Офицер откашлялся.

- Мы в точности следовали вашим приказам. Задание на Кипре оказалось сложнее, чем мы предполагали. В самом начале мы столкнулись с некоторыми... трудностями. Адепты, верные нашему Делу... были устранены в интересах успешного исхода операции. Но мы привезли артефакт. И доставили его к Вам со всеми предосторожностями, как Вы и велели, Ваша Светлость. И в соответствии с нашим соглашением, Ваша Светлость, мы с нетерпением ожидаем щедрого вознаграждения.

Эцио знал, что не может позволить, чтобы шкатулка со всем ее содержимым попала в руки кардинала. В тот момент, когда поднялся неприятный, но необходимый вопрос оплаты за оказанные услуги (как обычно, исполнитель подталкивал клиента заплатить за дополнительную работу должную цену), Эцио воспользовался подвернувшейся возможностью. Как и большинство богачей, кардинал терпеть не мог расставаться с деньгами. Щелкнул отравленный клинок на правом запястье, на левом - двойной кинжал, и Эцио одиночным ударом в незащищенную шею отравил офицера. Потом быстро развернулся к пятерым солдатам из конвоя и, неистово, словно дервиш, нанося быстрые, точные удары, расправился со всеми. Мгновение спустя мертвые солдаты лежали у его ног.

Родриго Борджиа, тяжело вздохнув, посмотрел на него.

- Эцио Аудиторе. Ну, ну. Давно не виделись, - Кардинал казался совершенно спокойным.

- Кардинал, - Эцио иронически поклонился.

- Отдай, - приказал Борджиа, указывая на шкатулку.

- Сперва скажи, где он?

- Кто?

- Твой Пророк! - Эцио оглянулся. - Не похоже, чтобы кто-то пришел! - Он на мгновение замолчал и более серьезно продолжил. - Сколько людей погибло ради этого? Ради содержимого этого ящика? И что? Никто не пришел!

Родриго тихо рассмеялся. Звук был похож на перестук костей.

- Ты говоришь, что не веришь в Пророка, - сказал он. - И все же ты здесь. Ты не видишь его? Он уже пришел! Я - Пророк!

Серые глаза Эцио расширились. Борджиа спятил! Но что это за необычное сумасшествие, из-за которого, казалось, сама жизнь потеряла смысл? Увы, отвлекшись, Эцио позволил застать себя врасплох. Испанец выхватил из складок мантии чиавону, легкий, но опасно выглядящий меч с головкой рукояти в виде кошачьей головы, и спрыгнул с лоджии, приставив тонкий меч к горлу Эцио.

- Отдай мне Яблоко, - прорычал он.

- Оно в шкатулке? Яблоко? Оно должно быть особенное... - проговорил Эцио, а в ушах у него звучал голос дяди, повторяющего снова и снова : «Частицы Эдема». - Попробуй отобрать!

Родриго отбил меч Эцио, рубанул по его рубашке, выступила кровь.

- Ты один, Эцио? Где же твои друзья-ассасины?

- Мне не нужна их помощь, чтобы разделаться с тобой!

Эцио, мастерски орудуя клинками, напал на Борджиа, парируя его удары защитной пластиной на левом запястье. И, хотя ему не удалось достать противника отравленным клинком, двойной кинжал продырявил бархатную мантию, и Эцио увидел выступившую кровь.

- Мелкий засранец, - прорычал от боли Родриго. - Похоже, мне нужна помощь, чтобы проучить тебя! Стража! Стража!

Во внутренний двор ворвалась дюжина одетых в доспехи стражников с крестом Борджиа на груди. Эцио вспомнил, что в рукояти кинжала в правом наруче есть замечательный яд. Он отпрыгнул назад на безопасное расстояние от хорошо вооруженных стражников, и тут один из них наклонился, поднял с земли шкатулку и передал ее Мастеру.

- Благодарю, храбрец.

Эцио, полностью собранный, боролся с невыносимым деланием попытаться вновь завладеть шкатулкой и ее содержимым. Убрав клинки, он взялся за перевязь с метательными ножами, и со смертельной точностью бросил их. Сперва в храбреца, а вторым броском - в шкатулку в руках Родриго.

Испанец наклонился чтобы поднять ее, когда - шшшш! - другой кинжал тяжело ударился о каменную колонну в паре дюймов от лица кардинала. Нож был брошен не Эцио. Эцио обернулся и увидел позади знакомую, бородатую фигуру. Постаревшую и, возможно, более бледную и грузную, но не менее ловкую.

- Дядя Марио! - воскликнул он. - Я знал, что именно тебя видел в порту!

- Не мог же я пропустить все веселье, - ответил Марио. - Не волнуйся, племянник. Ты не один.

На Эцио набросился один из стражников Борджиа, занес алебарду. Ударь он чуть раньше, и Эцио ждала бы беспробудная тьма, но, как по волшебству, в голову стражнику угодил арбалетный болт. Стражник выронил оружие и повалился вперед, на лице его застыло недоверие. Эцио оглянулся еще раз и увидел... Ла Вольпе!

- Что ты делаешь здесь, Ла Вольпе?

- Мы слышали, что тебе нужна помощь, - отозвался Ла Вольпе, быстро перезаряжая арбалет, потому что из здания повалили стражники. Весьма вовремя к Эцио подоспело подкрепление в лице Антонио и Бартоломео.

- Не дай Борджиа уйти с ящиком! - крикнул Антонио.

Бартоломео, орудуя двуручником Бьянкой, словно косой, пробился сквозь толпу стражников, которые пытались взять его числом. Постепенно исход битвы стал складываться удачно в сторону Ассасинов и их союзников.

- Мы с ними справимся, племянник, - поделился Марио. - Иди за Испанцем!

Эцио развернулся и увидел Родриго, выбегающего через дверь лоджии, и поспешил ему наперерез, но кардинал, с обнаженным мечом в руке, был готов к его нападению.

- Тебе не победить в этой битве, сынок, - прорычал он. - Тебе не изменить предначертанного! Ты умрешь от моей руки, как твой отец и братья. Смерть - то, что ожидает тех, кто пытается противостоять тамплиерам.

Тем не менее, голосу Родриго не доставало уверенности, и, обернувшись, Эцио увидел, как падает последний из стражников Борджиа. Он перехватил Родриго, пытавшегося сбежать, и занес собственный меч, чтобы нанести удар. «Это за моего отца!» - проговорил он. Но кардинал уклонился от меча, ударил в ответ. Эцио потерял равновесие, выронил драгоценную коробку, Родриго бросился к двери.

- Смотри, не ошибись, - злобно сказал он на прощание Эцио. - Мы еще сразимся когда-нибудь. И тогда я сделаю так, чтобы твоя смерть была медленной и мучительной.

И он ушел.

Эцио, у которого перехватило дыхание от удара, тяжело дышал, пытаясь встать. Женская рука помогла ему подняться. Он поднял взгляд и узнал женщину - Паола!

- Он сбежал, - проговорила она, улыбаясь. - Но это не важно. Мы нашли то, что искали.

- Нет! Ты слышала, что он сказал? Я должен догнать его и прикончить!

- Успокойся, - посоветовала, подходя ближе, другая женщина.

Это была Теодора. Оглядев всех собравшихся, Эцио узнал всех своих друзей - Марио, Ла Вольпе, Антонио, Бартоломео, Паолу и Теодору. Но среди них был еще кое-кто. Бледный темноволосый молодой человек с задумчивым (почти до комичности) лицом.

- Что вы все тут делаете? - спросил Эцио, чувствуя растущее напряжение.

- Возможно то же, что и ты, Эцио, - отозвался незнакомец. - Надеемся увидеть Пророка.

Эцио был одновременно зол и смущен.

- Нет! Я пришел, чтобы убить Испанца! Плевать я хотел на вашего Пророка, если он, конечно, существует. Он не пришел!

- Нет, - молодой человек помолчал, а потом продолжил, не сводя с Эцио пристального взгляда. - Но пришел ты.

- Что?

- Было предсказано пришествие Пророка. И тут неожиданно появляешься ты. Быть может, ты и есть тот, кого мы искали?

-Я не понимаю... Кто ты?

Молодой человек отвесил поклон.

- Мое имя Николло ди Бернардо Макиавелли. Я член Ордена ассасинов, хранитель древнего искусства защиты и развития человечества. Так же, как и ты, так же, как каждый из присутствующих.

Эцио остолбенел, переводя взгляд с одного на другого.

- Это правда, дядя Марио? - спросил он, наконец.

- Да, мой мальчик, - ответил Марио, шагнув к племяннику. - Все эти годы мы направляли и обучали тебя, чтобы ты вступил в наши ряды.

В голове Эцио роилась сотня вопросов. И он не знал, с какого начать.

- Ты расскажешь о моей семье? - попросил он. - О маме, о сестре...

Марио улыбнулся.

- Правильный вопрос. Они в порядке. Они переехали из монастыря ко мне домой, в Монтериджони. Боль потери никогда не оставит Марию, но она нашла утешение в благотворительности, которой занимается вместе с аббатисой. Что касается Клаудии... Еще задолго до того, как она сама поняла это, аббатиса знала, что жизнь монахини не подходит девушке с таким характером, и что есть иные пути служения Господу. Ее освободили от клятвы. Она вышла замуж за капитан-лейтенанта, и очень скоро, Эцио, подарит тебе племянника или племянницу.

- Это замечательная новость, дядя! Мне никогда не нравилась идея Клаудии стать монахиней. Но... Мне так о многом нужно тебя расспросить.

- Сейчас не время для вопросов, - вставил Макиавелли.

- Многое еще предстоит сделать перед тем, как мы сможем вновь увидеть любимых и порадоваться этому, - согласился Марио. - И может случиться так, что эта возможность нам не представится. Нам удалось отнять у Родриго шкатулку, но он не успокоится, пока не вернет её, поэтому мы должны защищать её... даже ценой наших жизней.

Эцио внимательно осмотрел ассасинов, окружавших его, и впервые заметил, что у каждого из них в основании безымянного пальца есть клеймо в виде кольца. Но времени на вопросы действительно не было. Марио обратился к соратникам: «Думаю, время пришло». Крайне серьезные, они кивнули в знак согласия, а Антонио достал карту и указал Эцио точку.

- Встречаемся здесь на закате, - торжественно приказал он.

- Пойдемте, - сказал остальным Марио.

Макиавелли взял шкатулку с ценным, загадочным содержимым, а ассасины по очереди в полном молчании вышли на улицу, и ушли, оставив Эцио в одиночестве.

Тем вечером Венеция казалась пугающе пустой, широкая площадь рядом с базиликой была молчалива и пуста, если не считать голубей, бывших ее постоянными обитателями. Колокольня поднималась над Эцио на головокружительную высоту, но он, не сомневаясь, начал карабкаться вверх. Встреча, на которую его позвали, должна была дать ответы на некоторые из его вопросов. И хотя в глубине души он боялся услышать некоторые из них, Эцио знал, что ничто не заставит его отказаться от выбранного пути.

Когда он почти добрался до вершины, он расслышал приглушенные голоса. Эцио подтянулся на каменной кладке на самом верху и влез в помещение для колоколов. Круг перед ним расступился, и ассасины, все в накинутых капюшонах, пропустили его в центр, где горела небольшая жаровня.

Паола взяла его за руку и подвела ближе к центру, где Марио уже начал читать магическую формулу:

- *Laa shay'a waqi'un moutlaq bale koulon moumkine*. Эти слова, сказанные нашими предками, лежат в основе нашей веры.

Макиавелли шагнул вперед и, смерив Эцио тяжелым взглядом, произнес:

- Когда другие слепо следуют за истиной, помни...

И Эцио осознал, что ему известны нужные слова, как если бы он знал их всю жизнь.

- ...Ничто не истинно.

- Когда другие ограничены моралью или законом, - продолжил Макиавелли, - помни...

- ...Все дозволено.

- Мы работаем во тьме, - сказал Макиавелли, - но служим свету. Мы - ассасины.

И другие присоединились к нему, вторя в унисон: «Ничто не истинно, все дозволено.

Ничто не истинно, все дозволено. Ничто не истинно, все дозволено».

Когда они закончили, Марио взял Эцио за левую руку.

- Время пришло, - сообщил он. - В наш просвещенный век мы не столь прямолинейны, как наши предки. Мы не требуем жертвовать пальцем. Но наша печать столь же вечна. - Он вздохнул. - Ты готов присоединиться к нам?

Эцио, словно во сне, но, прекрасно осозная, что надо делать, и что должно произойти, не сомневаясь, протянул руку.

- Да, - проговорил он.

Антонио подошел к жаровне и извлек из нее раскаленное тавро для клеймения, выглядевшее как две половинки кольца, которые соединялись с помощью рычага на ручке. Потом он взял Эцио за безымянный палец.

- Эта боль скоро пройдет, брат, - сказал он. - Как и многое другое в этой жизни.

Он вставил палец между половинок тавра и соединил их. Оно прожгло плоть, запахло паленым, но Эцио не дрогнул. Антонио быстро разжал тавро и отложил его в сторону. Ассасины скинули капюшоны и окружили его. Дядя Марио с гордостью похлопал племянника по спине. Теодора вытащила маленький стеклянный флакон с прозрачной густой жидкостью, которой она осторожно смазала ожог на пальце Эцио.

- Это успокоит боль, - произнесла она. - Мы гордимся тобой.

Макиавелли подошел к Эцио и многозначительно кивнул.

- Добро пожаловать в наши ряды, Эцио. Теперь ты один из нас. Остается завершить церемонию посвящения, а потом... потом, друг мой, мы займемся неотложными делами!

С этими словами Макиавелли посмотрел с края колокольни. Далеко внизу вокруг колокольни на небольшом расстоянии друг от друга лежали стога сена - корм для лошадей из конюшен Дворца Дожей. Немыслимо, чтобы кто-то, спрыгнув с такой высоты, мог бы приземлиться точно в одну из этих крошечных целей, подумал Эцио. Но Макиавелли уже прыгнул, плащ взвился за его спиной. Ассасины последовали его примеру, и Эцио, со смесью ужаса и восхищения, наблюдал, как каждый из них приземляется с безупречной точностью, а потом присоединяется к остальным. Они обнадеживающе (Эцио надеялся, что именно так) смотрели наверх.

Неоднократно прыгая с крыш, он, тем не менее, никогда прежде не сталкивался с подобной высотой. Стога сена выглядели размером с кусочки поленты, но Эцио понимал, что другого способа спуститься на землю нет, и что, чем больше он думает, тем сложнее будет это сделать. Он сделал два-три глубоких вдоха и бросился вперед и вниз, в ночь, вытянув руки, словно при прыжке в воду.

Ему показалось, что падение длилось не один час, ветер свистел в ушах, ерошил волосы и трепал одежду. А потом перед глазами появились стога сена. В последний миг он закрыл глаза...

...И рухнул прямо в стог! Дыхание перебило, но он, шатаясь, поднялся на ноги и обнаружил, что ничего не сломано, и этот факт его очень воодушевил.

Марио и Теодора подошли к нему.

- Я же говорил, что он справится, - сказал Марио Теодоре.

Позже этим же вечером Марио, Макиавелли и Эцио сидели за большим столом в мастерской Леонардо. Перед ними лежал странный артефакт, ради получения которого

Родриго Борджиа затратил так много сил. Все трое рассматривали предмет с любопытством и страхом.

- Это невероятно, - проговорил Леонардо. - Просто потрясающе.

- Что это, Леонардо? - поинтересовался Эцио. - И для чего эта штука?

- Честно говоря, - отозвался Леонардо, - я в замешательстве. Оно скрывает темные секреты, а устройство не похоже ни на что, виденное на земле, - я никогда не встречал ничего подобного. И я не знаю, что это, так же, как не знаю, почему земля вращается вокруг солнца.

- Ты хотел сказать «солнце вокруг земли»? - Поправил Марио, подозрительно взглянув на Леонардо.

Леонардо, изучая устройство, осторожно покрутил его в руках. В ответ шар засветился призрачным светом, исходящим откуда-то изнутри.

- Материал, из которого он сделан, по логике, не должен существовать, - удивленно продолжил Леонардо. - И, совершенно точно, это очень древний артефакт.

- Оно упоминается на страницах Кодекса, что есть у нас, - вставил Марио. - Я узнал его по описанию. Кодекс называет это «Частицей Эдема».

- Родриго называл его «Яблоком», - добавил Эцио.

Леонардо резко поднял взгляд и посмотрел на него.

- Как яблоко с Древа Познания? То, что Ева дала Адаму?

Все снова воззрились на предмет. Свечение становилось ярче, его мерцание гипнотизировало. Эцио ощутил непреодолимое желание и, по неясной ему самому причине, протянул руку и прикоснулся к шару. Он не почувствовал жара, исходящего от артефакта. Но вместе с желанием пришло ощущение опасности, что стоит ему только коснуться «Яблока», как в него ударит молния. Эцио не знал, что происходит с другими. Казалось, весь мир вокруг него стал темным и холодным, и в нем не осталось ничего, кроме самого Эцио и этой... штуки.

Ладонь свою он больше не контролировал - просто смотрел, как она движется вперед и уверенно ложится на гладкий артефакт.

Первое, что он испытал, был шок. Яблоко выглядело металлическим, но на ощупь оказалось теплым и нежным, как женская кожа, словно шар был живым! Но времени задуматься над этим фактом не осталось, ладонь отбросило. А в следующий миг свечение, идущее изнутри артефакта, стало еще ярче и внезапно взорвалось, ослепив, калейдоскопом света и ярких красок. В кружащемся водовороте огней Эцио различил некие фигуры. На мгновение ему удалось оторвать от них взгляд и посмотреть на товарищей. Марио и Макиавелли, зажмурившись, отвернулись, то ли от страха, то ли от боли схватившись за головы руками. Леонардо же стоял, застыв в благоговейном трепете, с широко раскрытыми глазами и приоткрытым ртом. Отвернувшись от друзей, Эцио увидел, как фигуры сливаются в единое целое. Там был огромный сад, населенный ужасными созданиями; темный город в огне; громадное облако в виде шляпки гриба, по размеру куда больше, чем кафедральные соборы или дворцы, виденные Эцио; марширующая армия, такая, какой Эцио никогда не видел, и даже не мог вообразить, что подобная армия может существовать; голодные люди в одинаковой форме, которых солдаты с помощью кнутов и собак загоняли в кирпичные здания; высокие трубы, извергающие дым; звезды и планеты, движущиеся по спирали; люди в странных доспехах, кружащиеся в черноте космоса. Там были даже другой Эцио, другой Леонардо, Марио, Макиавелли, многочисленные копии самих себя, из разных времен, беспомощно кувыркающиеся в воздухе - игрушки мощного ветра, который, казалось, гудел вокруг них в комнате.

- Останови это! - Крикнул кто-то.

Эцио стиснул зубы и, сам не понимая почему, стиснул левой рукой правое запястье, а потом силой заставил правую ладонь снова коснуться артефакта.

Внезапно все прекратилось. Комната обрела привычный облик и пропорции. Мужчины переглянулись. Все вроде бы были в порядке. Очки Леонардо все еще висели у него на носу. Яблоко неподвижно лежало на столе и выглядело как обычный шар.

Первым заговорил Леонардо.

- Оно никогда не должно попасть в чужие руки. Слабых духом оно сведет с ума.

- Согласен, - кивнул Макиавелли. - Я с трудом вынес все это. Оно обладает невероятной силой.

Надев перчатки, он осторожно взял Яблоко и убрал его обратно в шкатулку, для надежности захлопнув крышку.

- Думаете, Испанец знал, что делает эта штука? Он смог бы ее контролировать?

- Он не должен ее получить, - непререкаемым тоном ответил Макиавелли и протянул шкатулку Эцио. - Позаботься о нем и защищай всеми возможными способами.

Эцио аккуратно принял шкатулку и кивнул.

- Отвезем ее в Форли, - предложил Марио. – Это неприступная крепость с пушками, и ею правит наш друг.

- Кто? - поинтересовался Эцио.

- Ее имя Катерина Сфорца.

Эцио улыбнулся.

- Я помню... мы старые знакомые, и я буду счастлив возобновить наше знакомство.

- Тогда подготовимся к поездке.

- Я отправлюсь с тобой, - решил Макиавелли.

- Буду рад твоей компании, - с улыбкой согласился Эцио и повернулся к Леонардо. - А ты, друг мой?

- Я? Как только закончу работу, вернусь в Милан. Герцог хорошо ко мне относится.

- Ты должен заехать и в Монтериджони, когда в следующий раз окажешься во Флоренции, - попросил Марио.

Эцио посмотрел на лучшего друга.

- До свидания, Леонардо. Надеюсь, однажды наши пути снова пересекутся.

- Я уверен, так и будет, - отозвался Леонардо. - Если я понадобится тебе, Аньоло во Флоренции всегда знает, где меня найти.

Эцио крепко обнял его.

- Прощай.

- Прощальный подарок, - улыбнулся Леонардо, протягивая ему сверток. - Пули и порох для твоего маленького пистолета и большой флакон отличного яда для клинка. Конечно, я надеюсь, они тебе не пригодятся, но я хочу быть уверен, что ты защищен так хорошо, как только возможно.

Эцио с волнением посмотрел на друга.

- Спасибо. Спасибо за все, старый друг.

После долгого скучного путешествия на галере из Венеции, Эцио и Макиавелли наконец-то прибыли в заболоченный порт близ Равенны, где встретились с Катериной и ее свитой.

- Курьер доставил сообщение о вашем прибытии, поэтому я решила лично приехать в порт и проводить вас в Форли, - сказала она. - Думаю, вы поступили мудро, решив добираться до нас на галере Дожа Агостино, потому что дороги нынче небезопасны, на них часто встречаются разбойники. Хотя, скорее всего, - добавила она, оценивающе посмотрев на Эцио, - встреча с ними не доставила бы вам особых хлопот.

- Для меня честь, что вы помните меня, синьора.

- Конечно, это было давно, но ты смог произвести на меня впечатление. - Она повернулась к Макиавелли. - Приятно снова видеть тебя, Никколо.

- Вы знакомы? - удивился Эцио.

- Никколо дает мне советы... по управлению городом, - ответила она и сменила тему. - Я слышала, ты официально стал ассасином. Поздравляю.

Катерину ждала карета, но она сказала слугам, что предпочтет проехаться верхом, тем более, что стояла замечательная погода, и расстояние было небольшим. После того как лошадей оседлали, Катерина предложила Эцио ехать рядом.

- Ты полюбишь Форли. И там вы будете в безопасности. Пушки в нашей цитадели исправно служат уже сотню лет, и Форли по-прежнему неприступен.

- Простите, синьора, я могу кое о чем спросить вас?..

- Конечно.

- Я никогда раньше не слышал, чтобы женщина правила городом. Я поражен.

Катерина улыбнулась.

- Раньше им правил мой муж. Помнишь его? Хоть немного? Джироламо, - она немного помолчала. - Он умер.

- Примите мои соболезнования.

- Не стоит, - отмахнулась она. - Это я заказала его убийство.

Эцио постарался скрыть изумление.

- Как сейчас помню, - подал голос Макиавелли. - Мы узнали, что Джироламо служил тамплиерам. Он составлял карту, на которой отмечал местонахождение страниц Кодекса...

- Я никогда не любила этого сукиного сына, - откровенно поделилась Катерина. - Он был скверным отцом, плохим любовником, и вообще оказался занозой в заднице. - Она задумалась на мгновение. - С тех пор у меня было еще несколько мужей - если тебе конечно интересно.

Их разговор прервало появление лошади без всадника, несущейся галопом навстречу. Катерина приказала одному из всадников поймать лошадь, остальные двинулись к Форли, обнажив мечи. Вскоре они увидели перевернутую повозку, колеса которой все еще крутились. Вокруг повозки лежали трупы.

Катерина нахмурилась. Она прищипорила лошадь, следом рванули Макиавелли и Эцио.

Чуть дальше по дороге отряд столкнулся с группой перепуганных крестьян, бегущих в их сторону. Некоторые из селян были ранены.

- Что случилось? - Обратилась Катерина к женщине во главе группы.

- Ваша светлость, - не скрывая слез, проговорила женщина. - Они появились, как только вы уехали. Они готовятся к осаде крепости!

- Кто?

- Братья Орси, госпожа!

- Вашу мать!

- Кто такие Орси? - спросил Эцио.

- Ублюдки, которых я наняла, чтобы убить Джироламо, - Катерина раздраженно сплюнула.

- Орси служат тем, кто больше заплатит, - заметил Макиавелли. - Они не очень умны, но, к несчастью, имеют определенную репутацию. - Он задумался. - За всем этим стоит Испанец.

- Но как он узнал, куда мы повезем Яблоко?

- Им нужно не Яблоко, Эцио. Им нужна карта Риарио. Она все еще в Форли. Родриго хочет знать, где спрятаны оставшиеся страницы Кодекса. Мы не должны позволить ему заполнить карту!

- Забудь о карте, - отрезала Катерина. - В городе мои дети. Орси, дьявольские отродья!

Они пустили лошадей в галоп и скакали, пока, наконец, не появился город. Из-за стен поднимались столбы дыма, а ворота были крепко заперты. На бастионах под знаменем Орси (на котором были изображены медведь и кустарник) стояли солдаты. Но за стенами города, над крепостью на холме, все еще развевалось знамя Сфорца.

- Такое чувство, что им удалось захватить только Форли, но не крепость, - проговорил Макиавелли.

- Хитроумные ублюдки! - зло отозвалась Катерина.

- Есть способ попасть в город так, чтобы меня не заметили? - спросил Эцио, подтягивая ремни наручей на запястьях, где скрывалось оружие из Кодекса и убирая в сумку пружинный клинок и пистолет.

- Да, дорогой, - ответила Катерина. - Но это будет сложно. Под западной стеной есть старый тоннель.

- Я попробую, - кивнул Эцио. - Будьте наготове. Когда я изнутри открою ворота, скачите во весь опор. Если нам удастся добраться до крепости, и ваши люди увидят знамя Сфорца и впустят нас внутрь, у нас будет достаточно времени, чтобы продумать следующий шаг.

- Я повешу этих кретин на первом же дереве и буду смотреть, как они болтаются на ветру, - прорычала Катерина. - Иди, Эцио. И удачи тебе! Думаю, я придумаю что-нибудь, чтобы отвлечь внимание солдат Орси.

Эцио спешился и, пригибаясь, побежал к западной стене, стараясь держаться за холмики и кустарники.

Катерина, встав на стременах, изо всех сил закричала.

- Эй вы! Я обращаюсь к вам, трусливые шавки! Вы вторглись в мой город! В мой дом! И вы думаете, я буду просто смотреть на это? Скоро я буду внутри и оторву вам яйца, если они, конечно, у вас имеются!

На бастионе появились еще солдаты, привлеченные словами Катерины. Ее речь частично позабавила их, частично напугала. Катерина продолжала:

- Да что вы за люди? Служите горстке изменников! Вы поймете, что совершили ошибку, когда я доберусь до вас, оторву ваши головы, помочусь на них и засуну их себе между ног! Я проткну ваши яйца вилкой и поджарю на огне! Как вам такая мысль?

На западной стене не осталось солдат, и Эцио увидел, что река не охраняется. Он продолжил путь вплавь и вскоре обнаружил заросший тоннель. Эцио выбрался из воды и вошел в его черные глубины.

Внутри оказалось сухо, и сам тоннель был в хорошем состоянии. Эцио терпеливо шел вперед, пока, наконец, не различил свет впереди. Эцио осторожно приблизился к выходу и различил голос Катерины, доносившийся с обратной стороны стены. Тоннель упирался в короткий лестничный пролет, и каменные ступени уводили в заднюю комнату на первом этаже одной из западных башен Форли. В ней оказалось пусто, речь Катерины собрала множество зрителей. Через окно он увидел стоявших к нему спиной солдат Орси. Они внимательно слушали выступление Катерины и даже временами аплодировали.

-... будь я мужчиной, я бы стерла с ваших лиц эти ухмылки! Думаете, я не опасна, потому что у меня есть сиськи?.. - В голову ей пришла какая-то мысль. - Держу пари, вы хотели бы на них посмотреть? Я могу даже дать вам потрогать их, полизать, потискать! Ну, так спуститесь и покажите, что вы мужчины! Я так врежу вам по яйцам, что они через ноздри вылетят! Свора грязных псов! Собирайте вещички и валите отсюда, пока можете, если

конечно не хотите чтобы я посадила вас на колья прямо на крепостных стенах! А! Может быть, вы поэтому и не уходите? Может вам нравится, когда из вашей задницы торчит дубовый кол? Вы внушаете мне отвращение. Где они вас откопали? В жизни не видела такой толпы жалких трусливых оборванцев! Жалкое зрелище! Когда я прикажу вас оскопить, хуже не станет - вы все равно не мужчины!

Эцио уже бежал вдоль по улице. Он видел, что ворота, перед которыми стояли Катерина и Макиавелли, были закрыты. Над аркой рядом с тяжелым рычагом, отпирившим ворота, стоял лучник. Стараясь двигаться как можно быстрее и незаметнее, Эцио взобрался наверх и перерезал охраннику горло. Потом всем телом навалился на рычаг, и ворота с сильным скрипом отворились.

Макиавелли внимательно наблюдал за происходящим, и как только ворота открылись, он наклонился к Катерине и что-то ей сказал. Катерина прищипорила коня и рванула с места в бешеный галоп, следом кинулись Макиавелли и остальная охрана. Едва солдаты Орси увидели, что происходит, как попытались перехватить их, но Сфорца оказались быстрее. Эцио поднял лук мертвого стражника и подстрелил трех солдат Орси. Потом быстро влез по ближайшей стене и побежал по крышам домов, стараясь не выпускать из виду Катерину и ее отряд, скачущих по узким городским улочкам к цитадели.

Чем дальше они продвигались, тем большие разрушения представляли перед ними. Было ясно, что борьба за Форли еще продолжалась. Отряды солдат под знаменами Сфорца, на которых изображались синие змеи и черные орлы, яростно сражались с наемниками Орси. Обычные горожане либо попрятались по домам, либо метались по городу в страхе. Рыночные прилавки были перевернуты, цыплята разбежались повсюду. Прямо в грязи сидел маленький ребенок и, плача, звал мать, которая выбежала откуда-то и, подхватив его, спряталась в безопасном месте. Отовсюду доносился шум битвы. Эцио, перепрыгивая с крыши на крышу, прекрасно видел, что происходит внизу, и со смертельной точностью посылал стрелы в людей Орси, когда те слишком близко приближались к Макиавелли и Катерине.

Наконец, они добрались до широкой площади прямо перед цитаделью. Площадь была пуста, так же как и улицы, выходившие на нее. Эцио спустился вниз и присоединился к отряду Катерины. На крепостных стенах цитадели никого не было, а тяжелые ворота были заперты. Выглядели они, как и сказала Катерина, неприступно.

Она подняла взгляд и крикнула:

- Открывайте, проклятые идиоты! Это я! Герцогиня! Шевелите задницами!

На стене появились люди, в том числе капитан, сообщивший: «Будет сделано, Ваша светлость!». Он отдал приказ трем солдатам, которые немедленно кинулись открывать ворота. Внезапно - кровь застыла в жилах! - с боковых улиц на площадь хлынули наемники Орси, отрезая пути к отступлению и загоняя отряд Катерины между ними и крепостной стеной.

- Это засада! - вскричал Макиавелли и вместе с Эцио и еще пятерыми солдатами встал между Катериной и атакующими, чтобы защитить герцогиню.

- Открывайте ворота! Открывайте! - заорала Катерина.

Наконец-то тяжелые ворота отворились, и оттуда на помощь ринулись солдаты Сфорца, яростно набросившись врукопашную на людей Орси, а потом, прикрывая герцогиню и остальных, отступили назад. Ворота за их спинами с лязгом захлопнулись. Эцио и Макиавелли поспешно спешили, и бок о бок прислонились к стене, тяжело дыша. С трудом верилось, что им удалось прорваться. Катерина спрыгнула с лошади, но не затем, чтобы перевести дух. Она бросилась к входу во внутренний двор, откуда испуганно выглядывали два мальчика и кормилица, державшая на руках младенца.

Дети побежали к ней навстречу, и она обняла их, называя по именам.

- Чезаре, Джованни, все хорошо, не бойтесь. - Она погладила младенца по головке, проворковав. - Здравствуй, Галлеаццо. - Потом оглянулась на кормилицу. - Нецетта! А где же Бьянка и Оттавиано?

- Простите, моя госпожа. Когда началась атака, они играли во дворе, а потом мы не смогли их найти.

Испуганная Катерина хотела уже что-то ответить на это, когда снаружи крепости раздался громкий шум. К Эцио и Макиавелли подлетел капитан.

- К ним пришло подкрепление с гор, - отрапортовал он. - Не знаю, сколько мы еще продержимся. - Он повернулся к лейтенанту. - Все на стены! Людей к пушкам!

Лейтенант кинулся отдавать приказы орудийному расчету, но тем пришлось отступить с занятых позиций во внутренний двор из-за града стрел, выпущенных лучниками Орси. Катерина подтолкнула детей в безопасное место и крикнула Эцио:

- Следите за пушками! Они - наша последняя надежда! Не дайте этим ублюдкам разрушить цитадель!

- Пойдем, - позвал Макиавелли, и Эцио пошел за ним на стены, где размещались пушки.

Несколько заряжающих были мертвы, в том числе капитан и лейтенант. Другие оказались ранены. Выжившие из всех сил старались подготовить и навести на цель - солдат Орси на площади внизу - тяжелые пушки. К нападавшим подоспело подкрепление, и Эцио увидел, как они тащат по улицам осадные машины и катапульты. Тем временем, атакующие на площади поднимали таран. Если он, Эцио, и Макиавелли что-нибудь быстро не придумают, у них не останется и шанса, чтобы спасти цитадель. Но выдержать новую атаку можно было лишь одним способом - открыть огонь из пушек прямо по Форли... и ранить, а то и убить ни в чем не виновных горожан. Оставив Макиавелли руководить стрелками, Эцио побежал вниз, во двор, в поисках Катерины.

- Они штурмуют город. Чтобы загнать их в тупик придется открыть огонь по городу.

Катерина решительно посмотрела на него.

- Делайте то, что должны.

Эцио обернулся на стены, где стоял, ожидая сигнала, Макиавелли. Ассасин поднял руку и решительно махнул.

Загрохотали пушки, Эцио буквально взлетел на бастион, где они размещались. Позволив стрелкам самим выбирать цель, он увидел, как сперва одна, а потом и вторая осадные машины разлетелись на куски. Та же участь постигла катапульты. Когда пушки ударили по людям Орси, у тех уже не оставалось ни времени, ни места для маневрирования, чтобы отступить на узкие улочки города. Лучники и арбалетчики Сфорца меткими выстрелами добивали оставшихся в живых захватчиков. Постепенно войска Орси были вытеснены за пределы города, в чем немало помогли оставшиеся в живых (за пределами крепости) солдаты Сфорца. Но за победу пришлось дорого заплатить. Несколько зданий превратились в пылающие руины. К тому же некоторые горожане пострадали от стрел лучников, следовавших приказу Катерины добиться победы любой ценой. Макиавелли не замедлил напомнить Эцио, что хотя удалось выдворить противника из города, осада еще не была снята. Форли по-прежнему оставался окружен батальонами Орси. Город был отрезан от поставок свежей воды и еды. К тому же двое старших детей Катерины по-прежнему были где-то там, в опасности.

Немного погодя Катерина, Макиавелли и Эцио стояли на бастионе и смотрели, как противник разбивает лагерь у города. Жители города пытались навести в Форли хоть какой-то порядок, но все знали, что запасы еды и воды не бесконечны. Катерина выглядела изнуренной, боясь, что её пропавшие дети - старшая, Бьянка, девяти лет, и Оттавиано, на год младше сестры, - уже мертвы.

Самых Орси еще не было видно, когда в толпе вражеской армии появился герольд и продудел в трубу. Солдаты расступились, словно библейское море перед Моисеем, давая проехать двум всадникам на гнедых конях. Оба были одеты в стальные кольчуги. Сопровождали их пажи, несущие знамена, на которых изображались медведь и кустарник. Всадники остановились на расстоянии полета стрелы.

Потом один из всадников привстал в стременах и крикнул:

- Катерина! Катерина Сфорца! Думаю, ты все еще просиживаешь задницу в своем маленьком городишке. Катерина, ответь мне!

Катерина с озверевшим лицом склонилась с крепостной стены.

- Чего тебе надо?

Всадник широко улыбнулся.

- Ничего. Просто я слышал, что ты потеряла парочку ... детей!

Эцио встал рядом с Катериной. Говоривший удивленно посмотрел на него.

- Так, так, - произнес он. - Эцио Аудиторе, если не ошибаюсь? Приятно познакомиться. Мы много слышали о тебе.

- Значит это вы братья Орси? - спросил в ответ Эцио.

Второй всадник, доселе молчавший, поднял руку.

- Они самые. Лодовико...

- И Чекко, - добавил первый. - К вашим услугам! - и он сухо рассмеялся.

- Довольно! - оборвала Катерина. - Хватит! Где мои дети? Отпустите их!

Лодовико, сидя в седле, отвесил издевательский поклон.

- Конечно, синьора. Мы будем рады отдам их вам. В обмен на кое-что, что у вас есть. Кое-что, что в какой-то мере принадлежало вашему покойному мужу. То, над чем он работал по поручению... наших общих знакомых. - В голосе его внезапно появились стальные нотки. - Я говорю о некой карте!

- И о некоем Яблоке, - добавил Чекко. - Разумеется, мы знаем о нем. Или вы думали, что мы настолько глупы? Думали, что у нашего нанимателя нет шпионов?

- Да, - кивнул Лодовико. - Яблоко нам тоже нужно. Или мне стоит перерезать их маленькие глотки от уха до уха и отправить на свидание с папочкой?

Катерина слушала. На лице ее застыла непроницаемая маска. Когда Орси замолчали, ожидая ответа, она не стала молчать.

- Ублюдки! Думаете запугать меня? Мрази! Вы ничего не получите! Вам нужны мои дети? Забирайте! Мне есть, чем делать новых! - И она задрала юбку.

- Мне не интересны твои банальности, Катерина, - отозвался Чекко. - И уж тем более не интересны твои «прелести». Если передумаешь, знай, у тебя есть час. Твои выродки пока что будут в целостности и сохранности в трущобах вниз по дороге. И помни - мы убьем их, а потом вернемся, сравняем твой городишко с землей и заберем все, что нужно, силой. Так что пользуйся нашим великодушием, это убережет всех нас от лишних хлопот.

Братья уехали. Катерина обессилено сползла по неровной стене, судорожно дыша и явно находясь в шоке от того, что она наговорила и сделала. Эцио подошел к ней.

- Ты не должна жертвовать детьми, Катерина. Ничто не стоит их жизней.

- Даже спасение мира? - Она посмотрела на Эцио, губы ее дрожали, а бледно-голубые глаза были широко расширены.

- Мы не можем уподобляться им, - просто ответил Эцио. - Есть компромиссы, на которые мы не должны идти.

- Ах, Эцио! Это я и ожидала услышать от тебя! - Она обняла его за шею. - Мы не будем жертвовать ими, дорогой. - Катерина отступила. - Но ты должен вернуть их.

- Доверься мне, - кивнул Эцио и повернулся к Макиавелли. - Надеюсь, я не задержусь. Но если что-то случится, я уверен - ты будешь защищать Яблоко ценой собственной жизни. Катерина?

- Да?

- Ты знаешь, где Джироламо спрятал карту?

- Я найду ее.

- Найди, и постарайся защитить.

- А как на счет Орси? - поинтересовался Макиавелли.

- Я впишу их в свой список, - ответил Эцио. - Они принадлежат ордену, убившему моих родных и уничтожившему мою семью. Теперь я понимаю, что есть более важная причина, чтобы служить нашему общему делу, чем просто месть.

Двое мужчин, смотря глаза в глаза, пожали друг другу руки.

- Удачи, друг мой, - голос Макиавелли звучал решительно.

- И тебе тоже.

Найти деревню, которую неосторожно упомянул в своей речи Чекко (даже если учесть, что его описание деревушки, как трущоб, было весьма грубоватым), оказалось несложно. Она была небольшой, бедной, как и большинство деревень в Романьи. По ее виду можно было понять, что совсем недавно она была затоплена. Но в целом деревня оказалась довольно опрятной и чистой, стены домов были грубовато побелены, а соломенные крыши выглядели новыми. И, хотя заболоченная дорога, разделявшая деревню из дюжины домов пополам, все еще не просохла после наводнения, всё в деревне наводило на мысль о том, что хозяйство содержат в порядке и с должным усердием. Единственное, что отличало деревню Санта-Сальваца от остальных мирных деревень, так это то, что она была усеяна людьми Орси, вооруженными до зубов. Неудивительно, что Чекко позволил себе упомянуть, где именно держат Бьянку и Оттавиано, подумал Эцио. Оставался всего один вопрос - где именно держат детей Катерины?

Эцио, вооруженный двойным клинком с защитной пластиной и пистолетом (а так же легким мечом, висевшем на поясе), был одет в простой шерстяной плащ, опускавшийся ниже колен, какие обычно носят крестьяне. Эцио опустил капюшон, чтобы его не узнали, и спешился, не доезжая до деревни. Потом, не сводя глаз с отрядов Орси, закинул на спину вязанку с хворостом, позаимствованную из ближайшего сарая. Ссутулившись под ее тяжестью, он направился к Санта-Сальваца.

Жители деревни старались заниматься повседневными делами, как обычно, не обращая внимания на присутствие солдат. Естественно, никто не был в восторге от наемников Орси. Местные жители почти мгновенно опознали в Эцио, незамеченного наемниками, чужака, но не выдали, поддержав его. Он прошел до последнего дома в деревне, который оказался значительно больше остальных, и остановился чуть поодаль. Расспросив старуху, несущую воду от реки, он выяснил, что именно в этом доме держат одного из детей. Эцио поблагодарил Бога, что солдаты были рассредоточены по всей деревне. Большая часть людей Орси принимала участие в осаде Форли. Но Эцио помнил, что времени на спасение детей остается все меньше.

Двери и окна дома были надежно заперты, но, обойдя его, Эцио увидел, что два крыла здания образуют внутренний дворик. Именно оттуда доносился молодой, строгий голос, отчитывающий кого-то. Он взобрался на крышу и заглянул во двор, где Бьянка, уменьшенная копия своей матери, отчитывала двух хмурых стражников Орси.

- И это все ваши люди? - царственно произнесла она, поднявшись в полный рост, и показывая не больше страха, чем ее мать. - Глупцы! Этого недостаточно! Моя мама страшна в гневе, и не позволит причинить мне вред. Женщины рода Сфорца все такие! Может мы и красивы, но внешность обманчива. Папа это узнал на собственной шкуре! - Она сделала глубокий вдох, охранники в замешательстве переглянулись. - Надеюсь, вы не подумали, что я испугалась вас, потому что в этом случае вы жестоко ошибаетесь. Если хоть волосок упадет с головы моего братика, мама поймает вас и сожрет на завтрак! Понятно?

- Заткнись, дурочка! - прорычал один из охранников. - Если не хочешь получить по уху!

- Вы не смеете мне угрожать! В любом случае, это смешно! Вам не избежать смерти, а я меньше чем через час буду дома, в безопасности. Тем более мне уже стало скучно. Вам что больше заняться нечем, пока я жду вашей смерти?

- Ну, все, меня это достало, - отозвался старший из охранников, собираясь схватить девочку.

Но в этот момент Эцио прямо с крыши выстрелил ему в грудь. Мужчина покачнулся, и прежде чем он упал, на его мундире растекся кровавый цветок. Эцио на мгновение отвлекся, подумав, что Леонардо, должно быть, улучшил порох. В суматохе, вызванной внезапной гибелью охранника, Эцио спрыгнул с крыши, ловко и грациозно, словно

пантера, приземлился, и закружился вокруг второго охранника, неуверенно выхватившего угрожающе выглядящий кинжал. Эцио безошибочно резанул по запястьям противника, повреждая сухожилия. Кинжал охранника упал на землю, прямо в грязь. Прежде чем противник успел собраться с силами и попытаться защитить себя, Эцио вонзил двойной кинжал под нижнюю челюсть врага. Лезвие легко прошло через рот и язык, и вошло в череп. Эцио спокойно вытащил клинок, тело камнем упало рядом.

- Их было всего двое? - спросил он у Бьянки, которая даже не дрогнула.

- Да! Спасибо тебе, кто бы ты ни был. Моя мама достойно вознаградит тебя. Но они забрали и моего брата, Оттавиано...

- А ты знаешь, где он? - поинтересовался Эцио, перезаряжая пистолет.

- Они забрали его на сторожевую башню, у разрушенного моста! Нам нужно спешить!

- Покажи мне дорогу, и держись поближе.

Вслед за девочкой он пошел по дороге, пока не добрался до башни. Они подошли вовремя, Лодовико тащил хныкающего мальчика за шиворот к башне. Эцио заметил, что мальчишка хромает, должно быть вывихнул лодыжку.

- Ты! - увидев Эцио, вскричал Лодовико. - Оставь девочку и вернись к своей госпоже. И скажи ей, что мы прикончим эту парочку, если она не выполнит наши условия!

- Я хочу к маме! - Чуть не заплакал Оттавиано. - Отпусти меня, убийца!

- Заткнись, выродок! - огрызнулся Лодовико. - Эцио, принеси Яблоко и карту, иначе мальчишка сдохнет!

- Мне надо в туалет! - Не останавливался Оттавиано.

- Ради Бога, заткнись уже!

- Отпусти его, - мрачно проговорил Эцио.

- Попробуй забрать его! Ты не настолько быстр, глупец! Стоит тебе только пошевелиться, и я пережужу его глотку, не успеешь и глазом моргнуть!

Лодовико, до сей поры державший мальчика обеими руками, освободил одну руку, чтобы выхватить меч. Оттавиано попытался вырваться, но Лодовико крепко ухватил его за запястье.

Теперь Лодовико не мог прикрываться Оттавиано как щитом, и Эцио воспользовался возможностью, выстрелив из пистолета.

Выражение ярости на лице Лодовико сменило недоверие. Пуля угодила ему в шею, перебив яремную вену. Выпучив глаза, он выпустил Оттавиано и упал на колени, пытаясь зажать рану, но кровь текла сквозь пальцы. Мальчик кинулся к сестре, которая радостно его обняла.

- Оттавиано! Все хорошо! - Приговаривала она, крепко прижимая брата к себе.

Эцио приблизился к Лодовико, оставаясь, впрочем, на безопасном расстоянии. Противник еще не упал на землю и продолжал сжимать меч. Кровь все быстрее сочилась на его камзол.

- Не знаю, что за дьявольское устройство ты использовал, чтобы расправиться со мной, Эцио, - выдавил Лодовико, задыхаясь. - Но я с прискорбием сообщаю тебе, что ты проиграл. Орси не такие дураки, какими вы нас считаете. Если здесь и есть дураки, так это вы - ты и Катерина!

- Это ты глупец, - холодно, с презрением в голосе, отозвался Эцио. - Умереть за мешок серебра. Думаешь, оно того стоило?

Лодовико поморщился.

- Стоило. Мы перехитрили тебя. Пока ты стоишь здесь, Мастер забирает свой приз! - Его лицо исказилось от боли. Кровь хлынула с новой силой. - Лучше прикончи меня, Эцио, если в тебе осталась хоть капля милосердия.

- Тогда умри с честью, Орси. Гордость тебе не поможет.

Эцио шагнул к нему и завершил начатое. Мгновение спустя все закончилось. Эцио склонился над ним и закрыл глаза.

- Покойся с миром, - пробормотал он.

Но время истекало. Он вернулся к детям, которые наблюдали за происходящим с широко открытыми глазами.

- Сможешь идти? - спросил он у Оттавиано?

- Постараюсь, но мне очень больно.

Эцио присел на корточки и осмотрел ногу. Лодыжка была не сломана, а просто вывихнута. Он помог Оттавиано забраться к нему на плечи.

- Мужайтесь, юный герцог, - сказал он мальчику. - Я доставлю вас домой в целости и сохранности.

- А можно я сначала схожу в туалет? Мне, правда, очень надо.

- Только быстро.

Эцио знал, что не сможет провести детей через деревню. Он не мог их замаскировать их роскошные одежды, да и пропажу Бьянки наверняка уже обнаружили.

Он заменил пистолет на ядовитый клинок, убрав оружие в сумку. Взяв Бьянку за руку, он направился к лесу, окружающему деревню с запада. Взойдя на небольшой холм, он обернулся на Санта-Сальваца и увидел, как солдаты Орси бегут по направлению к сторожевой башне, но никто из них даже не посмотрел в сторону леса. Благодаря небеса за передышку, он, после долгого пути, наконец-то привел детей туда, где оставил коня, усадил их в седло и вскочил позади них.

Потом он поскакал на север, к Форли. В городе было тихо. Слишком тихо. И куда подевались войска Орси? Сняли осаду? Такое казалось просто невозможным. Он пришпорил коня.

- Езжайте через южный мост, мессер, - посоветовала держащаяся за луку седла Бьянка. - Это самая короткая дорога к дому.

Оттавиано прижался к Эцио.

Стоило им подъехать к городу, как стало ясно, что южные ворота открыты. Оттуда выехал небольшой отряд солдат Сфорца в сопровождении Катерины и Макиавелли. Эцио сразу заметил, что его товарищ-ассасин ранен. Он поспешил к ним, спешился сам и передал детей в руки Катерины.

- Во имя Пресвятой Девы, что здесь произошло? - спросил он, переводя взгляд с Катерины на Макиавелли и обратно. - Что вы здесь делаете?

- Ох, Эцио, - проговорила Катерина. - Прости, мне так жаль!

- Что случилось?

- Это была уловка. Чтобы застать нас врасплох, - с отчаянием в голосе ответила Катерина.

- Они просто отвлекли наше внимание похищением детей!

Эцио снова посмотрел на Макиавелли.

- Но город спасен? - Уточнил он.

Макиавелли вздохнул.

- Да, город в безопасности. Больше он Орси не интересен.

- Что ты имеешь в виду?

- После того как мы отбили их атаку, мы отвлеклись - только на мгновение, чтобы перегруппироваться и перевязать раненых. Тогда Чекко напал снова. Они всё спланировали! Он взял город штурмом. Я дрался с ним лицом к лицу, но его солдаты окружили меня сзади и... я проиграл. Эцио, крепись... Чекко забрал Яблоко.

Эцио потрясенно застыл, потом медленно произнес.

- Что? Но этого просто не может быть, - он обвел их растерянным взглядом. - Куда он ушел?

- Как только он получил, что хотел, он отозвал своих людей, армия рассеялась. Мы не знаем, кто именно унес Яблоко. В любом случае мы слишком вымотаны битвой, чтобы преследовать их. Но сам Чекко повел своих людей в горы к северу от города...

- Значит, все пропало? - ошеломленно выдавил Эцио, понимая, что Лодовико был прав - они недооценили Орси.

- Хвала Господу, у нас все еще есть карта, - отозвалась Катерина. - У него не было времени искать ее.
 - Но что если теперь, когда у него есть Яблоко, ему больше не нужна карта?
 - Мы не дадим тамплиерам насладиться победой, - хмуро заметил Макиавелли. - Мы не должны позволить им победить! Надо ехать!
- Но от Эцио не скрылось, что лицо его друга посерело от потери крови.
- Нет, - остановил он его, - останься. Катерина! Позаботься о нем. Мне надо уехать. Время еще есть!

Эцио скакал весь день, отдохнув только однажды - когда менял лошадей при подъезде к Аппенинам, и уже там осознал, что поиски Чекко Орси могут затянуться. Но ему так же было известно, что если Чекко вернулся в резиденцию своей семьи, в Нубиларию, он, Эцио, должен попытаться перехватить его на длинной извилистой дороге, что вела отсюда на юг, к Риму. Не было никаких гарантий, что Чекко сразу не отправился к папскому престолу, но Эцио подумал, что с таким важным грузом как Яблоко, его противник сперва попытается найти надежное убежище, чтобы оттуда послать курьеров в Ватикан, узнать, вернулся ли туда Испанец, и только тогда связаться с ним.

Поэтому Эцио решил лично поехать в Нубиларию. Тайно проникнув в город, он выяснил все, что можно о местонахождении Чекко. Но и у самого Чекко повсюду были шпионы. Эцио узнал, что Чекко стало известно о том, что ассасин близко, и что он нанял фургон, собираясь сбежать и сорвать планы Эцио.

Чекко планировал уехать из города утром, и к этому времени Эцио был готов, бдительно следя за южными воротами Нубиларии. Вскоре, как он и ожидал, мимо прогрохотали два экипажа. Эцио вскочил на коня, намереваясь пуститься в погоню, но тут прямо перед ним на дорогу выехал третий, меньший фургон, управляемый приспешником Орси, и преградил ему путь. Конь Эцио встал на дыбы, сбросив всадника. Понимая, что теряет время, Эцио решил не продолжать погоню верхом, а, вскочив, взобрался на экипаж Орси, одним ударом вырубил кучера и спихнул его вниз. Он щелкнул хлыстом, погоняя лошадей, и бросился в погоню.

Довольно скоро впереди показались повозки противника, они заметили погоню и поехали быстрее. Они петляли по ненадежной горной дороге. Сопровождающий Чекко экипаж, в котором ехали солдаты, готовые стрелять по Эцио из арбалетов, слишком быстро вошел в поворот. Лошади сбились и помчались к следующему повороту, но упряжь порвалась, и экипаж отлетел к краю дороги, свалился на добрую сотню футов вниз, в долину. Облегченно выдохнув, Эцио поблагодарил судьбу за её доброту. Он поторопил собственных лошадей, беспокоясь только о том, как бы не загнать их до смерти. Но им приходилось тянуть за собой куда меньший вес, чем лошадям Чекко, поэтому дистанция между экипажами начала стремительно сокращаться.

Когда Эцио поравнялся с повозкой противника, кучер хлестнул его плетью, но Эцио перехватил ее и вырвал из рук врага. Потом, дождавшись подходящего момента, он бросил поводья и перескочил со своего экипажа на крышу повозки Чекко. Лошади, запаниковав из-за исчезновения Эцио, ускорили бег и выскочили на дорогу прямо перед экипажем Чекко.

- Иди к черту! - закричал кучер Чекко, поднимая тревогу. - Ради Бога, что ты творишь? Ты спятил?

Но без кнута ему было сложно управлять лошадьми, и не до того, чтобы ввязываться в бой с Эцио.

Из экипажа донесся голос Чекко.

- Не будь глупцом, Эцио! Почему ты просто не уберешься с моей дороги! - Наполовину высунувшись из окна экипажа, Чекко набросился на Эцио с мечом. Кучер отчаянно пытался взять лошадей под контроль. - Проваливай с моего экипажа!

Кучер намеренно принялся кидать экипаж из стороны в сторону в попытке сбросить Эцио, но тот крепко цеплялся за свою жизнь. Экипаж резко повернул, и они влетели в заброшенный мраморный карьер. Кучер окончательно потерял контроль над повозкой, экипаж перевернулся на бок. Кучер свалился на мраморные плиты, когда-то выпиленные каменщиками и брошенные ими из-за изъяна в камне. Лошади столкнулись, упали и в ужасе забили копытами землю. Эцио успел соскочить и припал к земле, выхватил меч, готовый драться с Чекко, который, задыхающийся, но целый и невредимый, выбрался наружу. Лицо его исказила ярость.

- Верни Яблоко, Чекко. Все кончено!

- Идиот! Все будет кончено, когда ты сдохнешь! - Чекко замахнулся мечом на противника, прямо на краю дороги завязался бой.

- Верни Яблоко, Чекко, и я позволю тебе уйти. Ты не имеешь представления о силе, которая хранится в Яблоке!

- Тебе она не достанется. А когда Мастер получит Яблоко, у него в руках окажется невообразимая мощь. И мы с Лодовико будем с ним, чтобы получить свою долю власти!

- Лодовико мертв! Ты, правда, думаешь, что твой Мастер позволит тебе жить спокойно, когда ты станешь ему не нужен? Ты знаешь слишком много!

- Ты убил моего брата? Тогда получи, за него!

Чекко бросился на Эцио.

Они сцепились, мечи выбивали искры, Чекко снова ударил Эцио, но тот отбил удар защитной пластиной. То, что хорошо выверенный удар не достиг цели, смутило Чекко, но он быстро пришел в себя и ударил Эцио по правой руке, глубоко порезав бицепс. Эцио выронил меч.

Издав крик триумфа, Чекко приставил острие меча к горлу Эцио.

- Не моли о пощаде, - сказал он, - потому что ты ее не дождешься.

Он занес руку, готовясь нанести смертельный удар. В этот миг щелкнул двойной клинок на левом запястье Эцио, и ассасин, молниеносно ударил, вонзив клинок в грудь Чекко.

Чекко замер и стоял очень долго, смотря, как капли крови стекают на пыльную дорогу. Он выронил меч и упал прямо на Эцио, схватившись за него. Они оказались лицом к лицу. Чекко улыбнулся.

- Тебе опять удалось забрать наше сокровище, - прошептал он, кровь хлынула у него из груди.

- Неужели это того стоило? - спросил Эцио. - Стоило стольких жизней!

Чекко сдавленно хихикнул, хотя, возможно, это был кашель. Кровь наполнила рот.

- Такая ценная вещь надолго у тебя не задержится, - он судорожно вдохнул. - Сегодня умру я, но тебя ждет та же участь завтра.

Лицо его застыло, глаза закатились, тело сползло на землю, прямо под ноги Эцио.

- Посмотрим, друг мой, - ответил Эцио. - Покойся с миром.

Он чувствовал себя неважно. Из раны на руке лилась кровь, но он заставил себя дойти до экипажа и успокоить лошадей, а потом перерезал упряжь. После этого он заглянул внутрь кареты, обыскал её и вскоре обнаружил коробку из тикового дерева. Открыв её, он убедился, что содержимое в целости, закрыл крышку и переложил коробку в здоровую руку. Он оглядел карьер, и увидел, что кучер лежит, не шевелясь. Проверять, мертв ли он, не было смысла - тело лежало под неестественным углом.

Лошади ушли недалеко, и Эцио подошел к ним, сомневаясь, достанет ли ему сил, чтобы вернуться верхом в Форли. Он надеялся, что за время его отсутствия там ничего не изменилось. Погоня за Чекко заняла больше времени, чем он рассчитывал, но кто сказал, что будет легко. В конце концов, Яблоко вернулось к ассасинам, а значит, время было потрачено не зря.

Он еще раз осмотрел лошадей и решил остановить выбор вороном коне. Он оперся на гриву, чтобы вскочить в седло, потому что стремян не было, и пошатнулся.

Он потерял больше крови, чем думал. Прежде чем ехать куда-то, нужно перевязать рану.

Он привязал коня к дереву и отрезал от рубашки Чекко лоскут. Потом оттащил тело в сторону. Если бы кто-то появился, то решил бы, что Эцио и кучер стали жертвами несчастного случая. Но было уже поздно, и путешественников в этот час ждать не стоило. Однако все эти действия окончательно исчерпали силы Эцио. «Имею же я право на отдых», - подумал он, и мысль эту показалась ему соблазнительной. Он присел в тени дерева, слушая, как мирно переступают с ноги на ногу пасущиеся лошади. Коробку он положил на землю рядом с собой и в последний раз настороженно оглянулся, изучая место, где ему предстояло задержаться. Веки его отяжелели, и он не заметил, как из-за дерева на холме, возвышающемся над дорогой позади него, за ним кто-то следит.

Когда Эцио проснулся, ночь уже вступила в свои права, но лунного света оказалось достаточно, чтобы увидеть безмолвную фигуру, приближающуюся к нему.

Правая рука наполнилась тупой болью, но когда он попытался подняться, то обнаружил, что не может пошевелиться. Кто-то притащил из карьера мраморную плиту и прижал ей руки ассасина. Он напрягся, пытаясь воспользоваться ногами, чтобы встать, но не смог. Эцио посмотрел туда, где оставил коробку с Яблоком.

Она исчезла.

Фигура, на которой была черная монашеская сутана и белая ряса монаха-доминиканца, заметила, что Эцио очнулся, повернулась к нему и понадежнее уложила плиту на руки ассасина. Эцио заметил, что на одной руке у монаха не хватало пальца.

- Подожди! - попросил он. - Кто ты? Что ты делаешь?

Монах не ответил. Эцио увидел, как тот снова поднимает коробку.

- Не открывай! Что ты делаешь, ты не...

Но монах уже открыл коробку, и свет, ярче, чем солнечный, затопил все вокруг.

Перед тем, как снова потерять сознание, Эцио показалось, что он услышал, как монах облегченно вздохнул.

Когда он проснулся снова, наступило утро. Лошади сбежали, но Эцио почувствовал, что силы к нему вернулись. Он посмотрел на мраморную плиту. Эцио чувствовал ее тяжесть, но она колебалась, когда он пытался пошевелить руками. Он огляделся. Недалеко от правой руки он заметил крепкую все еще зеленую ветку, которая, видимо, упала с дерева. Стиснув зубы, он дотянулся до нее и затащил под плиту. Правая рука разрывалась от боли, рана вновь открылась, стоило ему только засунуть один конец ветки под плиту и напрячься. Полузабытая строка детских лет всплыла у него в памяти: «Дайте мне точку опоры, и я переверну землю». Он напрягся изо всех сил. Плита начала было сдвигаться, но тут силы оставили Эцио, и плита упала назад. Он откинулся на спину, переводя дух, и попытался снова.

С третьей попытки, мысленно крича от боли и думая, что мышцы на раненной правой руке окончательно разорвутся, ему удалось толкнуть ветку достаточно далеко, словно от этого зависела его жизнь. Плита перевернулась.

Он осторожно сел. Левая рука болела, но кости были целы.

Он не знал, почему монах не убил его, пока он спал. Возможно, убийство не входило в планы служителя Господа. Но одно было совершенно точно - доминиканец и Яблоко бесследно пропали.

Медленно поднявшись, он дошел до ближайшего ручья, жадно напился, и только потом промыл и перевязал рану. Потом он пошел на восток, через горы, к Форли.

Путь занял много дней, но, в конце концов, он увидел вдалеке башни города. Он был измотан, истощен постоянными заданиями, провалом миссии и собственным одиночеством. На обратном пути у него было достаточно времени, чтобы подумать о Кристине и о том, что могло бы быть, не взвали он себе на плечи этот крест. Но с тех пор как он сделал это, пути назад не было, и он это отлично понимал.

Эцио дошел до дальнего конца моста у южных врат и уже увидел людей на крепостных стенах, когда силы окончательно его оставили, и он потерял сознание.

Когда он очнулся в очередной раз, то обнаружил, что лежит на кровати, застеленной чистыми простынями, на залитой солнцем террасе, увитой виноградными лозами. Прохладная рука коснулась его лба, а потом прижала к губам стакан с водой.

- Эцио! Слава Богу, ты жив. Как ты себя чувствуешь? Что с тобой произошло? - Вопросы как обычно лились из Катерины нескончаемым потоком.

- Я... Я не знаю.

- Тебя заметили с бастиона. Я лично выехала навстречу. Не знаю, какой путь тебе пришлось проделать... И ты был серьезно ранен.

Эцио напряг память.

- Кое-что я вспоминаю. Я отнял Яблоко у Чекко, но там был кто-то еще, он забрал Яблоко!

- Кто?

- На нем был черный капюшон, как у монаха, и я думаю... у него на руке не хватало пальца! - Эцио попытался сесть. - Как долго я был без сознания? Нужно спешить..! - Он начал вставать, но руки словно одеревенели, а голова пошла кругом, и он был вынужден снова лечь.

- Черт! Что этот монах сделал со мной?

Катерина склонилась над ним.

- Пока что ты не сможешь никуда поехать, Эцио. Если ты хочешь сражаться, тебе сперва надо восстановить силы. Я знаю, тебе предстоит долгий и трудный путь. Но не падай духом! Никколо вернулся во Флоренцию. Он за всем там присмотрит. Остальные твои товарищи-ассасины тоже не теряют бдительности. Так что ты вполне можешь задержаться здесь. - Она поцеловала его сперва в лоб, а потом, неуверенно, в губы. - И если я могу что-нибудь сделать, чтобы ускорить твоё выздоровление, только скажи. - Ее рука нырнула под простыни и осторожно пошла вверх, пока не достигла цели. - Боже мой! - улыбнулась она.

- Думаю, я уже его ускорила - совсем чуть-чуть.

- Ты настоящая женщина, Катерина Сфорца.

Она рассмеялась.

- Дорогой, если бы я записала историю своей жизни, она шокировала бы весь мир!

В свои тридцать лет Эцио был по-прежнему силен, и оставался молодым человеком в полном расцвете сил. Кроме того, он прошел самые серьезные тренировки, которые когда-либо проходили люди, поэтому неудивительно, что ему понадобилось куда меньше времени, чтобы встать на ноги, чем потребовалось бы большинству. Но правая рука еще не окрепла после удара Чекко, и Эцио понимал, что потребуется немало усилий, чтобы вернуть ей прежнюю силу и возобновить поиски. Он старался быть терпеливым, и под строгим, но понимающим, руководством Катерины, убивал время в Форли в думах, сидя под виноградной лозой с книгой Полициано в руках, или, чаще всего, в упорных тренировках.

Наконец пришел день, когда Катерина вошла к нему в комнату, и увидела, что он одет для путешествия, а паж помогает ему натянуть сапоги. Она присела рядом с ним на кровать.

- Время пришло? - Спросила она.

- Да. Я больше не могу медлить.

Она смерила его грустным взглядом и вышла, а вскоре вернулась со свитком в руках.

- Что ж, время пришло, - вздохнула она. - И видит Бог, что твоя миссия боле важна, чем наши наслаждения. Надеюсь, для них у нас еще будет время! - Она протянула ему свиток.

- Держи. Это мой прощальный подарок.

- Что это?

- Кое-что нужное.

Он развернула его, и Эцио увидел карту всего полуострова, от Ломбардии до Калабрии, и земель между ними. На карте были отмечены дороги и города, помеченные крестами, сделанными красными чернилами. Эцио перевел взгляд на Катерину.

- Это карта, о которой говорил Макиавелли. Твой муж...

- Мой покойный муж, дорогой. Пока ты был в пути, мы с Никколо сделали важные открытия. Первое, мы вовремя рассчитали... устранение нашего дорогого Джироламо, он как раз завершил работу над картой. Во-вторых, и это очень важно, даже если Яблоко попало к тамплиерам, они не смогут найти сокровищницу без карты.

- Ты знаешь о сокровищнице?

- Дорогой, ты иногда бываешь таким наивным. Конечно, знаю. - Тон ее стал более деловым. - Но полностью обезвредить наших врагов можно, только забрав Яблоко. Карта поможет довести начатое тобой великое дело до конца.

Она передала ему карту, пальцы их соприкоснулись, задержались и сплелись. Они не могли оторвать друг от друга взгляда.

- Недалеко отсюда есть аббатство Вэтлэнд. - Сказала наконец-то Катерина. - Доминиканское. Члены их ордена носят черные плащи с капюшонами. Я бы начала поиски оттуда. - Ее глаза заблестели, и она поспешно отвернулась. - Иди! Постарайся отыскать этого чертового монаха!

Эцио улыбнулся.

- Думаю, я буду скучать, Катерина.

Она улыбнулась в ответ, слишком наигранно. Впервые в жизни ей было сложно оставаться храброй.

- Конечно, будешь.

Монах, встретивший Эцио у аббатства Вэтлэнд, как и все монахи был полным и румяным. Но огненно-рыжие волосы, хитрый пронизательный взгляд и акцент, какой был и у некоторых наемников Марио, дали понять Эцио, что монах родом из Ирландии.

- Благословляю тебя, брат.

- Благодарю, святой отец...

- Я брат О'Каллахан...

- Я хотел попросить вас о помощи.

- Для этого мы и здесь, брат, чтобы помогать. Разумеется, мы живем в трудные времена. Одним «спасибо» сыт не будешь.

- Вы говорите о деньгах?

- Ты меня неправильно понял. Я ничего у тебя не прошу, - монах развел руками. - Но Господь помогает щедрым.

Эцио вытряхнул из кошель несколько флоринов и передал монаху.

- Если этого не достаточно...

Монах задумался.

- Ну, ты мыслишь в правильном направлении. Истина в том, что Господь склонен помогать более щедрым.

Эцио доставал из кошель монеты до тех пор, пока выражение лица брата О'Каллахана не прояснилось.

- Орден ценит твою щедрость, брат, - монах сложил руки на животе. - Так что ты ищешь?

- Монаха в черном плаще с капюшоном, у которого не хватает одного пальца на руке.

- Хммм. У брата Гвидо нет пальца на ноге. Ты уверен, что не ошибся?

- Абсолютно уверен.

- Есть еще брат Доменико, но у него не хватает всей левой руки.

- Нет. Простите, но я уверен, что не хватало всего одного пальца.

- Хммм, - монах напряженно думал. - Минуту! Я помню монаха в черном плаще с капюшоном, у которого действительно было всего девять пальцев. Ну, конечно же! Это было на Празднике в честь святого Висенте в нашем аббатстве, в Тоскане.

Эцио улыбнулся.

- Я знаю, где это место. Попытаюсь разузнать там. Благодарю.

- Ступай с миром, брат.

- Я всегда с миром.

Эцио пересек горы на запад, направляясь в Тоскану. Хотя путешествие выдалось долгим и трудным, так как наступила осень, и дни стали короче, он ощутил сильнейший трепет, приблизившись к аббатству. Именно здесь давным-давно встретил свою смерть от руки Эцио один из участников заговора с целью убийства Лоренцо Медичи - секретарь Якопо Пацци, Стефано де Баньоне.

К сожалению, настоятель, встретивший его у аббатства, был свидетелем убийства.

- Простите, - Эцио первым обратился к нему. - Вы не могли бы мне...

Но аббат, узнав его, в ужасе отпрянул и закричал.

- Да защитит нас сила всех Архангелов - Уриэля, Рафаэля, Михаэля, Саризэля, Габриэля, Рэмиэля и Рагуэля, - монах перевел пытающий взгляд с небес на Эцио. - Нечестивый демон! Сгинь!

- О чем вы? - в ужасе спросил Эцио.

- О чем я? О чем? Ты убил брата Стефано. На святой земле! - На безопасном расстоянии от них собрались монахи, явно нервничающие. Аббат развернулся к ним. - Он вернулся! Убийца монахов и священников вернулся! - Громовым тоном возвестил он и, вслед за паствой, бросился бежать.

Аббат находился в состоянии сильнейшей паники. У Эцио не оставалось иного выбора кроме как кинуться в погоню. Аббатство не было знакомо ему так же хорошо как аббату и монахам. В конце концов, он устал метаться по каменным коридорам аббатства и

монастыря, и влез на крышу, чтобы посмотреть, где же аббат. Но это вызвало среди монахов еще большую панику. Раздались крики: «Он пришел! Пришел! Вельзевул пришел!», поэтому Эцио спустился на землю и продолжил преследование обычным способом.

Наконец, ему удалось их догнать. Задышавшись, аббат развернулся к нему и прохрипел:

- Убирайся, демон! Оставь нас в покое! Наши грехи не столь велики, как твои!

- Подождите, послушайте, - тяжело дыша, оборвал Эцио. - Я просто хотел задать вам вопрос.

- Мы не призывали демонов! Мы не хотим умирать!

Эцио опустил руки.

- Прошу. Успокойтесь! Я не желаю вам вреда!

Но аббат не хотел слушать. Он закатил глаза.

- Господи, Господи! Почему Ты меня оставил? Я пока еще не готов вступить в ряды ангелов Твоих!

Аббат снова кинулся бежать.

Эцио был вынужден догнать его и повалить на землю. Поднялись они одновременно, отряхиваясь, их моментально окружили перепуганные монахи.

- Прошу, хватит уже убегать! - попросил Эцио.

Аббат сжался.

- Нет! Пощади! Я не хочу умирать! - бормотал он.

Эцио постарался, чтобы голос его звучал строго.

- Послушайте, святой отец, я убиваю только тех, кто убивает других. Ваш брат Стефано был убийцей. В 1478 году он пытался убить герцога Лоренцо, - он на мгновение замолчал, переводя дух. - Будьте спокойны, мессер аббат, я уверен, что за вашей душой нет таких поступков, как чье-нибудь убийство.

Аббат при этих словах заметно расслабился, но в глазах его все еще была подозрительность.

- Тогда чего ты хочешь? - Спросил он.

- Хорошо. Выслушайте меня. Я ищу монаха, одетого так же как вы, доминиканца, у которого нет одного пальца на руке.

Аббат насторожился.

- Нет пальца, говоришь? Как у брата Саванаролы?

Эцио ухватился за имя, как за соломинку.

- Саванарола? Кто это? Вы знаете его?

- Знаю, мессер. Когда-то... он был одним из нас.

- А потом?

Аббат подал плечами.

- Мы посоветовали ему пожить отшельником в горах. Он с нами не ужился...

- Мне кажется, аббат, время его затворничества прошло. Вы знаете, куда он мог направиться?

- Боже мой, - аббат задумался. - Если он действительно оставил скит, то мог вернуться в церковь Санта-Мария-дель-Кармине, во Флоренцию. Именно там он учился. Возможно, он отправился именно туда.

Эцио с облегчением выдохнул.

- Благодарю вас, аббат. Ступайте с миром.

Это было довольно странно - возвращаться домой спустя столько лет. С городом было связано множество воспоминаний. Но обстоятельства сложились так, что ему придется работать в одиночку. Он не мог связаться ни со старыми друзьями, ни с союзниками, опасаясь предупредить противника.

Но, если в городе ничего особо не изменилось, то в церкви, которую он искал, царило смятение. Заметив его, один из монахов побежав в страхе прочь. Эцио догнал его.

- Полегче, брат! Все в порядке!

Монах смерил его диким взглядом.

- Держись подальше, друг мой. Если ценишь свою жизнь!

- Что здесь случилось?

- В нашу церковь ворвались солдаты из Рима! Они разогнали всех братьев, задавали бессмысленные вопросы. Они требуют, чтобы мы отдали им фрукты!

- Какие еще фрукты?

- Яблоки!

- Яблоки! Дьявол! Родриго меня опередил! - прошипел себе под нос Эцио.

- Они утащили одного из моих братьев-кармелитов за церковь. Я уверен, что они собираются убить его!

- Кармелиты? Так вы не доминиканцы?

Эцио покинул монаха и осторожно, прижимаясь к стенам, обошел вокруг церкви. Он двигался незаметно, словно мангуст, выслеживающий кобру. Добравшись до стен, окружавших монастырский сад, Эцио скользнул на крышу. То, что он увидел внизу, выбило дух даже из него. Несколько солдат Борджиа до полусмерти избивали высокого молодого монаха. Выглядел несчастный лет на тридцать пять.

- Говори! - орал командир. - Говори, или тебе будет так херово, что ты пожалеешь о том, что появился на свет! Где Яблоко?

- Прошу! Я не знаю! Я не знаю, о чем вы говорите!

Командир низко склонился над монахом.

- Признавайся! Твое имя Саванарола?

- Да! Я уже сказал вам об этом! Вы выбили из меня это имя!

- Тогда говори, и твои мучения прекратятся. Где это чертово Яблоко?

Допрашивающий грубо ударил монаха в пах, и тот взвыл от боли.

- Для человека с твоими миссионерскими убеждениями, этот «инструмент» без надобности.

Эцио, сильно обеспокоенный, наблюдал за происходящим. Если этот монах действительно был Саванаролой, наемники Борджиа могли убить его раньше, чем сам Эцио сможет допросить его.

- Почему ты продолжаешь лгать? - усмехнулся солдат. - Мой Мастер огорчится, услышав, что мне пришлось пытаться тебя до смерти! Или ты хочешь доставить мне неприятности?

- У меня нет никакого яблока, - прорыдал монах. - Я простой монах. Прошу, отпустите меня!

- Это вряд ли!

- Я ничего не знаю! - Жалобно крикнул монах.

- Хочешь, чтоб мы прекратили, - прорычал командир, снова нанося удар в пах, - скажи правду, брат Джироламо Саванарола!

Монах закусил губу, но продолжал упорствовать.

- Я уже рассказал все, что знал!

Командир снова ударил его, а потом солдаты схватили монаха за лодыжки и безжалостно поволокли его по земле, усыпанной булыжниками. Голова монаха при этом билась о камни, он кричал, и пытался вырваться, но тщетно.

- Достаточно, ничтожество?

Командир снова наклонился к монаху.

- Ты уже готов встретиться с Создателем? Будешь снова лгать, чтобы наконец-то увидеть Его?

- Я простой монах, - заплакал кармелит, чьи одежды по покрою и цвету очень напоминали одежды доминиканцев. - У меня нет никаких фруктов! Прошу...

Командир ударил его. Туда же. Монах зарыдал от отчаяния.

Эцио достаточно насмотрелся. Он, словно призрак возмездия, спрыгнул вниз, набросившись на противников с неподдельной яростью, вооруженный отравленным кинжалом и двойным клинком. Жестокое массовое убийство прекратилось через минуту,

наемники Борджиа, все до единого, либо были мертвы, либо стонали от боли, катаясь по каменным плитам внутреннего двора.

Рыдая, монах обнял Эцио за колени.

- Спасибо, спасибо, Спаситель.

Эцио коснулся его головы.

- Тихо, тихо. Теперь все будет хорошо, брат.

Эцио внимательно посмотрел на пальцы монаха. Их было десять.

- У тебя десять пальцев, - разочарованно пробормотал он, злясь на самого себя.

- Да, - всхлипнул монах. - У меня десять пальцев. И у меня нет никаких яблок, кроме тех, что проводят в монастырь каждый четверг с рынка.

Он встал, отряхнулся, привел себя в порядок и заявил:

- Господи! Похоже, мир окончательно сошел с ума.

- Кто ты? И почему они напали на тебя? - Спросил Эцио.

- Потому что они выяснили, что моя настоящая фамилия - Саванарола! Но разве я должен был предать собственного кузена ради этих ублюдков?

- Ты знаешь, что он сделал?

- Я ничего не знаю! Он монах, как и я. Он выбрал более суровый орден - доминиканский, это правда, но...

- И у него нет пальца?

- Да, но откуда ты...? - В глазах монаха сверкнуло понимание.

- Кто такой Джироламо Саванарола? - настаивал Эцио.

- Мой кузен, преданный слуга Господень. А кто, позволю спросить, ты? Конечно, я весьма благодарен тебе за спасение, и я в долгу у тебя, но, окажи любезность, скажи, кто ты?

- Я... никто, - отозвался Эцио. - Но я буду рад узнать твое имя.

- Брат Марчелло Саванарола, - кротко ответил монах.

Эцио наконец-то все понял. Мысли его лихорадочно крутились в голове.

- Где твой кузен Джироламо?

Брат Марчелло задумался, борясь с собственной совестью.

- У моего кузена... собственное мнение о том, как следует служить Господу. Он занимается распространением своего вероучения. Сейчас ты сможешь отыскать его в Венеции.

- А что он там делает?

Марчелло расправил плечи.

- Думаю, он встал на неверный путь. Он проповедует об адских муках. Утверждает, что видит будущее. - Марчелло посмотрел на Эцио красными, полными невысказанной муки, глазами. - Если ты хочешь узнать мое мнение, я думаю, что он спятил!

Эцио считал, что потратил слишком много времени на бесплодные поиски. Погоня за Саванаролой напоминала погоню за блуждающим огоньком, или химерой, или за собственным хвостом. Но он безжалостно заставил себя продолжить поиски девятипалого слуги Господа, забравшего Яблоко - ключ к такой силе, которую он не мог даже вообразить. Саванарола был опасным религиозным фанатиком, абсолютно непредсказуемым человеком, повлиять на которого можно было куда в меньшей степени, чем даже на самого Мастера, Родриго Борджиа.

Когда Эцио сошел на берег с равеннской галеры, прибывшей в порт Венеции, его встретила Теодора.

Венеция в год 1492 все еще находилась под относительно справедливым правлением Дожа Агостино Барбариго. Город гудел, обсуждая генуэзского моряка по имени Кристофор Колумбо. Венеция отклонила его безумные планы плыть на запад через Океан, которые тут же профинансировала Испания. И теперь он собирался в путь. Не сошла ли с ума сама Венеция, отказавшись финансировать экспедицию? Если путешествие Колумбо удастся, будет проложен безопасный проход в Индию по морю, поскольку старые наземные пути оказались блокированы османскими турками. Но голова Эцио была наполнена совсем другими вопросами, чтобы уделять внимание еще и политике и торговле.

- Мы получили твоё сообщение, - сказала Теодора. - Ты уверен?

- Это зацепка, которую я получил. Я уверен, что Яблоко снова здесь, в руках монаха Саванаролы. Я слышал, он проповедует людям об адских муках и пламени, что скоро сойдут на землю.

- Я слышала о нем.

- Ты знаешь, где его найти, Теодора?

- Нет. Но я видела, как герольд собирает народ в промышленном районе, проповедуя о адских муках и тому подобной чуши, как ты и сказал. Возможно, он ученик твоего монаха. Пойдем. Надеюсь, ты не откажешься быть моим гостем, пока будешь в городе. Как только ты устроишься, мы пойдем туда, где он читает проповеди.

И Эцио, и Теодора, и все здравомыслящие люди понимали, почему всех охватила религиозная истерия о реках крови на земле и громе с небес. Приближалась середина тысячелетия, 1500 год, многие верующие ожидали Второго Пришествия, когда «придет Сын Человеческий во славе Своей и Отца Своего и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец, Спасенных, по правую Свою сторону, а козлов, Проклятых, — по левую».

Описание Страшного Суда, сделанного святым Маттео, сильно повлияло на воображение людей.

- Герольд и его учитель просто воспользовались лихорадкой, вызванной приближающимся концом века, - вздохнула Теодора. - Насколько мне известно, они и сами верят в это.

- Думаю, они и должны верить, - согласился Эцио. - Опасность в том, что Яблоком в руках, они могут фактически привести мир к катастрофе, ибо всё, что не делается руками Господа, делается руками Дьявола. - Он помолчал. - Но пока еще они не воспользовались той силой, что у них есть, и, слава Богу, потому что я сомневаюсь, что они знают, как её контролировать. На данный момент они довольствуются предсказанием Апокалипсиса. А уж это, - он рассмеялся, - всегда легко было продать.

- Но положение ухудшается, - возразила Теодора. - Даже ты, на самом деле, можешь почти поверить, что приближается Апокалипсис. Ты уже слышал плохие новости?

- Я ничего не слышал с тех пор, как уехал из Форли.

- Лоренцо Медичи умер на вилле в Кареджи.

Эцио помрачнел.

- Это настоящая трагедия. Лоренцо был верным другом моей семьи, и без его защиты, боюсь, я никогда теперь не верну палаццо Аудиторе. Но это ничто по сравнению с тем, как его смерть повлияет на мир между городами-государствами. Он был слишком хрупок и в лучшие времена.

- Есть еще кое-что, - продолжила Теодора. - И эта новость куда хуже известия о смерти Лоренцо. - Она помолчала. - Постарайся держать себя в руках, Эцио. Испанец, Родриго Борджиа, был избран Папой. Он правит Ватиканом и Римом как Папа Римский, Александр VI!

- Что? Какого черта..?

- Конклав в Риме только закончился, буквально в этом месяце. Ходят слухи, что Родриго попросту купил большинство голосов. Даже Асканио Сфорца, бывший его самым вероятным конкурентом, проголосовал за него! Люди говорят, что ему заплатили четырьмя телегами, груженными серебром.

- Зачем ему становиться Папой? Чего он добивается?

- Разве сильное влияние - недостаточная причина? - Теодора посмотрела на него. - Теперь мы под властью волка, Эцио. Самого жадного из тех, кого когда-либо видел мир.

- Ты говоришь правильно, Теодора. Но власть, которой он добивается, куда могущественней той, что может дать ему Папство. Если он контролирует Ватикан, значит, близок к тому, чтобы разыскать Сокровищницу. И он все еще разыскивает Яблоко, «Частицу Эдема», которая даст ему силу Самого Бога!

- Мы будем молиться, чтобы тебе удалось вернуть Яблоко в руки ассасинов. Родриго, как Папа Римский и как Глава Ордена Тамплиеров чрезвычайно опасен. Если он когда-нибудь получит Яблоко... - она оборвала себя. - Как ты и сказал, он станет непобедим.

- Это странно, - сказал Эцио.

- Что?

- Наш друг Саванарола ничего не знает о том, что его преследуют два охотника.

Теодора привела Эцио на большую открытую площадь в промышленном квартале Венеции и оставила его там. Герольд как обычно начал читать проповедь. Эцио опустил капюшон, скрыв лицо, и, зорко следя за происходящим, смешался с собравшейся толпой. Вскоре площадь переполнилась, толпа собралась вокруг небольшого деревянного помоста, на котором стоял аскетически выглядящий мужчина с холодными голубыми глазами и впалыми щеками, волосами серо-стального цвета и грубыми руками, одетый в обычную шерстяную одежду серого цвета. Он начал говорить и остановился, только когда из толпы начали раздаваться безумные выкрики. Эцио увидел, как один-единственный человек мастерски сумел привести сотни в состояние слепой истерии.

- Идите сюда, дети мои, и услышите мой крик! Грядет Конец Света. Готовы ли к его наступлению? Готовы ли вы увидеть Свет, которым осветит нас брат Саванарола? - он вознес руки, и Эцио, точно знающий, какой свет имеет в виду герольд, прислушался, сохраняя спокойствие. - Для нас наступают темные дни, - продолжал герольд. - Мой брат указал мне путь к спасению, к небесному свету, ждущему всех нас. Но он будет доступен, только если мы будем готовы, если примем его. Позвольте Саванароле вести вас, ибо одному ему известен путь. Он не сойдет с пути и не собьет нас, - теперь герольд облокотился на аналой, стоящий перед ним. - Готовы ли вы к судному дню, братья и сестры? За кем вы последуете, когда придет день? - Он сделал паузу для усиления эффекта. - Духовенство в церквях и храмах предлагает купить путь к спасению. Эти продавцы индульгенций, легкомысленные рабы предрассудков, призывают вас к этому. Не слушайте их, дети мои! Все они лишь рабы Папы Борджиа, рабы «Папы Римского» Александра, шестого по счету и самого продажного из тех, кто носил сие имя!

Толпа закричала. Эцио внутренне содрогнулся. Он вспомнил пророчества, виденные им в мастерской Леонардо при изучении Яблока. В далеком будущем может наступить время, когда ад воцарится на земле, - если он не остановит это.

- Наш новый Папа Александр несправедливый, бездушный человек. Такие, как он, покупают молитвы и продают бенефиции, наживаясь на этом. Все священники в наших церквях - торговцы! И лишь один среди нас - истинный человек духа, лишь один из нас видел будущее, лишь один говорил с Господом! Мой брат, Саванарола! И он поведет нас!

Эцио задумался: дотронулся ли этот монах до Яблока, как и он сам? Видел ли он те же видения? Или, как и сказал Леонардо о Яблоке, - «слабых духом оно сводит с ума»?

- Саванарола поведет нас к свету, - продолжал герольд. - Саванарола скажет, что время пришло! Саванарола сам приведет нас к воротам Рая! И мы не должны требовать у Саванаролы доказательств в новом мире! Брат Саванарола проведет нас на пути Господни, которые мы и искали.

Он снова поднял руки, и толпа одобрительно закричала.

Эцио знал только один способ, как найти монаха через его помощника. Но надо было добраться до него так, чтобы не возбудить подозрений у собравшейся толпы. Он осторожно двинулся вперед, притворяясь смиренным монахом, желающим попасть в толпу почитателей герольда.

Это оказалось нелегко. Он столкнулся с агрессивно настроенными людьми, опознавшими в нем чужака, приезжего, того, кто пытался вторгнуться на их территорию. Но он лишь улыбался в ответ, кланялся, и даже воспользовался последним средством спасения - кинул на землю монеты, проговорив: «Я хочу дать милостыню Саванароле и тем, кто следует за ним и верит в него». Монеты сработали лучше любого обаяния. Эцио даже подумал, что деньги обращают в свою веру других куда эффективнее, чем обычные пастыри.

Наконец, герольд, следивший за продвижением Эцио со смесью изумления и презрения, приказал своим помощникам отступить и поманил Эцио к себе. Они прошли вместе в тихое местечко, на небольшую площадку за главной площадью, где они могли бы поговорить с глазу на глаз. Эцио был рад, увидев, как герольд полагает, что привел в паству нового, важного и состоятельного последователя.

- А где же сам Саванарола? - спросил он.

- Он везде, брат, - отозвался герольд. - Он во всех нас, а все мы - в нем.

- Послушай, друг, - мрачно сказал Эцио. - Я ищу человека, а не миф. Прошу, скажи, где он.

Герольд с подозрением посмотрел на него, и Эцио ясно увидел безумие в его глазах.

- Я уже сказал, где он! Саванарола любит тебя так же, как ты любишь его. Он покажет те Свет. Он покажет тебе будущее!

- Но я сам хочу поговорить с ним. Я хочу увидеть великого лидера! Я весьма богат, чтобы профинансировать его величайший крестовый поход!

Герольд наконец-то сообразил.

- Ясно, - ответил он. - Прояви терпение. Час еще не настал. Но ты должен последовать за нами в наше паломничество, брат.

Эцио старался быть терпеливым. Он терпел очень долго. И наконец-то получил от герольда послание встретиться с ним в доках Венеции в сумерках. Он прибыл на место раньше и ждал, нервно и нетерпеливо, пока, наконец, не увидел призрачную фигуру, приближающуюся к нему сквозь вечерний туман.

- Я думал, что ты уже не придешь, - поприветствовал он герольда.

Герольд выглядел довольным.

- Ты переполнен стремлением отыскать Истину, брат. И выдержал испытание временем. Но теперь мы готовы, и наш великий лидер получил мантию власти, для которой был рожден. Пойдем!

Он двинулся впереди и привел Эцио к причалу, где ждала большая галера. Возле нее стояла толпа верующих. Герольд обратился к ним:

- Дети мои! Пришла пора уехать. Наш брат и лидер Джироламо Саванарола ждет нас в городе, который он наконец-то сделал своим!

- Да! То, что этот сучий выродок поставил мой город и мой дом на колени - на грани безумия!

Толпа и Эцио повернулись, чтобы посмотреть на говорившего. Это был длинноволосый юноша в черном капюшоне, у него было слабovolное лицо с полными губами. Сейчас они тряслись от гнева.

- Я только что сбежал оттуда, - продолжал он. - Вышвырнут из собственного герцогства этим ушлепком, королем Франции Карлом, чье вмешательство позволило занять мое место этому Псу Господа - Саванароле!

Толпа пришла в ярость, они бы схватили юношу и швырнули его в залив, если бы герольд не остановил их.

- Пусть говорит, - приказал герольд, повернулся к чужаку и спросил. - Почему ты поминаешь имя Саванаролы всуе, брат?

- Почему? Почему? Да из-за того, что он сделал с Флоренцией! Он управляет городом! Члены Синьории или поддерживают его, или попросту бессильны! Он собрал народ, и даже те, кто должен был бы думать своим умом, вроде Маэстро Боттичелли, последовали за ними как рабы. Они сжигают книги, произведения искусства, все, что этот безумец считает безнравственным!

- Саванарола во Флоренции? - переспросил Эцио, напряженно думая. - Ты уверен?

- Ну, разумеется, я вру! Он сейчас на луне или в аду! А я уехал, чтобы отдохнуть!

- Так кто же ты, брат? - не скрывая нетерпения, спросил герольд.

Юноша выпрямился.

- Я Пьеро Медичи. Сын Лоренцо «Великолепного». Законный правитель Флоренции!

Эцио пожал ему руку.

- Приятно встретить тебя, Пьеро. Твой отец был мне верным другом.

Пьеро перевел взгляд на него.

- Благодарю, кто бы ты ни был. Моему отцу повезло умереть раньше, чем это безумие, подобно гигантской волне, захлестнуло наш город. - Он беззаботно развернулся к разъяренной толпе. - Не поддерживайте этого жалкого монаха! Он опасный дурак, а его самомнение размером с Дуомо! Его следует уничтожить, как бешеного пса, коим он и является!

Толпа, как один, зарычала от праведного гнева. Герольд закричал, обращаясь к Пьеро:

- Еретик! Вольнодумец! - И крикнул уже толпе. - Этот человек должен умереть! Но тихо! Его надо сжечь!

Пьеро и Эцио одновременно обнажили мечи, стоя лицом к лицу с опасной толпой.

- Кто ты? - спросил Пьеро.

- Эцио Аудиторе, - отозвался ассасин.

- О! Благодарю за поддержку! Мой отец часто говорил о тебе, - Он обвел глазами толпу. - Мы справимся?

- Надеюсь. Но ты был не совсем тактичен.

- В смысле?

- Ты только что уничтожил все мои усилия и тщательную подготовку. Впрочем, не бери в голову. Следи за мечом!

Битва была тяжелой, но короткой. Двое мужчин позволили толпе оттеснить себя на заброшенный склад и заняли там позицию. К счастью, в толпе, даже находившейся в состоянии ярости, не было опытных бойцов. Как только самые смелые из них отступили, зажимая глубокие раны и порезы, нанесенные длинными мечами Эцио и Пьеро, остальные отступили и разбежались. Только герольд с мрачным, посеревшим лицом остался на месте.

- Самозванец! - Обвинил он Эцио. - Тебя навсегда вморозят в лед в Поясе Джудекка Девятого круга Ада! И именно я отправлю тебя туда!

Он вытащил из-под мантии острый басселард и ринулся на Эцио, занеся кинжал над головой, готовясь нанести удар. Эцио отпрянул, почти упал, и остался бы беззащитен

перед герольдом, но Пьеро рубанул по ногам противника. Эцио восстановил равновесие, щелкнул, выскакивая двойной клинок. Эцио вогнал острое лезвие глубоко в живот атакующего. Все тело герольда содрогнулось от удара, он судорожно глотнул воздух и упал, корчась и дергаясь, хватая землю руками, пока, наконец, не умер.

- Надежда нашла способ исправить ошибку, сделанную мной, - с грустной улыбкой проговорил Пьеро. - Пойдем! Нужно попасть во Дворец Дожей и сообщить Дожу Агостино, чтобы он направил дозор убедиться в том, что толпа безумцев разбежалась и вернулась в свои конуры!

- Спасибо, - поблагодарил Эцио. - Но у меня иной путь. Я отправляюсь во Флоренцию.

Пьер недоверчиво посмотрел на него.

- Что? В пасть самого Дьявола?

- У меня есть личные причины искать Саванаролу. И, возможно, будет не слишком поздно исправить тот ущерб, что он нанес нашему родному городу.

- Тогда я желаю тебе удачи, - кивнул Пьеро. - Что бы ты ни искал.

В год 1494 в возрасте сорока двух лет брат Джироламо Саванарола принял на себя обязанности фактического правителя Флоренции. Он был замученным человеком, извращенным гением и самым худшим верующим фанатиком. Но, самым страшным в нем было то, что люди позволили ему не только вести их, но и подстрекать к совершению безумных, разрушительных, и порой просто смешных, действий. Все основывалось на ужасе перед адским пламенем, на доктрине, которая учила, что все удовольствия, мирские блага, творения людей, презренны и жалки, и что только полное самоотречение поможет человеку обрести истинный свет веры.

Не удивительно, думал Эцио, размышляя над всем этим по дороге в родной город, что Леонардо остался в Милане - помимо всего прочего, Эцио узнал, со слов своего друга, что за гомосексуализм, на который до сего времени смотрели сквозь пальцы, и за который наказывали умеренным штрафом, во Флоренции введена смертная казнь. И не удивительно, что величайшая академия философов и литераторов гуманистического направления, собравшихся вокруг просвещенного духа Лоренцо, распалась и пыталась теперь найти свое место на бесплодной почве интеллектуальной пустыни, в которую быстро превращалась Флоренция.

Когда Эцио приблизился к городу, он заметил большие группы монахов в черных одеждах и просто одетых мирян, движущихся в одном направлении. Выглядело шествие мрачно, но благочестиво. Шли все с низко опущенными головами.

- Куда вы направляетесь? - спросил он одного из прохожих.

- Во Флоренцию. Дабы сесть у ног великого лидера, - ответил торговец с бледным лицом и продолжил свой путь.

Дорога была широкой, и по пути к городу Эцио встретил еще несколько групп, по-видимому, покидающих город. Они так же шли, склонив головы, а лица их были серьезными и печальными. Когда они прошли мимо, Эцио расслышал обрывки разговоров, и понял, что эти люди отправились в добровольное изгнание. Они тащили за собой груженные телеги, несли мешки или узлы с пожитками. Эти люди были беженцами, изгнанные из своих домов или по приказу Монаха, или по собственной воле, потому что были больше не в силах жить под его правлением.

- Если бы Пьеро имел хотя бы десятую часть талантов своего отца, нам бы не пришлось покидать дом, - сказал один.

- Мы не должны были позволять безумцу добиться власти над нашим городом, - пробормотал второй. - Он принес нам одни страдания.

- Не понимаю, почему многие из нас с готовностью приняли его угнетения, - проговорила женщина.

- В любом месте будет лучше, чем сейчас во Флоренции, - вставила другая. - Нас изгнали, когда мы отказались передать свое собственное имущество его драгоценной церкви Сан-Марко!

- Это темное колдовство, иначе я не могу объяснить происходящее. Даже Маэстро Боттичелли попал под влияние Саванаролы. Подумай сам, он стареет, пятьдесят лет кажутся ему проклятием, возможно, он просто сделал ставку на небеса.

- Сжигание книг, аресты, все эти бесконечные кровавые проповеди! Подумать только, всего два года назад Флоренция была маяком в океане невежества! А теперь мы снова вернулись в Темные Века!

И тут женщина произнесла то, что заставило Эцио наострить уши.

- Иногда я хочу, чтобы во Флоренцию вернулся ассасин. Он бы освободил нас от этой тирании.

- Глупые мечты! - отозвался ее товарищ. - Ассасин - миф! Сказка, которой родители пугают непослушных детей.

- Ты ошибаешься, мой отец видел его в Сан-Джиминьяно, - возразила первая женщина. - Но это было много лет назад.

- Да, да - свежо предание...

Эцио проехал мимо них, на сердце у него было тяжело. Но его настроение поднялось, едва он увидел знакомую фигуру, направляющуюся ему навстречу.

- Привет, Эцио, - кивнул Макиавелли. Его лицо, по-прежнему серьезное до комичности, постарело, но годы пошли ему только на пользу.

- Привет, Никколо.

- Ты умудрился выбрать для возвращения домой самое подходящее время.

- Ну, ты же меня знаешь. Если где-то появляется язва, я стараюсь вылечить ее.

- Сейчас нам, безусловно, требуется твоя помощь, - вздохнул Макиавелли. - Не сомневаюсь, Савонарола не смог бы добиться нынешнего положения без помощи могущественного артефакта. Яблоко. - Он поднял руку. - Я знаю обо все, что случилось с тех пор, как мы виделись в последний раз. Два года назад Катерина присылала ко мне курьера из Форли, а совсем недавно еще один привез письмо от Пьеро, из Венеции.

- Я приехал за Яблоком. Оно и так слишком долго было в чужих руках.

- Полагаю, что в некотором смысле мы должны быть благодарны этому чудовищу, Джироламо, - проговорил Макиавелли. - По крайней мере, он не дал Яблоку попасть в руки нового Папы.

- Он пытался что-то сделать?

- Пытается. Ходят слухи, что Александр собирается отлучить нашего доминиканца от церкви. Впрочем, даже в этом случае здесь мало что изменится.

- Мне нужно как можно скорее вернуть его, - сказал Эцио.

- Яблоко? Разумеется... Но думаю, это будет немного сложнее, чем ты предполагаешь.

- Ха! А когда было иначе? - Эцио внимательно посмотрел на него. - Расскажешь мне обо всем?

- Пошли, надо вернуться в город. Я расскажу тебе обо всем, что знаю. Впрочем, рассказывать почти нечего. В двух словах, королю Франции Карлу VIII окончательно удалось поставить Флоренцию на колени. Пьеро сбежал. Карл, как всегда желающий расширить свои земли, - и почему, черт возьми, они называют его «Любезным», хотел бы я знать, - двинулся на Неаполь. И Савонарола, гадкий утенок, воспользовался подвернувшейся возможностью и занял место правителя. Как и любой диктатор, никудышный или великий, он абсолютно лишен чувства юмора и убежден - да что там - просто переполнен чувством собственной значимости. Это самая эффективная и отвратительная разновидность правителя, которую только можно пожелать. - Он помолчал. - Однажды, я напишу об этом книгу.

- И Яблоко было средством, с помощью которого он добился этого положения? Макиавелли развел руками.

- Только отчасти. Как неприятно это говорить, но многого он добился своим обаянием. Он покорила не сам город, а его правителей, тех, кто обладал властью и влиянием. Конечно, кое-кто в Синьории поначалу пытался ему противостоять, но теперь... - По лицу Макиавелли скользнуло беспокойство. - Теперь они все у него в кулаке. Каждый, кто презирал его, внезапно начал ему поклоняться. Несогласные были вынуждены покинуть город. Как ты уже видел, такое положение дел сохраняется до сих пор. Совет Флоренции продолжает притеснять горожан, а это в свою очередь гарантирует, что безумие монаха будет распространяться дальше.

- А как на счет обычных достойных людей? Они ведут себя так, словно у них нет выбора? Макиавелли грустно улыбнулся.

- Ты и сам знаешь ответ на этот вопрос, Эцио. Мало кто осмелится выступить против статуса-кво. Так что мы должны помочь им узнать правду.

За разговором два ассасина добрались до городских ворот. Вооруженные солдаты, как и вся охрана, служили интересам государства, не заботясь о моральных принципах. Они пристально изучили документы ассасинов и пустили их внутрь. Перед этим в глаза Эцио

бросилась другая группа солдат, которые стаскивали в одну кучу трупы солдат из другой армии, на мундирах которых был нашит крест Борджиа. Он указал на них Никколо.

- Да, - кивнул Макиавелли. - Как я и сказал, наш друг Родриго - я никогда не назову этого ублюдка Александром, - продолжает попытки. Он отправляет во Флоренцию солдат, а Флоренция посылает их обратно, обычно по частям.

- Так он знает, что Яблоко здесь?

- Конечно, знает! И я должен признать, что это весьма прискорбно.

- А где Савонарола?

- Правит городом из монастыря Сан-Марко. И почти никогда его не покидает. Слава Богу, брат Анджелико не дождался до того дня, как в монастырь перебрался брат Савонарола!

Они спешили, отвели лошадей в конюшню, и Макиавелли отвел Эцио в съемную комнату. Макиавелли объяснил, что старый дом удовольствий Паолы закрыт, как и все остальные. Секс, азартные игры, танцы, зрелища стояли в списке недозволенных вещей Савонаролы в самом верш. С другой стороны, праведные убийства и угнетения только приветствовались.

Как только Эцио разместился, Макиавелли вместе с ним прошел к огромному религиозному комплексу Сан-Марко. Эцио оценивающе рассмотрел здания.

- Открытое нападение на Савонаролу слишком рискованно, - решил он. - Особенно, учитывая, что в его распоряжении Яблоко.

- Согласен, - кивнул Макиавелли. - Но разве есть иной вариант?

- Если не считать правителей города, которые преследуют собственные корыстные цели, ты убежден, что у остальных все еще своя голова на плечах?

- Как оптимист, я бы надеялся на это, - ответил Макиавелли.

- Я считаю, что они следуют за монахом не по собственной воле, а из страха или по принуждению.

- Никто кроме доминиканца или политиков это не оспорит.

- Тогда предлагаю использовать это в наших интересах. Если мы заставим замолчать его подручных и воодушевим недовольных, Савонарола отвлечется, и мы получим шанс нанести удар.

Макиавелли улыбнулся.

- Умно. Должно быть прилагательное, описывающее таких людей как ты... Я поговорю с Ла'Вольпе и Паолой. Они все еще в городе, хоть и вынуждены были уйти в подполье. Они помогут организовать бунт, когда ты освободишь районы.

- Значит решено.

Макиавелли заметил, что Эцио встревожен. Он привел его в спокойную обитель с небольшой церковью неподалеку и усадил на скамью.

- Что тебя печалит, друг мой? - спросил он.

- Две вещи, но они очень личные.

- Расскажи.

- Мой старый фамильный палаццо - что с ним? Вряд ли я осмелюсь пойти и взглянуть на него сам.

Тень упала на лицо Макиавелли.

- Дорогой Эцио, постарайся быть сильным. Твой палаццо по-прежнему стоит, но Лоренцо защищал его, только пока продолжались его власть и жизнь. Пьеро пытался следовать примеру своего отца, но после его изгнания французами, палаццо Аудиторе был конфискован и в качестве казарм отдан швейцарским наемникам Карла. После того, как французы ушли на юг, Савонарола вытащил из него всё, что можно, и приказал заколотить. Мужайся. Однажды ты сможешь его восстановить.

- А Аннетта?

- Слава Богу, сбежала, и теперь находится в Монтериджони вместе с твоей матерью.

- Ну, по крайней мере, хоть что-то хорошее...

После недолгого молчания Макиавелли спросил.

- А что второе?

- Кристина... - прошептал Эцио.

- Ты заставляешь меня рассказывать тебе о жестоких вещах, друг мой. - Макиавелли нахмурился. - Но ты должен знать правду, - он помолчал. - Друг мой, она мертва. Как и многих из их друзей, Манфредо не сбежал от двойной чумы Савонаролы и французов. Он был уверен, что Пьеро организует контратаку и отобьет город. Вскоре после того, как монах пришел к власти, наступила ужасная ночь. Дома тех, кто отказался добровольно возложить свои вещи на костры тщеславия, которые организовал монах, дабы сжечь и уничтожить все роскошное и мирское, были разграблены и преданы огню. Эцио слушал, заставляя себя сохранять спокойствие, в то время как сердце его разрывалось.

- Фанатики Савонаролы, - продолжал Макиавелли, - ворвались во дворец д'Арценты. Манфредо пытался защищаться, но их оказалось слишком много для него и его людей. Кристина не оставила его. - Макиавелли надолго замолчал, борясь со слезами. - Находясь в состоянии безумного помешательства, эти религиозные маньяки убили и её. Эцио неотрывно смотрел на белую стену перед ним. Каждая её деталь, каждая трещинка, даже муравьи, ползущие по стене, были отчетливо видны.

*Когда напрасны все наши надежды,
А всем надежным планам вдруг конец придет,
Когда царят вокруг одни невежды,
Хозяйка наша, Смерть, свой голос подает.
Один всю в развлечениях жизнь прожил,
Другой клянется посвятить себя искусству,
Иной на мир лишь ненависть скопил,
Четвертый же свои скрывает чувства.
Пустые мысли, глупая тщета
Над всеми нами вновь преобладают,
Пока в Вселенной правит суета,
Песком сквозь пальцы время протекает.
Непостоянны в мире мысли, нравы, моды,
Лишь Смерти власть бессменна над природой.*

Эцио позволил книге сонетов Лоренцо выпасть у него из рук. Смерть Кристины укрепила его в решении довершить дело. Его город уже достаточно настрадался под властью Савонаролы, слишком многие из его сограждан попали под влияние Монаха. Те же, кто был не согласен, были вынуждены либо уйти в подполье, либо бежать. Пришла пора действовать.

- Многие, кто мог помочь нам, сбежали, - объяснил ему Макиавелли. - Но даже злейшие враги Савонаролы за пределами города-государства, - я говорю о герцоге Милана и о нашем старом друге Родриго, папе Александре VI, - не сумели вытеснить его из города.

- А эти костры?

- Самая безумная задумка из всех. Савонарола и его ближайшие помощники организовали группы последователей. Они ходят от двери к двери, требуя сдать все, что они считают сомнительным, включая косметику и зеркала, не говоря уже о картинах и книгах. Это все считается аморальным. А еще все виды игр, включая шахматы, и, ради Бога, даже музыкальные инструменты. Монах и его последователи полагают, что люди после этого будут больше уделять времени религии. Они свозят все вещи на площадь Синьории, собирают огромные костры и сжигают. - Макиавелли покачал головой. - За это дни Флоренция утратила много ценного и красивого.

- Но город уже сыт по горло этими действиями?

Лицо Макиавелли просветлело.

- Верно. И эти настроения являются нашей главной опорой. Думаю, Савонарола искренне считает, что не за горами Судный День. Беда в том, что никаких знаков приближающегося конца нет. Даже те, кто страстно верил ему, начали сомневаться в этой вере. К сожалению, многие из тех, кто обладает влиянием и властью, продолжают его поддерживать. Если бы их можно было устранить.

Так для Эцио начался безумный период отслеживания и убийства сторонников Савонаролы. Они действительно были из совершенно разных слоев населения - среди них был художник, старый вояка, торговец, несколько священников, доктор, фермер и пара аристократов. И каждый из них фанатично цеплялся за идеи, что внушил им монах. Некоторые перед смертью осознавали безумие, творимое их руками, другие оставались непоколебимы в своих убеждениях. При выполнении этого неприятного задания, Эцио чаще обычного подвергался смертельной угрозе. Но скоро по городу поползли слухи - о них говорили под покровом ночи, шептали в подпольных тавернах и мрачных переулках. Ассасин вернулся. Ассасин пришел, чтобы спасти Флоренцию.

Эцио глубоко печалило, что город, где он родился, где жила его семья, где осталось его наследие, запачкан ненавистью и безумием религиозного рвения. С тяжелым сердцем нес он смерть. Ледяной ветер смерти очищал испорченный город от тех, кто лишил

Флоренцию её славы. Как и всегда, он убивал с жалостью, понимая, что иного пути для тех, кто так отделился от Господа, просто нет. Действуя в темное время, он всегда следовал велению долга перед Кредо.

Постепенно общее настроение в городе поменялось. Савонарола заметил, что теряет поддержку. Макиавелли, Ла Вольпе и Паола, работая совместно с Эцио, сумели поднять бунт, которому способствовало медленное, но верное просвещение народа.

Последней целью Эцио был обманутый проповедник, который, когда Эцио наконец разыскал его, читал толпе проповедь перед церковью Санто-Спирито.

- Жители Флоренции! Подходите, соберитесь вокруг! Выслушайте меня! Приближается конец света! Настало время покаяться! Попросить прощения у Господа. Слушайте меня, если не видите, что происходит. Знамения уже вокруг нас: Войны! Голод! Болезни! Коррупция! Все это предвестники Тьмы! Мы должны быть тверды в своей вере, чтобы Тьма не поглотила нас! - Он обвел толпу пылающим взором. - Я вижу, что вы сомневаетесь. Вы думаете, я сошел с ума. Ох... Но разве не говорили то же самое об Иисусе римляне? Знайте, что когда-то я тоже был неуверен, как вы, так же сомневался. Но потом ко мне пришел Савонарола. Он показал мне истину! И глаза мои открылись. И теперь я стою перед вами в надежде, что сумею открыть ваши! - Проповедник вдохнул воздух. - Поймите, что мы стоим на краю пропасти. С одной стороны великолепное Царство Божие. С другой - бездны отчаянья! Вы же колеблетесь на краю. Люди вроде Медичи и других благородных семей, которых вы называли хозяевами, стремились лишь к накоплению земных благ. Они променяли веру на плотские наслаждения, и они хотели, чтобы вы поступили так же, - он сделал эффектную паузу и продолжил. - Наш мудрый пророк однажды сказал: «Единственное, чем мы обязаны Платону и Аристотелю, то, что они дали нам множество аргументов, которые мы можем использовать против еретиков. Но оба философа сейчас горят в аду!» Если вам дороги ваши бессмертные души, вы сойдете с сего нечестивого пути и примите учение нашего пророка, Саванаролы. Лишь когда ваши тела и души очистятся, - откроется вам слава Господня! Вы станете теми, кем и создавал вас Господь: преданными и послушными слугами Его.

Но толпа уже редели, теряя интерес, и, наконец, с площади ушли последние люди. Эцио двинулся вперед, обратившись к обманутому проповеднику.

- Я чувствую, что ты сам веришь в свои слова.

Проповедник рассмеялся.

- Не всем из нас нужно принуждение. Я действительно верю. Все, то он говорит - истина!

- Ничто не истинно, - отозвался Эцио. - Я делаю это с тяжелым сердцем.

Щелкнул клинок на запястье, и Эцио вогнал его в проповедника. «Покойся с миром», - прошептал он. Отвернувшись от убитого, он низко натянул капюшон.

Это был долгий, трудный путь, но Савонарола невольно стал союзником ассасина, потому что финансовая власть Флоренции ослабла. Монах ненавидел торговлю и накопление денег, - две вещи, сделавшие город великим. Судный День так и не настал. Францисканский монах предложил установить истинность учения Саванаролы испытанием огнем. Савонарола отказался, и его авторитет пошатнулся. В начале мая 1497 года молодежь устроила по городу шествие в знак протеста. Протест перерос в бунт. После этого вновь стали открываться таверны, люди вернулись к песням и танцам, к азартным играм и проституции - от души радуясь этому. Открылись предприятия и банки, медленно, но верно в город потянулись беглецы - городские кварталы были освобождены от влияния монаха. Это случилось не в одночасье, но, в конце года, практически через день после бунта, падение Саванаролы, упорно продолжавшего цепляться за власть, стало казаться неизбежным.

- Ты справился, Эцио, - сказала ему Паола, ждавшая Эцио вместе с Ла Вольпе и Макиавелли перед воротами комплекса Сан-Марко, стоя в огромной, неконтролируемой толпе, пришедшей из освобожденных районов.

- Благодарю. Но что тут происходит?

- Смотри, - кивнул Макиавелли.

С грохотом распахнулась дверь у них над головами, и на балкон вышла худая фигура, закутанная во все черное. Монах сердито посмотрел на собравшихся внизу.

- Тихо! - приказал он. - Я требую тишины!

Испытывая благоговейный трепет, толпа замолчала.

- Почему вы здесь? - потребовал ответа Савонарола. - Почему беспокоите меня? Вы должны очищать свои дома!

Но толпа лишь неодобрительно взревела.

- От чего? - Крикнул кто-то. - Ты уже все забрал у нас!

- Я не хотел вмешиваться! - Ответил ему Савонарола. - Но теперь вы сделаете так, как прикажу вам я. Вы покоритесь мне.

Он извлек из мантии Яблоко и высоко поднял. Эцио увидел, что на руке его не хватало пальца. Яблоко начало светиться, толпа, задыхаясь, отступила. Но Макиавелли сохранил спокойствие, предупреждая крикнул своим, и, не колеблясь, бросил кинжал, вонзившийся в предплечье монаха. С воплем боли и ярости, Савонарола выронил Яблоко, упавшее с балкона в толпу внизу.

- Нееет! - Закричал он.

Внезапно он словно уменьшился, его поведение стало казаться жалким и постыдным. Для толпы этого оказалось достаточно. Они собрались и штурмом взяли ворота Сан-Марко.

- Быстрее, Эцио, - произнес Ла Вольпе. - Найди Яблоко. Оно где-то здесь.

Эцио увидел его, катящееся под ногами толпы. Эцио нырнул в толпу, пропихиваясь в ней, и, наконец, оказался совсем рядом с Яблоком. Он быстро сунул его в поясной кошель для сохранности. Теперь ворота Сан Марко были распахнуты, вероятно, кто-то из братии обладал доблестью и решил спасти церковь и монастырь, а так же свою шкуру, смирившись с неизбежным. Среди них было немало тех, кому деспотизм монаха стоял поперек горла. Толпа хлынула через ворота, и, несколько минут спустя, появилась вновь, таща Савонаролу, отбивающегося и кричащего.

- Отнесите его к дворцу Синьории! - скомандовал Макиавелли. - Там будет суд!

- Идиоты! Богохульники! - кричал Савонарола. - Бог свидетель - это святотатство! Как вы смеее обращаться с Его пророком подобным образом? - его вопли частично заглушили крики толпы, но он отчаянно цеплялся за свою ярость и страх - монах знал, что это его последняя возможность остаться в живых.

- Еретики!! Вы все сгорите за это в аду! Слышите? Вы сгорите!

Эцио и остальные ассасины пошли следом за толпой, уносящей Монаха прочь, который со смесью мольбы и угрозы кричал:

- Меч Господа обрушится на землю быстро и внезапно. Отпустите меня, ибо только я могу спасти вас от Его гнева. Дети мои, прислушайтесь, пока не стало слишком поздно! Есть только один путь к спасению - оставить путь материального накопления. Если вы не склонитесь передо мной, вся Флоренция познает гнев Господа - и город падет, как Содом и Гоморра, ибо знает Он величину вашего предательства! Помогите мне, Господи! Меня предали десять тысяч Иуд!

Эцио шел достаточно близко, чтобы услышать, как один из жителей говорит монаху:

- Мы сыты по горло твоей ложью! С тех пор как ты явился сюда, от тебя ничего не слышно ничего, кроме призывов к нищете и ненависти.

- Бог может и в твоей голове, монах, - поддержал другой. - Но вовсе не в сердце.

Они добрались до площади Синьории, и толпа, собравшаяся там, торжествующе завопила.

- Мы достаточно пострадали! Пришла пора освободиться!

- Скоро свет жизни вернется в наш город!

- Мы должны наказать предателя! Он - настоящий еретик! Он переиначил слово Божье под себя! - закричала женщина.

- Наконец-то, мы сбросим ярмо религиозной тирании, - воскликнул другой. - Саванарола будет наказан!

- Истина осветила нас, и страх отступил! - вскричал третий. - Твои слова больше не действуют на нас, монах!

- Ты утверждал, что ты Его пророк, но слова твои были темны и жестоки! Ты называл нас марионетками Дьявола, думаю, это тебя он дергает за ниточки!

Эцио и его друзьям больше не требовалось подзадоривать толпу - пришедшая в движение машина делала всю работу за них. Правители города, спасающие собственные шкуры и пытающиеся снова взять власть в свои руки, высыпали из Синьории, чтобы поддержать народ. На площади установили помост и сложили кипу хвороста и дров, вокруг трех столбов. Саванаролу и двух его самых ярых приверженцев уволокли в Синьорию для короткого и жестокого суда. Как он не оказывал милосердия, так и не было оно оказано ему. Вскоре их вывели в кандалах, подвели к столбам и привязали.

- Господи Боже мой, сжался надо мной, - начал молить Саванарола. - Обереги меня от объятий зла! Окруженный грехом, взываю я о спасении!

- Ты хотел сжечь меня, - издевался кто-то, - теперь костры сложены!

Палачи кинули в хворост вокруг столбов факелы. Эцио смотрел, вспоминая своих родных, которые встретили свой конец на этом же самом месте много лет назад.

- Несчастный я, - молился Саванарола голосом, наполненным болью. Пламя начало подниматься, - покинутый всеми, оскорбивший небо и землю. Куда мне идти? К кому обратиться? Где найти избавление? Кто проявит милосердие ко мне? Не смею поднять глаз к небу, ибо против неба я тяжко согрешил. На земле не найти мне прибежища, ибо на земле я был предметом соблазна.

Эцио приблизился к помосту так близко, как мог. «Несмотря на все беды, что он принес мне, никто, даже он, не заслуживает такой смерти», - подумал он. Он вытащил из сумки заряженный пистолет и прицепил его к механизму на запястье. В этот момент Саванарола заметил его и посмотрел со смесью страха и надежды.

- Это ты, - сказал он, стараясь перекрыть рев пламени, но, по сути, между ними образовалась незримая связь. - Я знал, что этот день придет. Брат, прошу, окажи милосердие, в коем я отказал тебе, оставив на милость псов и волков.

Эцио поднял руку.

- Прощайте, святой отец, - пробормотал он и выстрелил. В столпотворении вокруг костров его жест и грохот от пистолета остались незамеченными. Голова Саванаролы упала на грудь.

- Ступай с миром. Бог да будет тебе Судьей, - тихо сказал Эцио. - Покойся с миром.

Он перевел взгляд на двух приспешников Саванаролы - Доменико и Сильвестро, но они уже были мертвы, их горящие внутренности вывалились в шипящее пламя. Тяжелый запах горелой плоти ударил в ноздри. Толпа начала успокаиваться. Вскоре не осталось иных звуков, кроме треска пламени, завершающего свое дело.

Эцио отошел от костров. Недалеко от себя он увидел Макиавелли, Паолу и Ла Вольпе, внимательно наблюдавших за ним. Макиавелли перехватил его взгляд и одобрительно кивнул. Эцио знал, что должен сделать. Он поднялся на помост с другой стороны от костров, и все взоры обратились к нему.

- Жители Флоренции! - громко объявил он. - Двадцать два года назад я стоял на этом самом месте и смотрел, как погибают мои родные. Их предали те, кого я считал друзьями. Месть затмила мой разум. Она бы поглотила меня, если бы не мудрость тех, кто научил меня управлять своими инстинктами. Они никогда не давали мне ответов, но помогли мне учиться. - Эцио увидел, что к его друзьям-ассасинам присоединился дядя Марио, улыбнулся и приветственно поднял руку. - Друзья мои, - продолжал он, - нам не нужны хозяева. Ни Саванарола, ни Пацци, ни даже Медичи. Мы вольны выбирать свой собственный путь. - Он сделал паузу. - Есть те, кто попытается отнять у вас эту свободу, и многие из вас - увы, - с радостью предоставят им эту возможность. Но именно

способность выбирать то, что для нас истинно, и делает нас людьми. Ни одна книга, ни один учителя не дадут нам ответов, не откроют путь. Выберите свою дорогу! Не идите за мной, и ни за кем еще!

Мысленно улыбаясь, он заметил, как встревожились члены Синьории. Возможно, человечество никогда не изменится, но ничего страшного в том, чтобы немного подтолкнуть его, нет. Он спрыгнул с помоста, накиннул на голову капюшон, прошел по площади, свернул на улицу, идущую вдоль северной стены Синьории, по которой уже ходил дважды в прошлом, и скрылся из виду.

Так для Эцио начались долгие тяжелые поиски его собственной жизни, которая должна была неизбежно закончиться последним противостоянием. С помощью Макиавелли он организовал ассасинов Ордена во Флоренции и Венеции, развернувших поиски по всему итальянскому полуострову. Они объездили страну вдоль и поперек с копиями карты Джироламо в поисках оставшихся страниц великого Кодекса. Они обошли все провинции - Пьемонт, Трент, Лигурию, Умбрию, Венето, Фриули, Ломбардию, Эмилию-Романью, Марке, Тоскану, Лацио, Абруццо, Молизе, Апулию, Кампанию, Базиликату, и даже опасную Калабрию. Они потратили, пожалуй, слишком много времени на Капри, пересекли Тирренское море к землям пиратов - Сардинии и бандитской Сицилии. Они посещали дворы королей и герцогов, они сражались с тамплиерами, которые встречались им на пути. И, в конце концов, они победили.

Они собрались в Монтериджони. Поиски заняли пять лет. Александр VI, Родриго Борджиа, постаревший, но по-прежнему сильный, все еще оставался Папой. Силы тамплиеров хоть и уменьшились, но все так же представляли серьезную угрозу.

Предстояло сделать еще очень многое.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Ранним августовским утром 1503 года дядя Эцио пригласил его присоединиться к команде ассасинов, собравшихся в кабинете Марио в его замке в Монтериджони. Эцио к тому времени было сорок четыре года, на висках у него появились седые пряди, но борода все еще оставалась темно-каштановой.

Помимо Паолы, Макиавелли и Ла Вольпе в кабинете были Теодора, Антонио и Бартоломео.

- Время пришло, Эцио, - торжественно произнес Марио. - Яблоко находится у нас, как и все страницы Кодекса. Нужно закончить то, что ты и мой брат, твой отец, начали много лет назад. Возможно, мы наконец-то поймем смысл пророчества, написанного в Кодексе, и, наконец-то, преодолеем несокрушимую силу тамплиеров.

- Тогда, дядя, нам нужно будет отыскать Сокровищницу. Собранные тобой страницы Кодекса должны привести нас к ней.

Марио отодвинул книжный шкаф, открывая стену, на которой, - теперь уже полностью, - висели страницы Кодекса. Рядом на пьедестале лежало Яблоко.

- Страницы как-то связаны друг с другом, - сказал Марио, когда все ассасины собрались перед стеной. - Кажется, тут изображены карта мира, но мира куда большего, чем тот, что известен нам, с континентами на востоке и западе, которые нам неизвестны. Тем не менее, я убежден, что они действительно существуют.

- Есть кое-что еще, - добавил Макиавелли. - Вот здесь, в левом углу, есть схема посоха, который может быть только посохом Папы. А справа явно изображение Яблока. В центре страниц - десяток точек складывающихся в узор, значение которого пока еще является загадкой.

Пока он говорил, Яблоко само собой начало светиться и, наконец, вспыхнуло, освещая страницы Кодекса и, казалось, охватывая их целиком. Потом свет вернулся в прежнее приглушенное состояние.

- Почему это случилось именно сейчас? - спросил Эцио, желая, чтобы Леонардо тоже был здесь, чтобы все объяснить или хотя бы сделать какой-то вывод. Он постарался вспомнить, что именно говорил его друг об особых свойствах этого необычного устройства. Хотя, Эцио точно не знал, что же представляет собой Яблоко - казалось, оно было больше живым существом, нежели механизмом. Но инстинкты говорили ему доверять своим ощущениям.

- Очередная неразгаданная загадка, - проговорил Ла Вольпе.

- Как может эта карта быть настоящей? - Удивилась Паола. - Неоткрытые континенты!..

- Возможно, эти континенты просто ждут своего открытия, - предположил Эцио, испытывая благоговейный страх.

- Как такое возможно? - Поинтересовалась Теодора.

- Возможно, - ответил Макиавелли, - ответы скрыты в Сокровищнице.

- Мы сможем понять, где она находится? - Спросил как всегда практичный Марио.

- Посмотрим, - отозвался Эцио, рассматривая Кодекс. - Если соединить эти точки линиями... - Он так и сделал. - Они сошлись! В одном месте. - Он отступил. - Нет! Этого не может быть! Сокровищница! Похоже, что Сокровищница в Риме! - он оглядел собравшихся, и все они прочитали его следующую мысль.

- Это объясняет, почему Родриго так стремился стать Папой, - кивнул Марио. - Одиннадцать лет он управляет Святым Престолом, но у него так и не хватило возможностей, чтобы открыть его темную тайну. Хотя он точно знает, где надо искать.

- Ну, конечно! - воскликнул Макиавелли. - В некотором смысле им можно даже восхищаться. Он не только сумел отыскать Сокровищницу, но и, став Папой, получил контроль над Посохом!

- Посохом? - удивилась Теодора.

- В Кодексе упоминаются две «Частицы Эдема», - проговорил Марио, - обе они являются ключами, иначе и быть не может. Первый - он перевез взгляд, - Яблоко.

- А второй - Папский Крест! - поняв все, вскричал Эцио. - Папский посох - вторая «Частица Эдема»!

- Именно, - подтвердил Макиавелли.

- Боже мой, ты прав! - Рывкнул Марио, лицо его внезапно стало серьезным. - Годами, нет, десятками лет, мы искали эти ответы.

- И теперь они у нас есть, - добавила Паола.

- И, возможно, у Испанца тоже, - вставил Антонио. - Мы не знаем, существуют ли копии Кодекса. Возможно, даже имея на руках неполный Кодекс, ему хватило информации для...

- Он оборвал себя. - И если это так, если он найдет вход в Сокровищницу... - и закончил почти шепотом: - её содержимое может оказаться таким, что по сравнению с ним Яблоко – просто детская игрушка.

- Два ключа, - напомнил Марио. - Чтобы открыть Сокровищницу нужны два ключа.

- Мы не можем так рисковать, - настойчиво сказал Эцио. - Я должен сейчас же ехать в Рим и найти Сокровищницу! - Никто его не поддержал. Эцио переводил взгляд с одного лица на другое. - Что же вы?

Бартоломео, до сих пор хранивший молчание, ответил ему, и в голосе у него было меньше блефа, чем обычно.

- Я сделаю то, что умею лучше всего - устрою шумиху в Вечном Городе, чтобы ты смог спокойно пробраться туда.

- Мы тоже поможем, сделаем все, что в наших силах, друг, - кивнул Макиавелли.

- Дай знать, когда будешь готов, племянник, и мы все поддержим тебя, - сказал Марио. - Один за всех и все за одного!

- Спасибо, друзья, - проговорил Эцио. - Знаю, вы всегда были рядом, когда мне требовалась помощь. Но на этот раз позвольте мне действовать в одиночку - одна рыба может проскользнуть в сеть, которую поставили на мелководье. Тамплиеры будут на чеку. Подготовка шла быстро, и к середине месяца Эцио, вместе с Яблоком, доплыл на лодке по Тибру к пристани возле замка Сант-Анджело в Риме. Он принял все меры предосторожности, но то ли из-за некоего колдовства, то ли из-за проницательности шпионов Борджиа, рыскающих повсюду, его приезд не остался незамеченным. У ворот пристани он столкнулся с отрядом Борджиа. Ему пришлось пробиваться к Проходу Борго, укрепленному коридору в полмили длиной, соединяющему замок с Ватиканом. Зная, что время сейчас против него, и что Борджиа уже известно о его прибытии, Эцио решил, что быстрая, точная атака - единственно возможный вариант. Он, как рысь, вскочил на крытую повозку с бочками, которую тянули волы, перескочил на козлы. Солдаты, открыв рты, смотрели, как ассасин перескакивает с платформы - плащ взметнулся у него за спиной. Мимо просвистел кинжал, и один из офицеров Борджиа упал мертвым с коня, на которого тут же перебрался Эцио. Весь маневр занял не больше времени, чем потребовалось стражникам, чтобы обнажить мечи. Эцио, не оборачиваясь, рванул к Проходу куда быстрее, чем стражники, и они отстали.

Добравшись до места, Эцио увидел, что ворота слишком узки и малы для того, чтобы проехать верхом. Ему пришлось спешиться и пойти дальше пешком, по пути убив точными быстрыми движениями своего клинка двух охранявших ворота стражников. Несмотря на возраст, Эцио продолжал интенсивные тренировки, и сейчас находился на пике своей силы, - на вершине своего Ордена, как глава Ассасинов.

Пройдя черед врата, он оказался в узком дворике, на другой стороне которого находились еще одни врата. Казалось, что они не охраняются. Но стоило Эцио приблизиться к рычагу, открывавшему ворота, со стены раздался крик: «Остановить нарушителя!». Оглянувшись, он увидел, как захлопываются ворота, через которые он вошел. Его загнали в ловушку!

Он с силой налег на рычаг, лучники на стене приготовились стрелять. Эцио едва успел выскочить за врата, как стрелы вонзились туда, где он только что стоял.

Он был в Ватикане. Двигаясь, словно кот, по лабиринту коридоров, прячась в тень при малейшем подозрении стражников, - он не мог позволить себе вступать в открытую

схватку и выдать свое присутствие, - Эцио, наконец, оказался в огромной Сикстинской капелле.

Шедевр Баччо Понтелли, построенный для старого врага Ассасинов Папы Сикста IV и заверченный двадцатью двумя годами ранее, раскинулся вокруг. Множество свечей разгоняли мрак. Эцио смог узнать картины Гирландайо, Боттичелли, Перуджино и Росселли, но огромный свод еще не был оформлен.

Он шагнул в витражное окно, которые собирались чинить, и, балансируя в оконном проеме, оглядел огромный зал. Прямо под ним в золотом облачении вел мессу, читая Евангелие от Святого Иоанна, Александр VI.

- *In principio erat Verbum, et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum. Hoc erat in principio apud Deum. Omnia per ipsum facta sunt, et sine ipso factum est nihil quid factum est.** В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объела его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.

Эцио смотрел, пока служба не закончилась и прихожане не ушли, оставив Папу наедине с кардиналами и священниками. Знал ли Испанец, что Эцио уже здесь? Продумал ли план схватки? Эцио не знал этого, но видел, что ему представилась прекрасная возможность избавить мир от самой угрозы тамплиеров. Приободрив себя, он спрыгнул с оконного проема на пол рядом с Паной и выпрямился прежде, чем Папа или кардиналы успели среагировать или крикнуть. Потом он глубоко вогнал пружинный клинок в полное тело Александра. Папа беззвучно опустился на землю у ног Эцио и замер.

Эцио стоял над ним, тяжело дыша.

- Я думал... Я думал, я выше этого. Выше мести. Но я не смог. Я всего лишь человек. Я слишком долго ждал и слишком много потерял. Ты язва этого мира, которая должна быть вырезана... Покойся с миром, неудачник.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут произошла странная вещь. Ладонь Испанца сжала Посох. Яркий белый свет начал заливать все вокруг, всю огромную капеллу, а после начал кружиться вокруг. Холодные синие глаза Испанца открылись.

- Ни за что, жалкий негодяй, - сказал Испанец.

Сверкнули вспышки света, и священники, кардиналы и те члены конгрегации, которые все еще оставались в капелле, рухнули, крича от боли. Непонятные тонкие полупрозрачные сгустки света, крутившиеся, словно дым, выскользнули из их тел и двинулись к светящемуся Посоху, который крепко сжимал поднявшийся на ноги Папа.

Эцио бросился к нему, но Испанец закричал:

- Не стоит этого делать, ассасин! - И замахнулся на него Посохом.

Раздался странный треск, словно ударила молния, и Эцио пролетел на другую сторону капеллы над стонущими, корчащимися телами священников и обычных людей. Родриго Борджиа стукнул Посохом о пол у алтаря и энергия, похожая на дым, с новой силой потекла в посох - и в Папу - из злополучных тел.

Эцио поднялся и снова набросился на заклятого врага.

- Ты демон! - вскричал Родриго. - Почему ты еще жив?

Потом он опустил взгляд и увидел, что сумка на поясе Эцио, в которой все еще лежало

* В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. - (лат.) прим. пер.

Яблоко, ярко светится.

- Ясно! - проговорил Родриго, глаза его были черны, словно угли. - У тебя Яблоко! Какая удача! Отдай его мне!

- Иди нахрен!

Родриго рассмеялся.

- Как вульгарно! Ты никогда не сдаешься! Как и твой отец. Что ж, возрадуйся, дитя мое, ибо скоро ты встретишься с ним!

Он снова взмахнул Посохом, и навершие епископского посоха попал по шраму на тыльной стороне правой ладони Эцио. Сильная дрожь прошла по венам Эцио, он отступил, но устоял на ногах.

- Отдай его мне, - прорычал, приближаясь, Родриго.

Эцио лихорадочно думал. Он знал, на что способно Яблоко, и теперь стоял перед выбором - рискнуть или умереть.

- Как пожелаешь, - отозвался он.

Эцио вытащил Яблоко из сумки и поднял вверх. Оно вспыхнуло с такой силой, что вся капелла оказалась залита ярким солнечным светом, а когда он рассеялся, Родриго увидел восемь Эцио, стоявших перед ним.

Но он остался невозмутим.

- Оно способно создавать копии! - Проговорил он. - Впечатляет. Трудно сказать, кто из вас настоящий, а кто просто химера, но это было сложно еще и в прежние времена. Если ты думаешь, что этот дешевый фокус спасет тебя, то жестоко ошибаешься!

Родриго замахнулся посохом, и каждый раз, когда он попадал по клону, тот исчезал в облаке дыма. Призрачные Эцио скакали и делали ложные выпады, бросались на обеспокоенно выглядевшего Родриго, но они не могли принести Испанцу никакого вреда, и только отвлекали его. Только удары настоящего Эцио достигали цели, но они не причиняли никакого вреда, такова была сила посоха. К тому же ему никак не удавалось вплотную приблизиться к подлецу-Папе. Но Эцио быстро понял, что бой подрывает силы Родриго. Когда все семь призраков растаяли, отвратительный понтифик устал и запыхался. Безумие придавало сил телу, как и многие другие вещи, но, несмотря на мощь Посоха, Родриго оставался толстым стариком семидесяти двух лет, страдающим от сифилиса. Эцио убрал Яблоко обратно в сумку.

Задышающийся после боя с фантомами, Папа опустил на колени. Эцио, почти настолько же уставший, потому что призраки использовали для существования его энергию, возвышался над ним. Взглянул снизу вверх, Родриго схватился за Посох.

- Ты не отнимешь его у меня! - Сказал он.

- Все кончено, Родриго. Положи Посох и я гарантирую, что ты умрешь быстро и безболезненно.

- Как благородно, - издевательски заметил Родриго. - Мне интересно, как бы ты поступил, окажись на моем месте?

Призвав все свои силы, Папа резко встал на ноги, одновременно с грохотом стукнув Посохом по полу. В полумраке за ними снова застонали люди, и новая волна энергии ударила из Посоха в Эцио, оглушила его словно кувалдой. Он отлетел в сторону.

- Как тебе для начала? - Со злой ухмылкой поинтересовался папа. -

Он подошел к оглушенному Эцио. Тот попытался достать Яблоко, но было слишком поздно. Родриго наступил ему на руку ногой, Яблоко откатилось. Борджиа наклонился и поднял его.

- Наконец-то! - Улыбнулся он. - А теперь я разберусь с тобой!

Он стиснул страшно засветившееся Яблоко. Эцио казалось, что он заморожен, связан по рукам и ногам, потому что не мог пошевелиться. Папа склонился над ним с выражением ярости на лице. Но, увидев, что противник полностью в его власти, он успокоился. Из складок одежды он вытащил короткий меч, и, не сводя глаз с поверженного врага, намеренно ударил его в бок. На лице его смешались жалость и презрение.

Но боль от раны, казалось, ослабила силу Яблока. Эцио лежал ничком, но через дымку боли видел как Родриго, считающий, что он в безопасности, повернулся лицом к фреске Боттичелли «Искушение Христа». Приблизившись к ней, он поднял Посох. Колоссальная энергия вырвалась из фрески, часть которой открылась, и Эцио увидел секретную дверь. Родриго кинув последний торжествующий взгляд на поверженного врага, прошел через нее. Эцио беспомощно наблюдал, как закрываемся за Папой дверь, и, прежде чем потерять сознание, успел запомнить, где расположена дверь.

Он не знал, сколько времени пролежал без сознания, но когда очнулся, свечи почти догорели, а люди и священники исчезли. Он обнаружил, что хотя и лежит в луже собственной крови, кинжал Родриго прошел стороной, не задев внутренних органов. Он неуверенно поднялся, держась за стену, и дышал ровно и глубоко, пока в голове не прояснилось. Полосками ткани, оторванными от рубашки, он перевязал рану. Потом прицепил на левое запястье двойной клинок, а на правое - ядовитый, и направился к фреске Боттичелли.

Он вспомнил, что дверь была скрыта в фигуре справа, где нарисована женщина, несущая в качестве жертвоприношения связку хвороста. Приблизившись, он внимательно осмотрел картину, пока не увидел едва заметный контур двери. Потом он тщательно изучил детали картины справа и слева от женщины. Возле ее ног был ребенок с поднятой правой рукой. На кончиках пальцев ребенка он нашел кнопку, которая и открыла дверь. Эцио проскользнул через нее и не удивился, что она тут же захлопнулась за его спиной. В любом случае он не должен сейчас думать об отступлении.

Он оказался в коридоре, напоминающем катакомбы, но вскоре, когда он прошел вперед, шероховатые стены и земляной пол сменились каменные стены и мраморные полы, которыми гордился бы любой дворец. Стены светились бледным, сверхъестественным светом.

Он ослабел от потери крови, но заставил себя двигаться вперед, очарованный, и испытывал скорее благоговение, чем страх. Но он по-прежнему оставался настороже, потому что помнил, что Родриго прошел этим же путем.

Наконец впереди показался проход в большую комнату. Стены в ней были гладкими словно стекло, и переливались синим. Он уже видел такое, только здесь этот свет был сильнее. В центре комнаты стоял пьедестал, на нем, в специальных фиксаторах, явно для того и предназначенных, стояла Яблоко и Посох.

Дальняя стена комнаты была испещрена сотнями равномерно расположенных отверстий. Перед ней стоял Испанец, отчаянно толкая и пиная стену, и не замечая присутствия Эцио.

- Открывайся, черт бы тебя побрал, открывайся! - яростно и отчаянно кричал он.

Эцио двинулся к нему.

- Все кончено, Родриго, - произнес он. - Прекрати. Это бессмысленно.

Родриго развернулся к нему.

- Больше никаких фокусов, - сказал Эцио, отцепляя свои кинжалы и бросая их на пол. - Никаких артефактов. Никакого оружия. Теперь посмотрим, на что ты способен, старик.

Слабая улыбка появилась на развратном, разбитом лице Родриго.

- Хорошо. Раз ты хочешь поиграть.

Он скинул свою тяжелую мантию, оставшись в рубашке и рейтузах. У него было полное, но плотное мощное тело, по которому пробегали искры - сила, полученная от Посоха. Он кинулся вперед и нанес первый удар - тяжелый апперкот в челюсть заставил Эцио пошатнуться.

- И почему только твой отец не оставил нас в покое? - грустно спросил Родриго, собираясь пнуть Эцио в живот. - Он должен был просто оставаться в стороне. И ты совсем как он. Всех ассасинов нужно было давно прихлопнуть, как mosquitos. Хотел бы я, чтобы этот идиот Альберти повесил тебя вместе с остальными двадцать два года назад.

- Зло несем не мы, а вы, тамплиеры, - Эцио увернулся, выплюнул зубы. - Вы считаете, что люди - простой честный народ, - позволят вам играть с ними, и будут делать все, что вы пожелаете.

- Но мой дорогой друг, - отозвался Родриго, ударив Эцио под ребра, - Так все и есть. Они лишь грязь, которую используют. Так было, и так будет.

- Довольно! – задыхаясь, выдавил Эцио. - Этот бой не имеет смысла. Нас ждет кое-что более важное. Но, сперва, скажи, что находится в Сокровищнице, скрытой за этой стеной? Разве тебе еще недостаточно власти?

Родриго удивился.

- Разве ты не знаешь, что внутри? Неужели великий и могущественный Орден ассасинов ничего не понял?

Его страстный тон остановил Эцио.

- О чем ты?

Глаза Родриго засверкали.

- Там Бог! Бог, живущий в Сокровищнице!

Эцио слишком удивился, так что не сразу нашел что ответить. Он помнил, что имеет дело с опасным безумцем.

- Ты действительно думаешь, что я поверю, будто под Ватиканом живет Бог?

- Это логично, разве нет? Бог, живущий в облаках? Окруженный ангелами и херувимами? Все это красиво, но истина намного интереснее.

- И что Бог делает внизу?

- Ждет освобождения.

Эцио перевел дух.

- Предположим, я поверил. Но что Он сделает, если ты откроешь дверь?

Родриго улыбнулся.

- Мне все равно. Мне нужно не Его одобрение, а Его сила!

- И ты полагаешь, что Он отдаст ее тебе?

- То, что находится за этой стеной, не устоит перед объединенной силой Посоха и Яблока, - Родриго остановился. - Это оружие убьет даже бога

- Господь Бог всеведущ и всемогущ. Ты действительно думаешь, что пара древних реликвий сможет навредить Ему?

Родриго высокомерно ухмыльнулся.

- Ты ничего не знаешь, мальчик. Ты представляешь Бога таким, как он описан в старой книге, заметь, написанной людьми.

- Но ты Папа! Как ты можешь отвергать важнейшую книгу христиан?

Родриго рассмеялся.

- Ты действительно столь наивен? Я стал Папой, чтобы добраться до Сокровищницы. Папство дало мне власть! Думаешь, я верю хоть единому проклятому слову из этой глупой книжонки? В ней только ложь и суеверия! Как и во всех религиозных текстах, написанных за последние десять тысяч лет!

- Люди убили бы тебя за такие слова.

- Возможно. Но они об этом не узнают. - Он помолчал. – Эцио, мы, тамплиеры, знаем человечество, и поэтому презираем его!

Эцио потерял дар речи, но продолжал слушать болтовню Папы.

- Когда я закончу свою работу здесь, - продолжал Родриго, - первым своим приказом я уничтожу Церковь, так что мужчины и женщины будут вынуждены наконец-то взять на себя ответственность за свои поступки, и каждый получит по заслугам! - он блаженно улыбнулся. - Это будет прекрасный новый мир. Мир тамплиеров - царство разума и порядка.

- Как ты смеешь говорить о разуме и порядке, - оборвал его Эцио, - когда вся твоя жизнь посвящена насилию и безнравственности?

- Я знаю, что несовершенно, Эцио, - согласился Папа, - И не отрицаю этого. Но, видишь ли, этот приз дается не за нравственность. Нужно брать то, что можешь получить и держать крепко - любой ценой. В конце концов, - он развел руками, - живем лишь раз.

- Если бы все жили по вашему кодексу, - ужаснулся Эцио, - весь мир погряз бы в безумии.

- Именно! А разве так не было раньше? - Родриго наставил на него палец. - Ты спал на уроках истории? Всего несколько сотен лет назад наши предки жили в грязи, охваченные невежеством и религиозным рвением. Они шарахались от каждой тени, боясь всего.

- Но мы уже давно стали мудрее и сильнее.

Родриго снова засмеялся.

- Что за чудный у тебя сон! Оглянись! Ты живешь в реальном мире. Кровопролитие. Насилие. Расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными. - Он посмотрел на Эцио.

- Равноправия здесь никогда не будет. Мой же мир будет иным. И твой тоже.

- Никогда! Ассасины всегда боролись за благо человечества! Возможно, эта цель недостижима. Что это лишь утопия. Рай на земле. Но с каждым днем, что мы боремся, мы выбираемся из болота.

Родриго вздохнул.

- *Sancta simplicitas!** Прости, но я устал ждать, когда проснется человечество. Я стар, я многое видел, и мне осталось не так много. - Мысль пришла ему в голову, и он зло прокашлял: - Хотя кто знает? Возможно, Сокровищница изменит меня?

Но тут Яблоко начало светиться все ярче и ярче, свет наполнил комнату, ослепляя их. Папа упал на колени. Прикрыв глаза, Эцио увидел, что на стене появилась карта из Кодекса, усеянная отверстиями. Он шагнул вперед и взял Посох.

- Нет! - воскликнул Родриго, его руки тщетно, как когти, хватали воздух. - Ты не можешь! Не можешь! Это моя судьба! Моя! Я пророк!

В этот страшный момент Эцио осознал истину, которую говорили ему другие ассасины, и которую он отверг давным-давно в Венеции. Пророк действительно был здесь, в этой комнате, и вот-вот должен был исполнить предназначение. Он посмотрел на Родриго почти с жалостью.

- Ты никогда не был пророком, - сказал он. - Ты бедная, введенная в заблуждение душа.

Папа откинулся назад, старый, тучный и жалкий. Потом с покорностью в голосе проговорил:

- Цена за ошибку - смерть. Позволь мне сделать это достойно.

Эцио посмотрел на него и покачал головой.

- Нет, старый дурак. Твоя смерть не вернет мне отца. И Федерико. И Петруччо. Никого из тех, кто умер, сражаясь с тобой или против тебя. Хватит с меня убийств. - Он пристально взгляделся в глаза Папы, теперь они казались молочного цвета, в них плескались страх и старость. Они больше не сверкали, буравя противника. - Ничто не истинно, - продолжил Эцио. - Все дозволено. Покойся с миром.

Он отвернулся от Родриго и провел по стене Посохом, нажимая на точки в последовательности, которую показала ему карта.

Стоило ему сделать это, как появились контуры огромной двери.

Которая открылась, едва Эцио прикоснулся к последнему отверстию.

За дверью отказался широкий проход со стеклянными стенами, в которые были вставлены древние скульптуры из камня, мрамора и бронзы. Там были комнаты с саркофагами, на каждом из которых был текст, написанный рунами. Эцио понял, что понимает написанное - это были имена древних богов Рима, но все саркофаги были закрыты.

Пока Эцио шел вперед, он поразился незнакомой архитектуре и декорациям, который, казалось, представляли собой странную смесь стилей - древнего мира, его собственного времени и стиля, которого он не узнал. Его инстинкт подсказал, что этот стиль может

* Святая простота! - (лат) прим.пер.

принадлежать отдаленному будущему. На стенах были вырезаны барельефы, изображающие события древности, которые не только показывали эволюцию Человека, но и Силу, которая двигала им.

Многие фигуры изображали существ, которые показались Эцио людьми, но их одежда была ему незнакома. Он видел и другие вещи, и не знал, были ли они скульптурами, картинами или частью эфира, сквозь который он прошел - лес, упавший в море, обезьяны, яблоки, посохи, мужчины и женщины, саван, меч, пирамиды и колоссы, зиккураты и гиганты, корабли, плывущие под водой, странные блестящие экраны, через которые передавались все знания, вся информация.

Эцио узнал не только Яблоко и Посох, но так же огромный меч, и Плащаницу Христа, которые несли фигуры, похожие на людей, но людьми они не были. Он разглядел изображение Первых Цивилизаций.

Наконец в глубине Сокровищницы он наткнулся на огромный гранитный саркофаг. Едва Эцио подошел к нему, как он начал светиться, приветствуя его. Он дотронулся до массивной крышки, и она поднялась с едва различимым свистом. Яркий свет, будто приклеившийся к его пальцам, скользнул внутрь.

Из каменной гробницы засиял удивительный желтый свет - теплый и мягкий, словно свет солнца. Эцио прикрыл глаза рукой.

Потом из саркофага встала фигура, черты которой Эцио не мог разглядеть, хотя сама фигура была женской. Она посмотрела на Эцио сверкающими огненными глазами и заговорила. Голос ее, на первый взгляд, звучал как птичье пение, которое в конце концов сменилось на его родной язык.

Эцио увидел шлем на голове женщины. На плече у нее сидела сова. Он склонил голову.

- *Приветствую, Пророк,* - сказала богиня. - *Я ждала тебя десятки тысяч лет.*

Эцио не осмелился поднять глаза.

- *Хорошо, что ты пришел,* - продолжало видение. - *Ты принес Яблоко. Позволь посмотреть.*

Смирненно Эцио протянул предмет.

- *Ах.*

Ее рука ласкала воздух над Яблоком, но не прикоснулась к нему. Яблоко горело и пульсировало. Ее глаза сверлили его.

- *Мы должны поговорить.*

Она наклонила голову, как если бы обдумывала что-то, и Эцио показалось, что на ее переливающимся лице он заметил тень улыбки.

- *Кто ты?* - осмелился спросить он.

Она вздохнула.

- *У меня много имен. Когда я умерла, меня звали Минервой. А до этого Мервой и Мерой, и так далее. Смотри!* - она указала на ряд саркофагов, мимо которых прошел Эцио, каждый из которых, стоило ей указать на него, начинал светиться бледным лунным светом. - *Это моя семья. Юнона, которую прежде звали Уни. Юпитер, которого раньше звали Триния.*

Эцио замер.

- *Вы древние боги.*

Раздался звук, будто где-то далеко разбили стекло, а еще такой звук могла издавать падающая звезда, - это был ее смех.

- *Нет, не боги. Мы просто пришли... раньше вас. Когда мы пришли в этот мир, ваш народ пытался объяснить наше существование. Мы ... были более развитыми. Ваш разум не был к этому готов.* - Она помолчала. - *Время не пришло. Может, никогда не придет. Но это не важно.* - Ее голос стал более твердым. - *Хотя ты не сможешь понять нас, но поймешь наше предупреждение.*

Она замолчала. Эцио нарушил тишину.

- *Твои слова не имеют смысла.*

- *Дитя мое, эти слова не для тебя. Они для него.* - Она посмотрела куда-то в темноту Сокровищницы, в темноту, которая не была ограничена стенами и временем.

- *Что?* - спросил испуганный Эцио. - *О чем ты говоришь? Здесь никого нет!*

Минерва наклонилась к нему, совсем близко, и Эцио ощутил материнское тепло, уносящее усталость и боль.

- *Я хочу говорить не с тобой, но через тебя. Ты Пророк.*

Она подняла руки над головой, и потолок Сокровищницы превратился в небесный свод. Сверкающее, нереальное лицо Минервы озарила бесконечная печаль.

- *Ты сыграл свою роль. Ты держишь его здесь. Но, пожалуйста, замолчи. И мы сможем поговорить.* - Она выглядела грустной. - *Слушай!*

Эцио увидел небо и звезды, и услышал их музыку. Он видел, как вращается Земля, будто смотрел на нее из Космоса. Он разглядел континенты и даже пару городов.

- *Когда мы были во плоти а наш дом был цел вы предали нас. Ваших создателей. Что подарили вам жизнь.* - Она замолчала, и, если богиня могла плакать, она бы заплакала. Появилось изображение войны, беспощадные люди с самодельным оружием сражались против своих бывших хозяев.

- *Мы были сильны, но вас было больше. И вы все желали войны.*

Появилось новое изображение Земли, еще ближе, но по-прежнему словно из космоса. Затем Земля отступила, уменьшилась, и Эцио увидел, что это всего лишь одна планета из многих, вращавшихся вокруг большой звезды - Солнца.

- *Мы были так заняты земными делами, что не смотрели на небо. А когда посмотрели...*

Когда Минерва сказала это, Эцио увидел, как вспыхнуло Солнце, пролив невыносимый свет, свет, который обьял Землю.

- *Мы создали для вас Эдем. Но война и смерть между нами превратили Эдем в ад. Мир сгорел дотла. Тогда и должен был прийти всему конец. И мы создали вас по своему образу и подобию. Способными выжить, и вы выжили.*

Эцио смотрел на опустошение, которое принесло Солнце Земле, и как из руин поднялась к небу покрытая пеплом рука. Великие видения пронесли по небу, которым был потолок Сокровищницы, словно гонимые ветром. Там шли люди - сломленные, недолговечные, но храбрые.

- *Нас было мало,* - продолжала Минерва. - *И вас и нас. Потребовались жертвы, усилия, сострадания. И мир возродился. И когда вернулась жизнь, мы сделали все, чтобы эта трагедия не повторилась.*

Эцио посмотрел снова на небо. Горизонт. Храмы и фигуры, вырезанные из камне, библиотеки полные свитков, корабли, города, музыка и танцы - все виды и формы искусства с древних времен и цивилизаций, которых он не знал, но видел в них близких по духу существ.

- *Но сейчас мы умираем,* - сказала Минерва, - *и время работает против нас. Истина превратилась в легенду. Наши цели превратно истолкованы. Но это послание, Эцио, сохранит их для потомков и расскажет о наших потерях.*

Появилось изображение строящегося Храма. И иных Храмов.

Эцио наблюдал за все, словно во сне.

- *Пусть мои слова подарят кому-то надежду. Найди другие Храмы. Их строили те, кому была ненавистна война. Они защищали нас. Спасали от огня. Если тебе удастся найти их, спасти плоды их трудов, тогда и мир будет спасен.*

Эцио снова увидел Землю. Крыша Сокровищницы показала огромный, как Сан-Джиминьяно, город, город будущего, город на острове, город, в котором обрушились башни. Пыль, поднявшаяся от их падения, скрыла улицы внизу. Потом все видения сошлись в единое изображение Солнца.

- *Не медли,* - попросила Минерва - *ибо времени мало. Опасайся креста тамплиеров - многие попытаются встать на твоём пути.*

Эцио поднял глаза. Он увидел сердито пылающее Солнце, словно ожидающее чего-то. Ему показалось, что оно сейчас взорвется, но ему показалось, что в центре взрыва он разглядел Крест тамплиров.

Видение исчезло. Минерва и Эцио остались наедине, и голос богини теперь, казалось, тоже исчезал, удаляясь по бесконечному тоннелю.

- Дело сделано. Сообщение доставлено. Мы все ушли из этого мира. Теперь все зависит от тебя. Больше мы ничего не может сделать.

А потом наступила темнота и тишина, Сокровищница вновь стала обычной темной подземной комнатой, в которой ничего не было.

Эцио пошел назад. Он вышел в маленькую комнату и увидел Родриго, лежащего на скамье, из угла его рта стекала зеленая желчь.

-Я умираю, сказал Родриго. - Я принял яд, я потерпел поражение, и у меня теперь нет смысла, чтобы жить дальше. Но скажи мне, - скажи мне, прежде чем я покину навсегда этот мир гнева и слез - скажи мне, что ты видел в Сокровищнице? Кого ты встретил?

Эцио посмотрел на него.

- Ничего. И никого, - ответил он.

Он прошел обратно через Сикстинскую капеллу, и вышел в солнечный свет, где уже ждали его друзья. Им предстояло создать новый мир.

© перевод – Airing & fenec_fox

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU